

В. М. КУЛАКОВ

ИДЕОЛОГИЯ АГРЕССИИ

В. М. КУЛАКОВ
капитан 1 ранга,
доктор исторических наук

ИДЕОЛОГИЯ АГРЕССИИ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1970

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия американский империализм создал гигантскую военную машину. США опутали большую часть земли сетью военных баз, аэродромов и опорных пунктов и с маниакальным упрямством продолжают бросать миллиарды долларов на безудержную гонку вооружений. Черная тень американского империализма, претендующего на безраздельное владение миром, легла на послевоенные годы. «Американский империализм, — отмечается в Программе КПСС, — прикрываясь фальшивым флагом свободы и демократии, на деле выполняет роль **мирового жандарма**, поддерживая реакционные диктаторские режимы, прогнившие монархии, выступая против демократических, революционных преобразований, развязывая агрессию против народов, борющихся за свою независимость.

Монополистическая буржуазия США — главный оплот международной реакции»¹.

«На данном историческом этапе, — подчеркивает Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, — империализм США является самым агрессивным, самым воинственным и самым хищническим... Он является источником военной угрозы. Он — главная военно-финансовая и политическая опора всех реакционных, фашистско-милитаристских движений и правительств во всем мире.

...Империализм США не отказался от войны как средства решения мировых проблем. Его программа вооружений и военных союзов ведет в направлении все большей ориентации на войну и угрозу ядерной войны как орудия в его отношениях... со слаборазвитыми секто-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат. М., 1967, стр. 31.

рами мира. Политический курс США ориентируется не на оборону страны, а на агрессию»¹.

История внешней и военной политики, политической и военной идеологии американского империализма, особенно после второй мировой войны, неопровержимо подтверждает эту характеристику. Современное лицо его определяют жажда мирового влияния, воинственность, бешеная гонка вооружений, интервенционистские акции в разных частях света, милитаризация экономики и всей жизни страны.

В процессе углубления общего кризиса капитализма непрерывно усиливается роль милитаризма в системе классового господства монополистической буржуазии. В Соединенных Штатах Америки милитаризм разросся до небывалых размеров и представляет собой огромную угрозу для человечества.

«Политика авантюры в сочетании с фактом накопления главными империалистическими державами запасов оружия массового уничтожения, — отметил на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — делает империализм наших дней постоянной угрозой миру во всем мире, угрозой для жизни многих миллионов людей, для существования целых народов. Поэтому борьба против империализма есть в то же время борьба за избавление человечества от угрозы мировой термоядерной войны»².

Выдающиеся успехи стран социализма, бурное развитие рабочего и национально-освободительного движения приближают неизбежный крах власти капитала. В этой обстановке империалистическая буржуазия прибегает к все более жестоким методам насилия во внутренней и внешней политике. Революционной борьбе она пытается противопоставить вооруженную силу, на рабочий класс, борющийся за социализм и мир, направляет армию и полицию, священников и социал-предателей. Все ее действия в наши дни наглядно подтверждают ленинское определение империализма, представляющего в политическом отношении бешеную реакцию по всем линиям,

¹ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 10, стр. 41.

² Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. М., Политиздат, 1969, стр. 10.

неслыханное усиление классового и национального гнета, постоянное стремление к агрессии и войнам.

Империализм и война органически нераздельны. Политика США является ярчайшим свидетельством этой истины. Величественной программе коренного переустройства общества на социалистических началах, осуществляемой международным рабочим классом, империализм противопоставляет замыслы ликвидации прогрессивных изменений, начало которым положено Великой Октябрьской социалистической революцией. Главным средством достижения своих реакционных целей американская буржуазия избрала подготовку и развязывание новой мировой войны.

Неравномерность развития капитализма, усилившаяся двумя мировыми войнами и их последствиями, привела к тому, что экономический, политический и военный центр империализма переместился из Европы за океан. США стали главным оплотом современного милитаризма. Никогда еще в их истории военщина не играла столь большой роли в общественно-политической жизни, в экономике, во внутренней и внешней политике, как в послевоенные годы. Особенно быстро здесь растет влияние так называемого военно-промышленного комплекса, т. е. союза крупнейших монополий с военщиной в государственном аппарате. Этот зловещий союз оказывает растущее влияние на политику многих империалистических государств, делает ее еще более реакционной и агрессивной.

Важнейшей основой военно-промышленного комплекса являются колоссальные финансовые затраты на гонку вооружений и содержание вооруженных сил. Если с 1789 по 1917 г., т. е. за 128 лет, общие расходы правительства США составили 29,5 млрд. долларов, то в 1967/68 финансовом году только военному ведомству было ассигновано около 80 млрд. долларов. В 1968/69 финансовом году военные издержки США достигли колоссальной суммы — 79,8 млрд. долларов, почти равной расходам последнего года второй мировой войны. А за последние пять лет военные расходы США исчисляются суммой почти в 350 млрд. долларов.

В середине 60-х годов вооруженные силы США насчитывали более 3 750 000 военных и гражданских лиц. Ежегодные затраты министерства обороны равнялись

сумме, превышающей общие государственные бюджеты Англии, Франции, Западной Германии и Италии, вместе взятые¹.

Политика агрессии и войны, рост военных расходов и правительственных заказов промышленности сопровождаются увеличением роли государства в экономике США и, как прямое следствие этого, экономической роли военщины. Поскольку военные заказы получают все больший вес в экономике, ее направленность и темпы развития в решающей степени определяются спросом на продукцию со стороны военных министерств. Это обстоятельство обуславливает общность интересов военщины, финансовых и промышленных магнатов. Как отмечал прогрессивный американский социолог Райт Миллс, «основная тенденция развития, обнаружившаяся в XX в., состоит в том, что по мере концентрации экономики и ее организационного объединения в крупные иерархии военное ведомство разрасталось и стало играть решающую роль в определении всей структуры современной экономики». Последняя все более милитаризуется, и отношения между крупными корпорациями и государством «покоятся на совпадении интересов ведомства и корпораций, определяемых военной знатью и богачами из мира корпораций»².

С ростом американского милитаризма усиливается его политическое и идеологическое влияние. Совпадение интересов монополий, распоряжающихся основными средствами производства, и военной клики, контролирующей постоянно умножающиеся средства насилия, позволяет им овладеть важнейшими позициями в государстве. Военщина становится носительницей идеологии, оправдывающей политическую линию правительства. Правящей группировкой США, олицетворяющей собой сочетание экономического, военного и политического могущества, «ссылка на наличие в ее среде военных и идеология военщины используются... как главные доказательства правомерности своего существования»³.

¹ American Defense Policy. U. S. Air Force Academy. Baltimore, 1965, p. 167.

² Р. Миллс. Властвующая элита. Перев. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1953, стр. 295, 379.

³ Там же.

Таким образом, в едином механизме, объединяющем силы американских монополий и государства, огромная роль принадлежит реакционнейшему союзу финансовой олигархии с военщиной. Заправилы монополий в блоке с руководителями армии и флота распоряжаются экономическими, финансовыми и людскими ресурсами страны, мобилизуя их в милитаристских целях.

В этой обстановке все большее развитие получает милитаристская идеология как важнейшее орудие в подготовке и ведении преступных войн. Военно-идеологические и военно-стратегические проблемы разрабатываются в США множеством университетов и институтов, различных организаций и группировок, исследовательских объединений.

Американская военщина ведет в стране и за ее пределами активную пропаганду милитаристских идей, агрессивной внешней и военной политики. Реакционные интересы монополий всецело обслуживает гигантская пропагандистская машина. В информационном агентстве США — ЮСИА числилось в 1969 г. 215 центров в 103 странах мира, издавалось более 140 газет и журналов на десятках языков, велась радиопропаганда на 38 языках через 102 мощные радиостанции «Голоса Америки». По заявлению административного директора отдела информации Белого дома, военные и гражданские официальные представители военного ведомства произносят и пишут речей и статей по вопросам внешней политики в несколько раз больше, чем чиновники госдепартамента.

Реакционная верхушка американских вооруженных сил, тесно взаимодействуя с воротилами крупнейших корпораций, воспринимает идеологию и политические цели монополистического капитала как свои собственные, и всегда готова отстаивать их в ущерб коренным интересам народа. Союз монополий и военщины является основной движущей силой милитаризации экономики, постоянного наращивания вооружений всех видов, особенно ядерного оружия и других средств массового поражения и уничтожения. Созданная с его помощью агрессивная военная машина представляет реальную угрозу миру.

Однако было бы ошибочным рассматривать рост и усиление милитаризма США вне связи с наступившим

периодом заката империализма. Militarизм является детищем монополистического капитала, главным политическим орудием империализма. Militarизм и рожденную им идеологию нельзя поэтому оценивать в отрыве от углубляющегося общего кризиса капитализма, без учета характера современной исторической эпохи и соотношения мировых сил, постоянно изменяющегося в пользу социализма, без учета оборонной мощи социалистических стран.

Влияние общего кризиса капитализма на militarизм наглядно обнаруживается в американской военной идеологии. Наблюдая за тем, как разложение последнего эксплуататорского строя отражается в идейных взглядах монополистической буржуазии на войну, на формы ее оправдания и способы ведения, мы становимся свидетелями ряда поворотов, коллизий и других кризисных явлений в идеологической сфере. При этом невольно напрашивается аналогия с возникающими под действием стихийных сил потрясениями в природе, которые невозможно предотвратить. И, разумеется, не только в идеологическом, но и в политическом и военно-теоретическом отношении весьма важно рассмотреть и проанализировать процессы, происходящие в современной военной идеологии империализма.

* * *

Ленин учил, что без исследования вопроса о том, «как главные классы современного общества подготовляли, выращивали, создавали в течение десятилетий свое теперешнее отношение к войне *такой-то* политикой, коренящейся в *таких-то* классовых интересах... нечего и толковать о марксистском отношении к войне...», что «только такое исследование может служить базой для изучения *идеологии* разных классов в отношении к войне»¹.

Идеология монополистической буржуазии не является исключением. В ней воплощаются идеи военного подавления рабочего класса, трудящихся внутри страны²,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 278.

² По этому поводу имеется достаточно определенное свидетельство американского бригадного генерала Герберта Холдриджа. Он писал Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций,

а также подход буржуазии к способам решения военных задач. Поэтому империалистическая военная идеология представляет собой совокупность политических и военных идей, взглядов и принципов, в которых выражено отношение монополистической буржуазии к войне и способам ее ведения.

В содержание военной идеологии входят как социально-политические, так и военно-технические, или собственно военные идеи. Первые связаны с обоснованием необходимости достижения тех или иных социальных и политических целей военными средствами; вторые относятся к способам решения военных задач, характеру военного строительства, методам подготовки вооруженных сил. Своим социально-политическим содержанием военная идеология призвана обеспечить мобилизацию духовных ресурсов народа, морально-политическую подготовку войны. Военно-технические идеи рассчитаны на достижение единства взглядов политического и военного руководства на формы вооруженной борьбы. В прямой зависимости от этого находятся и способы мобилизации материальных возможностей государства для ведения войны.

Наряду с созданием военной машины, необходимой для подавления классового сопротивления внутри страны и осуществления внешних военно-политических акций, вырабатывается и соответствующий комплекс идей, оправдывающих империалистические войны. Они используются для обмана масс, мобилизации их на войну, для «обоснования» бешеной гонки вооружений. Признавая это, профессор Чикагского университета К. Райт в двухтомном «Исследовании войны» писал: «Война в современной цивилизации основывается на тщательно разрабатываемом идеологическом построении, которое поддер-

что финансовые владыки США «контролируют лидеров наших вооруженных сил, которые изменили народу, чтобы стать платными ландскнехтами и коллаборационистами финансовой диктатуры... Ныне вся наша военная организация, которая стоит миллиарды долларов в год и которая разоряет страну, существует для той же широкой цели — защиты власти денег во всем мире. Наши военные лидеры настолько ослеплены философией финансовой диктатуры, что они с такой же готовностью повернут свое оружие против восставших граждан Соединенных Штатов, как и против иностранных государств» («Новое время», 1950, № 33).

живается посредством воспитания на системах речи, правил, символов и идеалов... Война в современную эпоху вытекает не из обстановки, а из крайне искусственного истолкования обстановки»¹. Аналогичные мысли высказывал и американский социолог Л. Бернارد: «Современные войны, ведущиеся с согласия общественного мнения, должны иметь общественные или общественно-полезные цели». Если же они «не имеют таких целей, то целям господствующей личности или класса должна быть придана видимость общественно-полезных целей»².

Агрессивная активность американского милитаризма на идеологическом фронте проявляется почти полностью по приведенной этими авторами схеме. Антикommунизм, социал-дарвинизм, неомальтузианство, расизм, шовинизм, космополитизм, геополитика и прочие «теории», используемые империалистами при оценке современной международной обстановки и обосновании «общественно-полезных» целей войны, составляют ее идеологическую подоплеку.

В послевоенный период милитаризация охватывает все формы общественного сознания. Усиливается внимание к военно-идеологическим проблемам, проповеди культа вооруженного насилия, псевдонаучному оправданию в глазах масс войны, военных приготовлений и крайне агрессивной политики.

Военная идеология империализма США питается наиболее реакционными и агрессивными идеями антикоммунизма, ликвидации мировой социалистической системы, реставрации капитализма во всем мире и установления мировой гегемонии американской финансовой олигархии. Для достижения этих целей реакционные военные идеологи настойчиво требуют использовать вооруженное насилие в его самых кровопролитных, разрушительных формах. Расчеты агрессивных кругов США найти выход из общего кризиса капитализма путем уничтожения государств социалистической системы, политика «с позиции силы» представляют собой политическую основу военной идеологии американского империализма, таящей в себе огромную потенциальную опасность империалистических

¹ Q. Wright A Study of War. Chicago, 1944, Vol. 11, pp. 12, 91.

² L. Bernard. War and its Causes. New York, 1946, p. 27.

войн, разрушительные последствия которых не идут ни в какое сравнение со всеми войнами прошлого.

Империалистическая военная идеология отражает интересы обреченного класса. Ее цели и задачи находятся в прямом противоречии с историческим прогрессом, с объективными законами общественного развития. Буржуазия, надеющаяся сохранить свое господство на вечные времена, заинтересована в теоретическом отрицании исторической закономерности поступательного движения общества от капитализма к социализму и коммунизму. Объективные законы развития общества идеологи империализма подменяют нарочито запутанными, бессмысленными лженаучными схемами, с помощью которых пытаются скрыть подлинный характер социально-экономических основ общественных отношений и связей, замаскировать классовые интересы господствующей буржуазии.

Для обработки широких народных масс в духе военной идеологии империализма правящие круги и монополии США используют огромную пропагандистскую машину. «Образцом для подражания» в этом отношении они берут немецко-фашистский опыт. Гитлеровцы видели задачу милитаристской пропаганды в том, чтобы «популярно изобразить военный дух и способствовать военно-политическому образу мысли, спланировав таким образом нацию в единое общество, в котором господствует военная идеология»¹. Цели, преследуемые американской пропагандой, — такие же. Но вносить агрессивные военные идеи в сознание народа США становится все более сложно.

Вследствие подрыва экономических и политических устоев власти монополистической буржуазии, вызванного усилением общего кризиса капитализма, оказались поколебленными идеологические и моральные основы ее господства. В военной идеологии отражаются кризис и банкротство общей идеологии империализма.

Однако, как подчеркивал В. И. Ленин, империализм есть умирающий, но не умерший капитализм. Он не только тормозит социальный прогресс, но и постоянно угрожает миру и безопасности народов. Пока существует

¹ «Handbuch der neuzeitlichen Wehrwissenschaften». Vol. I, S. 707, 710. Berlin, 1936.

империализм, сохраняются и экономические основы для возникновения захватнических войн. «Империализм, общий кризис которого углубляется, продолжает угнетать многие народы и остается источником постоянной угрозы делу мира и социального прогресса»¹.

«...Мы не можем не учитывать, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 года, — что империализм наших дней все еще располагает мощным, высокоорганизованным производственным механизмом. Мы не можем не учитывать, что современный империализм использует и те возможности, которые дает ему все большее сращивание монополий с государственным аппаратом...

Стремясь ответить на вызов социализма, укрепить свои позиции, империалисты объединяют свои усилия в международном масштабе, прибегают к различным формам экономической интеграции. При поддержке и участии со стороны буржуазных правительств создаются международные объединения монополий. Активизируют свою деятельность империалистические военно-политические союзы»². «Острые агрессивной стратегии империализма, — указывается в Документе, принятом на Московском Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., — как и раньше, направлено прежде всего против социалистических государств. Империализм не отказывается от прямой вооруженной борьбы против социализма. Он непрерывно усиливает гонку вооружений, пытается активизировать военные блоки, созданные в целях агрессии против Советского Союза и других социалистических стран, обостряет против них идеологическую борьбу, старается затормозить их экономическое развитие»³.

«Для защиты социалистических завоеваний нужна и сила, притом сила немалая. Вот почему КПСС, как и другие братские партии, постоянно заботится о неуклон-

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий. М., Политиздат, 1969, стр. 3.

² Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 5, 6.

³ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 5.

ном росте оборонной мощи социалистических государств, об их тесном сотрудничестве в области обороны»¹.

* * *

Предлагаемая работа представляет собой попытку проследить развитие американского империализма после второй мировой войны, показать, какое влияние на милитаризм США и его идеологию оказывает процесс углубления общего кризиса капитализма, раскрыть безнадежность усилий апологетов последнего эксплуататорского строя отстоять и защитить его перед неумолимым ходом исторического прогресса.

Автор, безусловно, не претендует на исчерпывающее освещение рассматриваемой темы.

¹ Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 14.

Глава первая

МОНОПОЛИИ И МИЛИТАРИЗМ

В. И. Ленин, раскрывая сущность милитаризма, писал в 1908 г.: «Современный милитаризм есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях... и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата...»¹ При этом он ссылался на резолюцию Штутгартского международного социалистического конгресса (август 1907 г.), в которой подчеркивалось, что милитаризм является «главным орудием классового господства буржуазии и политического подчинения рабочего класса»².

Ленинское определение милитаризма является ключом к пониманию реакционной сущности и агрессивного характера империалистической военной идеологии, дает возможность раскрыть социально-экономические и политические предпосылки неслыханного роста современного милитаризма, в том числе милитаризма США.

1. МИЛИТАРИЗМ — ГЛАВНОЕ ОРУДИЕ КЛАССОВОГО ГОСПОДСТВА МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ США

Империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX в., указывал В. И. Ленин, «по экономическим его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолубием, наибольшим и повсеместным развитием военщины»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 187.

² Там же, стр. 188.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

При империализме, на почве его коренных экономических свойств и закономерностей — усиленной концентрации и экспорта капитала, погони за наивысшими прибылями, конкуренции и анархии производства, возрастающей неравномерности экономического и политического развития, — резко обостряются противоречия между антагонистическими классами и государствами, усиливается классовая борьба, соперничество между странами таит постоянную угрозу войн.

Общим и основным законом империалистической стадии развития капитализма, отмечал В. И. Ленин, является порождение монополий концентрацией производства¹. Из этого закона вытекают два важнейших следствия, обуславливающих функции милитаризма — внешнюю и внутреннюю.

Во внешней функции милитаризма проявляется безудержное стремление монополий устранить конкурентов как с внутреннего, так и с мирового рынков, безраздельно обладать источниками сырья и сферами приложения капитала. Монополизм в экономике неизбежно порождает стремление к монополизму во внутренней и внешней политике, к неограниченной экспансии. Борьба за мировое господство становится стержнем империалистической политики, а основным орудием этой борьбы — военная сила. Одной из главных задач милитаризма является также подавление национально-освободительных движений народов колониальных и зависимых стран.

Внутренняя функция милитаризма выражается в постоянном укреплении монополистической буржуазией вооруженных сил для подавления экономических и политических выступлений пролетариата своих стран.

Притязания монополий на мировое владычество, их стремление сохранить свое классовое господство неизбежно ведут к глубоко реакционной перестройке всей буржуазной военной организации. Сущность этой перестройки заключается, во-первых, в вооружении буржуазии против пролетариата, что, по определению В. И. Ленина, представляет собой «один из самых крупных, основных, важнейших фактов современного капиталистического общества»², и, во-вторых, в приспособ-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 153.

собрании буржуазных армий и экономики для захватнических войн. Глубокое изменение социально-политического характера войн в эпоху империализма привело к созданию армий милитаристского типа, всегда готовых к завоеваниям вовне и к жестокому подавлению народных движений внутри своих стран¹.

В эпоху домонополистического капитализма, достигшего высшего развития в 70-х годах XIX столетия, в США не было большого военно-бюрократического аппарата. В. И. Ленин объяснял это коренными экономическими свойствами домонополистического капитализма, которые в «Америке проявились особенно типично»².

В последней четверти XIX столетия концентрация капитала достигла в США высокой степени, монополии начали играть решающую роль в хозяйственной жизни страны. Нещадная эксплуатация трудящихся, благоприятные общественно-исторические, географические и природные условия способствовали быстрому развитию американской экономики. К концу XIX в. США превращаются в крупнейшую в мире индустриальную страну и занимают первое место по выпуску промышленной продукции. В конце XIX—начале XX в. процесс концентрации промышленности и слияния банковского капитала с промышленным происходит особенно интенсивно. Растущие монополии завоевывают командные позиции в экономике и оказывают решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. Опираясь на мощную промышленную и сырьевую базу, американский финансовый капитал становится на путь ярко выраженной империалистической экспансии.

Период перехода к империализму характеризуется резким обострением противоречий между капиталистическими странами. Вследствие усиливающейся неравномерности развития капитализма в число сильнейших государств мира выдвигаются США, Германия и Япония, промышленное развитие которых идет быстрее, чем Англии и Франции. Между империалистическими странами разворачивается борьба за колонии, рынки сбыта, источники сырья, они вступают на путь бешеной гонки вооружений. Все это, вместе взятое, ведет к войнам; крупней-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 21, стр. 354.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

шие буржуазные государства с усиленным, вследствие империалистического соревнования, военным аппаратом превратились, по определению В. И. Ленина, в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром¹.

Со времени испано-американской войны — первой войны эпохи империализма — США превращаются в типичную империалистическую державу. Американская государственная система перестраивается в интересах монополий. Быстро развивается и укрепляется военно-бюрократический аппарат. В 1901—1908 гг., когда президентом США был Теодор Рузвельт, известный приверженностью к политике «большой дубинки», усиливается роль военщины в стране, централизуется руководство вооруженными силами. По принятому конгрессом 14 февраля 1903 г. закону создается генеральный штаб армии.

Не случайно американский военный историк У. Гэйно называет период 1881—1916 гг. эпохой «армейского ренессанса». В тот период неуклонно растут армия, милиционные формирования штатов и особенно военно-морской флот. Уже в 1906 г. американский флот занял второе (после британского) место в мире. США активно участвуют в гонке вооружений, предшествовавшей первой мировой войне, строят крупный линейный флот, а после начала войны резко наращивают количество оружия и боевой техники. В 1915 г. президент Вильсон требует увеличить постоянную армию, а в 1916 г. — создать «величайший в мире военно-морской флот». Согласно принятому в июле 1916 г. закону о национальной обороне была увеличена армия мирного времени, ликвидирована милиционная система, принята программа военно-морского строительства. Все это привело к резкому возрастанию роли военщины в политической жизни страны. Военщина, как наиболее надежное орудие власти монополистического капитала, становится важнейшей составной частью американской государственной системы. Говоря о создании в США (и Англии) в 1914—1917 гг. «государственной машины», доведенной до «общемпериалистского совершенства», В. И. Ленин отмечал в 1917 г.: «И Англия и Америка, крупнейшие и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 119.

последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих»¹.

Таким образом, процесс создания централизованной милитаристской машины как главного аппарата буржуазного государства США был завершен в годы первой мировой войны. В этом нашла свое конкретное выражение монополия империалистической буржуазии на военную силу. Эта монополия, вытекающая из стремления распространить свое господство в экономике и политике на весь мир, предполагает наличие постоянных вооруженных сил, готовых выступить как против рабочего движения своей страны, так и против национально-освободительного движения народов колоний и зависимых стран.

В области военной политики монополия на военную силу выражается в стремлении создать вооруженные силы, превосходящие военную мощь вероятных противников. На эти силы и опираются империалистические государства, проводящие политику агрессии и войн.

Но поскольку достигнуть подавляющего превосходства в вооруженных силах за счет собственных людских и материальных ресурсов весьма трудно или вообще невозможно, империалистические государства, стремящиеся к мировому господству, вынуждены привлекать ресурсы союзников, используя для этого коалиции, разного рода агрессивные милитаристские блоки, а также колонии и зависимые страны.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что важнейшими принципами, на основе которых создается, функционирует и развивается милитаризм, являются:

- вооружение буржуазии против рабочего класса и народов колониальных и зависимых стран;
- превращение военщины в главный аппарат буржуазной государственной машины;
- сохранение монополии империалистической буржуазии на военную силу;
- создание самых мощных в мире вооруженных сил, готовых к агрессивным военным акциям;

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 38.

— использование в захватнических войнах людских и материальных ресурсов чужих стран.

Эти принципы, вытекающие из социально-экономической природы монополистического капитала и его реакционной и агрессивной политики, отражают свойственные империализму отношения господства и подчинения и связанного с ними насилия. Бросается в глаза ярко выраженный классовый характер этих принципов, определяющий контрреволюционную и захватническую сущность милитаризма. В своей совокупности они составляют типично империалистическую классовую основу роста и усиления милитаризма и полностью определяют реакционное содержание и агрессивный характер военной идеологии империализма.

Как не является нерушимым и вечным господство монополистической буржуазии, точно так же не остаются постоянными социально-экономические основы и политические средства сохранения этого господства. По мере углубления общего кризиса капитализма происходят коренные изменения в соотношении мировых национальных и классовых сил, в основных принципах милитаризма. Действенность одних принципов ослабляется, другие в корне подрываются, третьи укрепляются и усиливаются. Милитаризм развивается противоречиво. В целом же он неуклонно уступает позиции противостоящим и противодействующим ему антиимпериалистическим силам.

Американский империализм создал военную организацию милитаристского типа, следуя указанным выше принципам. На этих же принципах основываются его военная политика и военная идеология.

Уже в начальный период развития империализма монополистический капитал США проявляет стремление к неограниченной экспансии, которая должна осуществляться сильнейшей военной машиной. В это время в США под влиянием политической реакции, возникшей в результате замены свободной конкуренции в экономике финансовой олигархией, буржуазная общественная мысль вырабатывает основы идеологии империализма. Экономической базой этой идеологии явилась концентрация капитала в руках монополий. В период от испано-американской до первой мировой войны, как отмечал американский профессор Г. Фолкнер, произошла кон-

центрация колоссальной экономической мощи Америки в руках немногих капиталистов. Американский историк В. Вильямс пишет, что в 1890-е годы происходит закат эпохи свободного предпринимательства, что в США «появляется идеология новой корпоративной системы, основанной на корпорациях и подобных крупных и высокоорганизованных группах американского общества»¹. Хозяева крупнейших финансовых и промышленных корпораций Джон Астор, Томас Райан, Вильям Рокфеллер, Стайвесант Фиш, представители дома Моргана и другие были в числе инициаторов испано-американской войны. Лидеры образованной в 1895 г. Национальной ассоциации промышленников ратовали за внешнюю экспансию с целью захвата рынков, подчеркивая при этом ее роль в предотвращении беспокойств и волнений среди рабочих и в получении прибылей².

Политические и военные деятели открыто призывали к захватническим войнам. «Война, — писал контр-адмирал Люс, — является предопределением бога, стимулирует творческую деятельность народа, она есть величайшее средство человеческого прогресса»³. Тогдашний помощник морского министра, а впоследствии президент США Теодор Рузвельт говорил: «Все великие расы были воинственными расами. Никакой триумф мира не является столь великим, как высший триумф войны»⁴. Воинственные лозунги экспансионистов зазвучали с трибуны американского конгресса. Позорным пятном на историю США легли расистские проповеди сенатора Альберта Бивериджа, опьяненного легкой победой в испано-американской войне. «Мы не упустим наши возможности на Востоке, — говорил он в сенате США. — Мы не откажемся от своего участия в миссии нашей расы, стоящей под богом, — попечителей мировой цивилизации... Бог готовил говорящие по-английски и тевтонские народы в течение тысячи лет не для пустого, праздного самозерцания и самолюбования. Нет! Он создал нас госпо-

¹ В. Э. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. Перев. с англ. Изд. ИМО, 1960, стр. 29.

² См. там же, стр. 33, 36.

³ «The North American Review», 1891, CZIII, pp. 272. 280.

⁴ T. Roosevelt. Washington's Forgotten Maxims. «United States Naval Institute Proceedings», 1897, XXIII, pp. 448, 450.

дами — организаторами вселенной для установления порядка в мире, где царит хаос»¹.

Явное совпадение образа мыслей американского сенатора и Гитлера вполне естественно. И того и другого роднят общие расистские «идеалы», один и тот же «бог» — монополистический капитал, который, как отмечается в Программе КПСС, «порождает идеологию фашизма — идеологию крайнего шовинизма и расизма»².

Пути внешней экспансии американского империализма в те годы пролегли преимущественно через моря и океаны. США стали активным участником морского соперничества капиталистических государств, вступивших в борьбу за передел мира. Поэтому только мощный, постоянно готовый к действиям военно-морской флот мог явиться наиболее подходящей политической силой, способной удовлетворить агрессивные аппетиты США и послужить орудием захвата колоний, насаждения удобных монополиям режимов в странах Латинской Америки и других районах мира, куда устремлялись американские капиталы. Этим была обусловлена особенность американского милитаризма — его внешняя функция вплоть до второй мировой войны обеспечивалась главным образом военно-морской силой, в то время как функция внутренняя выполнялась сравнительно небольшой сухопутной армией.

За кулисами морских вооружений США стояли крупнейшие финансовые тузы, заправили стальной и военной промышленности Морган, Додж, Уинтроп, Дюпон, Астор, Уитни, Шваб и другие³. Поэтому не случайно, что в области военного строительства того периода идеология «новой корпоративной системы», т. е. монополистического капитала, была выражена военно-морской доктриной США, в основе которой лежала теория «решающей роли морской силы в истории». Ее автор — крупнейший военный идеолог американского империализма контр-адмирал А. Т. Мэхэн — считал, что важнейшей предпосылкой

¹ News of the Nation. A Newspaper History of the United States, Sylvan Hoffman, Editor. New York, 1943 (1898 to 1901, p. 2, September, 14, 1901).

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 53.

³ Congressional Record, 64th Congress, 1st Session. December 15, 1915, pp. 272, 293 (G. T. Davis, A Navy Second to None, p. 147).

Для завоевания мирового владычества является безраздельная власть на море. «Господство на море, — писал он, — осуществляемое посредством морской торговли и военно-морского превосходства, означает господствующее положение в мире»¹.

Накануне первой мировой войны Мэхэн выступил в журналах и газетах со статьями, в которых изложил свою концепцию оправдания империалистических войн. Сконцентрированный монополистический капитал, обладающий значительным превосходством в силе над неорганизованными, свободно конкурирующими капиталами, он считал наиболее прочной экономической основой государства. «Сила сконцентрированного капитала, — писал Мэхэн, — является столь же реальной и материальной, как и сила организованной армии, и она имеет то же преимущество над множеством неорганизованных конкурентов, какое имеет армия над толпой». Эта сила оперирует тем эффективнее, чем обширнее пространство или зона, охватываемые концентрацией капитала. Значит, насильственное расширение территории, «пределов национального контроля в целях способствования национальным выгодам или национальному самоуважению, является естественным следствием защиты», «законным и необходимым» для достижения национальных интересов.

Расширение границ одного государства не может, однако, не затрагивать жизненных интересов других стран. Поэтому «естественно» возникает потребность в таком государстве, которое могло бы навязывать свою волю другим и выступать в качестве всесильного арбитра. Какой же фактор является важнейшим при решении вопроса — «кому из нескольких конкурентов быть администратором?». «Просто сила», — отвечал Мэхэн. И не только военная сила организованных армий и флотов, продолжал он, но и «сила позиции» (т. е. географическое положение), которой то или иное государство надделено вследствие естественных или же каких-либо других обстоятельств и благодаря которой оно обладает «определенным приоритетом вмешательства»². Подобной, непри-

¹ А. Т. М а h а n. The Interest of the United States in Sea Power. Boston, 1897, pp. 52, 127.

² А. Т. М а h а n. Armaments and Arbitration or the Place of Force in International Relations. New York, 1912, pp. 106, 114.

крыто захватнической «логике» рассуждений Мэхэна соответствовал и сделанный им вывод: «Агрессия, в ее первостепенном значении движения вперед, является неизбежной. Те, кто не будут двигаться, должны быть уничтожены»¹.

Нетрудно увидеть, что такая концепция представляет собой не что иное, как буржуазную теорию насилия, положенную в основу идеологии войны и агрессии империализма. Не случайно поэтому, что даже американская историография относит Мэхэна к числу наиболее воинствующих идеологов империализма.

Таким образом, в американской военной идеологии внешняя функция милитаризма была определена достаточно откровенно, в полном соответствии с интересами монополий. Из господства финансовой олигархии неизбежно вытекает использование военных средств не столько для защиты страны от нападения извне, сколько для захвата чужих источников сырья, рынков сбыта, сфер приложения капитала, для обеспечения колоссальных прибылей монополий. В этом и проявляется тот совершенно особый отпечаток, который, как отмечал Ленин, империализм накладывает на современную войну, превращая ее в войну несправедливую, реакционную, в грабительскую авантюру, предпринимаемую в интересах горстки финансовых магнатов.

Не менее откровенно формулировали Мэхэн и другие идеологи империализма внутреннюю функцию милитаризма. Войну и гонку вооружений они рассматривали как один из наиболее эффективных способов борьбы против социализма. Мэхэн проповедовал, что война есть «истинное противоядие» против социализма, и активно выступал перед первой мировой войной за усиление вооружений. Прекращение гонки вооружений, по его мнению, могло привести к «социалистическому сообществу государств, в котором силы индивидуальной инициативы, государств и людей и величайшие достижения цивилизации» исчезнут, а народы будут деморализованы «потоком социалистических мероприятий»².

¹ А. Т. Махан. *Armaments and Arbitration*., p. 117.

² А. Т. Махан. *The Interest of the United States in Sea Power, Present and Future*, p. 122; *Armaments and Arbitration*, p. 13; W. E. Livesey. *Mahan On Sea Power*, University of Oklahoma Press, 1947, pp. 264, 265.

В то время когда Мэхэн писал эти строки, научный социализм уже стал знаменем революционного движения рабочего класса, но социалистических государств в мире еще не было. В военной идеологии империализма, американского в том числе, тогда преобладала проповедь расизма и шовинизма, социал-дарвинизма и мальтузианства. Однако уже в то время буржуазные военные теоретики увидели в социализме принципиального врага гонки вооружений, империалистической агрессии и войн. Это означает, что в арсенале американской военной мысли реакционные идеи антикоммунизма появились задолго до рождения первого в мире социалистического государства.

В начале XX в. и в годы перед первой мировой войной идеологи США оправдывали гонку вооружений псевдомиролюбивой фразеологией. Имелся в виду такой «мир», господствующее положение в котором принадлежало бы американскому империализму. Предполагалось на первых порах с помощью сильнейшего в мире военно-морского флота в союзе с Великобританией заставить капитулировать империалистических соперников США, а затем «установить равенство возможностей, братство и мир на земле»¹. На основе материалов конгресса США и документов президента Т. Рузвельта американский историк Д. Дэвис сделал вывод, что именно таким образом «поборники военно-морской экспансии использовали мирную философию. Всеобщий мир, утверждали они, невозможен до тех пор, пока миролюбивые нации не достигнут монополии силы»². Руководящие политические деятели США были полны решимости построить военно-морской флот, «превосходящий флот любой великой военной державы мира»³.

Принцип создания мощной вооруженной силы, постоянно готовой к агрессивным акциям, находящейся в руках монополий, получил свое воплощение в формуле: «Военно-морской флот первый в мире». Этот принцип стал сердцевинной военной доктрины США, а ее центральной политической идеей явилось насильственное

¹ G. Davis. A Navy Second to None, p. 147.

² Congressional Record, 60th Congress, 1st Session, 4609, April 11, 1909; Congressional Record, 63rd Congress, 2nd Session, 7147—7151, April 23, 1914; Roosevelt—Taft Conversation, June 30, 1910.

³ House Report № 73 64th Congress, 1st Session. 1—2, May 25, 1916.

установление мирового господства американского империализма.

Перед второй мировой войной США последовательно проводили в жизнь эту доктрину. Президент США Франклин Рузвельт придерживался активной военно-морской политики. Еще в бытность помощником министра военно-морского флота США (март 1913 г. — август 1920 г.) он ратовал за то, что Соединенные Штаты «должны иметь крупнейший военно-морской флот в мире, больший, чем флот Великобритании»¹.

В годы второй мировой войны число военных кораблей США росло исключительно быстрыми темпами. Историк военно-морской политики Брайант отмечал, что уже летом 1942 г. флот Атлантического и Тихого океанов рассматривался американским правительством как недостаточный: «Соединенные Штаты намеревались строить флот, способный захватить контроль над любым из океанов мира»². В 1944 г. правительство объявило, что США создали самые большие в мире военно-морские силы. В октябре 1945 г. палата представителей конгресса США единогласно проголосовала за строительство военно-морского флота, большего, чем флоты всех остальных государств, вместе взятых³.

После второй мировой войны американская военная доктрина, наряду с принципом сохранения сильнейшего в мире военно-морского флота, выдвигает идею строительства самых мощных в мире военно-воздушных сил.

Еще в середине 20-х годов американский генерал-майор У. Митчелл (1879—1936 гг.) выступил с теорией воздушной войны, аналогичной известной теории итальянца Джулио Дуэ. Митчелл отводил авиации роль главного средства ведения боевых действий. Для быстрой победы в войне он считал необходимым и достаточным полное уничтожение с помощью авиации экономики противника, в том числе заводов и фабрик, средств сообщения, источников и запасов продовольственных товаров, топлива, а также населенных пунктов⁴. Война, по

¹ Congressional Record, 66th Congress, 3rd Session, 3088, February 21, 1921.

² S. Bryant. The Sea and the States, New York, 1947, p. 484.

³ «United States Naval Institute Proceedings», April 1946.

⁴ См. W. Mitchell. Winged Defence. New York, 1925, pp. 126—127.

мнению Митчелла, требовала призыва лишь незначительного количества людей, управляющих самолетами¹. Армия противника, утверждал он, утрачивает роль главного объекта нападения. Действительными объектами для воздушной атаки являются жизненные центры враждебного государства. Война может быть выиграна лишь при наличии «превосходящей воздушной силы». Авиация, по мысли Митчелла, должна применяться преимущественно как наступательное оружие и может быть эффективной лишь в том случае, если ее операции ведутся «в масштабах всего земного шара»². Сухопутные войска используются в минимальных количествах. Теория Митчелла отрицала военно-технические принципы традиционной военной политики США, ориентировавшейся в то время преимущественно на военно-морской флот. Поэтому она была решительно отвергнута военным и политическим руководством США.

Однако после окончания второй мировой войны, в результате быстрого развития авиации и появления атомной бомбы, а главное — в связи с возросшей агрессивностью американского империализма основные положения теории Митчелла были включены в военную доктрину США.

В 1947 г. при президенте США создается специальная комиссия «по вопросам авиационной политики». В ее докладе содержался вывод о необходимости для США «быть готовыми к войне для обеспечения даже относительной безопасности» и поддерживать в готовности в мирное время вооруженную силу «большую, чем любой самоуправляющийся народ когда-либо поддерживал»³.

Отмечая, что США уже достигли превосходства на морях, комиссия высказалась за «новую стратегическую концепцию», в которой «ядром является воздушная мощь», и за поддержание «адекватного военно-морского флота и наземных войск»⁴. Впоследствии эта концепция нашла свое выражение в так называемой стратегии «массированного ответного удара».

¹ См. W. Mitchell. *Winged Defence*, p. 19.

² E. M. Earle. *Makers of Modern Strategy*. Princeton, 1944, pp. 429, 450.

³ Report of the President's Air Policy Commission. July 18, 1947, Washington, 1947, pp. 8, 9.

⁴ Там же, стр. 13, 14.

Мощные сухопутные войска для достижения своих агрессивных целей американские империалисты надеются получить за счет стран, входящих в послушные им военные блоки. Эти страны обязаны в случае войны предоставить США людские и материальные ресурсы, территорию, воздушное пространство и акваторию. Бывший министр обороны США Макэлрой характеризовал «доктрину коллективной безопасности» как американскую «стратегическую концепцию спасения». Он говорил, что она «требует сил наших союзников во всем мире», которые «имеют людские ресурсы», но испытывают «недостаток в вооружениях». Поэтому США оказывают союзникам военную помощь, снабжают оружием, обучают пользоваться им¹. В докладе сенатской комиссии по иностранным делам за 1959 г. отмечалось, что для США «союзники важны ввиду того вклада, который они могут внести в дело обеспечения наших (т. е. американских. — В. К.) интересов и безопасности»².

О том, на какой примерно вклад союзников рассчитывали американские милитаристы, красноречиво свидетельствуют данные, приведенные в программе республиканской партии США. В 1960 г. объединенные вооруженные силы США и других участников военных блоков имели 5,8 млн. личного состава (более 80 процентов из них поставлены союзниками США), из 72 тыс. самолетов союзникам принадлежало 40 процентов, из 4200 боевых кораблей — 60 процентов. На территории «дружественных государств» США содержали 250 крупных военных баз³.

Специфической чертой американского милитаризма является высокая техническая оснащенность войск, опирающаяся на развитую промышленность, современную науку и технику. В строительстве вооруженных сил США постоянно преобладает стремление к достижению и обеспечению любой ценой военно-технического превосходства над своими противниками и союзниками.

¹ «Army Information Digest», August, 1959.

² Washington Center of Foreign Policy Research, John Hopkins University. Developments in Military Technology and their Impact on United States Strategy and Foreign Policy, Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 86th Congress, 1st December, 1959.

³ Decisions for a Better America. By the Republican Committee on Programm and Progress, New York, 1960, p. 171.

Американский империализм направляет все больше сил и средств, материальных и духовных ресурсов на укрепление милитаризма. Для этого «он создал небывалую военную машину, которая поглощает колоссальные людские и материальные ресурсы...»¹. В милитаризме финансовая олигархия США видит залог сохранения своего господства, распространения его на весь мир.

В послевоенные годы прямые связи военно-промышленных корпораций с военщиной все более расширяются. Особенно полно черты этого «военно-промышленного альянса», его военно-идеологической активности проявляются в деятельности таких реакционных организаций, как «Ассоциация армии США», «Военно-морская лига», «Ассоциация военно-воздушных сил»². Эти организации состоят из кадровых и отставных офицеров, генералов и адмиралов, представителей военно-промышленных монополий, политических деятелей. Все они, как свидетельствует американский публицист Джек Рэймонд, «бесстыдно сражаются на стороне военщины»³: пропагандируют в печати и по радио соответствующие виды вооруженных сил, воздействуют в нужном им направлении на общественное мнение страны, создают мифы о «возможных угрозах национальной безопасности», требуют увеличения ассигнований на гонку вооружений. Поскольку главным источником их финансирования являются поставщики вооружений, «эти ассоциации представляют влиятельные военно-промышленные клики»⁴.

Чтобы заполучить подряды на особо выгодные военные поставки, корпорации идут на подкуп влиятельных членов конгресса, устанавливают прямые и косвенные связи с представителями правительства, тесные контакты с ответственными чиновниками Пентагона. Для этого широко привлекаются офицеры, генералы и адмиралы, ушедшие в отставку и получившие высокие посты в военно-промышленных компаниях. Так, по данным комиссии палаты представителей конгресса США, в 1959—1960 гг. более 1400 отставных офицеров в чине майора и выше, в том числе 261 генерал, находились на службе в 72 ве-

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 17.

² J. Raymond. Power at the Pentagon. New York, Evanston, London, p. 192.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 192, 193.

душих военно-промышленных корпорациях, поставляющих оружие Пентагону¹.

Монополии, стремясь к увеличению прибылей, оказывают все усиливающееся влияние на военную политику, военное строительство, на характер и содержание военной доктрины. Как отмечает американский военный историк Р. Гинсбург, «промышленные компании в поисках прибылей в последние годы стали играть возрастающую и все более значительную роль в разработке стратегии»². Это обстоятельство он объясняет, во-первых, ростом военной организации, в связи с чем министерство обороны превратилось в военный рынок для множества компаний, производящих вооружение; во-вторых, значительно усилившейся в настоящее время зависимостью министерства обороны от поставок частной промышленности, тогда как в прошлом большую часть вооружений производили правительственные арсеналы; в-третьих, стремлением компаний оказывать соответствующее давление на военные ведомства с целью получения постоянных военных заказов, обеспечивающих стабильность производства³.

Монополии воздействуют на военную политику и идеологию, военное строительство и стратегическое планирование и через множество университетов и институтов, субсидируемых крупными финансовыми и промышленными корпорациями. Большая активность многих научно-исследовательских и учебных заведений на военно-идеологическом фронте не случайна. Идейная защита и теоретическая поддержка милитаризма — их прямая обязанность, поскольку они финансируются, а следовательно, контролируются и управляются основными монополистическими группировками. Так, руководство Гарвардским университетом осуществляется домом Морганов; крупнейшие денежные пожертвования университету делает компания Стандарт Ойл (Рокфеллер, Харкнесс, Уитни). Йельский университет контролируется объединенным руководством Морганов и Рокфеллеров;

¹ См. Фрэд Кук. Государство войны. Перев. с англ. М., Воениздат, 1960, стр. 34; «Милитаризм. Разоружение». Справочник. М., Госполитиздат, 1963, стр. 70.

² R. N. Ginsburg. U. S. Military Strategy in the Sixties. New York, 1965, p. 53.

³ См. там же.

Чикагский и Корнелльский университеты — Рокфеллерами. Колумбийским и Принстонским университетами руководит «Нейшнл сити бэнк». Университет Джона Гопкинса находится под преобладающим влиянием Моргана. Последний контролирует также Пенсильванский университет¹. Прямые связи этих и многих других высших учебных заведений и колледжей с министерством обороны и непосредственно с видами вооруженных сил значительно расширились за последние годы.

С 1950 г., в связи с резко усилившейся тенденцией монополизации науки, научно-исследовательские работы во все возрастающей степени финансируются либо непосредственно правительством США, либо крупнейшими промышленными компаниями. Теперь большая часть денежных средств поступает в университеты от федерального правительства — явление определенно новое для США². Более 80 процентов американских ученых и специалистов заняты исследовательскими работами военного характера³. К этим работам наряду с представителями естественных наук все больше привлекаются социологи, психологи, экономисты, философы и историки. Как типичное для США в последние годы явление американский историк Герберт Аптекер отмечает «объединение фабрик мысли, обслуживающих идеологические потребности большого бизнеса и правительства». Не менее двадцати пяти институтов выполняют роль таких фабрик, ежегодно получая от правительства заказы на сумму около 500 млн. долларов⁴.

Военщина предъявляет гражданским учебным заведениям повышенные требования в подготовке специалистов: они обязаны выпускать новый тип профессионалов, компетентных в нескольких традиционных отраслях знаний — истории, политике, экономике, психологии, военной науке, физике и инженерном деле. Этот «новый тип» специалиста «должен понимать роль силы в обществе, быть осведомленным в международной политике и быть способным к творческому и аналитическому мышлению»⁵.

¹ F. Lundberg. *America's 60 Families*. New York, 1946, pp. 374, 377.

² «Political Affairs», December, 1965.

³ Там же.

⁴ «Military Review», December, 1965.

⁵ «Military Review», April, 1964.

В 1950—1960 гг. Гарвардский, Принстонский, Чикагский, Пенсильванский университеты, Массачусетский технологический институт и университет Джона Гопкинса открыли специальные институты для исследования военных проблем. В университетах и колледжах функционирует около 300 научно-исследовательских центров, которые участвуют в разработке различных проектов в области общественных наук, субсидируемых федеральным правительством. Многие из этих проектов имеют стратегическое значение»¹.

Длительное время в США подвизаются так называемые «бесприбыльные корпорации». Они исследуют экономические и социально-политические проблемы и готовят соответствующие рекомендации для правительства. Из 350 таких корпораций многие косвенно влияют на военную мысль, другие «непосредственно занимаются стратегическими исследованиями»².

Постоянно соперничающие между собой виды вооруженных сил создали с помощью заинтересованных в военных заказах компаний собственные «неправительственные фабрики мысли». Военно-воздушные силы обслуживает корпорация РЭНД, армию — «Американский институт исследования операций» при университете Джона Гопкинса, флот — «Военно-морская группа оценки операций» при Массачусетском технологическом институте. Министерство обороны и объединенный штаб, столкнувшись с «фабриками мысли» армии, ВВС и ВМФ, вынуждены были обратиться за советами к «Институту оборонных исследований»³, работающему под эгидой Пентагона.

В 1954 г. в армейском военном колледже был введен «курс повышенного типа» для изучения вопросов стратегии, а с 1955 г. начал функционировать «ежегодный стратегический семинар». В программу военной академии в 1957 г. был включен факультативный курс «государственной стратегии». В 1962 г. в Пентагоне создана группа специальных военных исследований. Все эти меры предпринимались для стимулирования «ренессанса» военной мысли⁴.

¹ R. N. Ginsburg. U. S. Military Strategy in the Sixties. New York, 1965, p. 55.

² Там же.

³ Там же, стр. 56.

⁴ «Military Review», April, 1964.

Возникновение и проведение в жизнь агрессивных реакционных идей и устремлений американской финансовой олигархии облегчается тем, что их благожелательно воспринимает руководящая верхушка вооруженных сил. По своей классовой принадлежности генералы и высшие офицеры США близки к некоронованным королям Америки и старательно служат их интересам. Вот что говорит по этому поводу хорошо знающий закулисную жизнь Пентагона вашингтонский обозреватель Тристрам Коффин: «Военная элита не похожа на любой другой американский господствующий блок: в ней доминирует один класс — провинциальная средняя буржуазия, белые, протестанты... выходцы из небольших городов. Эта элита управляет военной организацией»¹.

¹ В своей книге «Милитаризм в современной Америке», вышедшей в Нью-Йорке в 1964 г., Коффин приводит следующие данные: вне США родилось менее 2 процентов военной элиты. В военной академии Вест-Пойнт 65 процентов слушателей могут проследить своих предков на американской земле по меньшей мере до трех поколений. 66 процентов военных руководителей — выходцы из малых городов и сельской местности, в которой преобладает «наиболее элементарная разновидность патриотизма». 46 процентов армейской элиты и 44 процента флотской происходит из южных (расистских) штатов. По общественному положению офицеры военно-морского флота «наиболее претенциозны», а военно-воздушных сил — «наиболее пролетарские». В офицерском корпусе военно-воздушных сил выходцы из рабочих семей составляют 8 процентов, в то время как в офицерском корпусе в целом — 5 процентов. По вероисповеданию представители офицерского корпуса в значительной степени протестанты — 40 процентов в армии, 42 процента в военно-морском флоте, 22 процента в военно-воздушных силах. В последние годы наблюдается относительное возрастание доли католиков. В 1950 г. среди армейских генералов было 89 процентов протестантов и 11 процентов католиков. В составе выпуска Вест-Пойнта 1961 г. было 64 процента протестантов, 29 процентов католиков, 2 процента иудеев. 3 процента исповедовали другие религии и 2 процента — «никакой религии». Военную элиту поставляют академии Вест-Пойнт (военная), Аннаполис (военно-морская) и Колорадо-Спрингс (военно-воздушная). Другие офицеры — «плебеи», как выражается Коффин, — приходят с учебно-тренировочных офицерских курсов из резерва и весьма редко из рядового состава вооруженных сил.

Обращает на себя внимание низкий процент негров в составе офицерского корпуса. В армии, по данным министерства обороны США, в августе 1966 г. офицеры-негры составляли в сухопутных войсках 3,5 процента, в военно-воздушных силах — 1,5 процента, в военно-морском флоте — 0,3 процента («Army», August, 1966). Негров нет среди адмиралов и генералов армии. Только в военно-воздушных силах имеется один негр генерал (Бенджамен О. Дэвис). Предавая

Милитаристская верхушка с особой бдительностью оберегает свои классовые привилегии и так называемое «расовое превосходство» от чуждых ей масс трудящихся. Таким образом создается тщательно отобранная, оторванная от народа военная каста, способная беспрекословно воспринимать и проводить в жизнь реакционнейшие милитаристские идеи. Строжайший отбор военных руководителей представляет собой главное условие для превращения вооруженных сил в послушное орудие империалистического государства, для существования преступного союза монополий и милитаризма.

2. МИЛИТАРИЗМ И ОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

Милитаризм всегда был и остается неотъемлемой чертой империализма. Поэтому уже в самой диалектике его развития содержатся предпосылки неизбежной гибели.

В американском милитаризме под влиянием усиления общего кризиса капитализма происходят значительные изменения. Милитаризм призван отстаивать исторически изживший себя капиталистический строй, некоторые основные свойства которого, как указывал Ленин, «стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»¹.

Основное содержание современной эпохи — революционный переход от капитализма к социализму — определяется ожесточенной борьбой между буржуазией, которая из поднимающегося, передового класса, каким она была в прошлом, стала классом «опускающимся, упадочным, внутренне-мертвым, реакционным»², и рабочим

эти данные гласности, помощник министра обороны США Джек Московитц сообщил и о процентном соотношении белых и негров, призванных в вооруженные силы с июня 1964 г. по июнь 1965 г. в связи с расширением американской агрессии во Вьетнаме. Хотя в составе населения США негров 10 процентов, среди призывников они составляют 16,3 процента. Доля негров в числе сверхсрочников значительно выше, чем белых. На сверхсрочную службу остаются в армии — 49,3 процента негров, 18,5 процента белых; во флоте — соответственно 41,3 и 21,6 процента; в авиации — 50,3 и 27,4 процента.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 385.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 145—146.

классом — подымающимся в широком историческом масштабе, строителем нового общества.

В. И. Ленин отмечал две тенденции, определяющие условия и характер революционной борьбы рабочего класса. «С одной стороны, тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплуатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция *масс*, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистских войн, скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию»¹.

Победа трудящихся масс, т. е. победа социалистической революции, невозможна без уничтожения милитаризма. В борьбе с милитаризмом В. И. Ленин выдвинул лозунг: «...Вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию... Лишь *после* того, как пролетариат обезоружит буржуазию, он может, не изменяя своей всемирно-исторической задаче, выбросить на слом всякое вообще оружие, и пролетариат, несомненно, сделает это, но *только тогда, никоим образом не раньше*»².

Первой победой вооруженного рабочего класса в союзе с крестьянством, победой трудящихся масс над милитаризмом явилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Взрыв милитаризма изнутри, как одно из важнейших условий выполнения рабочим классом его всемирно-исторической освободительной миссии, означал ликвидацию монополии буржуазии на военную силу.

На неизбежность революционного взрыва милитаризма изнутри указывал еще Ф. Энгельс. Он отмечал, что соперничество между отдельными государствами принуждает их, с одной стороны, с каждым годом затрачивать все больше денег на армию, флот и т. д., следовательно, все более приближать финансовую катастрофу; с другой стороны, это соперничество заставляет их все более и более всерьез применять всеобщую воинскую по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 175.

² Там же, стр. 135, 136.

винность и тем самым обучать в конце концов весь народ умению владеть оружием, так что народ становится способным в известный момент осуществить свою волю вопреки командующему военному начальству¹.

При империализме, когда разворачивается вооруженная борьба за передел мира, военное обучение народных масс приобретает широкий размах. Превращение рабочих и крестьян в массовых носителей оружия содержит в себе важнейшую объективную предпосылку ликвидации монополии буржуазии на военную силу, ибо этой силой буржуазия владеет лишь постольку, поскольку ей удастся держать в повиновении армию. В действительности же военная сила находится в руках трудящихся, которые могут использовать ее для свержения власти буржуазии и уничтожения милитаризма в момент, когда возникает революционная ситуация. Развязывая захватнические войны, империалисты тем самым способствуют развитию или созданию революционной ситуации.

Империалистические войны ускоряют не только созревание предпосылок для уничтожения милитаризма, но и процесс подрыва господства буржуазии, происходящий под влиянием экономического развития капиталистических стран. «Империалистская война, — писал В. И. Ленин, — есть канун социалистической революции»². Это положение подтвердилось итогами двух мировых войн. Их опыт показал, что борьба за передел мира в конечном счете приводит к общему ослаблению системы империализма, к объединению пролетарских революций в капиталистических странах с национально-освободительным движением в колониях.

Империалистическая война 1914—1918 гг. и Великая Октябрьская социалистическая революция в России превратили трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран «в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма...»³. «Империалистская война помогла революции, буржуазия вырвала из колоний, из отсталых стран, из заброшенности, солдат для участия в этой империалист-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 175.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 5.

ской войне... Империалистская война втянула зависимые народы в мировую историю»¹.

Революционные социально-политические последствия первой и особенно второй мировых войн со всей очевидностью показали, что эти войны неотвратимо привели к ослаблению системы империализма и усилению мировых позиций социализма. Обрушивая на массы трудящихся тяготы и несчастья разрушительных войн, империалисты тем самым способствуют созданию условий для подрыва и ослабления милитаризма изнутри. Однако из этого нельзя делать вывод, что революция, как закономерное социальное явление, вытекает из войны и обязательно связана с войной. Несправедливая война содействует возникновению и обострению революционной ситуации.

Первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция положили начало общему кризису капитализма. В области военной первый его этап выразился в ликвидации монополии империалистической буржуазии на военную силу, в неспособности объединенных милитаристских сил Запада, действовавших в союзе с внутренней контрреволюцией, нанести поражение первому в мире социалистическому государству. В истории освободительной борьбы народов это событие явилось одной из решающих побед мирового рабочего класса над империализмом и милитаризмом.

Совершив революционный переход от старых, капиталистических производственных отношений к новым, социалистическим, Советское государство и в области международной жизни выступило инициатором принципиально новых, равноправных отношений между государствами и народами. Главным принципом советской внешней политики с октября 1917 г., ее главной целью явилась последовательная борьба за мир и дружбу между народами. Наша идеология признает лишь справедливые, отечественные, освободительные войны, ведущиеся в целях защиты от внешних врагов. С первых дней существования Советское государство было вынуждено мобилизовать все свои ресурсы для разгрома внутренних и внешних контрреволюционных сил. Для этого пришлось создать собственные вооруженные силы, воен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 233, 234.

ную организацию, овладеть современными способами ведения войны. Учитывая угрозу военных нападений со стороны агрессивных капиталистических держав, В. И. Ленин предупреждал: «...господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией»¹.

В результате возникновения социалистической военной организации милитаризм оказался перед совершенно новой для него проблемой военной борьбы с неизвестными ему вооруженными силами социалистического типа. Войны империализма против Советского государства показали, что милитаризм не в состоянии добиться своих целей военным путем. Это объясняется тем, что армиям капиталистических государств впервые пришлось иметь дело с вооруженной силой, которая кровно связана со своим народом и защищает его коренные интересы.

Впервые в истории военное дело перешло в руки народа, военная наука и искусство, вооруженные силы стали использоваться в интересах освобожденных от эксплуатации трудящихся масс. Армиям империалистов Советское государство противопоставило принципиально новую в социальном отношении военную организацию, созданную из качественно нового солдатского и командного состава, тесно связанную с народом, располагающую прочным тылом, опирающуюся на всенародную поддержку и применяемую для защиты мира и прогресса.

Опыт военной борьбы империалистов против Советского государства убедительно показал, что победить Страну Советов, даже имея чисто военное превосходство, невозможно. Тот факт, что социалистическое государство располагает социально-экономическими и морально-политическими преимуществами перед капиталистическими странами и может с успехом использовать эти преимущества в войне против них, оказывается решающим для исхода военного столкновения. Опыт истории показал также, что нападение империалистов на социалистическое государство таит в себе не только воз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 139.

возможность военного разгрома их вооруженных сил, но и угрозу самим социальным устоям капитализма, классовому господству монополистической буржуазии. Военные схватки между капитализмом и социализмом неизменно заканчивались победами социализма. Социально-политические последствия этих побед в конечном счете подрывали систему классового и национального гнета, резко ослабили позиции империализма.

В ходе военных действий против социалистического государства особенно ярко обнаруживается коренное противоречие империалистической войны — между классовыми интересами и целями ведущей ее империалистической буржуазии и интересами народных масс, на которые ложится ее основная тяжесть. Милитаризм оказывается перед трудноразрешимой проблемой ведения безопасной в социальном отношении для капитализма войны против социалистического государства. На первом этапе общего кризиса капитализма эта проблема не была центральной для милитаризма и империалистической военной идеологии, ибо тогда социалистическое государство еще не рассматривалось агрессивными силами как главное препятствие на пути к их мировому господству. Подобная недооценка политическими и идейными лидерами старого мира роли первой страны социализма в мировых событиях объяснялась тем, что они не смогли понять всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции. «Русская революция, — писал американский историк Сидней Ленз, — внесла «новое измерение» в международные дела. Она изменила не только политическое равновесие между государствами, но и сам характер эпохи». Рождение Страны Советов столкнуло государственных деятелей Запада не просто еще с одной проблемой, но с «проблемой иного рода» и поставило перед выбором: «либо воспринять новую стратегию, основанную на изменяющихся социальных отношениях в мире, либо упорно уцепиться за заповеди прошлого, исходя из теории, что большевизм — эпизодическое явление и революции могут быть парализованы силой оружия. Они избрали последний курс»¹.

¹ S. Lenz. The Futile Crusade: Anticommunism as American Gredo. Chicago, 1964, p. 14.

Выход СССР на историческую арену, создание Советских Вооруженных Сил означали подрыв одного из основных принципов милитаризма — монополии на военную силу. Но на первом этапе общего кризиса капитализма милитаристы все еще сохраняли возможность вести войны чужими руками, использовать в своих интересах людские и материальные ресурсы колоний и зависимых стран.

В период между двумя мировыми войнами милитаристская идеология и политика империалистических государств были направлены на подготовку войны как против своих конкурентов и соперников в борьбе за мировое господство, так и против Советского Союза.

Во второй мировой войне наша страна сыграла решающую роль в разгроме государств фашистского блока. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, поражение ряда некогда мощных империалистических хищников привели к ослаблению мировой системы капитализма, еще больше подорвали материальные и духовные основы классового господства буржуазии. Все это явилось важнейшим фактором дальнейшего углубления и обострения общего кризиса капитализма, второй этап которого развернулся в ходе второй мировой войны и последующих социально-политических преобразований в мире. В ряде стран Европы и Азии возникли социалистические государства. Распад колониальной системы подорвал один из важнейших принципов милитаризма — использование чужих людских и материальных ресурсов для ведения захватнических войн.

Еще более значительным ударом по милитаризму явилось коренное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма в связи с образованием и развитием мировой социалистической системы. Растущее экономическое и военное могущество социалистических стран поставило перед империалистическим лагерем проблему создания ощутимого перевеса в военном отношении. Потеря людских и материальных ресурсов бывших колониальных и зависимых стран, придерживающихся ныне нейтральной политики, подорвало важнейший для милитаризма принцип владения сильнейшими в мире вооруженными силами.

В послевоенный период, вплоть до 1949 г., Соединенные Штаты Америки, единолично владевшие в то время атомной бомбой, имели превосходство над Советским Союзом в огневой мощи. Взрывы атомных бомб над японскими городами Хиросимой и Нагасаки в августе 1945 г., приведшие к ничем не оправданной гибели сотен тысяч людей, прозвучали сигналом для резкой активизации агрессивных милитаристских сил США, для осуществления «жесткого курса» по отношению к Советскому Союзу. Буржуазные военные идеологи с нескрываемой радостью провозгласили начало «новой эры» неограниченного господства американского империализма над миром. Военная печать призывала к сохранению «ведущей роли США» в создании атомных бомб, управляемых снарядов, биологических и радиоактивных средств, в разработке методов их использования¹.

Монополия милитаризма на ядерное оружие представляла огромную потенциальную угрозу социальному прогрессу и миру во всем мире. Империалистическая реакция видела в атомном оружии средство, с помощью которого она надеялась остановить победоносное продвижение народов к свободе и независимости, похоронить под радиоактивными развалинами великие идеи общественного прогресса.

Однако надеждам реакции не суждено было осуществиться. Благодаря быстрому развитию производительных сил, достижениям науки и техники в Советском Союзе монополия США на ядерное оружие была в кратчайшие сроки ликвидирована. Появление ядерного вооружения у нашей страны привело к провалу американской политики «с позиции силы», подорвало главную установку военной доктрины США на достижение решающего стратегического эффекта в войне с помощью внезапного массированного применения ядерного оружия. Длительное сохранение монополии на ядерное оружие давало бы американской военщине качественно новую военнотехническую базу, опираясь на которую она рассчитывала возместить утрату монополии империализма на военную силу и обеспечить себе абсолютное превосходство в огневой мощи. Благодаря овладению ядерным,

¹ См. «Army and Navy Journal», December 28, 1946.

а затем и ракетно-ядерным оружием Советский Союз надежно обеспечил безопасность стран социалистического содружества.

На третьем этапе общего кризиса капитализма, специфичного тем, что он начался в условиях мира, социалистическая система начинает превращаться в решающий фактор развития человечества. Советский Союз и другие страны социализма добиваются больших успехов в развитии экономики, науки и техники, культуры и народного образования, неуклонно повышается уровень их военного могущества.

Замечательные успехи Советского Союза в разработке ракетно-ядерного оружия явились не менее важной, чем ликвидация монополии США на атомное оружие, научной и военно-технической победой передового экономического и социально-политического строя над капитализмом. Ее историческое значение заключается в том, что находящееся в распоряжении Советского Союза ракетно-ядерное оружие представляет собой могучее средство обеспечения безопасности социалистического лагеря, укрепления его обороноспособности, мощный фактор обуздания агрессоров.

Таким образом, по мере усиления общего кризиса капитализма, роста сил социализма, прогресса и мира возникают реальные препятствия для выполнения функций милитаризма, для решения его агрессивных военных задач. По содержанию и масштабам эти задачи становятся все более сложными, по сути дела, непосильными для современного милитаризма.

Одним из важнейших фактов современности является неспособность империалистической реакции остановить прогрессирующий распад капитализма, предотвратить с помощью вооруженного насилия образование новых, независимых государств, в том числе социалистических. Иными словами, милитаризм, будучи порождением империализма, главным орудием классового господства буржуазии, оказывается не способным обеспечить ни расширения этого господства, ни его сохранения в странах, где назревает революционная ситуация. Растущий милитаризм, как отмечается в Программе КПСС, относится к числу тех объективных факторов, которые «подмывают и разрушают империализм, ведут к его ослабле-

нию и гибели»¹. Все это является выражением глубокого кризиса милитаризма и его военной идеологии, представляющего собой органическую часть общего кризиса капитализма.

В то время как послевоенное социально-политическое развитие мира привело к социалистическим и национально-освободительным революциям во многих странах, военно-технический прогресс вызвал революционные изменения в военном деле. И то и другое, поскольку военно-техническая революция подняла на новую ступень развитие военного дела не только в капиталистических, но и в социалистических странах, нанесло мощный удар всей системе капитализма, значительно ослабило роль его главного орудия внутренней и внешней политики — милитаризма. Империализм лишился серьезных факторов, дававших ему в определенном историческом периоде возможность создания вооруженных сил, превосходящих военную мощь социализма. Этот факт, будучи одним из важных проявлений общего кризиса капитализма в военно-политической области, является в то же время наиболее существенным элементом кризиса милитаризма, ибо вынуждает империалистов задуматься о перспективах и исходе военной схватки с социалистической системой.

Все это, однако, не означает, что военная сила империалистического лагеря уменьшается в абсолютном значении. Развитие промышленности, науки и техники дает возможность милитаризму, особенно американскому, получать новейшие средства ведения войны, систематически наращивать военную мощь. Ныне США располагают огромной военной машиной, значительно превосходящей вооруженные силы, которые они имели в годы второй мировой войны. Усиливают гонку вооружений, идут по пути милитаризма и другие империалистические государства. «Государственно-монополистический капитализм, — говорится в Программе КПСС, — неслыханно усиливает милитаризм. Империалистические государства содержат и в мирное время огромные вооруженные силы. Военные расходы поглощают все большую часть государственных бюджетов. Империалисти-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 35.

ческие государства превращаются в милитаристские, военно-полицейские государства; милитаризация пронизывает жизнь буржуазного общества»¹.

Важнейший принцип милитаризма, согласно которому военщина представляет собой главный аппарат буржуазного государства, призванный подавлять движение рабочего класса внутри страны и быть орудием внешней экспансии, полностью сохраняется в США. Дальнейший рост милитаризма создает огромную опасность вовлечения человечества в мировую ядерную войну со всеми ее тягчайшими последствиями. «Поэтому, — подчеркнул в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. глава делегации КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — борьба против империализма есть в то же время борьба за избавление человечества от угрозы мировой термоядерной войны»².

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 29.

² Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 10.

Глава вторая

ИДЕОЛОГИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

После второй мировой войны идеология американской монополистической буржуазии складывалась в обстановке нового, второго этапа общего кризиса капитализма, характерного ростом сил социального прогресса, с одной стороны, и активизацией империалистической реакции—с другой. Грозные волны социальных и национально-освободительных революций посеяли страх и смятение в рядах защитников капитализма, которые стремятся обрушить свое бешенство и ненависть на международный рабочий класс и социалистические государства. Именно в это время американский империализм выдвигает идею насильственного установления господства над миром как непосредственную задачу. В декабре 1945 г., когда народы воевавших стран еще не успели опомниться от бедствий только что закончившейся войны, президент США Г. Трумэн в послании о реорганизации вооруженных сил и объединении военного и военно-морского министерств открыто заявил, что победа в войне якобы «поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром», и потребовал «держат в состоянии постоянной готовности достаточные военные силы»¹. Заявление президента было тотчас подхвачено прессой, радио, телевидением и широко распространилось по стране. Это свидетельствовало о возрастании в США влияния наиболее агрессивных кругов, стремившихся навязать свою волю другим странам при помощи экономического и политического давления, угроз и военных провокаций. Политика завоевания мирового господства,

¹ «Правда», 23 декабря 1945 г.

лицемерно прикрываемая фальшивым лозунгом «защиты свободного мира от угрозы коммунистической агрессии», была рассчитана прежде всего на уничтожение социалистических государств. Она стала официальным курсом США и полностью определила содержание и направленность их военной идеологии в послевоенное время. Черное знамя антикоммунизма, выбитое из рук германских фашистов в результате второй мировой войны, было поднято американской реакцией.

1. АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ — ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР РЕАКЦИИ И АГРЕССИИ

Резкое усиление агрессивности американского империализма неразрывно связано с необычайным ростом монополистического капитала. В годы второй мировой войны монополии США оказались в исключительно благоприятных конъюнктурных условиях. Соединенные Штаты Америки вступили в войну позднее других держав, поэтому в ходе ее имели возможность развернуть значительные вооруженные силы и хорошо налаженную военную промышленность. В то же время основные соперники США на мировом рынке оказались неконкурентоспособными. Ни один из городов или промышленных районов США не был разрушен, как это случилось в большинстве воевавших стран. Война явилась для США мощным стимулом к развитию производства и обновлению основного капитала в промышленности. За время войны и в первые послевоенные годы выпуск продукции в США почти удвоился по сравнению с 1937 г. К 1949 г. промышленная продукция США составляла $\frac{2}{3}$ мировой (не считая Советского Союза), а их капитал равнялся почти $\frac{3}{4}$ капиталонакоплений всех буржуазных стран¹.

Неслыханное обогащение американских монополий и исключительно высокая концентрация их экономической мощи создали, наряду с небывалым ростом вооружений, одну из важнейших предпосылок для резкого поворота в политике США на путь агрессии и войны. «Именно потому, — писал председатель Коммунистической партии

¹ См. «Экономический кризис и «холодная война». Сборник материалов под редакцией Дж. Аллена и Д. Вилкерсона. Перев. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1950, стр. 42.

США У. Фостер, — что США представляют собой главный центр монополистического капитала, они являются основной крепостью мировой реакции и поджигателей войны»¹. Крупнейшие монополистические объединения США выступили против мирного сосуществования двух систем, за подготовку войны против социалистического лагеря.

Возросшая агрессивность американского империализма была признана даже представителями крупной буржуазии. Бывший вице-президент моргановской компании «Дженерал электрик» Теодор Куинн в своей книге «Гигантский бизнес — угроза демократии» писал, что «никогда в американской истории не было такой концентрации капитала в руках немногих, как теперь», и что это, по его словам, представляет наибольшую угрозу «миру во всем мире»².

В такой обстановке американская военщина становится носителем наиболее агрессивной военной идеологии, приобретает все больший вес в политической жизни страны. Она тесно объединяется с крупнейшими корпорациями, наживающими баснословные прибыли на гонке вооружений, видные военные деятели оказываются в первой шеренге проповедников новой мировой войны.

Стремление создать сильнейшую в мире военную машину милитаристы США прикрывают лживыми фразами о необходимости укрепления обороны, о защите «свободного» мира от агрессии и т. д. В то же время «оборонительной зоной США» они объявляют весь мир, который, по их мнению, должен безропотно смириться с захватническими притязаниями американского империализма, признать его господство. Эти ни с чем не сравнимые по своей наглости намерения довольно откровенно высказывал журнал американских банкиров: «Мы будем первой в истории нацией, которая не только осуществляет грандиозные предприятия в области финансового руководства, но одновременно стремится и к абсолютному военному господству на суше, море и в воздухе»³.

¹ У. Фостер. Закат мирового капитализма. Перев. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1951, стр. 57.

² T. Quinn. Big Business—a Threat to Democracy. New York. 1953, pp. 204, 271.

³ «Commercial and Financial Chronicle», December 3, 1948. (Цит. по кн.: У. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 54.)

Такая формула, получившая одобрение правящих и военных кругов, вытекала из главной политической цели — достижения мирового господства США. Она, по сути дела, явилась основополагающей установкой в военной идеологии американского империализма. Современные «гении финансовых комбинаций» не скрывали, что они рассчитывают выйти из общего кризиса капитализма путем вооруженного насилия, с помощью военных авантюр. Их агрессивная политика превратила США в мировой центр милитаризма, агрессии и реакции. В настоящее время, говорил начальник штаба американской армии генерал М. Тэйлор, определяя роль своей страны на мировой арене, США представляют собой «военное государство № 1» и «центральный пункт военной активности» буржуазного мира¹.

Выдвинутый Трумэном в декабре 1945 г. план милитаризации был воплощен в «законе 1947 года о национальной обороне». Его одобрили Маршалл, Эйзенхауэр, Патерсон, Макартур, Спаатс и другие крупные военные и политические деятели. Бывший тогда государственным секретарем Дж. Маршалл заявил, что США должны ввести всеобщее военное обучение для того, чтобы поддержать свою внешнюю политику². Генерал Эйзенхауэр (в то время начальник штаба американской армии) предложил осуществить «слияние национальной экономики с эффективной машиной безопасности» еще до того, как возникнет «серьезное положение»³. Военный министр США Патерсон настаивал на том, чтобы США «сохранили военную силу для поддержки внешней политики»⁴.

Против плана милитаризации страны выступили многие прогрессивные и либеральные общественные деятели. Опасения в связи с начавшейся после войны усиленной милитаризацией США высказывались и представителями консервативных кругов. Так, протестантский еженедельник «Крисчен Сенчури» в редакционной статье писал: «Со скоростью, о которой многие американцы не подозревают, Соединенные Штаты подвергаются милитаризации. Правда, внешние формы гражданской власти остаются нетронутыми, но чем дальше, тем больше на-

¹ «United States News and World Report», February 3, 1956.

² См. «Известия», 8 февраля 1947 г.

³ «Правда», 20 января 1947 г.

⁴ Там же.

стоящая власть переходит в руки военщины. Милитаристы управляют внешней политикой, определяя условия ее осуществления. Военный бюджет утверждается без сколько-нибудь значительного участия гражданских властей. Важнейшие посты, которые до сих пор были заняты гражданскими лицами, переходят к военным. Если эта тенденция будет продолжаться, Соединенные Штаты вскоре окажутся под таким же контролем военщины, как Германия Гогенцоллернов или довоенная Япония»¹.

Однако, несмотря на отсутствие полного единства во взглядах на милитаризацию в политических и военных кругах и протесты общественности, верх взяла реакционная военщина, поддержанная наиболее «бешеными» элементами американского империализма. Все военное строительство США подчинили задачам подготовки агрессивной войны. Это выразилось прежде всего в безудержной гонке вооружений, в формировании массовых обученных резервов, в мобилизации всех ресурсов на военные цели, в накоплении огромных запасов стратегического сырья. Ни одно государство никогда в истории не создавало в таких количествах средств ведения войны, как США в послевоенный период.

Понимая, что достигнуть мирового господства, опираясь на экономический и военный потенциалы только своей страны, невозможно, правящие круги США начали сколачивать военные блоки. Их главное назначение они видели в подготовке людских и материальных ресурсов, территорий, плацдармов и баз для ведения будущей войны.

Создание агрессивных блоков составляет одну из важнейших основ так называемой глобальной стратегии. Сущность ее заключается в том, чтобы развязать войну во всех частях света и заставить народы стран, находящихся в экономической зависимости от США, воевать ради интересов американской финансовой олигархии. К практическому осуществлению этой политики США приступили сразу же после второй мировой войны. В мае 1946 г. президент США Трумэн в послании конгрессу выдвинул план «межамериканского военного сотрудничества», охватывающего все латиноамериканские страны и Канаду. Планом предусматривалось право президента

¹ «Christian Century», March 27, 1946.

США передавать вооружение правительствам капиталистических стран, а также предоставлять полномочия командованиям армии и флота США, «действующим совместно с государственным департаментом», продолжать в будущем «генеральную программу сотрудничества с вооруженными силами американских республик»¹. Этот план явился исходным пунктом программы создания обширной системы агрессивных военно-политических блоков под эгидой США.

28 мая 1946 г. генерал Эйзенхауэр и адмирал Нимиц выступили перед Комиссией иностранных дел палаты представителей с поддержкой плана Трумэна и потребовали «законодательства, разрешающего военное и военно-морское сотрудничество беспрецедентной близости между странами Западного полушария»². Адмирал Нимиц заявил, что он может отчетливо представить себе «всеамериканскую эскадру под объединенным командованием для обороны морских подступов к полушарию»³. Эйзенхауэр высказал уверенность в том, что «для Соединенных Штатов величайшее поле деятельности в помощи этим странам будет открыто при обеспечении их фундаментальным базовым оборудованием, за которым последует установление наших (т. е. американских. — В. К.) организационных концепций, обучение их вооруженных сил на наших доктринах, наших методах и образе действий и нашего управления»⁴.

Эйзенхауэр достаточно откровенно раскрыл некоторые важнейшие принципы политики и стратегии США. В данном случае под установлением «межамериканского сотрудничества» подразумевалась не только передача Соединенными Штатами Америки стандартного вооружения. За стандартизацией вооружений следовали унификация методов боевой подготовки, установление общих стратегических и оперативно-тактических взглядов в вооруженных силах стран всего Западного полушария, включая и Канаду. На состоявшейся в сентябре 1947 г. в Рио-де-Жанейро конференции США добились одобрения «межамериканского договора о взаимной помощи».

¹ «New York Herald Tribune», May 7, 1946.

² «New York Times», May 29, 1946.

³ Там же.

⁴ Там же.

Программа сколачивания военных блоков, принятая правительством США, представляла собой новую форму распространения влияния американского милитаризма далеко за пределы США. В этом были весьма заинтересованы и военно-промышленные корпорации. В странах, которым США обязались «помогать» оружием, они получали почти монопольный рынок для сбыта своей продукции с искусственно расширяемым спросом.

Видные деятели американской военщины не считали нужным скрывать свои захватнические устремления. Генерал Маршалл в 1945 г. в докладе об окончании войны высказался за проведение агрессивной военной политики. «Военная техника, — говорил он, — выдвинула Соединенные Штаты, американские жилища и фабрики на линию фронта в мировом конфликте... Доктрина обороны полушария, которой мы раньше придерживались, теперь уже не может быть положена в основу нашей безопасности. Мы теперь должны беспокоиться о мире во всем мире. А мир могут поддерживать только сильные»¹.

Таким образом, «обеспечение безопасности» США американские генералы недвусмысленно ставили в прямую зависимость от создания мощной военной машины, способной к наступательным действиям в любом районе мира.

Важнейшей составной частью экспансионистской политики США явился и план экономического закабаления и полного подчинения в военно-политическом отношении капиталистических стран Европы. Первоначально в этом плане главная роль отводилась так называемой «доктрине Трумэна» и «плану Маршалла». «Доктрина Трумэна» предусматривала организацию американских военных баз в восточной части Средиземного моря и оказание постоянного давления на европейские страны народной демократии. В доктрине нашел выражение новый агрессивный курс США, который в своей начальной стадии был направлен на установление контроля над капиталистическим миром и создание необходимых условий для стратегического окружения СССР и стран народной демократии.

¹ General Marshall's Report. The Winning of the War in Europe and the Pacific. Washington, September 1, 1945. Published for the War Department by Simon and Shuster, p. 118.

Вскоре после провозглашения «доктрины Трумэна» оформилась давно вынашиваемая в США идея так называемого союза «атлантической солидарности». В апреле 1949 г. был создан агрессивный Североатлантический блок. Это означало распространение «зоны обороны» США на большинство стран Западной Европы.

После образования НАТО США заключили ряд двусторонних военных союзов: договор о «взаимной обороне» с Филиппинами (сентябрь 1951 г.), так называемый «договор безопасности» с Японией (сентябрь 1951 г.), договор о «взаимной обороне» с кликой Ли Сын Мана в Южной Корее (октябрь 1953 г.), соглашение с Испанией о создании на ее территории американских военных баз (март 1954 г.), договор о «взаимной безопасности» с чанкайшистами (остров Тайвань, декабрь 1954 г.). По инициативе и под нажимом США возникли и другие замкнутые военные группировки. В сентябре 1951 г. был заключен договор о «взаимной обороне» США с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС), через три года на конференции в Маниле подписан договор об «обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО), в 1959 г. возникла организация «Центрального договора Среднего Востока» (СЕНТО).

В октябре 1954 г. были подписаны Парижские соглашения. Они ускорили включение ремилитаризуемой Западной Германии в Североатлантический блок. В августе 1956 г. правительство Аргентины, разумеется по подсказке США, выступило с предложением о создании Южноатлантической оборонительной организации для стран Латинской Америки.

В центре системы агрессивных договоров и блоков находится НАТО. Роль главной ударной силы в нем отведена западногерманскому бундесверу. Вся система военных блоков представляет собой важнейшую составную часть последовательной подготовки США к проведению политики «с позиции силы» против социалистических стран.

В качестве основного средства осуществления агрессивной «глобальной стратегии» было взято ядерное, а также химическое и бактериологическое оружие. Началось ускоренное создание носителей этого смертоносного оружия — тяжелых бомбардировщиков, а впоследствии ракет и подводных лодок. В июне 1952 г. ко-

миссия конгресса по вооруженным силам заявила, что «командование стратегической авиации должно располагать возможностью уничтожить любого противника в течение нескольких дней любым оружием, находящимся в нашем распоряжении»¹.

Идея установления господства над миром с помощью оружия массового поражения стала ведущей в американской политической и военной идеологии. Милитаристы США объявили стратегическую авиацию и атомную бомбу не только оружием, определяющим судьбы войны, но и «решающей силой» современной истории. Бывший министр авиации Финлеттер в своей книге «Сила и политика» писал: «Мы должны несомненно придерживаться концепции, согласно которой стратегическая авиация является нашим главным инструментом политики, а угроза всемирного атомного уничтожения... нашим главным средством воздействия на историю»². По мнению журнала «Форчун», отражающего интересы и взгляды крупнейших финансистов и промышленников, американская стратегическая авиация представляет собой решающую силу, на которую возлагается проведение в жизнь «глобальной доктрины Монро»³. Это означало, что стратегическая авиация может быть применена американцами в любом районе земного шара, где это будет признано «жизненно важным для обороны США». В духе «глобальной доктрины Монро» высказывался и Эйзенхауэр. Он говорил, что необходимо концентрировать стратегические ресурсы и военную мощь на североамериканском континенте с тем, чтобы, «имея в распоряжении огромные мобильные резервы», быть готовыми «поддержать американскую политику и интересы, в какой бы части мира они ни подвергались опасности»⁴.

В военных планах США роль основных поставщиков сухопутных войск отводится их союзникам по НАТО. Председатель комитета начальников штабов генерал Брэдли по этому вопросу заявил в Комиссии палаты представителей по иностранным делам: «На обязанности Соединенных Штатов будут лежать стратегические бом-

¹ «Washington Post», July 13, 1952.

² J. Finletter. Force and Policy. New York, 1954.

³ «Fortune», May, 1953, pp. 102, 103.

⁴ «New York Times», February 2, 1951.

бардировщики... Мы считаем, что основные наличные сухопутные силы поставит Европа»¹.

Курс на использование сухопутных войск других капиталистических стран был официально одобрен правительством и поддержан лидерами военщины. 4 апреля 1951 г. сенат США принял резолюцию, в которой указывалось, что «основная часть» сухопутных войск должна быть выделена «европейскими союзниками»². В докладе министру обороны от 12 сентября 1951 г. генерал Маршалл писал, что интегральной частью американской «безопасности» является «военная подготовленность наших союзников».

Правящие круги США, взяв на вооружение своей официальной политики грубое вмешательство в дела других государств, начали усиленно душить демократические свободы в своей стране и одновременно лицемерно призывать к «освобождению» народов, сбросивших иго капитализма. Дело дошло до того, что палата представителей американского конгресса 16 апреля 1956 г. приняла резолюцию, содержащую открытый призыв к «освобождению» стран народной демократии³. А некоторые сумасброды, вроде бригадного генерала в отставке Д. Сарнова, выступили с провокационным предложением считать территорию Советского Союза «оккупированной противником» и также подлежащей «освобождению»⁴.

Стремясь предотвратить окончательный распад мировой капиталистической системы, американский империализм начал прибегать к открытым актам вооруженного насилия против ряда стран. Интервенция в Корею, Ливане и Вьетнаме, провокации против КНР, помощь реакционным режимам в Южной Америке и других частях света — все это явилось причиной постоянной международной напряженности в послевоенное время.

В американской военной идеологии нашли отражение характерные для второго этапа общего кризиса капитализма черты: изменившееся соотношение классовых и

¹ «Hearings Before the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. July 28, 29, August 1, 2, 5, 8, 1949 (цит. по кн. «Международные отношения после второй мировой войны», т. I. М., Госполитиздат, 1962, стр. 627).

² «New York Times», April, 1951.

³ См. «Правда», 9 июля 1956 г.

⁴ «U. S. News and World Report», May 27, 1955.

национальных сил на международной арене, новые условия борьбы и сосуществования двух социальных систем, резко усилившаяся агрессивность монополий, небывалый рост милитаризма. Социально-политический и военнотехнический опыт второй мировой войны, новые цели, поставленные перед вооруженными силами, возросшая мощь средств ведения войны (ядерное оружие), новые способы решения военных задач — все эти факторы оказали существенное влияние на военную идеологию монополистической буржуазии США.

2. ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне означало банкротство захватнической политики и агрессивной военной идеологии фашистского рейха. Решающую роль в достижении победы над сильнейшей военной машиной империализма сыграл Советский Союз. Советские Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, вдохновляемые справедливыми целями Великой Отечественной войны, на деле доказали превосходство военной организации, созданной для защиты социалистического общественного строя. Важнейшими социально-политическими последствиями победы СССР в войне явились значительное ослабление системы капитализма и образование мировой социалистической системы.

Анализируя итоги второй мировой войны, отдельные военные и политические деятели США пришли к печальному для них выводу, что развязывание новой войны против стран социализма поставит империализм перед реальной перспективой полного поражения. Военный министр США Стимсон, занимавший эту должность при президенте Ф. Рузвельте, высказывал мысль, что война никогда не должна повториться в будущем. «Это урок, — заявил он, — который люди и руководители должны усвоить, и я верю, что, когда они его усвоят, они найдут путь к постоянному миру. Другого выбора нет»¹. Заместитель министра армии США Джон Слезак в журнале «Орднанс» писал, что «война не решает проблем;

¹ H. Stimson and Bundy. On Active Service in Peace and War. New York, 1948, p. 633.

вместо этого она обычно создает дополнительные новые проблемы. Сила в лучшем случае создает только временные решения и обычно удовлетворяющие только победителей, — и мы быстро приближаемся к времени, когда в таких схватках не будет победителя»¹. Редакция журнала «Орднанс» от своего имени добавляла: «Ужасающий эффект ядерного оружия подчеркивает настоятельную необходимость отыскать путь к разрешению наших разногласий иными средствами, чем силой»². Военный публицист Е. Вильсон, один из поборников сохранения капитализма на вечные времена с помощью стратегии «малых войн», выступая за применение вооруженных сил только против «законных военных объектов», признавал, что война по принципу массового уничтожения (или, как он выражался, «тактика выжженной земли») всегда «терпела банкротство в военном, экономическом, политическом, техническом и идеологическом отношениях»³.

Подобные взгляды на последствия новой мировой войны нашли отражение и в трудах философов, социологов и историков США. Социологи Бэрнс и Руди в книге «Американский образ жизни» писали, что войны «способствуют эффективным социальным переменам — часто революциям, если они продолжают достаточно долго»⁴. «Из всех общественных установлений война является наиболее угрожающим»⁵. Профессор истории и международных отношений Дейч пришел к выводу, что «западная цивилизация» создала такие средства уничтожения, которые «угрожают ее выживанию как цивилизации»⁶. Безусловно, Дейч ошибся, связывая угрозу «выживанию» капитализма лишь с появлением новых средств массового поражения. Мощь военной техники и оружия, их разрушительные возможности — не единственный фактор, угрожающий классовому господству буржуазии в случае войны. Однако бесспорно, что война

¹ «Ordnance», January—February, 1955, p. 579.

² Там же.

³ «United States Naval Institute Proceedings», November, 1955, p. 1268.

⁴ H. Barnes and Ruedi. The American Way of Life. New York, 1946, p. 313.

⁵ Там же, стр. 718.

⁶ Conflicts of Power in Modern Culture. A Symposium, edited by L. Bryson, New York and London, 1947, p. 608.

с использованием современных боевых средств представляет одну из главнейших опасностей для самого существования капиталистической системы.

Из выводов Дейча следует, что дальнейшее выживание капитализма несовместимо с применением военных средств в международных отношениях.

Такие высказывания свидетельствовали о том, что среди некоторой части американцев складывалось отрицательное отношение к войне как средству империалистической политики. Однако наиболее влиятельные круги монополистической буржуазии и выразители их интересов продолжали оставаться на старых позициях. Они считали, что именно путь военной агрессии больше всего соответствует их целям и интересам.

Глубокий кризис всей империалистической идеологии, явившийся следствием распада системы капитализма, нашел свое выражение прежде всего в резком усилении агрессивности и авантюристичности общественно-политической и военной мысли. Идеологи империализма, охваченные тревогой за будущее капиталистической системы, пытаются найти выход из создавшегося положения в развитии насильственных, террористических форм и средств классового господства буржуазии — в фашизме, милитаризме и агрессии.

Сама по себе возросшая агрессивность финансовой олигархии США, находящейся в союзе с монополистами других капиталистических стран, разумеется, не содержит предпосылок для победы в войне. Такие предпосылки монополистическая буржуазия стремится создать всеми доступными ей средствами и способами, в том числе насильственным подавлением общественных сил, борющихся против военных планов агрессоров. Но здесь монополисты и идеологи войны встречаются с трудностями, преодолеть которые не могут. Речь идет, с одной стороны, о том, что стихийный процесс концентрации основной массы средств производства приводит к сужению круга сторонников войны, надеющихся получить от нее экономические и политические выгоды. С другой стороны, понимание того, что развивающиеся военно-технические средства в случае их применения вызовут неисчислимые потери и разрушения, делает войну непопулярной в глазах широких масс населения. В результате обостряются противоречия между империалистами — сторонниками

войны и народными массами, производственная и военная деятельность которых составляет основу достижения победы. Это противоречие имеет антагонистический характер и не может быть устранено в рамках капиталистического общественного строя.

В распоряжении монополистической буржуазии находится очень много средств прямого принуждения, духовного и психологического воздействия на массы. Значительную роль при этом играют и различные методы фашизации политического режима, в том числе антирабочее законодательство, преследование компартий и других организаций, фальсификация избирательной системы, «проверка лояльности» граждан и т. п.

Фашизация политической жизни и милитаристская обработка масс рассчитаны на выхолащивание классового самосознания трудящихся, на сглаживание антагонистических классовых противоречий, которые ввиду якобы существующей «угрозы коммунистической агрессии» должны уступить место «общенациональной солидарности». Журнал «Мансли ревью» писал по этому поводу, что «идеологическая «обработка» населения в целях обеспечения его лояльности к политике коалиции крупного капитала и военщины (в условиях мира и особенно в условиях войны) стала исключительно важной задачей пропаганды. Чтобы обеспечить поддержку народом программы вооружений и его лояльность на случай войны, в головы американцев постоянно вколачивают мысль о существовании внешней угрозы. На эту выдуманную опасность постоянно ссылаются для того, чтобы оправдать подавление источников потенциальной оппозиции, которые могут существовать в американском обществе. Американских коммунистов, независимых социалистов и непреклонных борцов против фашизма систематически удаляют с самых важных участков национальной жизни под предлогом чистки от «иностранных агентов»¹.

Распространение мифа о «коммунистической угрозе» объясняется прежде всего стремлением империализма скрыть подлинный источник войны и агрессии. Изображая коммунизм как «угрозу цивилизации», они всячески фальсифицируют историческую правду: капитализм, ставший тормозом прогресса, пытаются пред-

¹ «Monthly Review», October, 1952.

ставить как «вечную» категорию, а самый прогрессивный, социалистический общественный строй выдают за «временное явление», возникшее в результате «подрывной деятельности» небольшой группы «заговорщиков-коммунистов».

Антикоммунизм пронизывает все социально-политическое содержание американской военной идеологии. В ней господствует лженаучный подход к объяснению движущих сил и объективных законов развития общества, причин, закономерностей и последствий войны как социального явления. Главное внимание уделяется клеветническим выпадам против марксистско-ленинской науки, проповеди агрессии против стран социалистического лагеря, нападкам на национально-освободительное и рабочее движение.

Будучи идеологическим орудием политики «с позиции силы», антикоммунизм тесно связан с буржуазной теорией насилия, оправдывающей империалистические войны. Сущность этой теории сводится к якобы существующей возможности с помощью военных средств ликвидировать прогрессивные социально-политические изменения, происшедшие в результате революций. Иными словами, антикоммунисты считают вполне допустимым действию объективных законов и потребностей общественного развития противопоставить средства военного насилия, особенно оружие массового поражения, увековечить существование капиталистической системы и установить мировое господство американского империализма.

Как и идеология антикоммунизма, теория насилия основывается на различных философских и социологических измышлениях, на буржуазной политической экономии и историографии. На поприще оправдания насилия объединились идеалистические и открыто волюнтаристские школы и течения, вроде прагматизма, персонализма, неореализма, критического реализма и т. п. «Политический прагматизм, — писал американский историк философии Шнейдер, — прежде всего — теория силы»¹. Лидер американской прагматистской, субъективистско-идеалистической школы Джон Дьюи, напуганный ростом революционного движения после второй миро-

¹ «Вопросы философии», 1953, № 6, стр. 158.

вой войны, открыто призывал к насилию. «Социальная неустойчивость, — писал он, — достигла такого пункта, который может предвещать революцию, если не будут приняты меры пресечения... Мы сами приходим к убеждению, что насилие, физическое и грубое насилие, в последнем счете есть лучшее, решающее средство»¹. Точка зрения Дьюи — это точка зрения монополий. Его «взгляды» полностью поддерживаются и развиваются политическими и военными идеологами американского империализма. В основе теоретического мышления лидеров вооруженных сил США лежит все та же идея решающей роли насилия в форме «решающей роли воздушной силы», или «морской силы», или вооруженных сил в целом, во всех случаях с главным упором на ядерное оружие.

Сразу же после второй мировой войны многие буржуазные политические и военные деятели и идеологи выдвинули авантюристическую идею ликвидации ее весьма неблагоприятных для капитализма социально-политических последствий главным образом с помощью военного насилия. Лозунг насильственного «освобождения от коммунизма» получил широкое распространение в сочинениях наиболее реакционно настроенных американских профессоров, генералов и других авторов, вдохновлявшихся идеей восстановления утерянного буржуазией господства в ряде стран. Особое одобрение реакции встретили антисоветские сочинения Бэрнхэма, Даллеса, Посони, Страш-Хюпе, Спикмэна, Пюлстона и других. Рассматривая проблему борьбы двух систем исключительно в военном плане, идеологи империализма настойчиво доказывали и пропагандировали тезис о наступлении «века силы», о «решающей роли» насилия в истории, в международных отношениях, и особенно в отношениях между империалистическими и социалистическими странами, т. е. как раз в той области, где безнадежность и бесперспективность вооруженного насилия, применяемого в реакционных целях, наиболее очевидна.

В 1945 г. в Нью-Йорке была издана книга английского военного историка Фуллера «Вооружение и история». Выдвигая положение о том, что в послевоенном мире существуют только две возможности — «либо мир советский, либо мир американский», он пришел к выво-

¹ J. Dewey. Problems of Men. New York, 1946, pp. 24, 25.

ду, что решение этого вопроса «зависит главным образом от вооружений», ибо вооружения «являются основным судьей в век силы»¹. Фуллер строил свою аргументацию на основе взглядов немецкого философа-идеалиста Освальда Шпенглера, идейного предшественника германского фашизма. Не удивительно поэтому, что выводы Фуллера как две капли схожи с пресловутыми идеями Гитлера, высказанными им в книге «Моя борьба». Гитлер рассматривал грубую силу как единственный «источник права», «главный фактор» в международных отношениях, а мир между народами считал угрозой существованию человечества. В книге «Военная история западного мира», изданной в США, Фуллер оценивал войну как «господствующий фактор истории», который «доминирует над всеми другими видами человеческой деятельности».

Теория насилия в применении к послевоенному периоду нашла широкую интерпретацию в сочинениях американского военного идеолога У. Гесслера. В книге «Операция: выживание» (1949 г.) он попытался связать «глобальную ответственность» США за судьбы всего мира с антикоммунизмом и геополитику с мальтузианством в одно целое на основе теории «решающей роли» насилия в историческом процессе. «Задачу» США он видел в использовании их «огромной силы» для поддержания «терпимого равновесия» в международных делах. «До тех пор, пока мир не будет лучше организован, чем теперь, главными средствами подобной политики должны быть военные силы и военные союзы»². Приверженность к концепции «голой силы» Гесслер рассматривал как простое отражение того факта, что сила «является движущим фактором современного мира»³.

Активными проповедниками вооруженного насилия в отношениях между народами выступили реакционные социологи, философы и историки. Профессора Р. Страуш-Хюпе (Пенсильванский университет) и С. Поссопи (Джорджтаунский университет), широко известные свои-

¹ J. F. C. Fuller. Armaments and History. New York, 1945, p. 188.

² W. H. Hessler. Operation Survival. America's New Role in World Affairs. New York, 1949, p. 264.

³ Там же, стр. 265.

ми ультрареакционными, антикоммунистическими взглядами, опубликовали серию книг и статей на политические и военные темы. В написанной совместно книге «Международные отношения» они выдвинули идею агрессивной империалистической стратегии, лицемерно назвав ее «стратегией свободы». Авторы изощренно пытались доказать невозможность мирного сосуществования двух систем, а в качестве «залога мира» пропагандировали долговременную и интенсивную гонку вооружений, дающую возможность постоянно угрожать социалистическим странам оружием массового поражения. Проповедуя насилие и агрессию, прикрываемые фальшивыми лозунгами «защиты свободы», они настаивали на объединении всех сил и средств капиталистического мира для военного наступления против СССР и других стран социализма. В этой книге верные прислужники империализма использовали весь арсенал антикоммунистической аргументации, взятой из расистской теории мальтузианства, геополитики, идеалистической философии, для доказательства решающей роли насилия в истории, для пропаганды политики «с позиции силы». «Не будет преувеличением сказать, — откровенно заявляли авторы книги, — что... американская внешняя политика определялась и определяется силой и соображениями силы». Политика силы, по их мнению, может привести американский империализм к мировому господству. Выступая воинствующими поборниками антикоммунизма, Страуш-Хюпе и Поссоны призывали к антисоветскому походу, кощунственно облекая свое обращение в украденную из «Манифеста Коммунистической партии» формулу: «Демократы всех стран, сплывайтесь, соединяйтесь и наступайте! Вам нечего терять, кроме вашей свободы! Вы завоюете счастье наших детей и будущее человечества»¹. Подобная демагогия, еще находящая отклик у определенных слоев населения США, способствовала распространению агрессивных военных идей. Именно такая бесцеремонность, когда открытая проповедь агрессии сочетается с социальной демагогией и антикоммунизмом, типична для нынешних распространителей американской военной идеологии.

¹ R. Strausz-Hupé, S. Possony. International Relations. New York, Toronto, London, 1950, p. VIII.

Почти все авторы работ по военно-теоретическим проблемам занимаются бесстыдной фальсификацией действительности. Социалистические страны они всегда изображают как источник военной угрозы и всевозможных бед для человечества. В то же время внешняя и внутренняя политика США, вопреки фактам, преподносится ими как «миролюбивая» и «демократическая». Для маскировки агрессивных планов монополий американские пропагандисты широко используют фальшивые лозунги «мира и демократии». На обман трудящихся и создание мифа о «бесклассовом обществе» в рамках капиталистического строя, на затушевывание антинародной, агрессивной сущности американского империализма, на ослабление боевого духа трудящихся, их воли к борьбе за мир и прогресс рассчитаны и глубоко лживые теории «народного характера» современного капитализма, «государства всеобщего процветания» и другие. Большую услугу в распространении подобных «теорий» оказывают монополистической буржуазии реакционные лидеры профсоюзов и правые социалисты.

Идеологи агрессии изощряются в поисках разнообразных обоснований «законности» войны с целью скрыть от народов ее истинные экономические и политические причины, снять с господствующих классов ответственность за применение насилия, отвлечь внимание трудящихся масс от их главного врага — империалистической буржуазии и обезопасить капитализм от революционных потрясений во время войны.

Проблема предотвращения опасных для капитализма социально-политических последствий империалистической войны не нова. Выдвигавшиеся в разное время теории «малых армий», «молниеносной войны», «воздушной войны» были в значительной мере продиктованы стремлением решить эту проблему. Теория германского милитаризма о тотальной войне одним из основных своих элементов имела идею блицкрига и предусматривала способы предотвращения социалистического переворота. После второй мировой войны империалисты заблаговременно разрабатывают методы борьбы против революций, готовят специальные карательные войска для подавления народных восстаний в своем тылу. При выработке способов решения военных задач американский милитаризм сталкивается с необходимостью не только согла-

совывать их с требованиями военной науки и военного искусства, но и предусматривать меры предотвращения губельных для капитализма социально-политических последствий империалистической войны.

Для военных идеологов США эта сложная проблема представляет один из важных, центральных вопросов подготовки к ведению войны против социалистических стран, и они пытаются решить его любыми средствами.

Победоносный для СССР исход войны, образование мировой системы социализма, продолжающийся распад системы капитализма — все это основательно подорвало основные положения буржуазной социологии о «вечности» капиталистического строя и войн, о «решающей роли» насилия в истории, о «превосходстве белой расы» и привело к дальнейшему углублению кризиса буржуазной идеологии и науки об обществе.

В содержании военной идеологии четко проявляются агрессивная направленность империализма исключительно на борьбу против социалистических стран, рабочего и национально-освободительного движения, стремление буржуазии к созданию международного союза для достижения своих реакционных целей. «В целом сегодня, — отметил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., — в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма, происходит известное перемещение центра тяжести стратегии империализма на мировой арене. Политика империализма все в большей мере определяется классовыми целями общей борьбы против мирового социализма, национально-освободительных революций и рабочего движения»¹.

Исторический опыт говорит, что в борьбе за передел мира империалистам удавалось поднимать массы на войну умелым разжиганием шовинизма и расизма, страсти к наживе и грабежу, обещаниями легкой победы в войне со слабым противником. Но в борьбе против стран социалистического содружества им приходится искать и применять другие методы. Шовинистические и расистские идеи «превосходства» англосаксов или германцев, белой расы над другими вступают в конфликт с лозун-

¹ Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 6.

гами буржуазных пропагандистов о единстве «западного мира», «западной солидарности», а также с надеждами колонизаторов использовать людские ресурсы колониальных и зависимых стран в своих монополистических интересах. Поэтому расистские и националистические лозунги, равно как и открытое признание мальтузианства и геополитики в их традиционном виде, таят в себе серьезную опасность для вдохновителей и организаторов «крестовых походов» против стран социализма.

Пуская в ход обветшалые догмы буржуазного космополитизма, принявшего ярко выраженный антикоммунистический характер, противопоставляя содружеству стран социализма вымышленно единый, живущий будто общими интересами, не знающий ни национальных, ни классовых, ни расовых различий «западный мир», буржуазные идеологи ищут доводы для подтверждения своих лозунгов классовой «солидарности» и межнациональной «общности»¹. С этой целью они усердно изобретают теории, с помощью которых было бы можно, поддерживая оголтелый антикоммунизм, одновременно сглаживать национальные и классовые противоречия в лагере империализма, совмещать проповеди мальтузианства и расистской политики в отношении «неполноценных» рас и наций с потребностью черпать людские ресурсы из этих же рас и наций. Но буржуазия не может отказаться от расизма и национализма, ибо этими «теориями» она оправдывает существующее неравенство народов в капиталистическом мире, идеологически обосновывает необходимость сохранения колониальной системы и борьбы за мировое господство. Это порождает новое неразрешимое противоречие в империалистической идеологии. Попытки устранить или смягчить его привели к существенным изменениям в реакционных теориях социалдарвинизма, расизма, мальтузианства и геополитики. Анализ некоторых из этих изменений дает наглядное

¹ Типичная в этом отношении аргументация содержалась в книге К. Аденауэра, изданной в 1955 г. в Нью-Йорке. «Век национальных государств, — говорилось в главе «Конец национализма», — пришел к концу...», «Мы в Европе должны порвать с привычкой мыслить категориями национальных государств...», «...Век мира и сотрудничества начнется только тогда, когда националистические идеи будут изгнаны из политики» (K. A d e n a u e r. World Indivisible. New York, 1955, pp. 6, 7).

представление о кризисных явлениях в американской военной идеологии, вызываемых углублением общего кризиса капитализма.

На протяжении всей эпохи империализма американские идеологи для оправдания своих экспансий неуклонно использовали положения **социал-дарвинизма**. Этой теорией манипулировал Мэхэн, крупнейший военный идеолог и проповедник мирового господства США. Он придавал весьма важное значение социал-дарвинистскому тезису о «выживании наиболее приспособленного» в борьбе между государствами, считая «наибольшей приспособленностью» обладание сильнейшим военно-морским флотом, обеспечивающим господство на морях и океанах и таким образом над всем миром. По мнению социал-дарвинистов, любое государство, если оно стремится «выжить», должно непрерывно расширять свою территорию, «расти» за счет своих менее сильных противников. Самым надежным способом такого роста Мэхэн считал военные захваты. Рассматривая агрессию как «неизбежный закон прогресса», Мэхэн приходил к выводу, что постоянные вооружения и войны являются не только «естественным выражением», но и «существенными элементами» той силы, от которой зависит «высшая» западная цивилизация¹.

В годы второй мировой войны социал-дарвинизм довольно широко использовался американской военной мыслью в том виде, как его толковал Мэхэн. Так, перенося биологические законы в сферу общественных отношений, морской офицер Мэйо утверждал, что государства, равно как и индивидуумы, «возвышаются или приходят в упадок согласно определенным фундаментальным законам: 1) закон выживания приспособленного; 2) закон уничтожения неприспособленного; 3) закон возрастания приспособленного за счет неприспособленного»².

Подобные взгляды легли и в основу мировоззрения американского офицерского корпуса. «Воля к жизни, — говорится в теоретическом журнале военно-морского флота США, — воля к выживанию под ударами времени, воля к увеличению нашего рода является фундаменталь-

¹ А. Т. Махан. Armaments and Arbitration or the Place of Force International Relations, New York, 1912, p. 114.

² Captain C. B. Mayo. Your Navy. Los Angeles, 1943, pp. 111—112.

ным законом всей органической жизни. Эта воля к жизни в смертельном состязании действует по закону выживания наиболее приспособленного. Это закон, по которому военно-морские офицеры обучаются со дня поступления их во флот». Согласно этому же «закону», в условиях, когда западная цивилизация стоит перед лицом своего кризиса, США, как сильная держава, должны взять судьбу мира в свои руки и «поддерживать мир» с помощью силы и в интересах сильного¹.

Теория, обосновывающая «естественность» и «законность» насилия и агрессии с помощью несостоятельных аналогий между органической природой и общественной жизнью, подменяющая законы развития человеческого общества зоологическими законами, возникла и сложилась в борьбе империалистических государств за раздел, а затем передел мира. И в современных условиях она сохраняет свое значение, поскольку борьба за передел мира остается одним из главных признаков империализма. Однако социал-дарвинизм, как и другие подобные ему лжетеории, своим острием направлен почти исключительно против стран социалистической системы. Пропаганда теорий «выживания» или «роста» одного капиталистического государства за счет других капиталистических государств противоречила бы задаче их политического и военного объединения против стран социализма и могла стать лишним поводом к разоблачению захватнической, направленной на подчинение своих партнеров и соперников политики США. Поэтому в послевоенный период, когда США перешли к крайне агрессивному внешнеполитическому курсу, появилась новая, в основе своей космополитическая идея социал-дарвинистского обоснования агрессивной политики и стратегии: «выживание» или «спасение» капитализма как социальной системы в борьбе с «коммунистической угрозой».

Следует подчеркнуть, что эта идея также возникла в связи с углублением общего кризиса капитализма, изменением соотношения сил на международной арене в пользу социализма и усилившейся тенденцией буржуазии к классовому наднациональному союзу для военной

¹ «United States Naval Institute Proceedings», August, 1943, pp. 1046, 1047.

борьбы против мировой социалистической системы. Ее служебная цель — обеспечить политическое и военное единство империалистических государств во главе с США посредством объединения их сил и ресурсов для борьбы со странами социализма. Таким путем американские империалисты намеревались ослабить центробежные силы капиталистической системы, преодолеть острые противоречия и конфликты, неизбежно возникающие на почве неравномерности экономического и политического развития капитализма, а также замаскировать свои экспансионистские устремления в отношении других буржуазных государств.

Бесцеремонно искажая действительное положение вещей, американские идеологи и пропагандисты очень часто говорят о будто бы существующей «коммунистической угрозе», которая якобы является основным фактором обострения международной обстановки. Этот миф служит им для оправдания своей теории «выживания» цивилизации с помощью войны против социалистических государств. Но поскольку речь идет о тотальной войне с применением ядерного оружия, которая, несомненно, создаст непосредственную угрозу и самому населению США, потребовались «доказательства», что такая война представляет собой «жизненную необходимость». Основные положения этой «теории выживания цивилизации», подкрепленной рядом лженаучных доводов и аргументов идеологов американского милитаризма, взяты на вооружение американской военщиной. В печатных и устных выступлениях милитаристов США антикоммунистические лозунги употребляются попеременно с призывами к «спасению цивилизации». Все они в один голос твердят, что ослабление гонки вооружений ставит под угрозу существование цивилизации. Такая постановка вопроса потребовалась для того, чтобы узкоклассовым интересам монополистической буржуазии в войне против социалистических стран придать видимость общечеловеческих.

Теория «выживания цивилизации» рассчитана на преодоление идеологическими средствами основного противоречия империалистической войны. С помощью ложного толкования социально-экономических и политических факторов и закономерностей общественного развития империалисты пытаются отождествить интересы

монополий с интересами всего народа. В зависимость от мобилизующей силы этой «теории» поставлено и устранение губительных для капитализма революционных последствий войны. Буржуазные теоретики считают, что, чем больше трудящихся США поверят версии, будто коммунизм представляет «угрозу цивилизации» и ради ее «спасения» необходимо добровольно и безоговорочно подвергнуться всем ужасам ядерной войны, тем больше будет шансов и возможностей предотвратить массовое возмущение преступными действиями монополистической буржуазии, которое неизбежно возрастет в ходе войны и под влиянием ее разрушительных последствий.

С точки зрения американских идеологов войны, эту проблему, как и другие острейшие вопросы современного капитализма, можно решить лишь в случае, если США завоюют господство над всем миром. Они не скрывают, что под «выживанием цивилизации» подразумевается не что иное, как мировое господство США. Об этом откровенно писал и Страуш-Хюпе, объявивший американскую гегемонию «условием сохранения западной культуры»¹.

Председатель компартии США Уильям Фостер в книге «Закат мирового капитализма» убедительно показал, что американская монополистическая буржуазия неразрывно связывает спасение умирающего капитализма с насильственным достижением мирового господства США². Идея «выживания цивилизации» представляет собой антинаучную и реакционную теорию насильственного установления мирового владычества американского империализма, выражает основную политическую линию империалистов США в подготовке и ведении войны и, следовательно, главное в содержании их военной идеологии.

В связи с настойчивыми попытками проведения этой теории в жизнь обнаруживаются наиболее острые противоречия как в политике, так и в военной идеологии США. Пытаясь осуществить на практике идею установления своего мирового господства, монополистическая буржуазия США выступает вовсе не за «спасение» или «выживание цивилизации». На самом деле все свои уси-

¹ R. Strausz-Hupé. The Lone Indifference. New York, 1952, p. 149.

² См. У. Фостер. Закат мирового капитализма, стр. 47—48, 160.

лия она сосредоточивает против естественноисторического процесса развития цивилизации.

Глубокие социальные и экономические изменения, происходящие в мире, наглядно свидетельствуют о том, что развитие общества направлено не на усиление империализма, а на окончательное освобождение человечества от империалистического гнета. Поэтому любая война, имеющая своей целью сохранение империализма и расширение сферы его господства, носит реакционный характер и представляет собой авантюру обреченного на гибель класса. В основе ее лежит полное пренебрежение объективными законами развития общества и недооценка решающей роли народных масс в истории, выступающих за мир и прогресс и доказавших свою способность перестроить общество на социалистических началах.

По этим причинам американские идеологи стараются придать войне против социалистических государств совершенно чуждое ей историческое содержание, баснями о «спасении» цивилизации замаскировать воинствующий шовинизм американской финансовой олигархии, стремящейся к мировому господству, создать благоприятную почву для роста милитаризма и непрерывной гонки вооружений.

Представление о том, насколько широко социал-дарвинистская теория «выживания» используется в современной политической и военной идеологии США, дает простое перечисление некоторых книг, посвященных ее пропаганде. Философ-персоналист Флюэллинг написал книгу «Выживание западной культуры», доктор философии Манк — «Путь выживания», мальтузианец Фогт — «Путь к выживанию», группа авторов во главе с Муром — «Выживание или самоубийство», морской офицер запаса Гесслер — «Операция: выживание», подполковник Киффер — «Стратегия выживания», Северский — «Воздушная мощь — ключ к выживанию». Проблема поисков способа «выживания» капитализма захватила социологов и философов, историков и экономистов, военных авторов и политических деятелей, кафедры университетов и даже конгресс. Специальная президентская комиссия «по вопросам авиационной политики» озаглавила доклад с рекомендациями резко увеличить бюджетные ассигнования на военно-воздушные силы «Выживание в век авиации».

Авторы и пропагандисты идеи «выживания» капитализма выдвигают разного рода реакционно-утопические планы «мирового правительства» (Мур и другие), космополитическое «единство западного мира» (Флюэлинг). Фогт и другие усматривают возможность «спасения» капитализма в резком сокращении населения земного шара с помощью голода, эпидемий, стерилизации и войн, а Манк — в отказе от вооружений и войн.

Однако в качестве самого надежного средства «выживания» капиталистической системы выдвигается вооруженное насилие (Гесслер, Киффер, Северский и другие). США должны быть самой сильной военной державой, в любой момент готовой начать войну далеко за пределами своих государственных границ, — вот основной вывод, к которому приходят эти теоретики. Гесслер считает необходимым для «выживания» капитализма поддерживать в готовности более крупные силы, чем до второй мировой войны. «Требуется, — пишет он, — чтобы мы имели в наличии для немедленного применения такие мобильные силы, которые могут оказать давление огромной мощи в решающих районах, расположенных далеко от нашей территории»¹.

Спасение капитализма преподносится военными авторами как проблема по преимуществу военная, и ее решение считается однозначным с подготовкой и выигрыванием войны против Советского Союза и других социалистических государств. В книге «Стратегия выживания» Киффер заявлял: «Мы не хотим мира; мы хотим выжить... Стратегия, которую мы должны выработать, — это не стратегия мира, а стратегия выживания»². Таким образом, теория «выживания» капитализма противопоставляется принципу мирного сосуществования двух систем, в котором кровно заинтересованы все народы, в том числе и американский.

Изменившееся соотношение сил на мировой арене исключает для империалистов возможность военного решения проблемы спасения капитализма. Их военный авантюризм может привести лишь к созданию условий для полной ликвидации капиталистической системы.

Теория «выживания» капитализма нашла поддержку

¹ W. Hessler. Operation Survival. New York, 1949, p. 205.

² J. Kiffer. Strategy for Survival. New York, 1953, p. 11.

и у кейнсианцев — сторонников экономической теории, которая оправдывает милитаристский курс монополий. Кейнсианцы доказывают, что производство вооружений, ассигнование огромных сумм на военные расходы стимулируют рост промышленности и тем самым обеспечивают занятость населения. Воротилы крупнейших корпораций США также рассматривают гонку вооружений, направленную на завоевание мирового господства, усиленное развитие военной промышленности как одно из основных средств предотвращения экономического кризиса и получения наивысших прибылей. Учитывая, как отмечал Уильям Фостер, что большое количество рабочих и большая часть профсоюзных лидеров попадают в эту капиталистическую ловушку и верят в необходимость производства вооружений, которое якобы избавляет рабочие массы от безработицы, кейнсианство становится особенно опасным, ибо оправдывает войны¹. Утверждение кейнсианцев о стимулирующей роли вооружений в промышленности является, по существу, поддержкой военной программы американского империализма. Без этого милитаристам было бы значительно труднее вырвать у народа согласие нести сверхтяжелое бремя вооружений во имя интересов кучки монополий.

Переориентация буржуазных идеологов с курса борьбы за передел мира в основном на курс борьбы против социалистической системы была одобрена и церковниками. Если до второй мировой войны они всегда выступали в защиту интересов своей собственной буржуазии против буржуазии других, противоборствующих стран, то теперь провозглашают, что бог будет покровительствовать только коалиции капиталистических государств, воюющих против социалистического лагеря.

Преступный союз реакционного духовенства с агрессивной военщиной против сил прогресса и мира активизировал деятельность многих религиозных объединений, особенно католических, выступающих с призывами к «священной войне» против коммунизма. Аргументация их лозунгов однообразна и примитивна. Так, например, журнал американских католиков писал: «Лишь немногие войны заслуживают того, чтобы их называли «священ-

¹ W. Z. Foster. On the Fight against Keynesism. «Political Affairs», August, 1955, p. 32.

ными». Но поход против коммунизма может быть вполне справедливо назван священной войной. В этом походе все истинно верующие с радостью примут участие, сознавая, что он предпринят по воле божьей»¹.

В арсенале псевдонаучных идейных обоснований политики агрессии империалистов важное место отводится **геополитике**. Если главным принципом неомальтузианства, социал-дарвинизма и расизма является подмена социальных и политических моментов биологическими, то за основу геополитики берется географический фактор. Проповедники геополитики, так же как и приверженцы других «теорий», стремятся снять ответственность за захватнические войны с финансовых и промышленных магнатов и оправдать агрессивность американского империализма якобы объективными, географическими причинами. В военную идеологию США геополитическое «обоснование» военной стратегии внес А. Мэхэн. Он первым «обнаружил» существующую якобы причинную связь между географическим положением США и внешней политикой монополистического капитала.

Разработке геополитической теории в США уделяется значительное внимание. Эта теория преподается в военно-морской академии. В армии создано наставление, в котором рассматриваются «географические основы государственной мощи» и указывается на необходимость «полного понимания географии в ее отношении к общественным делам»².

Оправдывая гонку вооружений и милитаризацию страны, многие военные и гражданские авторы прибегают к геополитической аргументации, заимствованной из сочинений Мэхэна, а также у фашистских геополитиков мюнхенской школы К. Гаусгофера. Идея «атлантического сообщества наций», получившая свое воплощение в агрессивном Североатлантическом блоке, впервые в такой формулировке была выдвинута известным внешнеполитическим обозревателем и публицистом Уолтером Липпманом. При этом он воспользовался мэхэновскими геополитическими построениями.

Еще в годы второй мировой войны Липпман предлагал основывать внешнюю политику и «безопасность»

¹ «Pilot», April 18, 1947.

² Army Service Forces Manual M-103-1. Geographical Foundations of National Power. Washington, 1944.

США не на разоружении, а на мощных вооруженных силах и военно-политических союзах. Примером «реальной внешней политики», которой надо следовать, он объявил империалистический курс президента Теодора Рузвельта, действовавшего в содружестве с сенатором Лоджем и Мэхэном. Идеи, пропагандировавшиеся Мэхэном: строительство Панамского канала в стратегических целях, создание сильнейшего флота и заключение военных союзов (прежде всего с Великобританией) — Липпман рассматривал как «семена настоящей внешней политики». Стратегию он рекомендовал основывать на воздушной мощи, опирающейся в свою очередь на морской флот.

Используя геополитическую идею Мэхэна о военно-политическом союзе Англии и США, Липпман заявил, что теперь «география воздушной силы» неразрывно связывает с Соединенными Штатами ведущий британский доминион — Канаду и всю Британскую империю. Следовательно, необходимо «атлантическое сообщество наций», объединенных «географией, историей и жизненной необходимостью»¹. Затем Липпман таким же образом «ввел» в «атлантическое сообщество» 34 других государства, так или иначе зависимых от США или Англии². Географические факторы, по Липпману, настолько «переплетают» между собой эти «атлантические» страны, что в случае войны вся занимаемая ими зона превращается в один театр военных действий. Этим он обосновывал вывод о необходимости для участников блока иметь стандартное вооружение и снаряжение, пригодное для совместных военных действий. В подтверждение своей концепции Липпман выдвинул «закон борьбы за существование», в силу которого США оказались «в центре западной цивилизации». Назначение США, утверждал Липпман, заключается в том, чтобы «отстоять» ее, ибо в противном случае «западная цивилизация... превратится в расстроенную и загнивающую кайму вокруг Советского Союза и поднимающихся народов Азии»³.

Эти мысли Липпмана впоследствии во многом совпали с внешней политикой американского правительства.

¹ W. Lippman. U. S. Foreign Policy. New York, 1943, pp. 10, 41, 21, 23, 87, 88, 90, 98, 99.

² W. Lippman. U. S. War Aims. Boston, 1944, p. 80.

³ Там же.

Широкое распространение в США получила и геополитика немецко-фашистского толка, эта своего рода «военно-полевая философия» наиболее бешеных приверженцев политики грубой силы. Ею оперируют такие реакционеры, как Бэрнхэм, Киффер, Страуш-Хюпе, Поссони и многие другие.

Заметное влияние на военную мысль США оказал Н. Спикмэн, один из активнейших проповедников политики силы. Он утверждал, например, что на политику и стратегию влияют не только география, но и топография, и климат. Ему принадлежит и своеобразное обоснование необходимости взаимодействия всех видов вооруженных сил. «...Вторая мировая война, — писал Спикмэн, — не могла быть выиграна с военно-морских баз на периферии огромной континентальной земной массы Евразии... Морская и воздушная силы были сделаны средствами достижения решений на земле. Естественным следствием этой истины является необходимость полного взаимодействия между всеми вооруженными силами так, чтобы они могли быть сплочены в единое оружие для победы»¹.

Военные идеологи, придерживающиеся геополитической теории, рассматривают вопрос о выборе «решающего» вида оружия и основного способа его использования в соответствии с существующим в мире соотношением сил. В послевоенный период некоторые из них занялись типично прагматистской подгонкой геополитических категорий к новым условиям проведения агрессивной политики и стратегии. Они, в частности, объявили устаревшей, не соответствующей новой обстановке признанную их предшественниками схему Маккиндера и Гаусгофера, по которой господство над миром принадлежит государству, владеющему «хартлэндом» (в основном территория Советского Союза) и в конечном счете «мировым островом» (Европа, Азия и Африка). Первым лженаучность этой схемы понял Спикмэн, правильно оценивший последствия провала фашистских планов захвата территории СССР. Он же выступил и инициатором пересмотра, в связи с этим, ряда прежних геополитических категорий. Спикмэн предложил на первый взгляд смелую, но на самом деле теоретически беспомощную и совершенно бессмысленную операцию, в результате которой

¹ N. Spykman. *Geography and Peace*. New York, 1944, pp. 5, 47.

схема Маккиндера — Гаусгофера была поставлена с ног на голову. Утверждение Маккиндера, писал Спикмэн, что «тот, кто владеет Восточной Европой, тот господствует над хартлэндом; кто господствует над хартлэндом, тот господствует над мировым островом; кто господствует над мировым островом, тот господствует над миром, является ложным. Лозунг политики силы Старого Света должен гласить: «Кто владеет окраинными странами, тот господствует над Евразией, кто господствует над Евразией, тот управляет судьбами мира»¹. В понятие «окраинных стран», как известно, геополитика включает Северную и Южную Америку, Японию, Австралию и другие островные территории земного шара, как бы окружающие «мировой остров», т. е. Европу, Азию и Африку.

Выдвигая в качестве первоочередного обязательного условия «владение окраинными государствами», Спикмэн тем самым давал понять, что исходным стратегическим плацдармом для последующего завоевания мирового господства следует считать территорию сильнейшей из «окраинных государств» державы. Эта схема позволила американским геополитикам вытащить на свет и нового «геополитически обоснованного» претендента на мировое господство, а именно — Соединенные Штаты Америки.

Геополитическая теория Спикмэна полностью отвечала агрессивному курсу американской финансовой олигархии. Не удивительно поэтому, что военная мысль США ухватилась за эту идею, хотя против ее распространения в Соединенных Штатах раздавалось немало голосов протеста.

Вслед за Спикмэном с развернутым изложением новой геополитической схемы завоевания господства над миром выступил Гесслер. Он потратил немало усилий на то, чтобы доказать, будто США добиваются «спасения свобод, которые представляют величайшее достижение современного человека». При этом под свободой он понимал не что иное, как свободу эксплуатации и угнетения, а средство ее сохранения видел в поддержании «превосходства в силе над советским блоком».

Переделав обанкротившуюся немецко-фашистскую геополитику на американский лад, Гесслер внес коренное изменение в ее основную стратегическую схему. Он по-

¹ N. Spykman. Geography and Peace, p. 43.

яснял, что привычка «геополитиков Старого Света» говорить об Америке как о «сателлите», как об острове на окраине мира, на орбите, окружающей «мировой остров», понятна, поскольку в прошлом Европа была «господином мира». Однако после второй мировой войны «центр эффективной силы переместился через Атлантический океан», и к Новому Свету перешла, следовательно, «власть и ответственность», подобно тому, как от Испании и Португалии в XVII веке «руководство» перешло к Англии и Франции.

Гесслер, наделив Соединенные Штаты Америки «руководящей ролью» с помощью весьма сомнительной исторической аналогии, создал новый «мировой остров» из «окраинных земель мира», который находится «между Бостоном и Сан-Диего», т. е. на территории США, а не на «более крупном и более населенном участке земли, расположенном между Лондоном и Шанхаем». Вместе со «статусом мирового острова» Гесслер возлагал на США осуществление и соответствующей политики, и «глобальной стратегии». Он откровенно заявлял, что США несут «основную ответственность за проведение политики силы... главными орудиями которой являются вооруженные силы и политические союзы»¹.

Идея «нового исходного плацдарма», т. е. территории США, для завоевания мирового господства пришла по душе эпигонам американской военной мысли. Ее всячески обосновывают и рекламируют военно-теоретические журналы армии и флота, видные военные деятели. Геополитическая же схема Маккиндера была объявлена в военных кругах не только несостоятельной, но даже «ложной и опасной»².

Очень скоро новая геополитическая теория перекочевала из сочинений Спикмэна и Гесслера в штаб американской армии. Заместитель начальника штаба генерал-лейтенант Гэйвин заявил, что «в действительности существует другой мировой остров — Западное полушарие», «американский мировой остров», и выдвинул положение о необходимости «глобальной готовности», согласно которому армия, флот и авиация США в любое время и в любом районе земного шара должны быть готовы

¹ W. Hessler. Operation Survival, pp. XVII, 7, 41, 42, 259.

² См. «United States Naval Institute Proceedings», July, 1952; «Military Review», August, 1955.

вести боевые действия «от небольших локализованных периферийных войн до всемирного конфликта». Только такой курс военной политики, когда в постоянной готовности содержатся мощные вооруженные силы, дает, по мнению Гэйвина, «шанс Соединенным Штатам выжить»¹.

Появление в теории геополитики нового, ранее не известного «мирового острова» еще раз наглядно свидетельствует о том, что агрессивность той или иной империалистической державы определяется отнюдь не ее географическим положением. Не местом на земном шаре, а социально-экономическим укладом, степенью развития монополий и милитаризма объясняется характер внешней и внутренней политики империалистических государств.

Дальнейшее углубление общего кризиса капитализма сказалось и на **расистской** теории, всегда служившей идеологическим оружием колониализма и борьбы за передел мира. Как одна из идеологических основ империалистического разбоя и грабежа, расизм потерпел банкротство в результате победы свободолюбивых народов над фашизмом в годы второй мировой войны.

Международная обстановка, в которой развивают активность американские претенденты на мировое господство, коренным образом отличается от довоенной, когда агрессоры могли открыто заявлять о своих притязаниях господствовать над якобы «неполноценными» из-за расовых особенностей народами. Миф о «превосходстве» белой расы опровергнут крупными успехами в строительстве социализма, в национально-освободительном движении народов, в прошлом находившихся в колониальной зависимости от империалистических стран. Проповедь колониализма под прикрытием «биологической неполноценности» цветных народов сейчас не достигает цели.

Расизм оказался непригодным и применительно к «глобальной стратегии» США, рассчитанной на использование людских ресурсов всего капиталистического лагеря в агрессивных целях американских монополий. Он явно не соответствует призывам к «единству» в подготавливаемой войне против стран социализма.

Теория и практика американского расизма противоречат и интересам милитаристов при обеспечении проч-

¹ «Ordnance», March — April, 1955, 716, 798, 719.

ности их тыла и морального духа народа. Как отмечал американский социолог Янг, для поддержания высокого морального состояния масс необходимо «чувство солидарности, включая терпимость и сотрудничество в отношении всех классов и национальных меньшинств, которые также поддерживают войну»¹.

Американское правительство пыталось предпринять ряд мер, которые создали бы видимость отказа от расовой дискриминации в США. В июле 1948 г. Трумэн издал приказ о ликвидации расовой сегрегации в вооруженных силах США. 31 октября 1954 г. министерство обороны США объявило о расформировании воинских частей, состоявших из негров. В сообщении указывалось, что объединение белых и негров в общие части привело к заметному повышению боевой эффективности и что «в течение последних лет вооруженные силы постоянно и энергично осуществляли принципы равенства возможностей в отношении к негритянскому личному составу»².

К мерам подобного рода относилось и решение верховного суда США в мае 1954 г. о том, что раздельное обучение негров и белых в школах противоречит конституции³. Лицемерные попытки ликвидировать неравенство между белыми и неграми предпринимаются и в настоящее время. Однако все они имеют лишь частный характер и не затрагивают экономических, политических и правовых основ политики расовой и национальной дискриминации в США. На деле в стране по-прежнему свирепствуют шовинизм и расизм, разжигающие ненависть между народами. Но теперь их острие в основном направляется против стран, освободившихся от капиталистического рабства. Эта внешняя функция расизма и национализма смыкает их с антикоммунизмом. Поскольку же речь идет о создании боеспособных коалиционных армий, объединенных лозунгом «сотрудничества всех свободных наций», в которых немалую роль призваны сыграть так называемые «цветные» войска, преобладающее место в империалистической военной идеологии и пропаганде занимают антикоммунизм и космополитизм.

Идеологов американского империализма беспокоит растущее возмущение народов расистской политикой

¹ K. Young. Social Psychology. New York, 1946, p. 364.

² Keessing's Contemporary Archives. November, 1954, 13874B.

³ World Almanac and Book of Facts. New York, 1964, p. 148.

США. Профессор социологии Макайвер выражал тревогу по поводу опасных последствий расовой дискриминации «в период, когда на Соединенные Штаты возложено мировое руководство». Расовая дискриминация в США, по его мнению, подрывает американское «влияние в международных делах»¹. Макайвер сознательно умалчивал о том, что сама идея «мирового руководства» США и является крайним выражением расизма, в основе которого лежит грубая дискриминация прав стран и народов.

У. Гесслер, разрабатывая «глобальную стратегию выживания», также был озабочен разгулом расизма в США. В своей книге «Операция: выживание» он показал, насколько расистская теория и практика противоречат демагогическим лозунгам «свободы» и «демократии», с помощью которых империалисты стремятся обеспечить «западную солидарность» для вооруженной борьбы против социалистического лагеря. «Мы должны... — писал он, — в пределах целесообразного разделаться с расовой и религиозной дискриминациями». Ибо (беря, как он говорил, лишь один пример) «обращение с неграми во многих районах США» является «артерией, угрожающе близкой к поверхности в тот момент, когда американская политика рассматривается и перерассматривается различными народами во всем мире — народами разных характеров и цветов кожи». Гесслер призывал «улучшать американскую демократию», так как в противном случае она не сможет быть «предметом для экспорта» и в конечном счете окажется «камнем на нашей шее в глобальной борьбе за выживание»².

Аналогичные опасения высказывал полковник Рейнгардт в книге «Американская стратегия в атомный век». «Соединенные Штаты, — писал он, — могут занять руководящее положение, если они обеспечат у себя дома гражданские права, проявят благоразумное терпение и понимание местных проблем в азиатских странах и наглядно докажут, что прежний империализм мертв. Бремя белого человека является лишь его собственным бременем. Небелые расы стремятся к абсолютному равенству в полном смысле этого слова»³.

¹ «Правда», 10 сентября 1956 г.

² W. Hessler. Operation Survival, p. 272.

³ G. Reinhardt. American Strategy in the Atomic Age. University of Oklahoma Press, 1955, p. 173.

Стремясь обеспечить широкую поддержку агрессивному курсу американских монополий со стороны как своего, так и народов других стран, военные идеологи США на словах отрещиваются и от расизма, и от «старого империализма». Так, если в конце прошлого столетия, когда разгоралась борьба за передел мира, империалисты США открыто подняли грязный флаг англосаксонского расизма, а известные своими «имперскими» идеями Биверидж, Генри Лодж, Теодор Рузвельт, Мэхэн твердо придерживались расовой теории для обоснования экспансионистской политики США, то в середине XX в. идеологи буржуазии заговорили по-другому. «Доктрины силы и империи, провозглашенные Мэхэном и его школой, — писал американский историк Лайвзи, — оказались неосновательными в качестве базиса для внешнеполитических акций... Проповедники империи, выдвигали ли они идею расы господ, или бремени белого человека, обрели полмира, охваченного восстанием»¹.

В банкротстве расистской теории нашел выражение глубокий кризис империалистической идеологии. Сложившаяся в современном мире обстановка обусловила дальнейший рост национального и политического самосознания народов. Расистские и шовинистические лозунги вызывают негодование и отпор со стороны все более широких масс трудящихся во многих странах планеты, в том числе и в тех, которые по планам империалистов США должны поставлять людские ресурсы для новой войны. Тем самым подрывается империалистический принцип ведения войны чужими руками. Расизм действительно стал «камнем на шее» у американских стратегов.

Что же касается выступлений американских пропагандистов против расовой дискриминации, за «равенство возможностей людей различных рас», то они являются насквозь лицемерными и фальшивыми и продиктованы стремлением обмануть мировую общественность, создать условия для «спокойной» подготовки к новым империалистическим военным авантюрам. Американская действительность красноречиво свидетельствует о подлинном разгуле расизма и шовинизма в последние годы.

Значительное место в идеологическом обосновании

¹ W. Livesey. Mahan on Sea Power. University of Oklahoma Press, 1947, p. 299.

агрессивной стратегии империализма США занимает **неомальтузианство**. В нем милитаристы находят своего рода источник «доказательств» законности новой мировой войны. Для милитаризма неомальтузианство оказывается приемлемым более, нежели открытый расизм, поскольку исходная его аргументация формально не связана со специфическими расовыми и национальными признаками. Современные мальтузианцы в США выступают с якобы «общечеловеческих» позиций. Будто бы заботясь о поднятии благосостояния народов всех стран, они рекомендуют истребить «неприспособленную» и «неполноценную» часть всего человечества, а не какую-либо его отдельную расу. Расизм при этом как бы отодвигается на задний план. На первом же плане — звериная ненависть эксплуататоров к трудящимся массам, которые, по их мнению, конечно, и относятся прежде всего к разряду «неприспособленных» и «неполноценных».

В мальтузианстве реакционные силы видят весьма важное средство идеологической борьбы и подготовки агрессии. Сохраняя значение, раскрытое еще Энгельсом, как самого откровенного провозглашения войны буржуазии против пролетариата, современное неомальтузианство призвано лишить народы воли к борьбе за мир и социализм. Большинство авторов многочисленных вариантов неомальтузианской теории (Пенделл, Фогт, Кук, Хилл, Пирсон, Харпер, Макклири, Уэйлер и многие другие) доказывают «необходимость» и «полезность» резкого сокращения населения земного шара посредством войны против «коммунистического Востока». Почти все они сходятся в том, что теория Мальтуса непосредственно касается стран Востока и так называемых «неполноценных» слоев населения буржуазного Запада. Культивируя презрение к подавляющей части населения нашей планеты, нынешние неомальтузианцы готовят моральное «оправдание» применению абсолютно всех видов оружия массового истребления людей. Они хотели бы, чтобы на опустошенной земле остались только «избранные нации» и, конечно же, янки.

Некоторые неомальтузианцы под надуманным предлогом «перенаселенности», «давления избыточного населения» как основной причины войн считают нужным сократить и население США. Но большинство их утверждают, что в США избыточного населения нет, что лишь

Восточная Европа, Азия, Африка и Латинская Америка страдают от излишка людей. Такого мнения, в частности, придерживается матерый неомальтузианец Уэйлер. Он пытается доказать, что бредовая теория Мальтуса справедлива для всех стран Востока и ошибочна для США и Западной Европы.

Так под личиной мальтузианства выступает ничем не прикрытый расизм. Объяснение же «перенаселения» вне зависимости от расовых признаков позволяет, отказываясь на словах от расизма, протаскивать его в политическую и военную идеологию в виде неомальтузианства, якобы «беспристрастного» к расам и нациям. Вот как это выглядело у Гесслера, который призывал «разделаться» с расизмом. «Призрак, который преследует нас, когда мы смотрим за океаны и в направлении на юг, — пишет он, — это род человеческий, неуклонно обгоняющий в своем росте запасы продовольствия ввиду перенаселения. Никогда нельзя забывать, что перенаселение, с логически вытекающей из него угрозой голодной смерти, является одной из действительно фундаментальных причин войны»¹.

Следовательно, процесс обнищания трудящихся при капитализме, маскируемый термином «перенаселение», по Гесслеру, не затрагивает Соединенные Штаты Америки. В действительности же в США, как и в других странах капитала, действует всеобщий закон капиталистического накопления, который неизбежно ведет к росту богатства на одном социальном полюсе и нищеты — на другом. Известно, например, что 30—35 млн. трудящихся США всегда находятся в состоянии крайней бедности, не имея средств даже на прожиточный минимум². Гесслер, как и другие неомальтузианцы, объявляя бедность народных масс в капиталистических и колониальных странах главным основанием для войн, сознательно путает причины и следствия. Не бедственное положение эксплуатируемых, а концентрация огромных национальных богатств в руках эксплуататоров является одним из самых глубоких источников империалистических войн. Само по себе обнищание трудящихся не представляет непосредственной угрозы для господства монополий.

¹ W. Hessler. Operation Survival, p. 37.

² См. «American Federationist», November, 1966.

Реальная опасность для капитализма заключается в том, что рано или поздно трудящиеся массы начинают понимать причины своего положения, поднимаются на революционную борьбу и сбрасывают иго эксплуататоров. Именно этого больше всего и боятся монополисты и их идеологи — неомальтузианцы.

Указывая на рост обнищания, неомальтузианцы не ставят задачей его уничтожение. Жестокая эксплуатация трудящихся и ее следствие — нищета людей труда являются одним из основных условий существования капиталистического способа производства. Чтобы устранить угрозу господству миллиардеров, неомальтузианцы предлагают уничтожить миллионы людей, и в первую очередь наиболее революционную часть мирового пролетариата. Пригодными для этого они считают любые средства. Но больше всего их устраивает война с применением оружия массового поражения. «К списку потенциальных технических средств регулирования населения, — писал Гесслер, — мы должны добавить атомную бомбу»¹.

Таким образом, неомальтузианство помогает буржуазным идеологам маскировать подлинные источники агрессивных войн и подводить некую наукообразную «основу» под истребительную войну. Именно в «обосновании» необходимости применения ядерного оружия для сокращения численности человечества американские милитаристы и увидели особую ценность взглядов новых мальтузианцев.

Пропаганда неомальтузианцев служит и бешеной гонке вооружений. Указывая на «полезность» войн как средства уменьшения «давления населения», они пытаются оправдать строительство и содержание огромных вооруженных сил. Прогрессирующее же понижение жизненного уровня трудящихся в результате бешеной гонки вооружений объясняют как следствие «перенаселения». В сочетании с пропагандой кейнсианского принципа материальной «заинтересованности» рабочего класса в производстве оружия неомальтузианство дает возможность империалистам обманывать известную часть американского народа, способствует распространению милитаристских настроений.

¹ W. Hessler. Operation Survival, p. 37.

Однако по мере нарастания общественного протеста против подготовки новой мировой войны и эта лжетеория начинает утрачивать свое влияние на массы. Число выступлений против неомальтузианства со стороны прогрессивных и либерально настроенных авторов в буржуазных странах увеличивается.

Нельзя обойти молчанием такое весьма примечательное явление, как критика неомальтузианства с позиций воинствующего милитаризма. Проповедники и защитники милитаризма обеспокоены не столько ростом населения, как таковым, сколько невыгодным для империализма соотношением численности населения стран социализма и капитализма. Подсчитав людские ресурсы, которые могут быть использованы для ведения войны, Страуш-Хюпе, Поссоны и Кинтнер пришли к выводу, что неомальтузианство в случае применения к странам буржуазного Запада способно в корне подорвать агрессивную американскую стратегию. Поэтому в отношении США они выдвинули теорию, явно противоречащую мальтузианским рецептам. Признавая, что «мальтузианство пронизывает современное мышление по всем видам экономических, политических и военных проблем», Поссоны и Хюпе писали, что «в своей первоначальной и простейшей форме теория Мальтуса представляется применимой к современным условиям в Китае и Индии». В противовес теории «малых армий» Секта, Фуллера и де Голля они отмечали, что эти генералы «предлагали решать неразрешимую проблему: как быть сильным, не будучи сильным количественно». Исходя из суждения, что в войне «людские ресурсы, при всех прочих равных условиях, остаются, как они всегда и были, решающим фактором», Поссоны и Хюпе пришли к выводу о необходимости принятия срочных мер для увеличения населения США и Западной Европы. Они предложили с этой целью начать «демографическое перевооружение» капиталистических стран как выполнение «патриотической обязанности» населения, понимая под этим «националистическую гонку деторождения»¹.

Однако на большой эффект от подобной «гонки» идеологи милитаризма не рассчитывали и предложили

¹ R. Strausz - Hupé, S. Possony. International Relations..., pp. 72, 73, 100.

также широко раскрыть двери США для иммигрантов, тщательно отбирая «способных к тяжелой работе» и, конечно, к службе в вооруженных силах на случай войны. Авторы этого предложения утверждали, что усиленная иммиграция дает возможность «обогатить экономику» и не ослаблять политическое влияние США в Европе и во всем мире. Других средств политики, кроме вооруженного насилия, они не признавали¹.

Антинаучность и реакционная сущность неомальтузианства очевидны даже для предубежденных буржуазных социологов. Фашиствующие американские мальтузианцы предлагают решить важнейший вопрос современности — повышение жизненного уровня населения земли — исключительно военными средствами, хотя это не военная, а социальная проблема, единственное решение которой возможно лишь в результате социалистического переустройства общества. Путем насильственного уменьшения населения земли неомальтузианцы надеются сохранить господство монополий на вечные времена. Но, проповедуя свои бредовые идеи, провозглашая истребительную войну, они разоблачают себя и своих хозяев как опаснейших и злейших врагов человечества.

Популярность неомальтузианства в среде буржуазных идеологов, его крайне милитаристские призывы — это одно из тлетворных последствий углубления общего кризиса капитализма, своеобразная реакция на крушение колониальной системы со стороны идейных прислужников монополий. Неомальтузианская проповедь истребительной войны явилась не только попыткой запугать народы, поднявшиеся на борьбу за свою независимость, она выражает подлинные намерения империалистической буржуазии уничтожить население тех стран, которое не желает снова надеть оковы гнета и несправедливости. Это подтверждает многолетняя агрессия США против свободолюбивого вьетнамского народа. Не видя никаких других путей достижения победы над вьетнамцами, империалисты США прибегли к применению таких преступных методов ведения войны, как использование против мирного населения напалма, отравляющих веществ и ядохимикатов, бомбардировку густо населенных районов, не

¹ R. Strausz-Hupé, S. Possony. *International Relations*, pp. 105, 107.

имеющих военного значения, разрушение гидротехнических сооружений и т. п.

Идею массового уничтожения людей военные идеологи США обычно ставят в зависимость от появления ядерного оружия. Но такая связь не выдерживает критики. Нельзя объяснить развитием науки и техники образ действий эксплуататорских классов, готовых ради сохранения своего господства пойти на любые преступления против человечества.

Социал-дарвинизм и космополитизм, расизм и шовинизм, геополитика и неомальтузианство, идеалистическая философия и религия — все эти реакционные лжетеории и вероучения, объединенные идеологией антикоммунизма, широко используются американским империализмом как идейно-теоретическое обоснование агрессивной военной политики. В них находит свое непосредственное выражение отношение монополистической буржуазии США к войне, ее готовность применить вооруженное насилие для сохранения и распространения своего господства на весь мир, стремление уничтожить социалистические страны, утопить в крови международное рабочее движение, удушить борьбу народов за свободу и независимость.

Содержание и политическая направленность этих лжетеорий претерпевают после второй мировой войны существенные изменения. Как уже говорилось, преобладающая в них новая аргументация нередко оказывается диаметрально противоположной тем исходным антинаучным догмам, на которых первоначально основывались эти «теории». Тем самым обнажается подлинный источник происхождения расизма, геополитики, неомальтузианства — захватническая империалистическая политика, а не «беспристрастная» буржуазная наука. Легкость, с которой буржуазные идеологи отказываются от старых взглядов и переходят к новым, прямо противоположным, также служит наглядным доказательством субъективно-идеалистической природы этих концепций, их несостоятельности и антинаучности. При этом ярко выражается антикоммунистическая направленность военной идеологии американского империализма, ее целеустремленность на подготовку агрессии против социалистических стран. В военной доктрине США антикоммунистическая, в первую очередь антисоветская, ориентация находит свою материально-техническую опору в ядерном оружии, ко-

тому придается значение главного и решающего средства достижения победы в агрессивной войне.

Таковы наиболее существенные способы и формы приспособления империалистической военной идеологии к новым условиям борьбы между империализмом и социализмом. Произошло изменение военно-политических принципов американского милитаризма: главным среди них стало вооружение монополистической буржуазии США против социалистических стран. В своей сущности это все тот же принцип вооружения буржуазии против пролетариата, вынесенный на международную арену и ставший одной из внешних функций империализма в связи с появлением системы социализма. Однако, как свидетельствует история, вооруженная борьба против государства рабочего класса по своим результатам существенно отличается от насильственного подавления революционного движения пролетариата внутри страны. Вооружение против первого в мире социалистического государства так или иначе свойственно военной политике всех империалистических государств после победы Великого Октября. Фашистская Германия первой сделала это основным военно-политическим принципом милитаризма и первой же потерпела сокрушительное поражение, попытавшись осуществить его, развязав войну против Советского Союза. После второй мировой войны главным носителем идеологии войны против СССР и других социалистических стран стал американский милитаризм.

Глава третья

ДОКТРИНА ТОТАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

В последние два-три десятилетия военная доктрина США претерпевает непрерывную эволюцию, вызванную прежде всего изменениями в международной обстановке и появлением новых средств ведения войны. Характер, содержание и направленность военной доктрины американского империализма полностью определяются ориентацией на подготовку и ведение войн против социалистических государств и военной борьбы с национально-освободительным движением.

Развитие доктрины сопровождается активной военно-теоретической деятельностью военных и гражданских специалистов, ожесточенными дискуссиями сторонников различных видов вооруженных сил. Эти споры и столкновения мнений во многом объясняются соперничеством монополий, стремящихся получать наивысшие прибыли от производства того или иного нового вида вооружений. Но главная причина активизации американской военной мысли в послевоенное время заключается в том, что империализм США в стремлении к мировому господству столкнулся с реальным фактом изменения соотношения мировых сил в пользу социализма и возросшей в связи с этим сложностью проведения политики насилия в отношениях между государствами.

1. ТРУДНОСТИ ВЫРАБОТКИ ЕДИНОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

В военной доктрине, как известно, отражаются принятые в государстве взгляды на характер и способы ведения войны, а также соответствующие им требования к подготовке страны к войне. Она представляет собой государственное военное мировоззрение, на основе кото-

рого осуществляются военное строительство, подготовка страны и вооруженных сил к войне¹. По своей сущности военная доктрина и военная идеология однозначны. Но по содержанию доктрина значительно уже, поскольку в нее не входит весь многообразный комплекс социально-политических и военно-технических теорий, концепций и идей, выдвигаемых представителями различных финансово-промышленных группировок и буржуазных партий, политическими деятелями, военными и гражданскими специалистами. Она включает лишь ту их часть, которая служит милитаристским интересам монополистической буржуазии в целом, выражает способы ведения войны и получает официальное одобрение законодательных и исполнительных органов государства.

В период между мировыми войнами военная доктрина США была в значительной степени нацелена на борьбу за передел мира. Однако это не означало, что американский империализм отказался от агрессивной интервенционистской политики в отношении Советского Союза, начатой в годы гражданской войны в СССР. В то время более остро стояла проблема борьбы против империалистических соперников США, прежде всего из-за азиатских рынков сбыта и источников сырья в бассейне Тихого океана, где особенно острыми были американо-японские, а также англо-американские противоречия. Еще в 1917 г. В. И. Ленин указывал, что война между Японией и Америкой подготавливается несколько десятилетий и что действительной целью вступления Америки в первую мировую войну явилась «подготовка к будущей войне с Японией»².

Соответствующее отражение подготовка к войне за передел мира находила в военном строительстве и стратегическом планировании. Главное внимание уделялось созданию сильнейшего в мире военно-морского флота,

¹ Одно из распространенных в США определений военной доктрины гласит: «Доктрина обеспечивает военную организацию общей философией, общим языком, общей целью и единством усилий. Доктрина влияет в большей степени на стратегическое мышление, равно как и на развитие оружия, организацию, боевую подготовку и тактику. Доктрина — это цемент, который связывает военную организацию в эффективное боевое целое» (General G. H. Decker in «Military Review», July, 1962).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 98.

В то время как армии отводилась роль «второй линии обороны»¹.

С окончанием второй мировой войны американские империалисты выдвинули новую экспансионистскую программу, рассчитанную на установление мирового господства. Готовясь к войне против СССР и других социалистических стран, США уже в мирное время стремятся к захвату позиций, обеспечивающих, по их мнению, превосходство на суше, море и в воздухе во всех стратегически важных районах мира, стараются овладеть крупнейшими источниками стратегического сырья.

Курс американского империализма на установление мирового господства выразился в создании агрессивных военных блоков, с помощью которых США пытаются оказывать решающее влияние на военную политику других капиталистических государств. В мае 1946 г. Г. Трумэн направил послание конгрессу с изложением плана межамериканского военного сотрудничества, охватывающего латиноамериканские страны и Канаду. Планом предусматривалась передача вооружения американским государствам и продолжение «генеральной программы сотрудничества» с их вооруженными силами².

План Трумэна поддержали начальники штаба армии генерал Эйзенхауэр и штаба флота адмирал Нимиц.

Созданию агрессивного блока НАТО предшествовало принятие американского плана закабаления Европы, первоначально высказанного в известных «доктрине Трумэна» и «плане Маршалла». До этого широко обсуждались многочисленные планы и проекты «усовершенствования» доктрины Монро с тем, чтобы распространить сферу ее действия на Исландию и Гренландию, Юго-Восточную Азию и Средний Восток, на Индию и Африку, средиземноморский бассейн и в конечном счете на весь мир.

¹ Военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джек Рэймонд отмечал, что «в течение двух десятилетий после первой мировой войны главным занятием отдела военного планирования американской армии была подготовка так называемых «цветных планов». Из них только два плана предусматривали мобилизацию: красный — для войны против Англии; красный и оранжевый — против коалиции Англии и Японии. Эти планы не пересматривались вплоть до 1938 года» (J. R a u t o n d. Power of Pentagon. New York, Evanston, London, 1964, p. 30.).

² «New York Gerald Tribune», May 7, 1956.

В результате колоссальных затрат на военное строительство в годы второй мировой войны и после нее США превращаются в сильнейшую по сравнению с другими капиталистическими странами военную державу. Если в начале войны по численности армии США занимали среди них 17-е место, то после войны стали первыми. В декабре 1946 г. военное министерство выступило с требованием содержать в мирное время в составе регулярной армии 875 тыс. офицеров и рядовых, в национальной гвардии — 681 тыс. и в организованном резерве — 3 млн. 500 тыс. человек. В военно-морском флоте, согласно этим же требованиям, намечалось иметь 437 тыс. кадрового состава, 192 352 человека организованного резерва и 60 тыс. человек морской пехоты ¹.

До этого в мирное время в США вооруженных сил и резервов таких размеров никогда не было. В 1939 г., когда гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну, армия США насчитывала 493 439 человек, в том числе кадрового состава — только 187 886 человек, в национальной гвардии было 197 924 человека, в организованном резерве — 107 629 человек ².

Правительственной акцией, определившей законодательные основы новой военной доктрины США, явилась военная реформа 1947 г. 11 июня 1947 г. американский сенат, а 26 июня — палата представителей одобрили «Закон 1947 г. о национальной безопасности», которым предусматривалось объединение руководства всеми видами вооруженных сил «в одном министерстве национальной обороны». Министру обороны подчинялись военное, военно-морское министерства и созданное тогда же министерство авиации. Кроме того, в соответствии с законом были образованы «Совет национальной безопасности» и «Управление ресурсов национальной безопасности».

Закон 1947 г. придал понятию «безопасность» ярко выраженный агрессивный характер, что встретило горячее одобрение американской военщины. Теоретический журнал военно-морского флота США писал в связи с этим: «Еще ни один закон конгресса не вкладывал столько смысла в свое название. Делая ударение на слове

¹ «Army and Navy Journal», December 28, 1946.

² The Army of the United States. Senate, 76th Congress, 1th Session, Document № 91, p. 49.

«безопасность» и отводя второе место несчастливому слову «оборона» (причем жаль, что оно не могло быть совершенно изъято), подчеркивается та мысль, что принятие оборонительной позиции и сохранение ее в современной войне до того, как мы станем объектом нападения, означало бы просто совершение самоубийства»¹.

Одной из существенных особенностей реформы 1947 г. явилось заметное повышение роли военно-воздушных сил в военной организации. Будущая война рассматривалась как скоротечная, молниеносная. Ее исход должны были предрешить внезапные сокрушительные атомные удары авиации по стратегическому тылу противника. При этом особое внимание обращалось на предотвращение опасных социальных последствий, которые могут вызвать ответные удары по американскому континенту. В докладе «Программа национальной безопасности», опубликованном совещательной комиссией при президенте США по вопросам всеобщего обучения в мае 1947 г., отмечалось, что атомное нападение «разрушит основные центры населения, промышленности и пути сообщения, вызовет настолько сильную дезорганизацию и деморализацию страны», что каждый населенный пункт «должен будет реорганизоваться и быть готовым защищать себя против саботажа и парашютных войск». Авторы доклада неоднократно подчеркивали «опасность подрывной деятельности внутри страны в обстановке атомного нападения на США»², когда страна находится под первоначальными ударами противника, ссылались на высказывание генерала Эйзенхауэра, что исход будущей войны определится способностью Соединенных Штатов «действовать и оказывать противодействие в течение первых шестидесяти дней».

Комиссия пришла к выводу о необходимости полностью милитаризовать население США на основе всеобщей воинской повинности, содержать в постоянной боевой готовности мощные вооруженные силы, способные к нанесению внезапных сокрушительных ударов. Главная роль при этом отводилась авиации стратегического назначения.

¹ «United States Naval Institute Proceedings», April, 1948.

² «Military Affairs», Spring, 1948, p. 55.

Специальная комиссия при президенте США по вопросам развития военной авиации заключила, что для обеспечения «даже относительной безопасности» США «должны быть готовы к войне». По мнению комиссии, «политика относительной безопасности» вынуждает США поддерживать вооруженные силы в постоянной боевой готовности; иметь не только самые лучшие по качеству воздушные силы, но и держать их «в наличии и готовности для немедленного использования»; усилить исследовательские работы по развитию авиации, ибо иметь уступающую по качеству авиацию в период войны «почти так же плохо, как не иметь никакой авиации». Комиссия высказалась за «новую стратегическую концепцию», в которой «ядром является воздушная мощь»¹.

Основные идеи доклада комиссии послужили исходными для гонки вооружений. С созданием агрессивного Североатлантического блока главная тяжесть ведения наземных операций возлагается на европейских союзников США. В октябре 1950 г. председатель комитета начальников штабов генерал Брэдли, излагая важнейшие положения американской военной политики, заявил, что вооруженные силы Североатлантического блока должны состоять из авиации, военно-морского флота и сухопутных войск. Ссылаясь на различие в географическом положении государств, входящих в блок, он провозгласил «американский принцип» создания этих сил: США должны выставить стратегическую авиацию и военно-морские силы, Англия — тактическую авиацию и свой флот, а западноевропейские страны — наземные войска. Брэдли отметил, что одни бомбардировщики не обеспечат стратегических результатов, что для этого нужны мощные наземные силы².

Такой же точки зрения придерживался комитет начальников штабов в 1952 и 1953 гг. Впоследствии его председатель адмирал Рэдфорд высказал мнение, что воздушным силам США «абсолютно необходимо быть самыми мощными в мире»³. В марте 1954 г. он то же самое сказал о военно-морском флоте. Выступая в «Эко-

¹ A Programm for National Security, Report of the President's Advisory Commission on Universal Training, Washington, Government Printing Office, May 29, 1947, p. 16.

² «Army Combat Forces Journal», October, 1950.

³ «New York Times», October 16, 1954.

номическом клубе» в Нью-Йорке, Рэдфорд заявил: «Силы, которые мы собираемся сохранить, свидетельствуют о том, что мы не полагаемся исключительно на воздушную мощь. Мы будем по-прежнему держать более миллиона солдат в нашей армии и будем по-прежнему иметь военно-морской флот, не уступающий ни одному флоту в мире. Никогда раньше мы не пытались сохранить вооруженные силы таких размеров... Вопрос о программе вооруженных сил — это скорее вопрос о том, на что делать упор. Мы делаем упор на воздушную мощь, на новое оружие и на высокий уровень оперативной готовности»¹.

Таким образом, если до второй мировой войны США создавали крупнейший в мире военно-морской флот и довольствовались сравнительно небольшими армией и авиацией, то в послевоенный период структура их военной машины существенно меняется. Сохраняя сильный флот, они формируют мощные воздушные силы и армию. Всем видам вооруженных сил придается ярко выраженный наступательный характер. Рассчитывая использовать армии союзников по агрессивным блокам, США в то же время стремятся подготовить и собственную сильнейшую в мире военную машину.

После второй мировой войны военно-морской флот утратил прежние значение «краеугольного камня» военной стратегии и «первой линии обороны» США. На основании закона 1947 г. о «национальной безопасности» армия, флот и авиация рассматривались как примерно равноценные компоненты военной организации, что отвечало концепции «сбалансированных» вооруженных сил. «Эта концепция, — отмечал впоследствии Г. Киссингер, автор ряда работ по военным и внешнеполитическим вопросам, — позволяла каждому виду вооруженных сил делать то, что он делал всегда, только с учетом использования более мощных средств»², то есть ядерного оружия.

В этот период соперничество между армией, военно-морским флотом и военно-воздушными силами чрезвычайно обостряется. Каждый из видов вооруженных сил

¹ «New York Times», March 11, 1954.

² Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика. Перев. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1959, стр. 81.

стремится добиться первенствующей роли в военной организации США и иметь приоритет в использовании ядерного оружия. Значительно усиливаются противоречия по вопросам о характере военных действий и способах их ведения, основным принципам военного искусства, единстве командования, роли видов вооруженных сил, по ряду других проблем военного строительства. Межведомственная борьба лидеров военщины приводит к скандальным разоблачениям связей военно-промышленных корпораций с военными деятелями, что влечет за собой расследования конгрессом и последующие изменения в составе высшего военного руководства.

Одна из характерных особенностей этой борьбы заключалась в том, что представители каждого вида вооруженных сил широко пользовались аргументацией, основывающейся на одностороннем, а нередко и грубо фальсифицированном толковании истории и опыта второй мировой войны.

С созданием атомной бомбы лидеры военно-воздушных сил США немедленно объявили военно-морской флот и армию устаревшими видами вооруженных сил. Они начали усиленно пропагандировать теорию «воздушной мощи», согласно которой мировое владычество американского империализма вполне может быть обеспечено путем завоевания господства в воздухе. «Руководители воздушных сил, — заявил в 1951 г. начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Ванденберг, — добиваются создания такой авиационной мощи, которая обеспечила бы господство над всем миром»¹. Командующий ВВС генерал Арнольд писал, что «новые ужасные виды оружия» дают возможность настолько быстро закончить войну, что действий артиллерии или военно-морского флота уже не потребуется.

Военно-морской министр Форрестолл высказывал противоположное мнение: в будущей войне морские силы будут «жизненно необходимы, поскольку ликвидировать воздушную угрозу можно только с помощью военно-морского флота, способного уничтожить воздушные базы противника»². Главнокомандующий морскими силами адмирал Нимиц предлагал сохранить предпочтитель-

¹ «New York Times», May 29, 1951.

² «Army and Navy Register», February 16, 1946.

ное положение флота, объединив с ним авиацию, в результате чего должен возникнуть «воздушно-морской гибрид»¹.

Сторонники военно-морского флота считали, что теория «морской силы» Мэхэна пригодна для «атомного века» и с появлением атомной бомбы осталась в основном неизменной. Атомная бомба должна быть поставлена на службу морской силе и сделать ее «еще более действенной, чем она была в дни адмирала Нельсона»². Объявив теорию Мэхэна подходящей для всех времен, независимо от уровня военно-технического развития, военный писатель Б. Броди пытался доказать, что в годы второй мировой войны «морская сила оказала гораздо более глубокое влияние на ход истории, чем когда-либо прежде». С этой позиции он критиковал сторонников авиации и делал вывод, что доктрина, согласно которой «только самолет может достичь победы, или что самолет может делать все то, что делает военный корабль, и делать это лучше — есть чистейшая форма помешательства на одной идее»³.

Характеризуя междуведомственную борьбу этого периода, Киссингер отмечал, что «на фоне соперничества между видами вооруженных сил попытки примирить сталкивающиеся точки зрения приводят к актам, которые похожи скорее на соглашения между суверенными государствами, чем на стремление разработать приемлемую для всех доктрину»⁴. Одно из подобных соглашений было заключено весной 1948 г. В Ки-Уэсте (Флорида) бывший министр Форрестолл провел совещание членов комитета начальников штабов с целью сформулировать общую военную доктрину США. Согласно решению совещания за армией оставались наступательные и оборонительные операции на суше, оборона баз и территории США. На военно-морской флот возлагались задачи: завоевание стратегического господства на море; перенесение боевых действий на территорию противника посредством проведения крупных десантных операций;

¹ «National Geographic Magazine», June, 1946.

² «United States Naval Institute Proceedings», October, 1946.

³ B. Brodie. *Sea Power in the Machine Age*. Princeton, 1944, p. XXI; B. Brodie. *A Guide to Naval Strategy*. Princeton, 1944, pp. 210—211, 242, 245.

⁴ Г. Киссингер. *Ядерное оружие и внешняя политика*, стр. 72.

воздушные бомбардировки с авианосцев; защита своих и союзнических морских коммуникаций; оборона баз, американского континента и заморских источников сырья. За основу боевой мощи флота были приняты авианосцы взамен не оправдавших себя в период второй мировой войны линейных кораблей. Авианосцы составили «становой хребет флота». Воздушным силам поручалось ведение «стратегической войны» в воздухе, бомбардировки стратегического и оперативных тылов противника, переброска воздушных десантов, поддержка операций сухопутных войск.

Одновременно был взят курс на ускоренное развитие ракетной техники и всех других видов современного оружия. Еще в декабре 1946 г. Пентагон опубликовал так называемую «программу безопасности», которая предусматривала обширные исследовательские работы с целью «сохранить ведущую роль» США в создании «атомных бомб и управляемых снарядов, биологических и радиоактивных средств и в развитии методов их использования и обороны против них»¹.

Ки-уэстское соглашение не ликвидировало разногласий между видами вооруженных сил и не привело к прекращению соперничества между ними. Основой этого соглашения являлась теория «сбалансированных» вооруженных сил — сохранение определенного «равновесия» между армией, флотом и авиацией. Каждому виду вооруженных сил были обещаны примерно одинаковые годовые ассигнования по военному бюджету². Хотя принципы Ки-уэстского соглашения соблюдались не более полутора лет, теория «сбалансированных» сил в значительной мере определяла характер военного строительства. Но споры в военных кругах не утихали.

Точка зрения армии на способы ведения войны, согласно заявлению генерал-лейтенанта Маклайна в подкомиссии палаты представителей по ассигнованиям, была следующей: вначале наносится «молниеносный удар с использованием всех современных средств ведения войны». Если он не приведет к достижению победы, то за ним последует «постепенное изматывание противника путем

¹ «Army and Navy Journal», December, 1946.

² Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 73—74.

бомбардировок его баз, промышленных предприятий и портов». Завершающим этапом явится борьба между вооруженными силами противников на суше, море и в воздухе, которой «будет сопутствовать элемент истощения»¹.

Командование военно-воздушных сил рассматривало подобную стратегическую концепцию как безнадежно устаревшую и продолжало настаивать на принятии доктрины молниеносной воздушной войны. Начиная с 1950 г. правительство США постоянно усиливает внимание развитию военно-воздушных сил. В декабре 1951 г. Трумэн огласил решение об увеличении количества крыльев (авиаполков) до 126 единиц, и уже в течение первых месяцев 1952 г. их число было доведено до 143. В июне 1952 г. комиссия конгресса по вооруженным силам высказалась за превращение США в милитаристское государство, диктующее свою волю с помощью вооруженной силы всему миру. Прикрываясь миролюбивой фразой, начальник штаба авиации Ванденберг в феврале 1953 г. заявил: «Всеобщий мир зависит от двух вещей: во-первых, от увеличения американских военно-воздушных сил до 143 полков и, во-вторых, от поддержания этой авиации на таком уровне, который позволил бы ей выполнить стоящие перед ней задачи»². В 1953 г. военно-воздушные силы получили большую часть ассигнований из общего военного бюджета по сравнению с другими видами вооруженных сил.

Опыт войны в Корее, где американские интервенты понесли тяжелое поражение, показал, что даже полное превосходство на море и в воздухе не обеспечивает победы над противником, располагающим сильной армией, самоотверженно сражающейся за свободу и независимость своей страны. Лидеры американской военщины объясняли поражение в Корее главным образом тем, что США не применяли атомного оружия и американская авиация не совершала налетов на промышленные и другие важные объекты в Китае, который они рассматривали как стратегический тыл корейского фронта. Исходя из этого сомнительного аргумента было выдвинуто тре-

¹ U. S. Congress, House, Military Establishment Appropriation Bill for 1948. Hearings, Subcommittee of Committee on Appropriations. 80th Congress, 1st Session. Washington, 1947.

² «Flying», February, 1953.

бование повысить роль авиации в системе вооруженных сил и особенно роль ядерного оружия, используемого против тыловых объектов.

После поражения в Корее американские империалисты предприняли новую кампанию атомного шантажа. Распространялось мнение, что именно благодаря ядерному оружию, как основе стратегии США, можно создать наиболее «экономичные» вооруженные силы, поддержание которых в постоянной боевой готовности в течение длительного периода не приведет американскую экономику к краху. В мае 1953 г. Эйзенхауэр заявил: «Мы придаем решающее значение военно-воздушным силам. В будущем (т. е. в 1954) году почти 60 центов из каждого доллара, предназначенного на оборону страны, будут израсходованы на военно-воздушные силы и противовоздушную оборону»¹.

Характер военного строительства и содержание официальной военной мысли США в начале 50-х годов свидетельствовали о том, что ликвидация Советским Союзом монополии США на атомное оружие не отрезвила агрессивно настроенных милитаристов. Они не отказались от прямой вооруженной борьбы против социализма, усилили гонку вооружений, активизировали военные блоки, созданные в целях агрессии против Советского Союза и других социалистических стран, обострили против них идеологические атаки.

2. СТРАТЕГИЯ «МАССИРОВАННОГО УДАРА»

В течение 1953 г. правительство США и комитет начальников штабов разработали так называемый «новый курс» в военной политике. Проведение его в жизнь привело к заметным изменениям в военной доктрине и строительстве вооруженных сил. Суть этих изменений изложил государственный секретарь США Даллес в январе 1954 г. «Мы нуждаемся в союзниках и коллективной безопасности, — говорил он. — Наша цель состоит в том, чтобы сделать эти отношения более эффективными и менее дорогими. Это может быть сделано посредством большей опоры на сдерживающую мощь при меньшей

¹ «Washington Post», May 20, 1953.

зависимости от локальной обороны... Локальная оборона должна быть подкреплена дополнительным устрашением — массированной мощью возмездия»¹.

Даллес сообщил, что президент и его советники, представленные «Советом национальной безопасности», должны были принять решение, служащее основанием для изменения в военном планировании. Это решение заключалось в том, чтобы «полагаться главным образом на большую способность ответить немедленно, с помощью средств и в местах по нашему собственному выбору»². Он высказал уверенность, что такого рода стратегия допускает «выбор военных средств» вместо умножения их количества.

Речь Даллеса не оставила сомнений в том, что именно он имеет в виду под «выбранными военными средствами», предназначенными для нанесения «ответного удара». Содержанием предложенного им «нового курса» являлась долговременная гонка вооружений всех видов с упором на воздушные силы и беспилотные средства, оснащенные ядерными бомбами.

Руководящие военные деятели США выступили с поддержкой этого курса. «Основой нашей программы обороны, — заявил адмирал Рэдфорд в Детройте 27 сентября 1954 г., — стала подготовка на длительный период и сохранение большой способности нанесения ответного удара такими методами и в таких местах, как мы это сами изберем»³.

Формула «ответный удар», разумеется, вовсе не означала перехода к оборонительной стратегии. Она была лишь маскировкой агрессивной идеи установления мирового господства с помощью ядерного оружия, глубоко укоренившейся в американской политической и военной идеологии.

Ориентация на воздушные силы и атомное оружие наиболее отчетливо проявилась в выступлениях Ч. Вильсона, министра обороны США. «Все возрастающие возможности новых видов оружия и новой техники, — говорил он, — обесценивают практику определения военной силы преимущественно путем подсчета людей и

¹ «Department of State Bulletin», March 29, 1954.

² Там же.

³ «New York Times», September 28, 1954.

числа кораблей, танков, пушек и самолетов... Наш упор на авиационную мощь свидетельствует о том, каким образом новые системы оружия включаются в военные планы»¹. В октябре 1954 г. на заседании Совета международных отношений в Лос-Анджелесе Вильсон высказался за создание сильнейшей в мире авиации: «Мы хотим иметь самую лучшую и мощную авиацию в мире. Наши самолеты должны летать быстрее и выше и быть способны перевозить большие грузы на более далекие расстояния. Нельзя, наконец, уступать. Это может привести к трагедии»².

Наряду с усилением гонки воздушных и атомных вооружений «новым курсом» предусматривалось также ускоренное формирование сухопутных войск за счет европейских и азиатских союзников США в рамках военных блоков. Об этом свидетельствовали неоднократные высказывания Даллеса о «нужде в союзниках», о том, что США «будут полагаться на подвижные вооруженные силы союзников», а «вклад Соединенных Штатов в первую очередь выразится в военно-морских и военно-воздушных силах»³.

К этому времени при активной американской помощи началась подготовка более 200 дивизий в тех странах Европы и Азии, которые были связаны с США двусторонними договорами. Создание этих дивизий происходило в соответствии с резолюцией, принятой еще в апреле 1951 г. американским сенатом. В ней говорилось, что «основная часть» сухопутных войск должна быть выделена «европейскими союзниками»⁴.

В «новом курсе» военной политики лидеры военно-воздушных сил усмотрели переход политического руководства полностью на позиции стратегической концепции Дуэ-Митчелла и объявили военно-морской флот и особенно армию второстепенными видами вооруженных сил. Финлеттер в книге «Сила и политика» писал: «...Главный упор в новой политике был сделан на воздушно-атомную мощь. Десантным силам, т. е. сухопутным войскам, было, однако, отведено в новой политике

¹ «New York Times», October 12, 1954.

² «New York Times», October 23, 1954.

³ «Department of State Bulletin», March 29, 1954; «Правда», 10 марта 1955 г.

⁴ «New York Times», April 5, 1951.

второстепенное место. Нанесение массированных ответных атомных ударов самолетами с наземных аэродромов и авианосцев — вот суть новой политики»¹.

Спустя примерно год после того как Даллес провозгласил «новые принципы» военного строительства, оперируя при этом затасканным пугалом антикоммунизма и мифом о «советской угрозе», бригадный генерал авиации Д. Смит выступил с военно-теоретическими «обоснованиями» «нового курса» с позиций, довольно близких к официальным и полностью разделяемых лидерами военно-воздушных сил. Его книга «Военная доктрина США» представляла собой попытку в корне подорвать теорию «сбалансированных» вооруженных сил и свидетельствовала о наличии серьезных разногласий среди американской военщины по важнейшим вопросам военной доктрины.

Задавшись целью дать военно-теоретическую аргументацию «новому курсу», Смит прежде всего углубился в историю военного искусства США и Западной Европы и при этом избрал чисто прагматический подход к его коренным вопросам. Из теоретических и практических принципов, отмеченных в сочинениях Наполеона, Клаузевица, Жомини, Фоша, Д. Мэхэна, А. Мэхэна, Эптона и других, он тщательно отобрал только те, которые в той или иной мере подтверждают его выводы о главенствующей роли в достижении стратегических результатов одного вида вооруженных сил, т. е. в наши дни, по его мнению, — авиации. Так, в дополнение к провозглашенному Даллесом «выбору средств» ведения войны был предложен «выбор принципов» военного искусства.

Смит объявил устаревшими принятые в то время в армии США девять «принципов войны»: мобильность, выбор главного объекта, наступательность, взаимодействие, массирование или концентрация сил, простота, обеспечение безопасности, внезапности, экономия сил². По его мнению, военная доктрина США должна основываться на следующих четырех положениях: военный профессионализм, единство командования, быстрота

¹ Т. К. Финлеттер. Сила и политика. М., Изд-во иностр. лит., 1956, стр. 127—128.

² См. D. O. Smith. U. S. Military Doctrine. A Study and Appraisal. New York, Boston, Toronto, 1955, pp. 57, 58.

контрнаступлений, применение нового оружия. Эти принципы рассчитаны на ведение войны, в которой решающая роль отводится бомбардировочной авиации, оснащенной ядерным оружием. Смит, как и его коллеги, предлагал поэтому обеспечить «львиную долю усилий национальной обороны» для поддержания стратегической авиации¹.

Заявление Эйзенхауэра в официальном послании в январе 1954 г. о том, что новые виды оружия позволяют осуществить «экономия в использовании людей» в вооруженных силах, Смит преподнес как доказательство правильности своей теории молниеносной воздушной войны.

Сторонники идеи воздушно-атомного блицкрига во что бы то ни стало стремились доказать, что ее осуществление на практике дает возможность выиграть войну с наименьшими потерями в людях. Командующий стратегической авиацией генерал Лимэй заявил, что при атомных стратегических бомбардировках под огнем противника будет находиться всего 10 тыс. американских солдат и офицеров². Лимэй при этом умолчал о десятках миллионов других американцев, которые в случае войны неизбежно оказались бы под атомными ударами другой стороны.

История войн свидетельствует, что изобретение новых, более разрушительных видов оружия сопровождается не сокращением, а увеличением численности войск, участвующих в войне. Кроме того, применение ядерного оружия против тыловых объектов ставит гражданское население, по сути дела, в один ряд с людьми, сражающимися на фронте. Только фашиствующие милитаристы могли игнорировать этот факт, протаскивая тезис об «экономии в использовании людей». Хорошо известно, что империалистов никогда не волновала численность потерь в войне. Они всегда стремились добиться победы любой ценой. Большие же потери в людях беспокоят их лишь как возможная причина народного возмущения политикой милитаризма и войны.

Проблема «экономии в использовании людей» стала

¹ См. D. O. Smith. U. S. Military Doctrine. A Study and Appraisal, p. 165.

² «U. S. News and World Report», December 9, 1955, p. 46.

актуальной для американского милитаризма в послевоенные годы в связи с развитием дальнебомбардировочной авиации, ракетных средств доставки и ликвидацией монополии США на ядерное оружие. Впервые в истории американским стратегам пришлось учитывать в планах агрессивной войны возможные последствия ответных ударов по территории США. Вследствие этого в среде американской военщины четко обозначились два противоположных лагеря.

Наиболее воинственно настроенные стратеги и теоретики типа Смита и Лимэя пошли по линии явного усиления элементов авантюризма в стратегии, широко пропагандируя и защищая идею атомного блицкрига. Многие другие представители армии и флота, оставаясь на позициях теории тотальной атомной войны, добивались известных ограничений роли стратегической авиации в войне, придерживались мнения о необходимости равномерного развития видов вооруженных сил, а нередко высказывались и против применения атомного и водородного оружия в стратегических целях. Характерно, что сторонники «сбалансированных» вооруженных сил отстаивали принятые в американской армии принципы ведения боевых действий, в то время как проповедники решающей роли стратегической авиации отвергали значительную часть их.

Эти принципы, длительное время используемые в американских вооруженных силах в качестве теоретической основы военного искусства, в определенной мере отражают взгляды ряда теоретиков на ведение военных действий. Отказ от многих из них представляет собой попытку найти «теоретическую основу» для стратегии, опирающейся исключительно на воздушно-атомную мощь. Так, один из сторонников решающей роли авиации в войне, Северский, считал наиболее важными следующие четыре принципа военного искусства: целеустремленность, единство командования, концентрация и экономия сил. Это значит, пояснял он, что весь авиационный потенциал страны «должен быть объединен под одним командованием в единую воздушную «силу в готовности», «способную выполнять свои задачи где угодно»¹.

¹ «Air Force», August, 1955.

Д. Смит среди четырех основных принципов ведения войны главную роль отводил «быстроте контрнаступления». Он, по существу, предлагал скоротечное стратегическое воздушное наступление, начинающееся серией внезапных атомных ударов по жизненным центрам и авиационным базам противника. Используемая при этом оборонительная терминология предназначалась для морального оправдания агрессии. «Может показаться парадоксальным, что мы можем вести оборонительную государственную политику, поддерживаемую наступательной военной доктриной», — писал Смит. По его мысли, это значило: «оборонительная политика до тех пор, пока не принято решение применить силу, затем — наступательные военные операции». Это, в сущности, была идея так называемого «массированного возмездия»¹.

В действительности, конечно, речь шла не о «возмездии», а об агрессии, разбойничьем нападении с целью захватить противника врасплох. Смит настаивал на том, чтобы молниеносный атомный удар был нанесен по противнику до начала военных действий с его стороны. В связи с этим он цитировал Митчелла, который еще в 30-х годах писал: «Мы нуждаемся в огромных самолетах дальнего действия для того, чтобы ударить по противнику первыми». Ссылался Смит и на министра авиации США Г. Тэлбота, заявившего в 1953 г., что «единственное истинное противоядие» угрозе воздушной атаки противника состоит в том, чтобы «предупредить начало такой атаки»².

Полностью разделяя точку зрения своего предшественника Митчелла, Смит считал, что вооруженные силы противника утрачивают роль главного объекта нападения и уступают ее жизненным центрам враждебного государства. «В абсолютной войне современная атомная воздушная сила переносит центр тяжести с вражеских вооруженных сил на яремную вену индустриальной структуры противника, который может утратить свою волю или способность сопротивляться»³.

Особое внимание Смит уделил задаче быстрого уничтожения городов, промышленных центров, а также воен-

¹ D. O. Smith. U. S. Military Doctrine..., p. 165.

² Там же, стр. 190, 218, 153.

³ Там же, стр. 103.

ных объектов, расположенных в тылу противника. Он предлагал превратить сухопутные войска во вспомогательный вид сил и еще больше повысить роль авиации. Массовые сухопутные армии, по мнению Смита, не обеспечивают достижения военных целей государства. Он считал неблагоприятным следовать стратегии, основанной главным образом на людских ресурсах. Безопасность страны, в его представлении, прямо зависит от быстроты хорошо спланированного и осуществленного воздушного нападения на противника, которое «само по себе может решить исход войны». При этом Смит подчеркивал, что боевые операции следует проводить по принципу «максимальной быстроты», «абсолютно обязательно» располагать способностью «достичь быстрой победы в тотальной войне»¹.

Теоретические построения и выводы автора книги «Военная доктрина США» в главных своих чертах совпадали с теорией господства в воздухе Дуэ — Митчелла. При этом они отражали официальные взгляды командования американских военно-воздушных сил на ведение войны в целом. Вот как определялась роль стратегической авиации в наставлении американских ВВС «Авиационная доктрина; стратегические воздушные операции»: «Стратегическая авиация является основным выражением наступательной мощи страны, так как ее разрушительные действия оказывают непосредственное влияние на социальную структуру и военный потенциал вероятного противника. Основная цель действий стратегической авиации заключается в разгроме противника. Поэтому стратегическая авиация используется главным образом для уничтожения тех объектов на территории противника, которые имеют важное значение для дальнейшего ведения войны»². Согласно этой доктрине «уничтожение наземных сил противника на различных театрах не является обязательным, так как он постепенно утратит контроль над ними и его воля к сопротивлению будет сломлена».

«Авиационная доктрина» представляла собой основное военное содержание стратегии «массированного возмездия». Первоначально она опиралась на монополию,

¹ D. O. Smith. U. S. Military Doctrine..., pp. 167, 197.

² Цит. по журналу «Army», November, 1957.

а затем на мнимое превосходство США в развитии атомного оружия и средств его доставки. Официально принятое решение оказать «непосредственное влияние на социальную структуру и военный потенциал противника» с помощью оружия массового поражения свидетельствовало о том, что в качестве основного способа решения своих военных задач американский милитаризм избрал массовое поражение тыловых объектов — крупнейших населенных центров, что неизбежно связано с уничтожением многих миллионов людей.

Представители военно-воздушных сил выступили последовательными сторонниками плана войны, основанного на широком использовании оружия массового поражения. Он предполагает решающее изменение соотношения сил между двумя системами — капиталистической и социалистической — путем молниеносного удара по жизненно важным объектам стран социализма и одновременно по базам, с которых могут последовать ответные удары.

Нетрудно понять, что этот авантюристический план рассчитан на неспособность стороны, подвергшейся нападению, парализовать эффект внезапности и нанести сокрушительное поражение агрессору. Беспочвенность подобного расчета очевидна, поскольку США не являются монопольным обладателем ядерного оружия и его носителей. Поэтому противники исключительной роли авиации в войне вполне обоснованно указывали на невозможность избежать атомных ударов по своей территории, а следовательно, не подвергнуть тяжелому испытанию прочность своего тыла. Они говорили об огромном социальном и политическом риске, с которым связано ведение тотальной истребительной войны. Критикуя концепцию Смита, журнал «Арми комбэт форсиз» отмечал, что дело здесь не только в «угрызениях совести против резни гражданского населения противника, но в еще более сильном моральном нерасположении любого правительства... подвергать своих невоюющих граждан тем же последствиям». Европейские союзники США уже «совершенно убеждены» в том, что опустошение, которое несет с собой термоядерная война, «не будет приковано» к одной из воюющих сторон¹.

¹ См. «Army Combat Forces Journal», July, 1955, pp. 41, 42.

Против попыток придать решающее значение в войне стратегической авиации возразил бывший начальник штаба американской армии генерал Риджуэй. Не являясь противником применения оружия массового поражения, он отстаивал доктрину «сбалансированных» вооруженных сил и протестовал против недооценки роли сухопутных войск. В открытом письме министру обороны (27 июня 1955 г.) Риджуэй не согласился с мнением, будто США могут полагаться преимущественно на атомное оружие и достичь победы в войне только с его помощью. Генерал писал, что существующие вооруженные силы США «неадекватны» по своей мощи и построены на неправильном количественном соотношении, ибо «готовые мобильные силы» (предназначенные для заморских операций) уступают силам континентальной обороны и атомной стратегической авиации.

Точку зрения Риджуэя активно поддерживал сменивший его на посту начальника штаба армии генерал Тэйлор. Он считал, что «в случае всеобщей войны армия является решающим инструментом в достижении победы, совместимой с послевоенными государственными целями», и что армия обладает нужными стратегической и тактической гибкостью и многосторонностью для установления контроля над ресурсами, извлекаемыми на вражеской территории. Армия может наносить соразмерные с необходимостью удары — «от силы полицейской дубинки до силы килотонн атомного оружия». При этом Тэйлор подчеркивал, что американская армия, исходя из оценки характера боевых действий будущей войны, в своей организации учитывает четыре важных фактора: превосходящую огневую мощь, огромную мобильность, надежные коммуникации, гибкую систему тылов, перевозок и снабжения войск¹.

С комментариями по поводу заявлений Риджуэя и Тэйлора выступил в печати министр обороны Ч. Вильсон. Он поддержал «программу с ударением на атомно-воздушную мощь» и заявил, что «решение проблемы армии» заключается в создании постоянных резервов.

Дальнейшие изменения в военной политике и уточнения в содержании военной доктрины происходили в конце 1955 и начале 1956 г. В 1955 г. был принят закон о

¹ См. «Army Combat Forces Journal», September, 1955, pp. 20—24.

создании обученного резерва армии. Он предусматривал подготовку 1 692 335 человек на основании «принудительного участия личного состава, который вступил в армию после принятия закона и впоследствии демобилизуется и входит в состав готового резерва»¹.

В октябре 1955 г. министр обороны направил министрам армии, флота и авиации меморандум, в котором были даны некоторые руководящие установки по вопросам военного строительства. В частности, подчеркивалась необходимость «гибкости сил и планирования» и тот факт, что «истинная безопасность» США должна заключаться не только в военной готовности, но также в сильной и расширяющейся экономике, быстро приспособляющейся к задачам войны. Наряду с указанием на важность поддержания и модернизации боевых сил, «потребных для начальной фазы военных действий», в меморандуме обращалось также внимание на необходимость критического пересмотра текущих планов подготовки поддерживающих сил и создания мобилизационных резервов².

Официальные взгляды руководящих кругов армии США на характер и содержание военной доктрины наиболее полное изложение получили на годичной конференции «Ассоциации армии Соединенных Штатов» в октябре 1955 г. Одной из главных задач конференции была мобилизация широкого общественного мнения в пользу мощной сухопутной армии на основании тезиса о ее решающей роли в будущей войне. В своем выступлении военный министр Бракер подчеркнул особую роль пропаганды армейской точки зрения на характер будущей войны и военного строительства. По его мнению, ничего не произошло на мировой арене, что снижало бы «фундаментальную роль сухопутных сил». Армия будет «доминирующей силой в борьбе» и обеспечит «основную силу, с помощью которой достигается победа». Первостепенная роль в войне принадлежит людям, а не машинам или оружию³.

Аналогичную точку зрения высказал на конференции генерал Тэйлор. Он заявил, что независимо от разме-

¹ «Army Combat Forces Journal», September, 1955, p. 63.

² См. «Army, Navy, Air Force Journal», October 22, 1955, p. 11.

³ «Army Combat Forces Journal», November, 1955, pp. 55, 58.

ров разрушительного эффекта огневой мощи — в форме пуль, снарядов, ракет или бомб — всегда будет существовать необходимость в сухопутных войсках для использования результатов ее применения и для окончательного достижения победы путем оккупации территории, с которой противник черпает свою мощь для ведения войны; армия должна сыграть «решающую роль в поддержании безопасности» США¹.

Большое внимание армейское руководство уделяет обеспечению превосходящей огневой мощи, стратегической и тактической мобильности наземных войск в условиях применения ядерного и обычного оружия. Высокая мобильность рассматривается как способ возместить недостаток в количестве сухопутных войск. По мнению Тэйлора, в подготовке как «большой», так и «малой войны» необходимо постоянно развивать «две фундаментальные способности: огневую мощь и мобильность... Быстрое развитие этих способностей в мировом стратегическом масштабе... составляет главную цель современной армии»².

Огневая мощь американской армии должна увеличиваться за счет создания и усиленного развития новых образцов баллистических и управляемых снарядов и всемерного улучшения существующих боевых средств. Стратегическая и тактическая мобильность обеспечивается улучшением всех видов транспортировки, но особый упор делается на эффективную переброску наземных войск по воздуху: она считается необходимой для успешного ведения современной войны. «Мы хотим иметь армию, — говорил Тэйлор, — с многочисленными боевыми единицами, полностью перевозимыми по воздуху»³.

Армейское руководство, выступая против теории воздушной войны, вело борьбу за главенствующее положение армии в системе вооруженных сил. Оно настаивало на том, что «сдерживающая мощь» должна основываться на принципах многосторонности и гибкости в применении вооруженной силы на суше, на море и в воздухе при тесном взаимодействии армии, флота и авиации⁴.

¹ «Army Combat Forces Journal», November, 1955, pp. 58, 61.

² «Army Combat Forces Journal», October, 1955, p. 10.

³ Там же.

⁴ Заявление генерала Тэйлора 10 января 1956 г. («Army, Navy, Air Force Journal», January 14, 1956, p. 21).

Проходившие в 1955 г. дискуссии, в которых участвовали руководящие военные деятели США, показали отсутствие единых взглядов по ряду принципиальных вопросов военной доктрины, в том числе о роли видов вооруженных сил в войне, об основных принципах ведения военных действий, о единстве командования и др.

Повышенная активность противников доминирующей роли авиации в системе вооруженных сил вынудила правительство принять меры по «умиротворению» соперничающих лидеров военщины и высказаться за многостороннюю военную политику. 6 января 1955 г. в послании «О положении страны» Эйзенхауэр призвал не упускать из виду «тот факт, что чрезмерно полагаться на один вид оружия или готовиться только к одному роду войны означает просто приглашать противника прибегнуть к другому роду». Согласно его заявлению, США должны сохранять в своих вооруженных силах **равновесие и гибкость**, соответствующие их целям и задачам. В военном бюджете на 1955/56 г. был сделан упор на оснащение военно-воздушных сил, военно-морского флота и морской пехоты современными самолетами, «на использование новых видов оружия, обладающих силой быстрого и сокрушительного удара». В послании говорилось об ускоренном выполнении программы континентальной обороны и наращивании подготовленных военных резервов, о накоплении стратегических и дефицитных материалов, об укреплении мобилизационной базы и о стратегической концентрации военной мощи путем передислокации вооруженных сил¹.

В январском послании 1956 г. по поводу новых огромных бюджетных ассигнований на гонку вооружений Эйзенхауэр подвел некоторые итоги «переориентации военной программы» в связи с окончанием войны в Корее и появлением новых видов оружия «беспрецедентной стратегической и тактической важности». В послании была изложена следующая программа военного строительства:

— военные приготовления, при сохранении высоких темпов гонки вооружений, рассчитываются на неопределенно длительный период; первоочередные задачи воен-

¹ См. «New York Times», January 7, 1955.

ной подготовки заключаются в поддержании способности нанести сокрушительный удар силами стратегической авиации и беспилотными средствами, прикрываясь от противника «континентальной оборонительной системой неуклонно увеличивающейся эффективности»;

— «совершенствование вооруженных сил» предполагает уменьшение до разумного предела количества людского состава за счет максимального использования достижений науки и техники;

— количество и степень готовности крупных единиц постоянной армии устанавливаются в зависимости от практических возможностей быстрого развертывания главных военных сил Соединенных Штатов сразу же после начала войны;

— внимание в области военных приготовлений концентрируется на формировании сил, наилучшим образом дополняющих те, которые способны создавать и поддерживать государства, связанные с США военными договорами;

— в мирное время должна поддерживаться сильная и расширяющаяся промышленность, могущая быстро приспособиться к задачам ведения войны¹.

Распределение бюджетных средств между видами вооруженных сил на 1956/57 финансовый год, намеченное в послании президента, было рассчитано на резкое увеличение авиации. Армии отпускалось 8 582 млн. долларов, военно-морскому флоту — 9 565 млн. долларов, авиации — 16 535 млн. долларов. Эйзенхауэр заявил, что США продолжат накопление запасов ядерного оружия, а расходы на управляемые снаряды будут «наивысшими в истории»².

Изложенные в послании официальные взгляды на подготовку к войне полностью соответствовали агрессивной стратегии «массированного удара», принятой правительством США. «Новый курс» Эйзенхауэра — Даллеса стал курсом на ядерную войну, которую предполагалось вести как тотальную, коалиционную. Как отмечал журнал «Форин Аффэрс», в высших военных и политических сферах господствует взгляд, согласно которому война, выражающаяся в прямом и открытом столкнове-

¹ См. «Army, Navy, Air Force Journal», January 21, 1956, p. 11.

² Там же.

нии между Советским Союзом и Соединенными Штатами, обязательно должна быть тотальной¹. В духе тотальной мобилизации американская военная мысль выдвигает «тысячи факторов, составляющих готовность государства к войне»: рабочая сила, сырьевые материалы, индустриальные ресурсы, техника производства, время, военные учреждения, военные силы, вооружение и снаряжение, топливо и энергия, транспорт, моральное состояние, финансы, политическое положение, коллективная безопасность, обеспеченность населения жильем и продуктами, общественное мнение, организация управления для войны, гражданская оборона, пища, средства сообщения и др.².

Наряду со стремлением максимально учесть подобные факторы, наблюдается тенденция к учету и объективных законов современной войны; к разработке новых форм и методов ее ведения. Особое значение в официальной военной мысли придается моменту внезапности с преимущественным использованием оружия массового поражения. О том, какая роль в планах империалистов отводилась ядерному оружию, довольно откровенно высказался тогдашний премьер-министр Англии У. Черчилль. После того как Англия, с 1946 г. лишенная Соединенными Штатами информации по вопросам атомного оружия, создала собственную атомную бомбу, правительство консерваторов начало втягивать страну в гонку ядерных вооружений. Выступая в палате общин в марте 1955 г. с обоснованием военного бюджета, Черчилль заявил, что небольшого количества плутония достаточно, чтобы «произвести оружие, которое дало бы любой великой державе — единственной его обладательнице — неоспоримое мировое господство»³.

«Пока мы, и только мы, — подчеркивал бывший президент США Г. Гувер, — обладаем атомной бомбой, мы можем диктовать свою политику всему миру»⁴.

¹ См. «Foreign Affairs», January, 1954, p. 229.

² См. «Ordnance», November—December, 1955, pp. 432, 433.

³ Parliamentary Debates House of Commons Official Report, Vol. 537, № 43. 1st March, 1955, London, pp. 1898, 1899.

⁴ R. Hoover. Addresses upon the American Road, 1945—1948. Toronto—New York, 1949, p. 14 (цит. по кн. «Международные отношения после второй мировой войны», т. I, 1962, стр. 356).

Установление мирового господства американского империализма с помощью ядерного оружия стало центральной идеей доктрины тотальной ядерной войны, в сущности заимствованной американским милитаризмом у германского фашизма. С появлением атомной бомбы в содержание доктрины было включено массовое уничтожение населения страны противника в качестве главного средства достижения победы. Иными словами, массовое истребление людей американские милитаристы стали рассматривать как важнейший способ решения своих военных задач. Это обстоятельство в американской военной мысли нашло отражение в соответствующих «обоснованиях» новых «целей» и «объектов» войны: «Старая теория, что победа означает уничтожение главной армии противника, — говорилось в «Инфантри Джорнэл», — является несостоятельной. Теперь стало ясно, что главная армия противника, находящаяся на поле боя, является ложным объектом, а действительная цель — жизненные центры. На армии можно не обращать внимания, если разгромлены основные центры»¹. Американский военный теоретик бригадный генерал С. Маршалл пришел к выводу, что «истинной целью не только атомного оружия, но также ракет и современной бомбардировочной авиации является физическое уничтожение общества, так же как в ограниченной войне подлинным объектом оружия ближнего действия было уничтожение вооруженных сил общества»². «...Уничтожение вражеской нации... стало объектом войны»³, — провозглашал журнал «Милитэри Аффэрс».

Буржуазные идеологи, стоящие в первых рядах фашиствующих агрессивных сил, открыто проповедуют массово-истребительные формы войны. «В современную эпоху, — писали с претензией на научное открытие Страуш-Хюпе и Поссоны, — установление мира предполагает также социальный аспект: уничтожение целых обществ и рассеивание классов и даже целых народов»⁴. Намерения превратить народы в «объект войны» амери-

¹ «Infantry Journal», September, 1949, p. 12.

² S. L. A. Marshall. Men Against Fire. New York, 1954, pp. 30—31.

³ «Military Affairs», Spring, 1955, p. 17.

⁴ R. Strausz-Hupé, S. Possony. International Relations, p. 292.

канские военные идеологи объясняли главным образом ссылками на колоссальную разрушительную силу ядерного оружия. Утрата Соединенными Штатами Америки монополии на это оружие не изменила существенно их аргументацию. Наоборот, угрозы нанести внезапный атомный удар по жизненным центрам Советского Союза и других социалистических стран стали раздаваться все чаще.

Однако действительные причины, вызывающие у империалистов стремление выиграть войну путем массового уничтожения населения социалистических стран, гораздо более глубокие и имеют совершенно иное происхождение. Они вытекают из агрессивной авантюристической политики эксплуататорских классов, пытающихся любыми средствами сохранить свое господство. «Предсмертное неистовство буржуазии», ее «бешеные метания», о которых говорил В. И. Ленин, вызывают к жизни наиболее опасные для всего человечества способы решения военных задач, могущие привести к массовому истреблению людей.

Рекомендации военных идеологов империализма добиваться победы в захватнической войне путем уничтожения «целых обществ», наций и враждебных монополистическому капиталу классов появились на свет и как следствие коренного изменения соотношения сил в пользу социализма в результате революционных социально-политических последствий разгрома германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне при решающей роли Советского Союза. Если военные походы против одного социалистического государства закончились сокрушительным поражением агрессоров, то нападение на содружество социалистических стран таит в себе еще более грозные последствия для империализма.

Широкое распространение и официальное одобрение в США теории тотальной ядерной войны объясняется также стремлением империалистов к возможно более быстрому ее завершению с тем, чтобы избежать испытания прочности капиталистического общественного строя длительной войной и таким образом предотвратить революционные взрывы.

К этим причинам, конечно, относится и создание ядерного оружия, пригодного для нанесения мощных ударов, дающих прямой стратегический эффект. Временная

монополия США на атомное оружие явилась главной военно-технической предпосылкой теории тотальной ядерной войны. Она, по мнению американцев, давала возможность создать сильнейшие в мире вооруженные силы преимущественно с помощью технических средств. На основе атомной монополии империалисты надеялись на быструю победу, не опасаясь за прочность своего стратегического тыла.

Фашистская Германия не располагала подобным оружием. Поэтому в немецко-фашистском варианте тотальной войны отсутствовали расчеты на достижение решающего стратегического успеха от применения авиации по тыловым объектам. Но массовое уничтожение народов Советского Союза и других стран, подвергшихся агрессии, было одной из главных целей тотального blitzkriega.

Американский вариант тотальной войны существенно отличается от немецко-фашистского. В нем также предусматривается массовое истребление мирного населения, но уже как способ достижения победы в войне, а не как ее результат. По своей бесчеловечности и преступности, по своим крайне опасным последствиям для народов всего мира он превосходит все известное ранее.

Существенная особенность доктрины, отличающая ее от доктрин других империалистических войн, заключается в том, что она на первый план в качестве главной цели выдвигает массовое уничтожение народов. В ней нашло свое выражение «предсмертное неистовство буржуазии», доведенное до крайних пределов.

Доктрина тотальной ядерной войны появилась на свет как прямое отражение в империалистической военной идеологии дальнейшего углубления общего кризиса капитализма. Порожденные им террористические, фашистские методы политического господства империалистической буржуазии наглядно свидетельствовали о ее неспособности управлять старыми способами. В области военной кризис господства империализма нашел аналогичное проявление. Идея достижения победы в войне путем массового уничтожения народов стран социализма возникла из-за неспособности империалистической военщины одержать верх над вооруженными силами социалистического типа.

Усиливающейся агрессивности империализма социалистические страны противопоставляют растущее экономическое и оборонное могущество, активную политику борьбы за мир. Советский Союз быстро ликвидировал атомную монополию США. Новое соотношение сил между капитализмом и социализмом, сложившееся в результате социально-экономического и научно-технического прогресса в социалистических странах, в корне изменило представление о военно-техническом характере войны, с помощью которой империалисты предполагали уничтожить систему социализма. Стала очевидной несостоятельность стратегических расчетов, основанных на монопольном обладании атомным оружием. Исчезла навсегда возможность избежать сокрушительных ударов по территории США, как и любого другого агрессора. Резко снизилась возможность пользоваться для ведения войны чужими территориями и чужими войсками.

Агрессору приходится учитывать, что тотальная ядерная война представляет собой огромную угрозу экономическим и социально-политическим устоям господства империализма. Исторический опыт двух мировых войн показал, что они резко ослабляют капитализм, обостряют его основные противоречия, что с возрастанием масштабов вооруженного насилия все более разрушительными для капитализма оказываются социальные последствия войны. Агрессор в тотальной ядерной войне, не будучи монопольным обладателем ядерного оружия, подвергнет буржуазный общественный строй таким испытаниям, которые неотвратимо приведут капиталистическую систему к катастрофе. Поэтому подобная доктрина оказалась весьма уязвимой для критики с позиций не только борцов за мир, но и тех милитаристских элементов, которые более трезво подходят к оценке последствий ядерной войны и предпринимают поиски менее опасных способов достижения агрессивных целей американского империализма военными средствами.

3. КРИТИКА ДОКТРИНЫ ТОТАЛЬНОЙ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ С ПОЗИЦИЙ «ТРАДИЦИОННОГО» МИЛИТАРИЗМА

Потеря монополии на атомное оружие вызвала серьезное беспокойство в милитаристских кругах США и резкое обострение противоречий в военной мысли. Мно-

гие военные и гражданские авторы заговорили о кризисе военной доктрины и стратегии. Усилились опасения по поводу социально-политических последствий тотальной ядерной войны. В книге «Операция: выживание» У. Гесслер не без оснований сделал вывод, что атомная бомба «не может быть использована для борьбы против распространения марксистской доктрины в Европе». Использование атомной бомбы в качестве «всемирной полицейской силы», по его мнению, аналогично применению тяжелой авиационной бомбы против забастовщиков, пикетирующих завод: она действительно прекратит пикетирование, однако при этом уничтожит и завод. «Но она также может настолько привести в ярость весь рабочий класс, что вызовет революцию, кровавую резню и классовые бои»¹.

Авторы книги «Американская военная политика» Бернардо и доктор философии Бэкон так характеризовали обстановку в связи с утратой атомной монополии: «То, что уже было опасной ситуацией, приняло размеры кризиса с объявлением в 1949 году о создании атомного оружия Россией»².

Речь о кризисе шла не случайно. Ликвидация монополии США на атомную бомбу нанесла удар по главной военно-технической основе их военной доктрины. Адмирал Рэдфорд, поддерживаемый большой группой морских офицеров и адмиралов, назвал «теорию атомного «блицкрига» ошибочной концепцией»³. Подобные высказывания не были единичными.

В обстановке, принявшей «размеры кризиса», с новым накалом развернулось междуведомственное соперничество лидеров военщины за доминирующую роль в военной организации представляемых ими видов вооруженных сил. С утратой монополии на атомное оружие, обнажившей авантюризм доктрины тотальной ядерной войны, руководство армии и флота обрело новую аргументацию и новых союзников для наступления против

¹ W. Hessler. Operation Survival, America's New Role in World Affairs. New York, 1949, pp. 150, 152.

² C. J. Bernardo. Major Ordnance Corps and E. H. Bacon Ph. D. American Military Policy, Its Development Since 1755, The Military Service Publishing Co., Harrisburg, March, 1955, p. 466.

³ «New York Times», October 8, 1949.

своих более удачливых конкурентов — военно-воздушных сил.

В послевоенные годы военная печать США представляет собой арену незатухающей борьбы между армией, флотом и авиацией, разжигаемой военно-промышленными корпорациями для получения прибыльных заказов. Крайне агрессивная концепция «массированного удара», в которой элементы политики атомного шантажа сочетались с авантюристическими расчетами на достижение захватнических целей империализма с помощью воздушно-ядерной мощи, была полностью одобрена лишь руководством военно-воздушных сил. Руководители армии и военно-морского флота не примирились с второстепенными ролями, отведенными им в подготовке и ходе ядерной войны, и всеми доступными средствами добивались пересмотра военной доктрины.

По мере обострения в Пентагоне междуведомственных противоречий постепенно складывался неофициальный союз приверженцев «традиционных» видов вооруженных сил — армии и флота — против экстремистских элементов военно-воздушных сил и их сторонников, придерживающихся доктрины тотальной ядерной войны. Многолетняя борьба между этими группировками в немалой степени определяет развитие американской военной идеологии; она выходит за пределы Пентагона, периодически переносится в конгресс, привлекает внимание значительного круга военных авторов, гражданских публицистов и ученых. Враждующие стороны постоянно и широко апеллируют к общественному мнению страны. Лидеры военщины не одиноки в этой борьбе. В ней принимают активное участие политические деятели и военно-промышленные корпорации.

Развитие междуведомственного соперничества дает наглядную картину влияния общего кризиса капитализма и революции в военном деле на военно-политические и стратегические концепции США. Основные этапы, характер и содержание столкновения двух «фракций» американского милитаризма в 50—60-х годах были подробно проанализированы военным писателем, бывшим офицером флота США Джорджем Лоу в его книге «Эпоха сдерживания»¹. Показывая обострение внутренних про-

¹ G. E. Lowe. The Age of Deterrence. Boston, Toronto, 1964.

тиворечий американского милитаризма и усиление междуведомственной борьбы в вооруженных силах, Лоу приводит немало ярких свидетельств кризиса американской военной идеологии.

Книга с большим удовлетворением была встречена армейской и особенно флотской печатью США. В рецензии, опубликованной в военно-морском теоретическом журнале, говорилось, что «как выражение современной философии армии и флота... «Эпоха сдерживания» непревзойденна. Книга может также оказаться наиболее опустошительной атакой в общественной сфере против ложных теорий неограниченной воздушной мощи...» Она представляет собой «сильную поддержку преобладающей точки зрения военно-морского флота на текущий стратегический кризис...»¹. Отмечая «жизненную важность» затронутых Лоу проблем, журнал откровенно признавал, что каждая из соперничающих стратегических концепций имеет «глубокие корни в сердце американской промышленности»².

Американских военных теоретиков, враждующих по вопросам о способах ведения войны, Лоу разделил на «традиционалистов» (представители армии и флота) и «утопистов» (приверженцы военно-воздушных сил). «Традиционалист» — это тот, кто «уверен в абсолютной необходимости использовать силу, но не больше, чем ее требуется для осуществления внешнеполитических решений». Основную роль ядерного оружия он видит в «сдерживании» третьей мировой войны или в защите жизненных интересов государств. «Утопист» мало или совсем не признает разницы между использованием ядерного оружия и обычных боевых средств. Он считает, что никакие угрызения совести в связи с применением ядерного оружия не должны препятствовать готовности США вести и выиграть войну, независимо от ее последствий для страны³.

Иными словами, «традиционалисты» склонны к ведению «ограниченной войны», когда не используется ядерное оружие и сохраняется первостепенная роль армии и флота. Они расценивают мировую ядерную войну как

¹ «United States Naval Institute Proceedings», September, 1964.

² Там же.

³ G. E. Lowe. The Age of Deterrence, pp. 3—4.

крайнее средство, которое следует применить в случае угрозы существованию США. Их, как полагает автор, объединяет прежде всего неверие в возможность достижения победы в мировой ядерной войне. «Утописты» являются поборниками скоротечной ядерной войны, которая, по их взглядам, должна привести США к мировому господству.

Данная Лоу классификация течений в американской военной мысли нуждается в некоторых существенных уточнениях. Однако перед этим целесообразно рассмотреть, кого автор книги «Эпоха сдерживания» относит к наиболее видным представителям враждующих между собой защитников власти монополий. Среди американцев «традиционалистами» Лоу считает военного историка Уолтера Миллиса и военного обозревателя Хэнсона Болдуина, ученых-международников С. Хантингтона, Г. Моргентау и Р. Осгуда, ученых-атомников Р. Оппенгеймера и Р. Лэппа, бывших дипломатов Д. Ачесона и Дж. Кеннана, адмиралов А. Беззерда и Э. Бёрка, генералов М. Тэйлора, М. Риджуэя, Д. Гэйвина и других. Среди англичан — это военный писатель Лиддел-Гарт, адмирал Г. Диккенс, ученый П. Блеккет; французы представлены профессором Сорбоннского университета Р. Ароном. «Традиционалистами», по мнению Лоу, были президенты США Франклин Рузвельт и Джон Кеннеди.

К лагерю «утопистов» Лоу относит англичан — лорда Х. Тренчарда, Уинстона Черчилля, маршалов авиации Д. Слессора и Кингстона-Макклори; итальянца — генерала Джулио Дуэ. В числе американцев названы Д. Ф. Даллес, генералы авиации О. Андерсон, Р. Ричардсон, Д. Смит, Т. Уайт, Б. Феллерс, Кэртис Лимэй, ученый-атомник Э. Теллер, профессора С. Поссоны и Г. Кан, авиаконструктор А. Северский, фашиствующий генерал в отставке Уокер и другие, а также корпорация Рэнд, Стэнфордский исследовательский институт и фонд Ричардсона.

Бывшего президента США Л. Джонсона Лоу считал «потенциальным утопистом», имея в виду его тесные связи с авиационной и ракетной промышленностью. Джонсон еще в бытность вице-президентом являлся активным сторонником строительства самолетов Б-70.

«Традиционалисты» крайне озабочены тем, что в военной политике США превалирует точка зрения «утопи-

стов», которые, признавая вероятность победы в ядерной войне, могут ввергнуть страну в самоубийственную военную катастрофу. «Утописты», в том числе занимающие высокие посты в Пентагоне, выдвигают доктрину превентивной войны. Среди них многие являются сторонниками «сильной власти», то есть открытой военно-фашистской диктатуры. Они выступают за резкое увеличение количества носителей ядерного оружия и улучшение их качества, за искусственные спутники Земли с ядерными бомбами и пилотируемые орбитальные бомбардировщики.

Лоу выражает настроения тех кругов армии и флота, которые хотя и не высказываются в пользу фашистского режима, но фанатично отстаивают существующий в США государственный строй. Эта категория военных теоретиков США отличается от «утопистов» известной трезвостью во взглядах на стратегию и здравым смыслом в оценке последствий мировой ядерной войны, меньшей склонностью к военному авантюризму. Однако между ними нет полного единства мнений, и некоторая «умеренность» их точки зрения на военные проблемы соседствует с открытой социально-политической реакционностью и агрессивностью. Лоу не может скрыть того факта, что условный водораздел между «традиционалистами» и «утопистами» нередко исчезает, и «консервативные традиционалисты» из числа стоящих во главе государства и вооруженных сил оказываются на явно «утопических» позициях.

Это обстоятельство подтверждается и другими источниками. Так, в 1948 г. «отдельные офицеры военно-воздушных сил» выдвинули «идею 30-дневной войны»¹. Воинственные настроения воздушных стратегов выражались в таких, например, заявлениях: «Я могу в одну неделю разгромить пять русских заводов, изготовляющих атомные бомбы, — похвалялся начальник авиационного колледжа генерал-майор О. Андерсон. — И когда я приду ко Христу, я смогу, мне думается, объяснить ему, что этим я спас цивилизацию»². Не менее агрессивные высказывания принадлежат и противникам воздушного «блицкрига». Так, военно-морской министр Ф. Мэт-

¹ «U. S. News and World Report», September 8, 1950.

² «New York Times», September 2, 1950.

тьюз говорил: «За мир мы должны быть готовыми заплатить любой ценой, даже ценой развязывания войны, с целью принудить других принять участие в обеспечении мира... Мы бы стали тогда первыми агрессорами во имя мира»¹. По утверждению Лоу, «традиционалисты» не верят, что «тотальные и ограниченные войны могут быть выиграны абсолютно». Они видят назначение ядерного оружия в предотвращении тотальной войны. Но если это не удастся и война начнется, они будут вести огонь «по тем же стратегическим целям, что и утописты, и с той же точностью»².

Развивая мысль о более основательном подходе к способам и средствам ведения войны с позиций «традиционалистов», Лоу отмечает, что они считают военную силу существенным, но лишь одним из элементов эффективной национальной стратегии. Экономические, политические, идеологические и финансовые факторы рассматриваются ими как играющие важную роль в формировании стратегии; они опираются на географию, историю и традиции, в то время как «утописты» уверены в «тотальной победе» того государства, которое первым станет господствовать в воздухе³.

«Традиционалисты» критикуют «утопистов» за то, что неотъемлемой частью стратегии последних является превентивная война. «Навязчивая идея огромных количеств стратегических систем доставки (ядерного оружия) несет с собой неизбежную доктрину первого, или приносящего победу, упреждающего удара и заставляет утопистов открыто пропагандировать... доктрину превентивной войны»⁴.

Таким образом, в военно-теоретическом плане борьба между «традиционалистами» и «утопистами» представляет собой непрерывную дискуссию о целесообразности готовиться к войне на основе концепции «сбалансированных» сил или же придерживаться доктрины тотальной ядерной войны, в которой решающая роль отводится упреждающему удару.

Теория «сбалансированных» вооруженных сил в период американской монополии на атомное оружие была

¹ «New York Times», August 26, 1950.

² G. Lowe. The Age of Deterrence, p. 10.

³ Там же, стр. 18—19.

⁴ Там же, стр. 24, 26.

поколеблена. Но после утраты монополии сторонники этой идеи выдвинули ряд новых доводов в ее защиту. Особо они подчеркивали обязательность использования атомного оружия «сбалансированными» силами. С типичной для «традиционалистов» аргументацией выступил автор ряда военно-теоретических работ Рейнгардт. По его мнению, «появление атомного оружия превращает современную войну, как никогда в прошлом, в единую операцию всех видов вооруженных сил, успех которой будет зависеть от промышленного и экономического потенциала и духовных сил народа... Попытки непропорционально усиливать один из видов вооруженных сил за счет ослабления другого вида вооружения или других сил США могут привести к вредным последствиям»¹.

Применение ядерного оружия сторонники теории «сбалансированных» сил считали органической частью планов новой мировой и локальных войн. Военный публицист М. Эндрюс писал: «Почти все элементы мощи союзников могли бы быть использованы военной организацией сбалансированных сил, поскольку по самой своей природе сбалансированные силы извлекают свою крепость из всех этих элементов»². Указывая на опасности, с которыми связана доктрина «воздушной войны», Эндрюс подчеркивал, что она приведет не к короткой войне, которую обещают сторонники воздушной мощи, а, наоборот, к «чрезмерно затяжной войне с перспективой внутренних политических переворотов»³.

Начиная с середины 50-х годов видные военные авторитеты США — генералы Гэйвин, Риджуэй, Тэйлор и другие активно выступают против стратегии «массированного удара», за более «гибкую» военную доктрину. Заместитель начальника штаба американской армии генерал-лейтенант Гэйвин пришел к выводу, что США должны поддерживать «гибкую, многостороннюю военную мощь», которая может эффективно действовать в любой ситуации: в условиях «холодной войны, ограниченной войны, войны против скрытой или открытой агрессии, всеобщей войны, в которой ядерное оружие не

¹ G. Reinhardt. American Strategy in Atomic Age. University of Oklahoma Press, 1955, pp. 55, 101, 116, 117, 119.

² M. Andrews. Disaster through Air Power. New York, Toronto, 1950, p. 45.

³ Там же, стр. 41.

используется, или в тотальной войне с использованием разнообразных видов оружия». По его мнению, именно такой «компромиссный» курс военной политики «дает Соединенным Штатам шанс выжить». При этом Гэйвин высказывался за сохранение «традиционных» вооруженных сил, т. е. армии и флота, считал необходимым использовать в будущей войне и атомное, и обычное оружие, потому что нет «системы единственного оружия», с помощью которого можно выиграть войну. Вопросы экономии в связи с производством вооружения должны разрешаться с учетом того обстоятельства, что «не существует дешевого пути, чтобы выжить в атомной войне»¹.

«Традиционалист» Гэйвин ратовал за продолжение и усиление гонки вооружений, в том числе ядерных, за создание вооруженных сил, способных не только выиграть войну, но и обеспечить «лучшее положение дел, чем существовавшее до войны»², — один из принципов войны, выдвинутый еще Клаузевицем. Под «лучшим положением дел» Гэйвин подразумевал укрепление и расширение господства американского империализма. Но эпоха, в которой Клаузевиц предложил этот принцип, отличается от современной тем, что тогда буржуазия была прогрессивным классом и могла при помощи войн решать общенациональные задачи. А империалистические, реакционные, несправедливые войны неизбежно ведут к дальнейшему ослаблению и в конечном счете к банкротству капиталистической системы. Предотвратить социальные последствия империалистических войн никакой милитаризм — ни «традиционный», ни «утопический» — не в состоянии.

Острейшие разногласия в высших военных кругах не только США, но и НАТО по основным вопросам военной доктрины и стратегии нашли отражение в выступлениях в печати ряда видных военных деятелей США, в том числе бывшего начальника штаба армии генерала Тэйлора. Он поставил под сомнение политику «ядерного сдерживания» и стратегию «массированного удара», подверг развернутому анализу несовершенство официальной военной доктрины³.

¹ «Ordnance», March — April, 1955, pp. 718, 719.

² Там же, стр. 719.

³ См. M. Taylor. Uncertain Trumpet. New York, 1960.

Усиливая критику в адрес «утопистов», «традиционалисты» зывали к чувству справедливости и даже к религии. Орган ассоциации армии США «Арми комбэт форсиз джорнэл» выдвинул тезис о законности войны «только в защиту справедливости». Войну «из-за простого выживания» он объявил «незаконной, если выживание зависит от массового избияния некомбатантов». С «религиозной точки зрения», говорится в журнале, такая война становится «все более достойной осуждения, поскольку отрицаются любые альтернативные средства»¹.

Но священники, служащие в военно-воздушных силах, выступили в защиту доктрины тотальной ядерной войны. Военный капеллан У. Фергюссон на страницах журнала ассоциации военно-воздушных сил «Эр форс» высказался против «ограничения войны» и «пассивного сдерживания». По его мнению, «моральным требованием» в отношении тотальной войны является возможно быстрое и решительное достижение победы путем нанесения сокрушительных ударов по тыловым объектам противника, несмотря на то что «потери в людях будут огромны...». Длительная война «аморальна, когда возможна быстрая победа»². Проповедь и оправдание массового уничтожения людей — вот подлинная суть «христианской морали» фашиствующих церковников.

Характеризуя междуведомственную борьбу в американских вооруженных силах, газета «Нью-Йорк таймс» отмечала, что речь идет «о разногласиях в доктрине, о разногласиях по поводу стратегических концепций, философского и морального подхода к самой войне»³. Разногласия эти действительно глубокие и острые. Но, несмотря на то, что оба лагеря американской военщины, отстаивая противоположные позиции, прибегают к одним и тем же «принципам христианской морали», они не затрагивают социально-политического содержания военной идеологии американского империализма, не колеблют ее реакционной основы. Их соперничество не представляет абсолютно никакой угрозы господству монополий. Нападая друг на друга, «традиционалисты»

¹ «Army Combat Forces Journal», August, 1955.

² «Air Force», August, 1956.

³ «New York Times», May 21, 1956.

и «утописты» ни на йоту не отходят от общей для них платформы — безоговорочной поддержки классовых интересов империалистической буржуазии. Вместе с тем сам факт этой борьбы отражает глубокий кризис системы политического господства империализма.

Типичный для сторонников армии и флота аргумент против преобладания военно-воздушных сил в военной организации заключался в ссылке на неприспособленность воздушно-ядерных сил к тем разнообразным формам агрессивных акций, в которых применимы только обычные виды вооруженных сил. Тем самым «традиционалисты» пытались доказать, что все провалы агрессивной внешней политики США явились якобы результатом ошибочной стратегии «массированного удара», тогда как на деле она оказалась бессильной перед мировым освободительным движением.

Критика стратегической концепции «массированного удара» усиливалась по мере того, как все более очевидной становилась невозможность в случае ее применения на практике избежать ответных ударов по территории США. Армейские и флотские авторы с нарастающим упорством вели наступление на официальную военную политику и стратегию. Отмечая, что «в идеях государственного секретаря Даллеса» отсутствует что-либо новое, что подобные концепции «испытывались в прошлом и провалились», авторы книги «Американская военная политика» Бернардо и Бэкон резонно констатировали: «Массированное возмездие, это тоже следует иметь в виду, не представляет собой улицу, по которой движение происходит в одну сторону»¹. Бывший начальник штаба военно-морских сил адмирал Нимиц осудил использование атомного и термоядерного оружия в военных целях, указав при этом, что среди народов Европы широко распространены «возмущение и ожесточение против Соединенных Штатов за массовые бомбардировки периода второй мировой войны и за возможные разрушения в атомной войне». «Кто знает, — спрашивал Нимиц, — сколько времени сохранится возмущение против использования бомб массового уничтожения или к чему в конечном счете приведет такое возмущение?»²

¹ C. J. Bernardo. Major Ordnance Corps and E. H. Bacon American Military Policy. Washington, 1955, p. 489.

² «Правда», 25 февраля 1956 г.

В этот период обостряются противоречия между странами — участницами агрессивного блока НАТО. Стратегия «массированного удара» не устраивала европейских союзников США, на которых Вашингтон вваливал все возрастающее бремя милитаризации и гонки вооружений. К 1956—1957 гг., как отмечал Лоу, стало невозможным достичь «желательного опустошения России, избежав при этом ужасного разрушения нашей страны»¹. В кругах, близких к госдепартаменту и Пентагону, наметились тенденции пересмотра официальной стратегической концепции. В апреле 1956 г. директор исследовательской группы «Совета по международным отношениям» Г. Киссингер в статье в «Форин Аффэрс» высказал серьезную тревогу по поводу «неадекватности американской военной доктрины» в связи с кризисом системы милитаристских блоков, создаваемой США. Он писал: «Не может быть больше сомнений в том, что наша система союзов переживает кризис». В число причин этого кризиса Киссингер включил «советское мирное наступление», т. е. борьбу СССР за разрядку международной напряженности, «внутренние проблемы» Франции, «экономический застой» в Великобритании... Однако «фундаментальная причина», по его мнению, заключалась в отсутствии объединяющей военной доктрины².

Конечно, если бы кризис милитаристской политики объяснялся только несовершенством военной доктрины, его нетрудно было бы устранить. Причины кризиса более глубокие. К ним Киссингер относил, в первую очередь, «рост советских атомных запасов», увеличивающий американское «нерасположение подвергнуться риску тотальной войны». Чем же вызывалось это так называемое «нерасположение»? Оказывается, «идея о том, что наиболее эффективной стратегией является ядерная бомбардировка городов, представляет собой наследство второй мировой войны», когда США «могли атаковать промышленные центры без страха за возмездие»³. А поскольку ликвидация монополии на ядерное оружие Советским Союзом лишила американских милитаристов этого бесспорного «удобства», естественно возник страх

¹ G. L o w e. The Age of Deterrence, p. 131.

² «Foreign Affairs», April, 1956.

³ Там же.

перед неотвратимым возмездием за развязывание ядерной войны. «Стратегия массированного удара, — признавал впоследствии Дж. Рэймонд, специальный военный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Пентагоне, — была попыткой внушить страх Советскому Союзу»¹. Теперь она оборачивалась против инициаторов ядерного шантажа.

Выход из создавшегося неблагоприятного положения идеологи милитаризма пытались найти главным образом на пути «совершенствования» военной доктрины и стратегии. Киссингер настоятельно рекомендовал «избегать термоядерной войны, кроме как крайнего средства», проводить внешнюю политику таким образом, чтобы «вопрос о выживании нации не затрагивался в связи с каждым международным спором». Он не скрывал роста противоречий между США и их союзниками по милитаристским блокам в связи с той угрозой, которую таит в себе ядерная война в первую очередь для западноевропейских государств. «Теперь, — писал Киссингер, — когда большинство наших партнеров по организации Североатлантического пакта считает начало войны неизбежно ведущим к национальной катастрофе, наша система союзов находится в ужасной опасности». Для устранения этой опасности он предлагал: создать, во-первых, такую военную доктрину и возможности для ее осуществления, чтобы было ясно, что «не каждая война является неизбежно тотальной ядерной войной», и, во-вторых, такую противовоздушную оборону НАТО, которая «снизила бы у союзников чувство беспомощности перед угрозой термоядерной войны».

Главное положение Киссингера сводилось к тому, что США и их союзники должны быть постоянно готовыми к ведению как «ограниченных», так и тотальной ядерной войн. «Ограниченные войны, — писал он, — представляют собой не альтернативу, а дополнение к массированному возмездию»².

Вскоре обнаружилось, что агрессивные военные идеи, пропагандируемые на страницах «Форин Аффэрс», почти совпадают с официальной точкой зрения министерства

¹ J. Raymond. Power at the Pentagon. New York, Evans-ton, London, p. 246.

² «Foreign Affairs», April, 1956.

обороны США. В июле 1956 г. в печати появилось сообщение о том, что генеральный штаб армии разработал документ «Цели США и союзников в войне», в котором ввиду опасных последствий «большой атомной войны» для самих США рекомендуется развязывать так называемые малые «войны за ограниченные цели». «За закрытыми дверями в Вашингтоне, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — сейчас обсуждается вопрос о том, как вести такие войны «без существенных обычных сухопутных сил»¹.

Ответом на этот вопрос явилась теория так называемой «ограниченной атомной войны», выдвинутая после трехлетних изысканий исследовательской группы «Совета по международным отношениям» в июне 1957 г. и получившая официальную поддержку правительства и Пентагона.

Но в то время как вырабатывались рекомендации по «ограничению» войны, под влиянием социально-политического и военно-технического прогресса назревал глубокий кризис агрессивной политики и авантюристической стратегии американского империализма. Основательной критике стала подвергаться не только доктрина тотальной ядерной войны, но и теория решающей роли вооруженного насилия в историческом процессе, составляющая идейную первооснову империалистической военной идеологии.

¹ «Правда», 20 июля 1956 г.

Глава четвертая

ОТРАЖЕНИЕ НОВОГО ЭТАПА ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА В АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Империализм США, по мнению прогрессивного американского экономиста Я. Будиша, достиг зенита своего могущества в 1941—1957 гг. В этот период монополистический капитал США «сумел установить свое бесспорное экономическое и военное верховенство в капиталистическом мире». Однако, отмечал Будиш, к 1957 г. быстрый прогресс советской промышленности, науки и техники, а также культурное развитие в целом постепенно привели к тому, что «притязания США на мировое господство оказались ни на чем не основанными»¹.

По мере углубления общего кризиса капитализма происходит неизбежное сужение социально-экономической и морально-политической базы милитаризма, подрываются его основные принципы. Утрата империалистической буржуазией монополии на военную силу, невозможность в связи с бурным социально-политическим и военно-техническим прогрессом создать превосходящие вооруженные силы против стран социализма — все это поставило империалистов впервые в истории перед необходимостью нового подхода к решению проблем войны.

Особенно ощутимый удар по военным планам империалистических агрессоров был нанесен ликвидацией монополии США на ядерное оружие. «В результате напряженных усилий советского народа, советских ученых по созданию своего ядерного оружия американская ядерная монополия была сломана, мировая социалистическая система получила собственный ядерный щит, империали-

¹ Проблемы современного капитализма и рабочий класс. Изд. «Мир и социализм». Прага, 1963, стр. 281.

стические державы лишились материальной основы для проведения политики ядерного шантажа, политики «с позиции силы» в отношении социалистических стран»¹.

Во второй половине 50-х и в 60-х годах некоторые идеологи буржуазии все чаще высказывают новые, не присущие им в недавнем прошлом взгляды на войну и ее социальные последствия. Оставаясь на позициях империализма, они, тем не менее, заявляют о «нерентабельности» и «непривлекательности» войны как средства продолжения политики.

1. ПРИЗНАНИЕ БАНКРОТСТВА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАСИЛИЯ

В то время как лидеры милитаризма США продолжали настаивать на дальнейшем усилении гонки вооружений, ратовать за превентивную войну против СССР и других социалистических стран, в массах американского народа происходил определенный сдвиг в сторону мира и мирного сосуществования. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые положения, выдвинутые деятелем демократической партии Э. Стивенсоном, кандидатом в президенты США на выборах в 1952 и 1956 гг. Трезво оценивая результаты ликвидации Советским Союзом американской монополии на ядерное оружие, Стивенсон призывал американцев установить «пределы собственной силы», отказаться «диктовать свои условия и философию с позиции превосходства в силе, которого не существует». «Если мы, — говорил Стивенсон, — будем действовать таким образом, как будто владеем монополией на всю силу, то скоро убедимся, что мы обладаем только монополией на беспомощную изоляцию»².

В своих посланиях бывший президент Эйзенхауэр продолжал отводить США «высокую роль в мировых делах — роль энергичного руководства». Но его агрессивный внешнеполитический курс по мере укрепления экономического и оборонного могущества Советского Союза и других социалистических стран подвергался все более резкому осуждению как в США, так и за их пре-

¹ Заявление Советского правительства от 21 августа 1963 г. «Правда». 21 августа 1963 г.

² A. Stevenson. A Call to Greatness. New York, 1954, pp. 41, 54, 76.

делами. Известный обозреватель Уолтер Липпман отмечал два основных направления среди критиков внешней политики Эйзенхауэра — Даллеса. Одни из них высказывались за наращивание военных сил США для «сдерживания» и «пресечения» революционных движений во всем мире. Странники другого направления выступали за трезвую оценку складывающегося в мире соотношения сил и стояли на той точке зрения, что США «никогда не смогут быть достаточно могущественными, чтобы сдерживать или отеснить силой оружия гигантское революционное движение послевоенного времени». Анализируя причины провалов во внешней политике США, Липпман указывал, что «период американской гегемонии был преходящей стадией в человеческих делах», а упорное цепляние США за «иллюзию собственной гегемонии» явилось почти бесспорной причиной просчетов во внешней политике ¹.

Бывший посол США в СССР Джордж Кеннан открыто осуждал гонку ядерных вооружений. В своей лекции в Лондоне, прочитанной по радио 1 декабря 1957 г., он заявил, что оружие массового уничтожения — бесплодное и безнадежное, оно не может служить целям «конструктивной и оптимистической внешней политики». В связи с этим Кеннан призвал западные державы бороться против коммунистической идеологии «повседневной полицейской деятельностью, а не на военных полях сражений» ².

Подобные высказывания свидетельствовали о том, что с ростом могущества социализма империализм начал утрачивать свое доминирующее положение в мире. В ходе соревнования двух противоположных социальных систем тенденция реалистического отношения к вопросам войны и мира неуклонно усиливалась. Еще до того, как Советский Союз первым в истории создал баллистическую ракету, способную вывести человека в космическое пространство, и достиг выдающихся успехов в области военной техники, в американской литературе о войне появились признаки осознания того факта, что империализм не в состоянии остановить движение человечества к коммунизму с помощью вооруженного насилия.

¹ «New York Herald Tribune», August 12, 1958.

² «Правда», 3 декабря 1957 г.

В 1956 г. в США была опубликована книга одного из видных представителей американской военной мысли, военного историка и обозревателя Уолтера Миллиса «Война и люди. Исследование американской военной истории». Вторым, массовым изданием книга вышла в 1958 г.¹ Издательство рекомендовало ее как «проницательное исследование великим историком людей и сил, стоящих за военной политикой Соединенных Штатов».

В своей работе Миллис затронул корни кризиса американского милитаризма и его военной идеологии. Оставаясь на позициях буржуазной историографии и социологии, он вместе с тем сделал некоторые обобщения, раскрывающие историческую бесперспективность военной политики империализма США в современную эпоху.

Известный интерес в связи с этим представляет эволюция взглядов Миллиса на проблему современной войны. В 1954 г. он весьма осторожно критиковал американскую стратегическую концепцию. Предлагая использовать угрозу бомбардировок ядерным оружием гражданского населения «для предотвращения войны», он считал «сомнительным курсом» включение этого оружия в американскую «традиционную стратегию» таким путем, который фактически приведет к войне, ко «всеобщему стратегическому уничтожению»². Но до того момента, «пока не будут найдены решения, ведущие к более разумным результатам» (т. е. не к ядерной войне. — В. К.), Миллис рекомендовал придерживаться концепции, согласно которой стратегическая авиация является «главным инструментом» политики США, а «угроза всемирного атомного уничтожения, затрагивающая нас так же, как и русских, нашим главным средством воздействия на ход истории»³. Это была типично милитаристская точка зрения, в основе ее лежала теория «решающей роли» насилия в истории.

Миллис считается на Западе «одним из лучших и наиболее объективных военных исследователей»⁴. Вполне естественно, что его «объективность» не выходит за пре-

¹ W. Millis. *Arms and Men. A Study in American Military History*. New York, 1958.

² «Army Combat Forces Journal», March, 1954.

³ «Reporter», December 2, 1954.

⁴ Brassay's Annual. *The Armed Forces Year Book*, 1954, London, p. 179.

дела буржуазного мировоззрения. Нельзя не отметить и его явно враждебного отношения к социалистическим странам. Однако ряд мыслей и выводов Миллиса представляет интерес для характеристики кризиса военной идеологии американского империализма.

В своем исследовании Миллис давал такую оценку военной мысли в США: отсутствие «ясной и убедительной концепции будущей войны»; самые способные военные ученые «находятся в состоянии либо полной противоречивости, либо явной путаницы»; существуют самые крайние расхождения во мнениях по чисто техническим и стратегическим вопросам; нет единодушия в отношении целей, на достижение которых должны быть направлены военные средства; имеется лишь приближенное понятие о «внутренних социальных, правовых и конституционных проблемах, выдвигаемых развитием огромной современной военной организации»¹.

Миллис поставил перед собой задачу — исследовать и осветить «значение военного фактора для гигантских социальных и политических проблем нашего времени» и с этих позиций критиковал некоторых военных деятелей, идеологов и историков США (Эптона, Мэхэна, Палмера, Гэйно), которые, выдвигая военные идеи, очень мало считались с «экономическими, социальными и политическими факторами, воздействующими на все проблемы военной готовности и войны»². Однако сам автор игнорировал влияние на вопросы войны и мира таких решающих для истории событий, как Великая Октябрьская революция и социалистические революции в ряде стран Европы и Азии после второй мировой войны, а также национально-освободительные движения.

Идеология антикоммунизма, по-видимому, настолько ослепила «объективного военного исследователя», что в оценке коренных революционных сдвигов, происшедших после первой и второй мировых войн, он, вольно или невольно, оказался на одном уровне с заурядными фальсификаторами истории. Вторая мировая война, по мысли Миллиса, «ужасная по размаху истребления и разрушения, была необычайно аполитичной по ее последствиям». Социалистических революций, таким образом, «не бы-

¹ W. Millis. Arms and Men, p. 308.

² Там же, стр. V.

ло», а произошло «разрушение целых государств» посредством «пропаганды и тайных сговоров» коммунистов¹.

Игнорирование в книге Миллиса революционных последствий войны и искажение сущности социалистической революции — коренной порок этого наиболее серьезного в американской литературе исследования о войне. Он объясняется неспособностью автора подняться до научного понимания основных закономерностей исторического процесса, всемирно-исторической роли рабочего класса, правильно оценить характер и содержание современной эпохи, ее основные движущие силы.

Представляет интерес тезис Миллиса о «великих военных дилеммах», возникших с появлением ядерного оружия и разделением мира на две противоположные общественные системы. Главным обстоятельством возникновения современных военных дилемм он считает развитие ядерного оружия в США и Советском Союзе. Важен при этом, по его мнению, и тот «очевидный факт», что никакая политическая или социальная цель любого современного государства, ни даже смутно представляемая цель «мирового господства» не может быть достигнута с помощью ядерной войны. Он пришел к выводу, что «война ядерного массового уничтожения непригодна для любой позитивной цели и не имеет ценности как инструмент позитивной политики»².

Миллис был в то время не единственным на Западе сторонником подобной точки зрения. К аналогичному заключению пришел известный английский военный теоретик и историк Лиддел Гарт. Он считает, что водородная бомба «даже своими испытательными взрывами сделала больше, чем что-либо другое, для того, чтобы выявить бессмысленность тотальной войны как способа и «победы» как цели войны. Оба термина и понятия, которые они выражают, представляются абсолютно нелепыми»³.

Неоднократно идея отказа от войны как средства политики высказывалась и в среде американских военных

¹ См. W. Millis. *Arms and Men*, p. 267.

² Там же, стр. 309—310.

³ B. H. Liddell-Hart. *Strategy. The Indirect Approach*. London, 1959, p. 14.

и руководящих политических деятелей¹. Так, Эйзенхауэр в обращении к «Американскому обществу газетных издателей» в апреле 1956 г. отметил: «Война в наше время стала анахронизмом. Как бы то ни было в прошлом, война в будущем не может служить никакой полезной цели»².

Хорошо известно, что заявления о бесполезности войны не помешали Эйзенхауэру в свое время стать среди американских президентов чемпионом гонки вооружений. Премьер-министры Англии Иден и Макмиллан нередко высказывались в таком же духе, но на практике тоже продолжали выступать активными застрельщиками гонки ядерных вооружений. Противоречие между словами и делами политических лидеров западных стран существовало всегда. Новым здесь являлось открытое признание не только «бесполезности», но и смертельной опасности для империализма, заложенной в использовании новейших средств вооруженного насилия для достижения реакционных политических целей. Истина состояла не в том, что империалистов смущала перспектива массового уничтожения миллионов людей, а в том, что они потеряли монополию на новейшие боевые средства, лишились возможности применять их безнаказанно.

Именно это послужило одной из основных причин кризиса, о котором говорил Миллис в своих тезисах. До тех пор пока «атомный тупик» не стал реальностью (то есть до создания ядерного оружия Советским Союзом), война «все еще была существенной» для отношений между народами. Но когда война стала в одинаковой степени «тотально разрушительной для экономических, биологических и моральных ценностей, в то же время утрачивая свою социальную функцию и не оставляя вместо себя никакого заменителя, могущего выполнять эту функцию, результатом явился необычайный кризис, которому теперь подвержен современный мир». К 1956 г., по мнению Миллиса, «почти не было никакого способа, с помощью которого развертывание военных сил... могло быть разумно применено для решения каких-либо политических, экономических, духовных или философских

¹ См. Современная империалистическая военная идеология. М., Воениздат, 1958, стр. 238—239.

² A. Sokol. A. Sea Rower in the Nuclear Age. Washington, 1951, p. 15.

спорных вопросов, по которым люди все еще расходятся». Былая уверенность в военной акции «как окончательном ответе на каждую проблему, уверенность, которая оставалась с нами с начала истории — больше нам недоступна. Возможно, что для решающих санкций в наших человеческих делах мы должны будем рассчитывать на другие факторы»¹.

Среди причин кризиса Миллис отмечал также «демократическую (т. е. буржуазную) и индустриальную революции», «революцию в методах управления, научную и пропагандистскую революции в ведении войны». Они «последовательно превратили войну из разумного и приемлемого в общем «инструмента политики» для регулирования отношений между народами и государствами в ужасающий источник потенциального кровопролития и разрушения, невыносимый для любого честного и здравомыслящего ума»².

Обращает на себя внимание попытка Миллиса поставить «необычайный кризис» в современном мире в непосредственную связь с тезисом об утрате войной «социальной функции». Под «социальной функцией» он подразумевает свойство военного насилия «вызывать политические последствия в умах и в отношениях людей»³, полезные, с его точки зрения, капиталистическому обществу.

В выводах Миллиса, несмотря на их явную односторонность и ограниченность, явственно проглядывает утрата непоколебимой веры во всемогущество вооруженной силы. И в этом заключается прямой признак кризиса не только военной, но и общей идеологии империализма, основным стержнем которой является псевдонаучная теория насилия.

Впоследствии идеи Миллиса получили признание и были развиты в работах некоторых других американских авторов. Профессор политических наук Миннесотского университета М. Сибли пришел к аналогичным заключениям. Он утверждал, что, во-первых, «военная мощь в современном мире не может в конечном счете защитить что-либо ценное, как не может она конструктивно ис-

¹ W. Millis. Arms and Men, pp. 311, 325, 326.

² Там же, стр. 307.

³ Там же, стр. 322.

пользоваться для достижения политических и социальных целей»; во-вторых, «если придерживаться первого утверждения, то будет глупостью сохранять военную организацию; вместо этого Соединенные Штаты должны разоружиться (независимо от того, сделают это другие державы или нет)»; в-третьих, политика разоружения «в любом случае обеспечит более эффективный путь защиты американского народа против возможной агрессии, чем опора на вооруженную мощь»¹.

Положения Миллиса использовались также для критики доктрины тотальной ядерной войны с позиций «традиционного» милитаризма. Контр-адмирал Г. Эклз в книге «Военные концепции и философия» высказывал «серьезные сомнения в том, что фактическое применение ядерного оружия может служить любой политической цели». Он не был уверен, что это оружие «имеет какую-либо непосредственную ценность как средство силы»².

Когда буржуазные идеологи говорят о пользе военного насилия для общества, они, разумеется, имеют в виду буржуазию. В прошлом, когда буржуазия являлась революционным, поднимающимся классом, применение ею военного насилия против феодальной контрреволюции было исторически оправданным, необходимым для общества в целом. Теперь же, когда идеологи буржуазии высказывают мысль, что военное насилие больше не приносит пользы обществу, то их, как это вполне очевидно, тревожит не судьба общества в целом, а те неизбежные катастрофические для господства буржуазии последствия, которыми в современную эпоху чревато развязывание империалистических войн.

И этот бесспорный факт вытекает не только из крайне разрушительного характера современной войны, но главным образом из характера и содержания современной эпохи, переходной от капитализма к социализму. Капитализм давно превратился в тормоз общественного развития, и военное насилие, направленное на его сохранение, приобрело реакционное содержание. След-

¹ M. Sibley. Unilateral Disarmament (in America Armed. Ed. R. Goldwin. Chicago, 1963.) Цит. по кн.: American Defense Policy. Prepared by W. Rowar and Associates. Baltimore, 1965.

² H. E. Eccles, U. S. N. (Ret). Military Concepts and Philosophy. New Brunswick, 1965, p. 229.

ствием этого является та непреложная истина, что, пока буржуазия была прогрессивной, применение насилия способствовало укреплению ее классового господства. Когда же она превратилась в реакционный класс, применение военного насилия в конечном счете ведет к ускорению ее гибели.

Политическая инициатива империалистической буржуазии глубоко контрреволюционна, антиобщественна по своей сущности и направленности. В работе «Социализм и война» Ленин писал: «Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода»¹.

Таким образом, социально-политическое содержание военного насилия со стороны империалистической буржуазии сводится к сохранению капитализма, что противоречит коренным интересам общественного развития, главным задачам современной эпохи. И в этом заключается самая глубокая причина неспособности империализма «извлечь пользу» из военных авантур. Вполне естественно, что, по мере того как соотношение сил во всем мире изменяется в пользу социализма, возможности искусственного сохранения последнего эксплуататорского строя с помощью военного насилия сужаются и в конечном счете исчезают.

Неспособность реакционных сил предотвратить революционное переустройство общества находит свое отражение в буржуазной военной литературе в той или иной форме, в частности, в тезисе об утрате войной ее «социальной функции».

Автор этого тезиса У. Миллис очень близко подошел к истине, но не раскрыл ее полностью. Буржуазному идеологу чуждо понимание социальной реакционности буржуазии, он не видит объективно назревшей общечеловеческой необходимости уничтожения классового и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 313—314.

национального гнета, а вместе с ними и войн между народами. Поэтому Миллис не признает великой исторической миссии пролетариата — единственного класса, способного освободить общество от последнего эксплуататорского строя и от порождаемых им военных катастроф.

Идеологов милитаризма крайне встревожила реальная перспектива принудительного отказа от войны как главного средства империалистической политики, возникшая в результате роста экономического и военного могущества стран социализма. Именно этим и объясняется появление идеи о том, что война становится неприемлемой, не оставляя после себя никакого «заменителя» для выполнения ее социальной функции.

Но истина состоит в том, что основная задача современной эпохи решается не империалистической войной, а социалистической революцией. При этом революция не «заменяет» войну, а создает все необходимые предпосылки для ликвидации войн вообще, так как для победы революции во всемирном масштабе они не нужны.

При переходе от феодализма к капитализму одна форма частной собственности лишь заменялась другой, но ни одна из них не отрицала войны как средства продолжения политики. Поэтому вооруженное насилие и войны были неизбежны со стороны как восходившей буржуазии, так и уходящих с исторической арены феодалов. Социализм полностью ликвидирует частную собственность на средства производства — социально-экономическую основу всякого насилия, и войны между социалистическими и буржуазными государствами, так же как и вооруженная борьба в ходе пролетарских революций, развязываются по инициативе свергнутых классов капиталистов и помещиков.

На новом этапе общего кризиса капитализма сложилось такое соотношение мировых сил, когда война против содружества стран социализма неизбежно явится самоубийственной авантюрой для империалистических агрессоров. Отсутствием объективных предпосылок для достижения контрреволюционных целей монополистической буржуазии военными средствами и обусловлен тот «необычайный кризис», о котором говорится в выводах Миллиса. В нем нет ничего «необычайного»: кризис милитаризма и военной идеологии империализма, империали-

листической теории насилия — закономерное следствие общего кризиса капитализма в военной области.

Принцип «решающей роли» насилия в истории был главной идейно-теоретической основой военной идеологии империализма в период становления господства буржуазии. Распространение этого господства на весь мир оказалось возможным в силу экономического, социально-политического и военного превосходства капитализма над феодализмом. Таковы были объективные причины уверенности буржуазных военных идеологов во всемогуществе насилия, в том, что якобы именно оно определяет весь ход истории. Подобное антинаучное представление об историческом процессе вполне отвечало целям сохранения и расширения господства буржуазии, обладавшей неограниченной монополией на военную силу.

Теория насилия в основе своей идеалистическая, волюнтаристская. Она ставит развитие общества в решающую зависимость от воли людей, наделенных властью в буржуазном государстве и могущих по своему усмотрению распоряжаться вооруженной силой страны и судьбами народов. А поскольку монополистический капитал имеет такие вооруженные силы, которых нет у угнетенных народов и классов, то его господство и следует рассматривать как «вечное» и «неизменное» условие существования цивилизации. Теория насилия направлена против прогрессивных социальных изменений, против социалистических и национально-освободительных революций. Под «решающей силой» истории она подразумевает не насилие вообще, а вооруженное насилие со стороны господствующей империалистической буржуазии, то есть крайне реакционное по своей природе.

Американские проповедники «решающей роли» вооруженного насилия — Мэхэн, Лодж, Бернхэм, Даллес, Киссингер, Поссоли, Страш-Хюпе, Пюлстон и многие другие никогда не затрудняли себя поисками какой-либо научной аргументации для обоснования «права» и «способности» монополистической буржуазии распоряжаться судьбами народов, с помощью оружия предотвращать исторически назревшую замену капитализма социализмом, парализовывать действие объективных законов общественного развития. Ссылаясь лишь на тот факт, что в прошлом войны были всегда, они объявляют их «вечной», «постоянной» и «необходимой» фор-

мой международных отношений, с нескрываемым цинизмом прославляют политику «с позиции силы». «Чтобы сохранить свою безопасность и увеличить свою мощь,— говорят Страуш-Хюпе и Поссоны в книге «Международные отношения», — Соединенные Штаты применяли различные методы. Они участвовали в международных действиях, вели экономическую и психологическую войну и подрывную деятельность, создавали и удерживали за собой сферы влияния, участвовали в политике равновесия сил, в создании военных угроз и военных союзов, в наступательных войнах. С некоторыми государствами Соединенные Штаты сотрудничали почти всегда на дружественных началах, но часто вмешивались с помощью силы в дела других народов с тем, чтобы подчинить их поведение своей воле... Соединенные Штаты были и все еще являются одним из наиболее законченных профессионалов в области «политики силы» во всех ее формах. Соединенные Штаты настойчиво отрицают, что они проводят политику силы, но как раз благодаря этим пылким отрицаниям Соединенные Штаты оказываются в состоянии применять силу с необычайным успехом»¹.

Авторы этого откровенного признания рассматривают капитализм вне процесса его развития, приведшего к империализму, к власти финансовой олигархии, а в ряде стран—к террористическим, фашистским методам и формам господства, к мировым империалистическим войнам. В качестве «вершины» развития цивилизации они преподносят систему «свободного» предпринимательства, на смену которому в действительности уже давно пришли хищнические монополии, подавляющие свободную конкуренцию и уничтожившие буржуазные демократические свободы. Проповедники идеологии и политики насилия не видят глубокого различия между условиями применения вооруженного насилия и его ролью в доимпериалистическую эпоху и в современный период, когда капитализм из прогрессивного стал крайне реакционным, охваченным все углубляющимся кризисом. Империалистическая политика насилия терпит один провал за другим, все более возрастает политическая активность народных масс, доказавших свою способность до-

¹ R. Strausz-Hupe, S. Possony. International Relations, p. 722.

стигать прогрессивных целей вопреки империалистическому насилию, в то время как войны, развязываемые в интересах монополий, превратились в прямую угрозу классовому господству буржуазии.

Вооруженное насилие, несомненно, играло и продолжает еще играть значительную роль в историческом процессе. Однако само по себе оно не оказывает определяющего влияния на развитие общества. Вооруженное насилие является лишь формой продолжения политики, в то время как важнейшие, движущие историю события происходят в сфере материального производства — решающей сфере человеческой деятельности. Поступательное развитие общества определяется в конечном счете объективными экономическими законами. Действие их не зависит от воли людей, тем более от воли отдельных личностей, какое бы высокое положение в государстве они ни занимали.

Разоблачая антинаучную теорию насилия, Энгельс писал, что политическая власть, после того как она стала самостоятельной по отношению к обществу и из его слуги превратилась в его господина, может действовать в двояком направлении: «Либо она действует в духе и направлении закономерного экономического развития. Тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо же политическая власть действует наперекор этому развитию, и тогда, за немногими исключениями, она, как правило, падает под давлением экономического развития»¹. Иными словами, в конечном счете происходит социальная революция, и отживший свой век старый реакционный строй заменяется новым, прогрессивным.

Марксизм-ленинизм считает исторически закономерным священное право народов использовать для своего социального и национального освобождения, защиты отечества от захватчиков любые средства, вплоть до вооруженной борьбы.

Вооруженное насилие оправдано в революционных целях, когда оно способствует назревшей замене старых производственных отношений новыми, отвечающими достигнутому уровню развития производительных сил. Как подчеркивал Ленин, «единственной дейст-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 188.

вительной силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс...»¹. «Революция является движущей силой истории», — писали Маркс и Энгельс, вскрывая ошибочность представлений, по которым «насилие, война, грабеж, разбой и т. д. объявлялись движущей силой истории» и «будто в истории до сих пор все сводилось к захвату»². Таким образом, революционное насилие представляет собой общественно необходимую политическую акцию восходящего класса, поскольку господствующие реакционные классы, выполнившие свою историческую роль, добровольно не уступали политической власти. Оно применяется в интересах прогресса общества и играет поэтому положительную роль в истории.

Полная несостоятельность буржуазной теории насилия научно доказана марксистско-ленинским учением и революционной практикой трудящихся масс, строящих социализм и коммунизм. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует о том, что никакими насильственными средствами невозможно создать новый общественный строй до тех пор, пока для этого не созрели необходимые материальные условия. Точно так же никаким насилием реакционным классам не удастся предотвратить победу этого строя, обусловленную экономическим развитием.

Империализм, располагающий всеми новейшими видами вооружений, не смог упредить или приостановить победоносное развитие социалистической революции. Имея подавляющее превосходство в военной силе над народами колоний, империалисты оказались неспособными помешать развалу колониальной системы. Эту грабительскую систему гнета и порабощения нельзя было сокрушить до тех пор, пока для этого не созрели все необходимые объективные и субъективные предпосылки, возникшие первоначально внутри капиталистического мира, а затем развившиеся под влиянием бурного прогресса мировой системы социализма. В метрополиях капитализм создает своего могильщика в лице эксплуатируемого им рабочего класса, в колониях — в лице бесчеловечно притесняемых им народных масс. В колониях, как и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 282.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 37, 21, 74.

в метрополиях, классовое и национальное угнетение осуществляется с помощью милитаризма. Чтобы держать в повиновении народы колоний, требовалась военная сила, которую нельзя было создавать лишь за счет людских ресурсов метрополий. Поэтому колониальные державы основывали свое господство над сотнями миллионов людей на двух важнейших принципах: во-первых, на сохранении монополии хозяйничающего в колониях империализма на военную силу, во-вторых, на создании войска для подавления освободительного движения угнетенных стран из их же народов.

Эти принципы тесно связаны между собой, но в них заложено и весьма существенное противоречие: вооружение и обучение военному делу даже самой незначительной части угнетаемого народа заключало в себе предпосылку ликвидации монополии угнетателей на военную силу.

Еще большей угрозой военной монополии и колониальной системе империализма подвергались во время войн за передел мира, в которые капиталисты неизменно втягивали народы поработанных стран. Первая мировая война и Советская власть в России, писал Ленин, окончательно превращают трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран «в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма...»¹.

В период второй мировой войны масштабы вовлечения угнетенных и зависимых стран в военные акции империализма возросли, а обучение военному делу народов колоний приобрело массовый характер. По американским данным, только в Черной Африке в течение второй мировой войны было поставлено под ружье около полу-миллиона африканцев².

Обучение военному делу поработанных народов создавало и другую важную предпосылку к национально-освободительной борьбе. В национальных и зависимых странах интеллигенцию представляли в основном офицерские кадры, так как путь к просвещению для выходцев из народа был практически закрыт. Лишь военное обра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 5.

² См. J. Coleman, J. J. Johnston. The Role of Military in Underdeveloped Countries. Princeton, New Jersey, 1962, p. 396.

звѣніе являлось сравнительно доступным для стремящейся к знаниям молодежи. Поэтому в странах экономически отсталых, с неразвитой промышленностью и, следовательно, малочисленным рабочим классом, с преобладанием в составе населения крестьянства, неграмотного и неспособного к политической организации, национально-освободительной борьбой нередко руководила прогрессивная военная интеллигенция.

Таким образом, милитаризация колоний, как и метрополий, представляла собой один из существенных источников ликвидации господства империалистической буржуазии, которое устанавливалось и поддерживалось с помощью вооруженной силы.

Для более полной характеристики банкротства теории насилия в связи с распадом колониальной системы империализма немалый интерес представляют наблюдения и выводы профессора социологии Чикагского университета Морриса Яновица. В своем исследовании «Роль военных в политическом развитии новых государств»¹ он отмечает, что в колониальных и зависимых странах «техническое обучение началось в результате широких военных операций во время второй мировой войны. В период второй мировой войны военное обучение было важным источником технической помощи слаборазвитым странам, где в колониальные армии мобилизовывали туземные войска»².

Военные кадры, созданные из населения колоний, по мнению Яновица, «служат также в качестве фактора социальных изменений. Как минимум это предполагает, что армия становится механизмом для развития чувства солидарности, что является социально-психологическим элементом национального единства». В военной организации «по сравнению с другими институтами нового государства вероятность равного отношения между людьми большая. Результатом является чувство единения и общественной солидарности, потому что люди различного регионального и этнического происхождения получают общий опыт и осознают себя как индусы, египтяне, нигерийцы»³.

¹ M. Janowitz. The Military in the Political Development of New Nations. Chicago, London, 1964.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 80, 81.

Отводя офицерским кадрам освободившихся от колониальной зависимости стран роль наиболее приспособленной для руководства их экономикой и политикой части интеллигенции, американский социолог пишет: для этих офицеров «источником военной идеологии является признание коллективного общественного производства в качестве основы для достижения социальных, политических и экономических изменений». В этом отношении, отмечает он далее, военные новых государств значительно отличаются от военных старых (то есть капиталистических) стран, где «социальное происхождение и подготовка офицеров усиливают их консервативное мышление»¹.

Подобные высказывания Яновица прежде всего свидетельствуют о неслучайном обнаружении буржуазным социологом новой военной идеологии в освободившихся странах, возникшей в огне жестокой борьбы против колониального рабства. Научное рассмотрение этой идеологии и ее социальных корней не входит в задачу настоящей работы. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что во всех вновь образовавшихся государствах ее источником является «признание коллективного общественного производства» как основы социального прогресса. Но бесспорным является то, что во многих новых независимых странах военная идеология носит объективно антиимпериалистический характер. Это объясняется тем, что военная организация здесь возникала, развивалась и укреплялась как средство решительной вооруженной борьбы против милитаризма метрополий.

К кризису милитаризма, империалистической военной идеологии, о котором писал У. Миллис, это обстоятельство имеет самое непосредственное отношение. По мнению Миллиса, «необычайный кризис», возникший в первую очередь в связи с ликвидацией монополии США на ядерное оружие и выразившийся в том, что война «утратила свою социальную функцию», якобы охватил весь мир. Как раз в этом и заключается одна из коренных ошибок американского военного историка. Он сумел понять сам факт возникновения кризиса, но не смог вскрыть его социальную сущность, истинное значение и размеры. Все дело в том, что отмеченный Миллисом кризис мили-

¹ M. Janowitz. The Military in Political..., p. 64.

таристской политики и идеологии представляет собой составную часть общего кризиса капитализма.

К социалистическим странам и новым независимым государствам это положение неприменимо, поскольку они не преследуют агрессивных целей.

Отношение социалистических государств к войне определяется интересами военной защиты революционных завоеваний трудящихся, создающих новое общество. Существование социалистической военной организации — одна из важнейших предпосылок банкротства империалистической политики и идеологии вооруженного насилия.

Военная организация освободившихся от колониального гнета стран, созданная для защиты обретенной ими независимости, также относится к числу таких предпосылок. Из источника обогащения и военного резерва колонизаторов народы этих стран превратились в активный фактор мировой политики и революционного разрушения империализма. Существенное отличие социалистической революции от национально-освободительной состоит в том, что в ходе ее возникают необходимые предпосылки для полного и окончательного уничтожения войны как общественного явления. В совокупности социальная революция пролетариата метрополий и национально-освободительная борьба народов колоний ведут к ликвидации империализма и представляют собой объективно закономерный и единственно возможный выход из общего кризиса капитализма. Что же касается путей выхода из «необычайного кризиса», обнаруженного У. Миллисом, то самым верным из них было бы полное уничтожение милитаризма.

2. КРИЗИС ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Под натиском революционных сил современной эпохи империализм утратил свое доминирующее положение в мире. Неизменно терпят крах попытки предотвратить распад капитализма посредством противопоставления объективным законам и потребностям общественного развития вооруженной силы, новейшей техники массового поражения. Несостоятельными оказались и притяза-

ния Соединенных Штатов Америки на мировое господство. Утратив монополию на ядерное оружие, США не смогли обеспечить себе и военно-технического превосходства над СССР. Запуск Советским Союзом в октябре и ноябре 1957 г. первых искусственных спутников Земли свидетельствовал о его замечательных успехах в области ракетной техники и ознаменовал начало новой эры в истории покорения человеком природы.

Величайшее научно-техническое достижение советских ученых, рабочих, инженеров и техников имело всемирно-историческое значение. В нем еще раз проявились неисчерпаемые творческие возможности человеческого разума и труда, освобожденного социалистической революцией. «Советская наука, — отмечалось в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 г., — открыла целую эпоху в развитии мировой цивилизации, положила начало освоению космоса, ярко демонстрируя экономическую и техническую мощь социалистического лагеря»¹. Социализм наглядно показал превосходство нового общественного строя, его культуры, системы образования, науки и техники, способность поставить энергию и знания людей на службу общественному прогрессу и в то же время надежно обеспечить свое мирное и независимое развитие несокрушимой оборонной мощью.

Ракетно-ядерное оружие Советского государства явилось надежным средством сдерживания агрессивных поползновений империалистов. Американский империализм был лишен возможности диктовать всему миру свою волю. С созданием советских межконтинентальных баллистических ракет США утратили военно-техническое преимущество и стали в военном отношении столь же уязвимыми, как и их западноевропейские союзники. «Американская военная стратегия, — отмечал журнал «Арми» в ноябре 1957 г., — приближается к критическому моменту — испытанию своей основной доктрины. Стратегия уничтожения, на которую мы полагались, стала настолько эффективной с точки зрения всеобщего уничтожения, что она, как это ни парадоксально, становится неприемлемой в качестве инструмента внешней политики»².

¹ «Правда», 6 декабря 1960 г.

² «Арму», November, 1957.

«Группа анализа боевых действий военно-морского флота США» категорически заявила о необходимости пересмотра американской военной доктрины и стратегии в связи с утратой монополии на ядерное оружие, подчеркнув, что «тотальная война как инструмент политики устарела»¹. Военная политика США стала объектом анализа и критики в широком масштабе, отмечали составители сборника «Американская военная политика».

«В конце 1957 и в 1958 году возрастающая стоимость систем оружия и общественное потрясение, вызванное обнаружением русского прогресса в развитии техники, особенно исследованиями космоса, усилили эту критику»². Посыпались предложения о коренной реорганизации министерства обороны, обострилась междуведомственная борьба в вооруженных силах. После появления советских спутников было опубликовано большое количество разного рода исследований и докладов, в которых резко критиковалась существующая военная организация.

Ряд политических деятелей, ученых и публицистов Запада, трезво оценивая возможные последствия современной войны, пришел к выводу о необходимости поиска невоенных решений международных споров. «Никакая политическая цель,— указывал известный американский социолог Райт Миллс,— не может быть достигнута средствами тотальной войны. Никакие действительно «национальные интересы» любого государства не могут обслуживаться войной»³. Он сделал заключение, что «с точки зрения собственно выживания... существует одна и только одна наивысшая цель и только одно всеобщее средство для ее достижения: сосуществование»⁴. Уолтер Миллис в декабре 1957 г. опубликовал статью в журнале «Нэйшн», в которой писал, что Соединенные Штаты «стоят на пороге нового, настоящего кризиса своей военной политики», что необычная для истории США милитаризация страны с целью создания военного потенциала для массированного удара потерпела полный провал,

¹ G. E. Lowe. The Age of Deterrence, p. 171.

² American Defense Policy... p. IX.

³ C. Wright Millis. The Causes of World War Three. New York, 1957, p. 3.

⁴ Там же, стр. 97.

когда Советский Союз «оказался в состоянии угрожать массированным ответным ударом Соединенным Штатам». Отмечая в качестве первоначальной реакции США на изменение соотношения сил в мире их стремление «более цепко ухватиться за прежнюю политику, не понимая, что она не дает никакого решения или, что еще хуже, никакого решения военной и дипломатической или даже моральной проблемы, порожденной поразительными успехами Советского Союза», Миллис подчеркнул необходимость пересмотра политики США на основе новой оценки реальной международной обстановки¹.

Запуск советских спутников Земли вызвал на Западе серию вынужденных признаний жизнеспособности и преимуществ социалистического строя. После этого события американский народ стал узнавать о Советском Союзе и его великих достижениях значительно больше правды, чем за все предшествующие 40 лет. Рушился миф о неоспоримом первенстве США в области науки и техники. Особенно важным последствием научно-технической победы СССР в космосе было крушение широко распространенной легенды о «непревзойденной» военной мощи США, их способности добиться легкой и быстрой победы над Советским Союзом. Неизбежность ответного ракетно-ядерного удара по территории США в случае агрессии с их стороны нельзя было скрыть. Печать начала публиковать данные о возможных человеческих жертвах тотальной войны. Ориентировочные подсчеты компетентных специалистов и ученых показывали, что война неминуемо принесет с собой гибель десятков миллионов американцев, разрушение основных индустриальных и административных центров США.

Комментируя цитированную выше статью У. Миллиса, журнал «Нэйшн» отмечал, что «защита мира, сосуществования, оппозиция войне не были популярным явлением в США, но сейчас из-под внешнего покрова бахвальства и хвастовства начинает пробиваться сильная струя мирных настроений... Все большее число американцев начинает прислушиваться к сигналам и призывам тех, кто выступает за мир»².

¹ См. «Nation», December, 1957 (подробное изложение статьи У. Миллиса было помещено в «Правде» 14 декабря 1957 г.).

² «Nation», December, 1957.

Беспокойство за последствия агрессивного военного курса США охватило и отнюдь не миролюбиво настроенных идеологов американского милитаризма. Продолжая выступать за дальнейшую милитаризацию и гонку вооружений, они открыто тревожились о судьбе американского империализма в случае развертывания им новой мировой войны. Видный экономист, профессор Принстонского университета О. Моргенстерн, проповедовавший «философию милитаризма», в своей книге «Проблема национальной безопасности» высказал большую озабоченность по поводу «выживания» капитализма после ядерной войны. Ведь речь идет не о «продолжении жизни на простой и примитивной основе, — пояснял Моргенстерн. — От простого выживания, принимая в расчет, вероятно, сто миллионов убитых в течение нескольких дней, к созданию общества, которое остается верным хранимым нами возвышенным идеалам, — долгий путь. А оставшиеся в живых могут выработать идеалы, настолько отличающиеся от наших, что мы не сможем узнать страну»¹.

Что верно, то верно. В данном случае обнаружилось ясное понимание того факта, что доктрина тотальной ядерной войны явно противоречит теории «выживания цивилизации». Но все дело в том, что, признавая это совершенно бесспорное обстоятельство, идеологи американского милитаризма (включая и Моргенстерна) не призывали к разоружению, а лихорадочно искали аргументы в пользу усиления военных приготовлений.

Выдающиеся успехи социализма и утрата империализмом преобладающего положения в мире — закономерный результат исторического процесса. Идея завоевания мирового господства империалистами никогда не могла превратиться в реальность.

Конечно, нельзя не учитывать того, что империализм еще обладает большой экономической и военной силой, особенно американский. Он располагает значительной военной машиной, представляющей огромную угрозу человечеству. Но наглые претензии империализма США на мировое господство чреваты для него неминуемой катастрофой.

¹ O. Morgenstern. The Question of National Defense. New York, 1959, p. 129.

Советские научно-технические достижения оказали отрезвляющее воздействие и на часть правительственных кругов США. Так, выступая в сенате, помощник лидера демократов в сенате Мэнсфильд критиковал американское правительство за то, что в своей внешней и военной политике оно многие годы действовало на основании теории «лучше всего добиваться мира путем создания позиций силы». Ликвидацию Советским Союзом монополии США на атомную бомбу он расценил как утрату «позиций силы» и советовал перейти к политике отыскания «позиций мира»¹. Причиной такого рода высказываний (их можно было бы привести немало) послужили известные настроения в мировом (и в американском) общественном мнении в пользу мира и мирного сосуществования двух противоположных социальных систем.

Элементы более трезвого подхода к решению проблем мира и войны содержались и в речах президента Джона Кеннеди. Во время поездки по западным штатам осенью 1961 г. он рекомендовал «учитывать тот факт, что Соединенные Штаты не являются ни всемогущими, ни всеведущими», что они не могут «всегда навязывать свою волю остальным 94 процентам человечества» и поэтому «не может быть американского решения для каждой международной проблемы»². Сожаления и тревоги президента, сокрушавшегося о прошлом, «когда атомная бомба принадлежала только» США, отнюдь не означали отказа от политики силы. Тем не менее они представляли явный контраст хвастливым заявлениям Трумэна, которому не давала покоя «жгучая необходимость» осуществить идею американского мирового руководства, используя монополию на атомное оружие.

Крушение устаревших социально-политических идей происходит наряду с изменением условий общественной жизни. Этот неопровержимый вывод марксистско-ленинского учения, как ни парадоксально, стали пропагандировать среди широкой американской общественности непримиримые противники коммунизма. Упрямые факты современности заставили теоретиков монополистической буржуазии открыто признать несостоятельность, бессилие, глубокий кризис буржуазной идеологии.

¹ Congressional Record. U. S. Senate, 86th Congress, 1st Session, February 10, 1958, Washington, 1958.

² «Правда», 18 ноября 1961 г.

В декабре 1957 г. руководитель центра по изучению внешней политики США в Чикагском университете, известный специалист по вопросам международных отношений и права Г. Моргентау во всеуслышание заявил о «кризисе американского могущества и самой американской системы правления». Он еще в начале 50-х годов выступал против милитаризма, считая его «интеллектуальной ошибкой», высказывался за установление прочного мира, за разоружение и мирное урегулирование спорных международных проблем на основе взаимных компромиссов¹. Моргентау, учитывая факт ослабления технических позиций США вследствие запуска советских искусственных спутников Земли, сделал заключение об «упадке американского правительства, упадке его философии и деятельности, самой концепции того, что правительство подразумевает под демократией»². Безусловно, столь прямолинейная связь между прогрессом советской науки и техники и разложением основных атрибутов американского «образа жизни» весьма односторонняя, как и сама характеристика идейного и политического кризиса, оторванная от общего кризиса капитализма. Она типична для буржуазного идеолога с его методом мышления преимущественно на языке силы. Поэтому потеря превосходства в силе над социалистической страной является для него первоисточником всех бед американского капитализма.

Подобное толкование вопроса, антинаучный подход к определению истинных причин «кризиса американского могущества», сведение их лишь к утрате технического и военного превосходства дают возможность буржуазным идеологам создать видимость идейно-теоретического обоснования вывода о том, что путем восстановления этого преимущества якобы можно вернуть американскому империализму его прежнее «всемогущество».

Бывший государственный секретарь США, один из наиболее ярых сторонников «холодной войны», покойный Д. Даллес говорил о кризисе буржуазной идеологии в несколько ином плане. В книге «Война или мир» он писал, что США истратили много миллиардов долларов на

¹ См. H. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York, 1954, pp. 151, 387, 393, 535.

² «Правда», 9 декабря 1957 г.

подготовку к войне, но «мало тратили на войну идей, в которую мы глубоко вторгнуты и в которой терпим поражения, не возместимые никакой военной мощью»¹.

Если даже в результате колоссальных затрат на гонку вооружений самое высокоразвитое в индустриально-техническом отношении капиталистическое государство не добилось военного преобладания, то какими же средствами эта страна, где реакционнейшими социально-политическими идеями освящена вся государственная политика, достигла бы идейного превосходства? Каким образом могла быть удовлетворена острая нужда в новых мобилизующих теориях, призванных заменить старые, потерпевшие банкротство?

Разложение идеологии, являющееся прямым следствием кризиса породившего его общественного строя, нельзя устранить в условиях этого же строя, особенно в то время, когда он вступил в канун своей гибели и стал реакционнейшей преградой на пути прогресса. Его идеологи не могут выдвинуть никакой новой теории, которая не отражала бы интересов сохранения господства буржуазии. Они, следовательно, способны лишь количественно пополнять идейный арсенал империализма, не затрагивая совершенно его реакционного в корне содержания.

По этой причине ничего не дали и не могли дать лихорадочные поиски «национальных целей», развернувшиеся в США с конца 1957 г. по инициативе и на средства крупного бизнеса. Какую, в самом деле, «национальную цель» в состоянии найти даже самый талантливый буржуазный исследователь, если нация придавлена господствующими в стране банкирами и промышленниками, которые затем только и выделяют долю из своих барышей и употребляют власть, чтобы закрепить свои классовые интересы?

Подобное обстоятельство оказалось в поле зрения лидеров демократической партии США, внимательно следивших за беспомощными попытками правительства Эйзенхауэра найти выход из крайне сложной, кризисной обстановки. Демократы, применяя испытанную тактику взваливания причин всех несчастий на стоящую у власти республиканскую партию, постарались накопить полити-

¹ J. F. Dulles. War of Peace. New York, 1957, p. 234.

ческий капитал, необходимый для победы на президентских выборах 1960 г. Сенатор демократ Джон Кеннеди, будущий кандидат в президенты, начиная с 1958 г. развернул критику отдельных сторон внутренней, внешней и особенно военной политики республиканского правительства¹.

Подход Джона Кеннеди к политическим проблемам, возникшим перед США в связи с дальнейшим обострением общего кризиса капитализма, характеризовался стремлением отыскать наиболее действенные и гибкие методы их решения. Будущий президент основывал свою позицию не только на критике в адрес правительства Эйзенхауэра, но также на признании ошибок в американской политике за более длительный период. Кеннеди сделал ряд заявлений, в которых обещал, что демократы более трезво и серьезно, нежели республиканцы, будут рассматривать насущные вопросы современности.

Оценивая причины кризиса, в котором оказался американский империализм, Кеннеди говорил, что это «не только военный кризис» и что «величайшая угроза» для США заключается не в ядерном нападении. «Суровая истина», отмечал он, состоит в том, что США угрожает огромная опасность проиграть «титаническое соревнование с русскими» без единого ракетного выстрела, если не будут приняты меры для улучшения системы образования. В прямую зависимость от уровня образования в стране Кеннеди поставил создание современной военной мощи и победу в соревновании за международный престиж².

В процессе подготовки к предвыборной кампании консультативный совет национального комитета демократической партии в своем программном заявлении отметил отставание США от Советского Союза в «важных областях» современного вооружения и в исследовании космоса. Признавались также банкротство «жесткого кур-

¹ Речи Д. Кеннеди в сенате, его публичные, в том числе предвыборные выступления и интервью в период 1958—1960 гг. были изданы отдельной книгой «Стратегия мира» под редакцией Аллана Невинса, видного историка, известного своей инициативой в широком насаждении культа монополистов-миллиардеров в американской историографии. (J. F. Kennedy. The Strategy of Peace, edited by Allan Nevins. New York, 1960).

² См. J. F. Kennedy. The Strategy of Peace..., p. 166.

са» Даллеса и провал внешней политики США, не имевшей «никакого отношения к реальной действительности», критиковалось «искусство балансирования на грани войны», безнадежно устаревшее после того, как первый спутник продемонстрировал превосходство советской ракетной техники¹.

В выступлениях Кеннеди более подробно рассматривались последствия утраты военно-технического преимущества США. Еще в своей речи в сенате 14 августа 1958 г. Кеннеди, на основе расчетов генерал-лейтенанта Гейвина и других военных специалистов, заявил, что к 1960 г. Соединенные Штаты потеряют свое превосходство в ударной ядерной мощи и наступит «период ракетного отставания», причем наиболее критическими в нем будут 1960—1964 гг.

Далее Кеннеди назвал десять «наиболее фундаментальных положений американской мысли XX столетия», относящихся к военной и внешней политике, которые окажутся, по его мнению, недействительными на протяжении «периода ракетного отставания» США:

— американское оружие и наука превосходят любые другие в мире;

— американские усилия по всеобщему разоружению представляют собой самоотверженную жертву в пользу мира;

— возможности США для ведения переговоров на любой международной конференции всегда более широкие и более гибкие, чем у противостоящей стороны;

— мир представляет собой нормальные отношения между государствами, а агрессия — исключение;

— США должны вступить в любой военный конфликт, рассматривая его как моральный крестовый поход и требуя безоговорочной капитуляции противника;

— свободному и миролюбивому народу нечего бояться в мире, где право и справедливость преобладают;

— американцы живут далеко за линией фронта, защищены временем, пространством и множеством союзников от нападения;

— США будут иметь время для мобилизации своих экономических ресурсов после того, как начнется война;

— новейшее оружие и системы континентальной обо-

¹ «New York Times», December 8, 1959.

роны, стоившие огромных затрат и усилий, защитят США;

— победа в конечном счете будет на стороне государства с наивысшим национальным доходом, валовой продукцией и уровнем жизни¹.

Некоторые из этих положений нуждаются в уточнении, другие вовсе не соответствуют действительности, а по отдельным в США нет согласия. Но прежде всего следует отметить, что в целом они неполно и неточно отражают отношение американской буржуазной мысли к проблемам внешней и военной политики. Военная и политическая идеология американского империализма не сводится к этим «фундаментальным положениям».

Тезис о преимуществе американского оружия и науки предполагает возможность постоянно иметь превосходящую любого противника вооруженную мощь. Подлинная сущность «усилий» США по всеобщему разоружению хорошо известна, чтобы всерьез рассматривать ее как «самоотверженную жертву». Под «широкими возможностями» США на международных конференциях всегда понималось право диктовать свою волю, опираясь на военное и экономическое главенство, а вместо «гибкости» обычно проявлялся «жесткий курс» во внешней политике. Касаясь представлений о мире как о нормальных отношениях между государствами, можно привести немало прямо противоположных мнений американских теоретиков. Положение о том, что свободному и миролюбивому народу нечего бояться, поскольку торжествуют право и справедливость, никогда не было «фундаментальным» в идеологии американского империализма. США всегда признавали и признают только «право сильного», что и подтвердил Кеннеди, считая это положение недействительным на период ракетного отставания США.

В данном случае гораздо более важным и существенным был факт признания одним из видных политических деятелей США «недействительности» ряда важнейших тезисов идеологии американской монополистической буржуазии в отношении к войне и политике. Тем самым Кеннеди невольно подтвердил, что в основе идеологии, политики и стратегии США лежит военная сила, воплощенная в ядерном оружии. Он признал, что «силовой

¹ См. J. F. Kennedy. The Strategy of Peace..., pp. 34, 39.

основой военной и дипломатической стратегии» США «со времен Хиросимы была ядерная мощь»¹.

Впоследствии, уже будучи президентом, рассматривая агрессивную «политику сдерживания» как американскую «стратегию мира», Кеннеди писал, что эта стратегия основывалась на двух монополиях США. Одна из них — на экспорт капитала и техническую помощь Европе и слаборазвитым странам. Другая подразделялась на две части: на ядерное оружие и на средства его доставки. Но с 1948 г., продолжал президент, «русские начали оспаривать эту двойную монополию Соединенных Штатов»; благодаря «потрясающим успехам в ракетной технике» они превзошли Соединенные Штаты в средствах доставки ядерных боеголовок к цели и таким образом «сделали недействительной исходную стратегическую концепцию НАТО»². Отмечая также большие достижения Советского Союза в ликвидации монополии США на экспорт капитала и техническую помощь, Кеннеди пришел к заключению, что в конечном счете эти успехи могут иметь даже большее значение, чем триумф России в военной технике³.

Признание прогресса Советского Союза в области экономики, науки и техники звучало не салютом в честь социалистического государства, а сигналом тревоги и сопровождалось настойчивыми призывами к восстановлению утраченной «силовой основы» политики и стратегии, то есть к новому росту гонки вооружений.

Правительство Эйзенхауэра, на словах согласившись участвовать во встрече на высшем уровне, на деле сорвало совещание глав правительств в Париже, послав шпионский самолет в воздушное пространство СССР.

В том, что американский империализм не собирался свернуть с военной тропы, не было сомнений. Его лидеры говорили о мире под давлением изменившегося соотношения сил. В действительности же они обдумывали далеко не миролюбивые планы. Военная программа оставалась стержнем внешней политики США. И основной заботой американской правящей элиты была морально-политическая мобилизация своего народа на поддержку этого крайне реакционного и агрессивного курса.

¹ J. F. Kennedy. The Strategy of Peace..., pp. 33, 34.

² Там же, стр. 4, 5.

³ См. там же, стр. 5.

3. ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЫ

Идеологическая подготовка агрессивных захватнических войн представляет собой сложную задачу теоретиков империализма. В то время как в военно-техническом плане наиболее эффективные способы и формы ведения военных действий определяются исходя из рациональных соотношений людей и техники в вооруженных силах, в области социально-политической империалистам необходимо решать значительно более сложные проблемы. В первом случае в той или иной мере достигается соответствие методов осуществления военных задач с требованиями военной науки. Но во втором, когда речь идет о согласовании целей империалистической войны с интересами широких народных масс, дела обстоят иначе. В сущности своей проблема «народ и война» неизмеримо сложнее, чем «человек и техника». В империалистических войнах она не получает подлинного решения вследствие коренных антагонистических противоречий капитализма, чрезвычайно обостряющихся на его последней стадии развития.

Империалистическая политика милитаризации и гонки вооружений, политика военных угроз и сама война ведут к усилению гнета и разорения народов, в корне противоречат жизненным потребностям трудящихся, их идеологии и психологии.

В. И. Ленин неоднократно указывал на глубокую, классовую незаинтересованность народных масс в ведении империалистических войн. В своей речи о войне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов он говорил, что рабочие и крестьяне «принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран... Эта психология и идеология, как бы она ни была смутна, почти у всякого рабочего и крестьянина заложена необыкновенно глубоко»¹.

Наличие глубоко антиимпериалистической психологии и идеологии у трудящихся даже тех стран, где еще господствуют монополии, свидетельствует о том, что народные массы не стремятся к захватническим войнам.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 277.

Поэтому инициаторы агрессии используют все доступные способы, чтобы навязать массам свои устремления, добиться их поддержки в империалистической войне, пытаются любыми средствами создать необходимый моральный потенциал для ее ведения, идеологически подготовить народ и армию к войне.

Буржуазное правительство, как отмечал еще в 1927 г. американский социолог Г. Лассуэлл, «влияет на свой народ с помощью законодательства, судебной системы, полиции, пропаганды всевозможных ритуалов и церемоний». Что же касается солдат, «которых оно держит под наиболее полным контролем», то их с помощью муштры оно превращает «в унифицированное орудие уничтожения»¹. С момента, когда были написаны эти слова, прошло много лет. Но они остаются верными и сейчас. Империалисты неоднократно применяли и применяют наряду со старыми методами «влияния на народ» новые — фашистские, террористические, суть которых состоит в культивировании грубого, звериного насилия, ненависти и страха. По свидетельству американского ученого Д. Легмана, «американским детям прививается такое убеждение в правоте насилия, какого не стал бы домогаться ни один нацист»². Автор книги «Народ и власть» Г. Фергюссон указывал, что у фашистских организаций всегда одни и те же рецепты: «первое — запугать простого человека, второе — обмануть его и третье — заставить его что-либо ненавидеть. Когда все эти три требования успешно выполнены, простого человека можно вести за нос в любом направлении, которое могут избрать его хозяева»³.

В области экономики буржуазные идеологи склонны рассматривать трудящиеся классы как физическую производительную силу, объект эксплуатации, приносящий экономические выгоды капиталистам; в области военной — как физическую разрушительную силу для достижения политических целей господствующей верхушки.

¹ H. Lasswell. Propaganda Technique in the World War. London, New York, 1927, p. 9.

² «American Journal of Psychotherapy», Vol. II, 1948, p. 477 (цит. по кн. Дж. Фурста «Невротик, его среда и внутренний мир». М., Изд-во иностр. лит., 1957, стр. 166).

³ H. Fergusson. People and Power. A Study of Political Behaviour in America. New York, 1947, p. 121.

По откровенному признанию американского генерала О. Брэдли, в вооруженной схватке жизни людей любой воинской части «становятся ничем более, чем орудиями для достижения победы в войне. Война не имеет ни времени, ни души для того, чтобы заботиться об отдельной личности и достоинстве человека»¹. Генерал Лемнитцер утверждает, что «человек есть и будет существенным элементом войны. Люди, а не машины выигрывают или проигрывают бои... Важность индивидуума возрастает вместе со сложностью оружия, которое мы должны использовать»².

Американские милитаристы понимают, что в ведении войны, как и в производственной деятельности, человеческая умственная и физическая энергия не имеет «заменителя». Поэтому они много говорят о решающей роли человека в войне. Но при этом тщательно избегают таких выражений, как «массы людей», «народные массы», пытаясь вести речь об «отдельном человеке», об «индивидууме». Подобная терминология вполне соответствует буржуазной оценке роли народных масс в войне как слепого и послушного орудия насилия. Но массы людей, мобилизованных на войну, в действительности представляют собой прежде всего силу социально-политическую. А эта сила, как известно, при определенных обстоятельствах способна на политические действия, которые могут привести (и уже не раз в истории приводили) к превращению армии из средства империалистической войны в армию пролетарской революции. В использовании народных масс для достижения захватнических целей таится огромная опасность для капиталистического строя. И империалисты стремятся любыми методами не допустить превращения (вполне закономерного) вооруженных сил из средства политики монополий в средство революционной ликвидации их господства.

Одной из главных проблем современной империалистической военной идеологии является отыскание путей и методов решения военных задач, исключающих создание условий для революционных взрывов. Поэтому чем больше буржуазные идеологи твердят о решающей роли человека в войне, тем настойчивее они стремятся скрыть

¹ О. Bradley. A Soldier's Story. New York, 1951, p. 154.

² «Army Information Digest», June, 1959.

решающую роль народных масс в истории; чем чаще говорят о решающей роли морального фактора, с тем большим усердием запутывают вопрос о подлинных, самых глубоких источниках морального духа народа и вооруженных сил, заключающихся в характере социально-экономического строя государства. Буржуазная военная мысль рассматривает человека прежде всего не как продукт окружающей его материальной и социальной среды, а как некую биологическую особь, живущую вне воздействия на нее существующего социального строя, со свойственными ему экономическими и политическими отношениями, которые оказывают решающее воздействие на общественный облик человека. Согласно уставу американской армии, «человек является фундаментальным оружием войны», всегда оставаясь «относительно неизменным»¹.

Крайне антинаучные утверждения о «неизменности» человека непосредственно связаны со стремлением буржуазных идеологов обеспечить постоянство существующего при капитализме порядка, представить эксплуатацию человека человеком как «естественное» и потому «вечное» явление. Социальная революция пролетариата, разумеется, рассматривается не как закономерный результат развития капитализма, а как следствие «заговора», «подрывной деятельности» коммунистов. Буржуазная идеология, проповедуя ложный тезис о «неизменности» человека, в то же время выдвигает идею о возможности и необходимости ликвидировать и приостановить с помощью вооруженного насилия глубокие социальные изменения, происходящие во всем мире. Именно для достижения этой цели империалистам и требуются массы вооруженных людей, лишенных классового самосознания, не способных на решительную революционную борьбу за свои жизненные интересы, беспрекословно подчиняющихся представителям верхушки буржуазии, идеальный материал для мясорубки войны.

В попытках поставить на службу реакции и контрреволюции несуществующего в природе внеобщественного и «вечно неизменного» человека с тем, чтобы использовать его для ликвидации и предотвращения неизбежных

¹ U. S. Army Field Service Regulations. (Цит. по журналу: «U. S. Naval Institute Proceedings», September, 1955.)

социальных перемен, обнаруживается одно из коренных противоречий империалистической военной идеологии. Если человек по своей природе неизменен и, следовательно, не поддается влиянию окружающей среды, то почему же свершаются коренные социальные изменения, невозможные без сознательной революционной деятельности прогрессивных классов? Идеологи капитализма не дают на этот вопрос научного ответа, ибо это противоречит классовым интересам буржуазии. Вопреки действительности они стремятся скрыть от народов установленный марксизмом-ленинизмом и подтвержденный историей факт, что рабочий класс, способный возглавить и повести за собой все угнетенные массы, является могильщиком эксплуататорского строя. Социальная природа человека подвержена коренным переменам в зависимости от социально-экономического и политического строя общества. Как справедливо отмечал прогрессивный американский философ Говард Селзам, «создание социалистического общества в Советском Союзе дало нам разительные и неоспоримые примеры изменяющейся человеческой природы... Лозунг — «вы не можете изменить человеческой природы» — теперь представляет собой просто главную уловку для сохранения существующего экономического и политического строя»¹.

Если бы трудящиеся массы были «неизменными» по своей природе, то реакционным буржуазным правительствам не понадобилось бы создавать специальные войска и разрабатывать стратегию и тактику для борьбы против революционного движения в своих странах, принимать крутые меры против революционных настроений в своих вооруженных силах, превращать военщину в главный аппарат своей государственной машины.

Идеологи буржуазии, оставаясь на позициях своего класса, естественно, подходят к процессу идеологического воздействия на личный состав вооруженных сил с позиций субъективного идеализма и метафизики. Природу человека и его роль в войне, как и значение морального фактора, они пытаются оценивать и рассматривать в отрыве от характера социально-экономического строя, от внутренней и внешней политики, то есть в отрыве от тех

¹ H. Selsam. What is Philosophy. A Marxist Introduction. New York, 1938, pp. 110, 111.

условий, которые в конечном счете определяют моральный потенциал любого государства, моральный дух его вооруженных сил. При таком подходе на первый план выдвигаются моменты психологические, основное внимание уделяется возбуждению животных инстинктов людей. В то же время социально-экономические и политические факторы, классовые отношения всеми доступными мерами и средствами затушевываются, чтобы подавить классовое самосознание людей в вооруженных силах.

Борьба против роста классового самосознания солдат и матросов составляет главную цель и основное содержание идеологической обработки личного состава вооруженных сил империалистических государств. Решить эту задачу буржуазные теоретики пытаются путем навязывания народу неправильных, ложных взглядов на характер капиталистического общества, его эксплуататорскую сущность. Защитники империализма всячески маскируют экономическую и политическую заинтересованность буржуазии в ведении агрессивных войн, стремятся представить эти войны в глазах трудящихся как необходимые якобы для пользы всей нации. Так в свое время делали проповедники германского фашизма, так поступают сейчас идеологи империалистических государств. Они стараются оторвать реакционные идеи от их классового источника, причины войн — от интересов монополий, от законов развития капитализма, помогают скрыть социально-реакционный характер империалистических войн. Как оружие реакции, идеалистическая и метафизическая философия подменяет законы развития общества законами природы, ссылаясь на географическую среду, рост народонаселения, звериные инстинкты борьбы за существование. Она обрекает трудящихся на полное бездействие, на пассивное отношение к социальной несправедливости, гнету монополий, их реакционной политике, притупляет у народных масс волю к активной борьбе за мир и прогресс. Единственное, что идеализм «разрешает» трудящимся — это молиться богу, уповать на его милость, иными словами, ничего не предпринимать для улучшения своего положения, а главное — воздерживаться от классовой борьбы.

Основное противоречие буржуазного строя — между общественным характером производства и частной формой присвоения — с особой силой проявляется в импе-

риалистической войне, где сталкиваются противоположные интересы господствующих эксплуататорских классов, которым выгодна захватническая война, и самых широких народных масс — естественных ее противников.

Наибольшую остроту это главное противоречие приобретает в наше время. Империалистическая война не может найти оправдания в глазах народов. Трудящиеся всех стран объективно заинтересованы в укреплении мировой социалистической системы. Рост движения за мир, активизация борьбы против политики войны создают большие трудности для осуществления агрессивных акций империализма. И чем больше углубляется и обостряется общий кризис капитализма, тем труднее реакционным силам объединять массы людей под разбойничьим флагом захватнической войны.

В империалистических государствах нет материальной и духовной основ для общности народов. Частная собственность разъединяет не только классы буржуазного общества, но и конкурирующие между собой группировки капиталистов. С обострением общего кризиса капитализма увеличивается разрыв между стремлением империалистической буржуазии к войне и необходимой духовной и материальной силой для достижения победы, заключенной в готовности народа идти на военные жертвы сознательно. Устранение этого разрыва невозможно вследствие его классово-антагонистического характера.

В процессе подготовки и ведения агрессивных войн империалисты вынуждены прежде всего создавать видимость «всеобщего», «общечеловеческого» смысла таких войн, а также согласованности их целей с интересами народных масс. Реакционная философия и социология совместно с католической церковью выступают против роста национального и социального самосознания трудящихся, проповедуют миф о «классовом мире», «общности интересов» народов буржуазного Запада в борьбе против социалистической системы. Они широко пропагандируют идею «мирного» сотрудничества классов, «уничтожения конфликта между враждебными классами»¹.

Попытки установить «классовый мир» не могут привести к ликвидации глубоких противоречий капиталисти-

¹ Osgniah, J. Toner. Must it be Communism? New York, 1950, p. 363.

ческого строя. Наоборот, они усиливаются с милитаризацией народного хозяйства и гонкой вооружений. Но с тем большей настойчивостью некоторые империалистические государства осуществляют военно-идеологическую обработку широких народных масс, совершенствуют искусство их использования для достижения агрессивных целей военными средствами, мобилизуют все без исключения формы общественного сознания. Немалую роль в этом играют реакционное руководство профсоюзов, правые социалисты, а также ревизионисты и ренегаты марксизма.

Личный состав вооруженных сил империалистических стран представляет собой социально неоднородную массу людей с различными классовыми интересами; отношения между солдатами носят на себе отпечаток классовой, национальной и расовой дискриминации, присущей буржуазному обществу. Так называемый патриотизм личного состава империалистических армий пронизан милитаристским духом захватов и грабежей, насаждаемым ставленниками монополий. Цели вооруженных сил стран капитала в корне противоречат жизненным интересам населяющих их народов и народов всего мира.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, нет и не может быть подлинной морально-политической общности. Буржуазное государство и его орудие — вооруженные силы — противопоставлены народу. Это означает, что военная организация империалистических держав лишена таких важнейших источников высокого морального духа, как морально-политическое единство общества, армии и народа, дружба народов, подлинный патриотизм. Отсюда вытекает необходимость в системе насильственных мероприятий для превращения мобилизованных в армию трудящихся масс в агрессивную военную силу, используемую в интересах капиталистических монополий. Буржуазные ученые не скрывают этого обстоятельства. Как признают американские социологи, «война не является прямым выражением настроений каждого человека, в нее втянутого. Многие, возможно большинство людей, принуждаются к участию в войне, несмотря на отсутствие у них желания воевать или даже несмотря на их активную враждебность к войне»¹.

¹ D. Ketch, R. Crutchfield. Theory and Problems of Social Psychology. New York, Toronto, London, 1948, p. 576.

Без постоянного физического и духовного насилия над массами, без их обмана и развращения, без искусственно создаваемого морального духа в войсках и в тылу не может быть и речи о реализации военного потенциала империалистических держав в современной войне, экономическое и классовое господство финансовой олигархии не может найти свое выражение в военном могуществе массовых вооруженных сил. Вполне естественно поэтому, что морально-боевая мощь империалистических армий, хотя и представляет собой вполне реальную величину, полностью зависит от эффективности сложной системы подавления и подчинения, обмана и оболванивания широких народных масс, от искусства буржуазии превращать их в слепое орудие своей агрессивной политики. «Сила, по буржуазному представлению, — говорил В. И. Ленин, — это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинувшись указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители»¹.

Наряду с идеологической обработкой трудящихся империалистические правительства и военщина постоянно совершенствуют формы и методы непосредственного вооруженного подавления революционных выступлений как в мирное, так и в военное время. В последние годы все более широко для этой цели формируются различные террористические неправительственные организации открыто фашистского типа. Главная роль, однако, наряду с полицией отводится регулярным войскам. Для усиления внутренней функции милитаризма разрабатываются специальные инструкции и наставления по борьбе со стачками и революционными выступлениями трудящихся. «Наша страна, — писал американский полковник Вуд в книге «Борьба против мятежей», — в будущем может столкнуться на деле с множеством выступлений рабочих, с серьезными расовыми раздорами или таким экономическим напряжением, которое может вызвать ожесточенные массовые волнения среди гражданского населения»². Книга эта представляет собой официальное

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.

² С. А. Wood. Riot Control, Military Service Publishing Co. Harrisburg, 1946, p. 1.

руководство для войск, составленное на основе таких документов, как «Устав армии 500-50. Использование войск в помощь гражданским властям» от 17 июля 1945 г., «Военное министерство, Боевой устав 19-15, внутренние беспорядки», июль 1945 г., и др. Предусматривается использование «полной боевой мощи (войск) для сохранения или восстановления порядка» в стране. С этой целью в войсках ведется специальная психологическая и боевая подготовка. «Все воинские части, — говорится в руководстве, — должны быть психически подготовлены к действиям против внутренних беспорядков» (часть 3, раздел I, § 62).

Таким образом, в военной организации и военной доктрине США непосредственно и весьма основательно проявляется коренное противоречие между трудом и капиталом. Все возрастающая антинародная целенаправленность военного строительства и боевой подготовки американских войск есть прямой результат повышения реакционности и агрессивности монополистической буржуазии по мере углубления общего кризиса капитализма.

В подготовке и ведении захватнической войны милитаристы США, как и других империалистических государств, сталкиваются с необходимостью согласовывать способы решения своих военных устремлений не только с принципами военной науки, но и с потребностями борьбы против революционных выступлений трудящихся масс, особенно в период военных потрясений. Совершенно очевидно, что возложенные на американский милитаризм задачи военного подавления социальных и национальных освободительных движений подрывают его военную силу.

Проблема идеологической мобилизации народов буржуазных стран на агрессивную войну неизменно осложняется под влиянием социально-политического и военнотехнического прогресса. Социально-политическое развитие во всем мире, происходящее независимо от воли империалистов и вопреки их попыткам затормозить его, создает множество серьезных препятствий для осуществления агрессивной военной стратегии американского империализма.

Противоречие между массовым характером ведущих войну вооруженных сил и узкоклассовыми ее целями

Неуклонно обостряется на последней стадии капитализма, так как все более усиливается несоответствие между производственными отношениями и развивающимися производительными силами. Действие всеобщего закона капиталистического накопления, обуславливающего рост и концентрацию богатств в руках монополий и ухудшение материального положения трудящихся, приводит к расширению круга эксплуатируемых народных масс и к сужению круга эксплуататоров. Стремясь к достижению своих реакционных целей, монополии прибегают к гонке вооружений и войнам. В то время как круг заинтересованных в войнах эксплуататоров сужается, совершенствование способов ведения войны, военной техники и военного искусства ведет к увеличению масс людей, вовлекаемых как на фронте, так и в тылу в ход войны, цели которой в корне чужды их жизненным потребностям. В этом заключена основа всех тех острейших антагонистических противоречий, которые неизбежно сказываются на подготовке и ведении империалистических войн.

Главное социальное противоречие империалистической войны стало особенно острым в результате революции в военном деле, появления ракетно-ядерного оружия, которое может воздействовать на всю территорию воюющих государств. В ядерной войне коренным образом изменится и положение классов капиталистических стран. Если раньше монополистическая буржуазия богатела на войне, получала огромные прибыли, а на полях сражений гибли в основном трудящиеся массы, то в современной войне смертельной угрозе будет подвергаться все население. Такая перспектива, естественно, вызывает дальнейшее сужение социального слоя, объективно заинтересованного в войне. Следовательно, и военно-техническое развитие, и социально-политический прогресс неизменно приводят к росту материальных и духовных предпосылок изоляции милитаризма, который постоянно призывает к кровопролитным войнам и питается человеконенавистнической идеологией войны и агрессии.

Доктрина тотальной ядерной войны в сочетании с теорией «выживания цивилизации» образовала замкнутый порочный круг: «спасение» американского империализма оказалось в прямой зависимости от уничтожения сотен

миллионов людей и крупнейших промышленных и культурных центров мира, в том числе и на территории США, стало синонимом массового уничтожения. Сложилась обстановка, в которой все большее число прогрессивно настроенных американских граждан стало задумываться о последствиях применения подобной военной доктрины прежде всего для самих Соединенных Штатов Америки.

Таким образом, военная доктрина США не создавала предпосылок для согласования целей империалистической войны с интересами подавляющей части американского народа, а, напротив, крайне осложняла проблему идеологической подготовки к войне.

Быстрое развитие военной техники, совершенствование имеющихся и появление новых видов оружия, увеличение массы боевых средств, применяемых воюющими сторонами, — все это закономерно повышает роль человека в войне. Чем больший размах и напряженность приобретают войны, тем ответственнее роль в них многомиллионных масс людей, владеющих сложной боевой техникой. Это явление крайне опасно для империалистической буржуазии: в достижении своих антинародных целей в войне она все больше зависит от боевой и трудовой активности трудящихся, от их готовности идти на любые жертвы. Буржуазные правительства, писал В. И. Ленин в годы первой мировой войны, «все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс», и «чем дальше затягивается и обостряется война, тем сильнее сами правительства развивают и должны развивать активность масс, призывая их к сверхнормальному напряжению сил и самопожертвованию»¹.

В США, население которых состоит из многих национальностей и нескольких рас, особенно важно обеспечить морально-политическую мобилизацию национальных меньшинств. Поэтому в годы второй мировой войны, еще до вступления в нее, американское правительство издало специальный приказ², в котором «подтверждалась» политика Соединенных Штатов, рассчитанная на поощрение «полного участия в государственной оборонительной программе всех граждан, невзирая на расу,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 245—246.

² Executive Order 8802 of June 15, 1941.

убеждения, цвет кожи или национальное происхождение»¹.

Развивая активность народных масс и при этом вооружая значительную их часть, империалистические правительства создают объективно опасную для себя обстановку, когда народ может легко выйти из-под их контроля. Осознание этого факта нередко проскальзывает на страницах буржуазной военной печати. Американский журнал «Милитэри Афферс» отмечал, что «наиболее серьезное явление», связанное с ведением империалистических войн, — то, что буржуазные государства достигают в них «удовлетворительного решения» в военном отношении и «неудовлетворительных результатов» в политическом отношении. Причину этого опасного для буржуазии несоответствия журнал усматривал в выдвижении решительных целей войны и привитии народу уверенности, что они заключаются в сохранении государства. «Создавая в общественном сознании убеждение в том, что цель войны — сохранить государство или его образ жизни, политические лидеры приводят в движение течения, которые они бессильны сдержать»².

Сказавший это со своих классовых позиций правильно оценивал положение, поскольку угроза для капитализма заключена именно в народных силах, способных в обстановке кровопролитной войны выйти из-под контроля буржуазного правительства. Выдвигая решительную цель войны, от которой якобы зависит существование всей нации, и призывая народные массы встать на защиту государства, буржуазные правительства тем самым косвенно признают их решающую роль в судьбе страны. При этом империалисты стремятся подавлять «течения, которые они бессильны сдержать», полицейским террором в сочетании с самыми изощренными формами обмана.

Использовать энергию народных масс для достижения своих классовых целей буржуазия научилась за время своего господства. Однако в условиях современных империалистических войн все более реальной становится перспектива, когда трудящиеся, призванные в армию

¹ United States Government Manual. Fall 1942, Office of War Information, Washington, p. 88.

² «Military Affairs», Spring, 1955, p. 20.

сражаться за фальшивые идеалы «свободы и демократии», могут осуществить подлинную свободу и демократию, взяв власть в свои руки. Это и имеют в виду военные идеологи и другие защитники империализма, когда говорят о «течениях», которые политические лидеры буржуазии «бессильны сдержать».

Страх перед вооруженным народом всегда находил свое отражение в политической и военной идеологии империализма. В росте численности вооруженных сил буржуазная военная мысль усматривает тенденцию к «опасной пролетаризации войны»¹. Вторая мировая война полностью раскрыла действительную глубину подобной угрозы для господства эксплуататорских классов. В связи с этим милитаристы снова поднимают вопрос об устранении народных масс от активного участия в войне и о достижении ее целей прежде всего за счет технических средств. Однако решение этой проблемы от них не зависит, поскольку развитие военной техники не освобождает от необходимости создавать массовые вооруженные силы.

Несмотря на все попытки буржуазных военных и политических деятелей воздвигнуть непреодолимые препятствия на пути «опасной пролетаризации войны», роль народных масс в обеспечении победы неуклонно возрастает. Достижения буржуазной военной науки и развитие технических средств не устраняют коренных противоречий империалистической войны как социального явления. Революция в военном деле не только не ликвидировала их, а, наоборот, чрезвычайно усилила. Включение ядерного оружия в арсенал империалистической агрессии означает в потенции резкое углубление губительных для империализма социально-политических последствий войны.

Ядерная война является суровым испытанием для всего населения воюющей страны. Для ее ведения обязательны трудовая и боевая энергия каждого гражданина, способного к общественно полезному труду, исключительно высокий моральный дух всего народа, величайший массовый героизм в тылу и на фронте, сознательная готовность идти на неслыханные жертвы, несгибаемая

¹ «United States Naval Institute Proceedings», March, 1953, p. 529.

воля к победе. Чтобы все эти качества нашли свое воплощение в морально-боевой мощи вооруженных сил, в высокой обороноспособности страны в целом, прежде всего должна существовать справедливая, общественно необходимая цель войны, отвечающая интересам и чаяниям всего народа. Только такая цель может служить адекватной основой всесторонней мобилизации духовных, а следовательно, и материальных ресурсов страны для ведения современной войны. Это важнейшее обстоятельство хорошо понимают буржуазные идеологи. «Народы, — писал американский социолог Л. Бернارد, — в возрастающей степени настаивают на справедливости войн, в которых они сражаются, и этот факт отражается в широко распространенных попытках со стороны политических, экономических, военных и моральных лидеров придавать своим мотивам респектабельный вид»¹. Поскольку полная «автоматизация» вооруженной борьбы недостижима, как отмечает профессор социологии Яновиц, «специализированные части, обслуживающие решающие технические орудия войны, должны проявлять фанатически высокий моральный дух для того, чтобы достичь успеха в наступательных военных действиях». Ссылаясь на возросшую потребность в «более ясных побуждениях» для участия в войне, он включает в число «компонентов морального состояния» «общественные отношения, личное руководство, материальные выгоды, идеологическую индоктринацию, справедливость и многозначительность целей войны»².

Только справедливая цель войны может быть согласована с жизненными интересами трудящихся масс и способна обеспечить всенародную поддержку военных мероприятий государства. В этом заключается обязательное условие для успешного решения проблемы «народ и война».

Таким образом, чтобы создать условия для мобилизации всех сил народа и государства на достижение победы в войне, империалистическая буржуазия должна прежде всего отказаться от своих агрессивных военных целей. Кроме того, уже в процессе подготовки к войне,

¹ L. Bernard. War and its Causes..., p. 259.

² M. Janowitz. The Military in the Political Development of New Nations. Chicago, London, 1964, pp. 120, 121.

которая изображается как крестовый поход за «спасение цивилизации» и «распространение демократических идеалов» на весь мир, ей нужно осуществить эти идеалы в своей стране, обеспечить высокий жизненный уровень для всего народа. Пойти по такому пути предлагают некоторые американские идеологи. Чтобы устранить или ослабить реальную опасность, таящуюся в использовании народных масс в реакционных целях, они советуют сглаживать внутренние противоречия с помощью определенных экономических и политических уступок трудящимся. Известный ученый-атомник Ванневар Буш считал необходимым в процессе гонки вооружений «поднимать уровень жизни» и научиться так вести дело, чтобы американская «индустриальная машина работала плавно» и не прекращала своей деятельности «из-за ссор по поводу распределения продукции...». «Мы должны установить справедливость и добрую волю в нашем народе и между расами, составляющими наше население, с тем чтобы наш прогресс не задерживался внутренними трениями». В противном случае, предупреждал Буш, альтернативой будет «вступление в атомную войну в качестве проигрывающей стороны»¹.

Обеспокоенные негативным отношением к государственной политике подготовки всеобщей ядерной войны со стороны определенных кругов общественности, некоторые американские теоретики выдвигают рекомендации социального характера, которые, по их мнению, облегчили бы Соединенным Штатам осуществление их внешнеполитического курса на достижение диктующего положения в мире. Обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Дж. Рестон, в частности, отмечал в свое время, что даже в государственном департаменте США некоторые мыслящие люди начинают понимать, что первостепенной задачей Америки в борьбе противостоящих коалиций является в этом плане не столько гонка вооружений, сколько стремление как-то облегчить и улучшить социальные условия американского общества².

Рекомендации, выдвигаемые с позиций милитаризма, в значительной мере совпадают с предложениями про-

¹ V. Bush. *Modern Arms and Free Men*. New York, 1949, pp. 128, 129.

² См. «New York Times», December 22, 1963.

тивников гонки вооружений и войны. Автор книги, посвященной исследованию политики антикоммунизма, С. Ленс считает целесообразным пересмотреть американскую внешнюю политику и вместо антикоммунизма принять иной курс. Этот новый курс должен основываться на признании того факта, что коммунизм «выживет» и что «единственная надежда заключается в сосуществовании с ним в социальном, а не в военном плане». Во внутренней политике Ленс предлагает завершить американскую революцию 1776 г. с тем, чтобы США смогли стать «привлекательной поляризующей силой для других стран». Для этого нужно уничтожить нищету, прекратить дискриминацию негров, восстановить свободы, утраченные в антикоммунистическом походе, и дать людям пожизненное социальное обеспечение¹.

Но согласятся ли американские монополии пойти по такому пути? Выступления идеологов милитаризма в пользу народных масс, продиктованные стремлением обеспечить всестороннюю поддержку агрессивного военного курса, лживы и лицемерны.

Милитаризм, американский в том числе, существует для сохранения и расширения господства монополистической буржуазии. Американские милитаристы на словах ратуют за демократию и прогресс, а на деле служат орудием жесточайшего подавления демократических свобод и прогрессивных движений в своей стране и за ее пределами. Этот очевидный всему миру факт невольно признавали отдельные представители американского капитала и военщины. «Во имя демократии наше правительство, — писал известный банкир и публицист Дж. Уорберг, — поддерживает эгоистичные, деспотические, антидемократические режимы при одном условии, что эти режимы станут его союзниками в антикоммунистическом походе»². Контр-адмирал Экклз в книге «Военные концепции и философия» отмечал, что «наша (т. е. американская. — В. К.) хвастливая цивилизация все еще представляет собой только внешний лоск, прикрывающий много человеческой алчности, ненависти и

¹ См. S. Lens. The Futile Crusade Anti-Communism American Credo. Chicago, 1964, pp. 229, 230. Цит. по журналу: «Political Affairs», January, 1966.

² «Правда», 31 октября 1958 г.

дикости»¹. Однако этот довольно реалистичный подход к действительности не мешает американскому адмиралу, как и другим его воинственным коллегам, проповедовать преданность «идеалам» подобной цивилизации. «Никакая техника, — пишет Экклз, — не может заменить разум и дух человека, преданного идеалам нашей цивилизации...»².

Каким путем, с точки зрения идеологов милитаризма, следует пойти, чтобы подчинить ничем не заменимый «дух и разум человека» интересам социальной реакции и использовать энергию трудящихся масс в антинародных целях? Как может быть разрешено коренное противоречие между широко рекламируемыми «идеалами» общества, живущего по законам джунглей, и интересами угнетаемого большинства народа?

На эти вопросы американский милитаризм не находит сколько-нибудь убедительных ответов.

Захватническая военная политика США крайне опасна для всего человечества. Поскольку сама по себе агрессивность монополистической буржуазии не обеспечивает необходимых предпосылок для достижения победы в современной войне, то империалисты стараются создать их в период подготовки к войне всеми доступными средствами, в том числе методами насильственного подавления народного протеста, способного сорвать военные приготовления. Особенно беспокоит американских милитаристов проблема морального потенциала. Комментируя результаты конференции по проблемам НАТО, проходившей в 1958 г. в Принстонском университете, один из авторов книги «НАТО и американская безопасность» писал, что «главный фактор, лежащий в основе безопасности Запада, заключен не в материальных, а в моральных ресурсах. В основе своей это проблема побуждения к действию, а не проблема людских ресурсов и индустриальной мощи»³. Поэтому в последние годы в США было много написано и сказано о «нужде» в идеях, причем в таких, которые давали бы возможность успешно преодолевать противодействие народа агрессивной

¹ H. E. Eccles. *Military Concepts and Philosophy*. New Brunswick, 1965, p. 262.

² Там же, стр. 267.

³ *NATO and American Security*. Edited by Klaus Knorr, Princeton University Press, Princeton, 1959, p. 306.

военной политике, нарастание моральной изоляции милитаризма, превращать массы людей в послушное оружие войны.

В этой связи представляет интерес содержание идейного арсенала демократической партии, победившей на президентских выборах 1960 г. Один из ее лидеров, сенатор Д. Кеннеди, еще до предвыборной кампании выступал со своими соображениями по идеологическим вопросам. Впоследствии они явились идейной основой политической и военной программы тогдашнего американского правительства.

В апреле 1959 г. Д. Кеннеди посвятил проблеме «новых идей» специальную речь. В чем сейчас нуждаются Соединенные Штаты, говорил он, «больше, чем в атомной силе, или воздушной силе, или финансовой и промышленной силе, или даже в людских ресурсах, — это в постоянном потоке новых идей». Он утверждал далее, что США преодолели «великие кризисы прошлого» потому, что их идеи были «более неотразимы и более понятны, более мудры и более прочны»¹.

Но эти «более мудрые и более прочные» идеи никогда не находили полного воплощения в американской действительности и были отброшены буржуазией США, так как противоречили интересам монополистического капитала. Кеннеди сам был вынужден признать, что «идеалы равных возможностей и одинакового образования» для американского народа, в том числе для негров, все еще ждут своего осуществления².

Империалистическая буржуазия давно покончила с прогрессивными теориями, свойственными ранней стадии развития капитализма; ее идеология и интересы в корне противоречат основным задачам современной эпохи; ее подлинная цель — экспорт контрреволюции. В идеологическом арсенале современной буржуазии нет и не может быть принципов, приемлемых для народов, освободившихся от гнета империализма.

Носителями великих, преобразующих мир идей являются Советский Союз и другие социалистические страны. Враги прогресса с нарастающей тревогой наблюдают за победоносным шествием революционной, ком-

¹ J. F. Kennedy. The Strategy of Peace., pp. 164, 166.

² См. там же, стр. 166.

мунистической идеологии. Они вынуждены признать банкротство идеологии империализма. Вот одно из таких откровений бывшего сотрудника американского посольства в Москве Томаса Уитни¹, прожившего 10 лет в СССР. Советский Союз, отмечал он, за короткий срок превратился из отсталой, понесшей большие потери в первой мировой войне страны, в одно из самых высоко-развитых государств мира. Указывая на огромную силу воздействия примера Советского Союза на народы Азии и Африки, Уитни пришел к выводу: для борьбы против коммунизма больше всего необходимо то, что заключается не в большем количестве водородных бомб, больших и более эффективных шпионских организациях, в более жестких законах о внутренней безопасности, а в идее или в комплексе таких собственных американских идей, которые будут обладать большей притягательной силой для самих американцев и для других народов мира. «Именно из-за отсутствия идей, — сокрушался Уитни, — мы можем проиграть сражение, кампанию и войну»².

Отсутствие у империалистов идей большей притягательной силы, чем учение научного коммунизма, — явление объективно закономерное. Теоретики империализма, понимая это, нередко стремятся найти выход из глубокого кризиса буржуазной идеологии с помощью демагогической пропаганды идей американской революции XVIII в. «Соединенные Штаты Америки, — сетует американский историк Томас Бэйли, — бывшие когда-то революционной силой в мире консерватизма, сейчас становятся реакционной силой в мире революционности». Поэтому он рекомендует снова воспринять значительную часть «движущей веры» в демократию «первых лет независимости» и таким путем обеспечить превосходство американской идеологии. Необходимо помнить, предупреждает Бэйли, что нельзя бороться против «опасных иностранных идеологий» с помощью инквизиций и пушек, для этого необходима «лучшая идеология... Мы

¹ Томас Уитни в течение трех лет был заведующим экономической секцией американского посольства в Москве и семь лет — корреспондентом агентства Ассошиэтед Пресс.

² B. Ward, T. Whitney, R. Strausz-Hupé, C. Malic. The Legacy of Imperialism. Published by Chatam Colledge, Printed in USA, 1960, pp. 41, 42.

нуждаемся не столько в атомных, водородных или химических бомбах, сколько в идейных бомбах»¹.

Апологеты американской буржуазии первыми осознали идеологическое банкротство империализма и бросились на поиск «лучших идей». Их предшественниками были германские милитаристы. Бывший гитлеровский генерал Гудериан, предупреждая об опасности недооценки мощи Советского Союза и отмечая, что немецко-фашистские войска на собственном опыте убедились в силе советских политических идей, в ряде своих реваншистских произведений сделал заключение о необходимости для Запада вооружиться новыми, лучшими идеями. Его партнер по военному разбою генерал Мантейфель выразил серьезные опасения по поводу отсутствия у Запада мобилизующих идей для организации нового антисоветского похода. В книге «Итоги второй мировой войны» он писал: «...Если в новой широкой коалиции «антибольшевизма» будут представлены самые крупные силы, самая передовая техника и самая современная стратегия, все равно ее механизм не будет иметь основного стержня, он останется телом без сердца, строением без всеоживляющего, формирующего и всепроникающего духа. Где взять этот новый дух, эту движущую силу новых идей?»²

Ответ на этот в действительности неразрешимый вопрос находится за пределами возможностей идеологии империализма, охваченной глубоким кризисом. Как справедливо заметил прогрессивный английский ученый Джон Бернал, «лидеры мысли «западной цивилизации»... не могут предложить новых решений важнейших проблем нашего века: решения проблемы экономической неопределенности, колониальной эксплуатации и войны. Старое решение ныне означает не что иное, как вечное сохранение вооруженного до зубов и располагающего значительными полицейскими силами капитализма. Эта идея, под какими бы громкими ярлыками она ни скрывалась, явно не способна вдохновить массы мужчин и женщин»³.

¹ Thomas A. Bailey. The American Pageant. A History of the Republic. Boston, 1956, p. 950.

² Итоги второй мировой войны. Перев. с нем. М., Изд-во иностр. лит., 1957, стр. 619.

³ Дж. Бернал. Наука в истории общества. Перев. с англ. М., Изд-во иностр. лит., 1956, стр. 616.

В то время как американский империализм ведет подготовку к новой мировой войне, Советский Союз и другие социалистические страны активизируют борьбу за мир, за предотвращение ядерной катастрофы. Под влиянием достижений Советского Союза и других стран социализма во всех областях народного хозяйства и культурного строительства многие люди во всем мире, как публично признал Д. Кеннеди, увидели в коммунизме «волну будущего».

Могущественное революционизирующее воздействие строящего коммунизма Советского государства на широкие народные массы всех стран тревожит защитников империализма. В 1959 г. объединенная экономическая комиссия конгресса США, рассматривавшая проблему экономического соревнования между СССР и США, опубликовала доклад, в котором говорилось: «Если советская мировая мощь и престиж поднялись столь высоко на такой сравнительно малой экономической базе по сравнению с нашей экономикой, то нельзя без тревоги смотреть в будущее... Более того, в этом мире, где ужасающая нищета все еще является уделом большинства народов, пример превосходящей быстроты, которую Советский Союз показывает и, если это будет продолжаться, будет показывать в увеличении объема производства, создаст величайшую притягательную силу для народных масс и руководителей Южной Америки, Азии и Африки, где сосредоточены большинство населения земного шара и наибольшая бедность»¹. Буржуазные идеологи вынуждены были всерьез заговорить о необходимости ускорения экономического роста капиталистической системы. «Одна из основных причин, в силу которых рост экономики стал сейчас центральной проблемой, стоящей перед нашими народами, — писала в редакционной статье влиятельная американская газета «Нью-Йорк таймс», — заключается в том, что коммунистические государства, особенно Советский Союз, быстро увеличивали и увеличивают выпуск продукции. Такой рост экономической мощи в свою очередь дает коммунистическому блоку политические, психологические и про-

¹ Comparisons of the United States and Soviet Economics. Papers Submitted by Panelists Appearing before the Subcommittee on Economic Statistics Joint Economic Committee Congress of the United States. U. S. Government Printing Office. Washington, 1959.

пагандистские преимущества во всем мире. Давно прошли те времена, когда американцы могли позволить себе высмеивать коммунистические планы экономического роста, и обе наши главные партии признали этот факт»¹.

Рост международного авторитета и могущества Советского Союза и других социалистических стран, победы национально-освободительных революций, повышение роли и активности народных масс капиталистических государств, резкое падение престижа империалистических стран в глазах народов всего мира, изменение соотношения политических, экономических и военных сил в пользу социализма — все эти важнейшие явления современной эпохи ведут к изоляции милитаризма и затрудняют морально-политическую мобилизацию народных масс на агрессивные империалистические войны. «Стремясь ответить на вызов социализма, укрепить свои позиции, — отмечается в выступлении главы делегации КПСС товарища Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., — империалисты объединяют свои усилия в международном масштабе, прибегают к различным формам экономической интеграции. При поддержке и участии со стороны буржуазных правительств создаются международные объединения монополий. Активизируют свою деятельность империалистические военно-политические союзы»². Империалистическая буржуазия прилагает все силы, чтобы отстоять свои интересы, сохранить свои основные позиции. В этом она встречает серьезные трудности, преодолеть которые не имеет возможностей.

¹ «New York Times», August 1, 1960.

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., Политиздат, 1969, стр. 44.

Глава пятая

ВОЗРАСТАЮЩАЯ АГРЕССИВНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО МИЛИТАРИЗМА

В. И. Ленин указывал, что уходящая с исторической сцены буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущую систему наемного рабства¹. Главным орудием монополистического капитала при этом был и остается милитаризм. Именно на него опираются империалисты в борьбе против социалистических стран, мирового рабочего и национально-освободительного движения.

1. МОБИЛИЗАЦИЯ ВОЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Политическая мудрость американской правящей элиты, выразившаяся в эпизодических признаниях необходимости избежать разрушительной ядерной войны, этим и ограничилась. Тезис о «превращении войны в анахронизм», высказанный в свое время Д. Эйзенхауэром, не поколебал и даже не затронул принципы империалистической политики «с позиции силы».

Характерной чертой современного империализма является деградация буржуазной идеологии в целом. Об этом свидетельствует и тот факт, что империализм, бесильный выдвинуть какие-либо позитивные идеи, сделал главную ставку на антикоммунизм. Глубокий кризис буржуазной идеологии означает истощение духовных ресурсов империализма, падение его престижа, утрату доверия к его политике, подрыв морального потенциала империалистических государств, без которого не может быть и речи о достижении военного превосходства над социалистическим лагерем. Идеологический кризис бур-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166,

жуазии не только ведет к моральному банкротству милитаризма, но и создает реальную угрозу его военным возможностям. Поэтому лихорадочные «поиски идей» превратились для идеологов США в задачу государственного значения, на ее решение ассигнуются огромные средства.

Для обеспечения поддержки своему агрессивному военному курсу правящие круги США организовали массовую обработку населения страны в милитаристском духе. Американское правительство, а также магнаты крупного капитала привлекли к исследованию военно-идеологических и военно-теоретических проблем как военных, так и гражданских специалистов. В военной литературе появились новые имена: Г. Киссингер, К. Кнорр, У. Кауфман, Р. Хилсмэн, Р. Тэккер, Ч. Хитч, Р. Маккин, А. Сокол, Т. Шеллинг, Г. Кан и многие другие.

Активная деятельность милитаризма на идеологическом фронте была развернута с помощью крупных исследовательских учреждений и дискуссионных коллективов, университетов и институтов. В нее включились университеты — Гарвардский, Принстонский, Иэльский, Колумбийский, Корнелльский, Чикагский, Пенсильванский, Стэнфордский, Джона Гопкинса, фонды Рокфеллера и Форда и особенно так называемая «корпорация Рэнд».

На читающую публику хлынул поток книг и брошюр, статей и разного рода научных докладов, широко рекламируемых в «большой прессе». Вся эта литература должна была укрепить подорванную идейную основу агрессивной военной политики, вывести из кризиса военную идеологию империализма США и найти подходящие пути и способы «реставрации» американской стратегии, несостоятельность которой не скрывали ни гражданские, ни военные авторитеты. Задачи, решаемые в ходе столь широко развернутой милитаристской кампании, были по своему содержанию идейно-политическими и военно-теоретическими. Принимались решительные меры против стремления масс к миру, распространялись ложные представления, будто США в союзе с другими империалистическими странами способны добиться военной победы над лагерем социализма. Усилилась разработка методов решения военных задач с применением всех видов современной боевой техники.

Идеологи милитаризма главной целью считали доказательство недоказуемого положения, что, несмотря на коренные изменения соотношения сил между капитализмом и социализмом, с помощью войн и агрессии может быть достигнуто мировое господство финансовой олигархии США. Профессор Чикагского университета Р. Осгуд так сформулировал эту задачу: «Безотлагательная практическая проблема» современной внешней политики США заключается в следующем: «Как могут Соединенные Штаты использовать свою военную мощь в качестве рационального и эффективного инструмента государственной политики?»¹.

Для решения данного вопроса потребовалось прежде всего нанести серию согласованных ударов по миролюбивым настроениям американского народа. Председатель «Совета по вопросам внешних отношений» Гордон Дин говорил: «Есть люди, которые убеждены в том, что главной целью нашего поколения должен быть мир любой ценой. Однако для большинства из нас недостаточно просто сохранить жизнь себе и своим детям. Мы прежде всего хотим жить в условиях свободы...»², т. е. в условиях господства империалистической буржуазии.

Как только обнаружилось отставание США в области ракетно-ядерного оружия, Вашингтон немедленно подал сигнал к новому разжиганию военного ажиотажа. Спустя несколько часов после получения сообщения о запуске первого советского искусственного спутника Земли подкомиссия американского сената по вопросам военной готовности начала детальное расследование «состояния безопасности США».

На открытом заседании подкомиссии 26 ноября 1957 г. ее председатель сенатор Л. Джонсон (с 1961 г. вице-президент, а с ноября 1963 г. — президент США) заявил, что сенатское расследование вызвано «колоссальными военными и научными достижениями России». Соответствующая информация, полученная членами подкомиссии в Пентагоне, «не принесла облегчения, — продолжал он. — Поэтому потребовались меры, чтобы определить угрозу американской безопасности, возмож-

¹ R. E. Osgood. Limited War. The Challenge to American Security. The University of Chicago Press. Chicago, London, Toronto, 1957, p. 1X.

² Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 33.

но, величайшую угрозу, которую когда-либо переживала наша страна»¹.

Провокационное выступление Джонсона было поддержано и приглашенными в подкомиссию «свидетелями»: специалистом по водородной бомбе Э. Теллером, научным консультантом американского правительства В. Бушем, руководителем группы по созданию американского спутника «Авангард» Д. Хэгэном, начальником стратегической разведки А. Даллесом, министром обороны Макэлроем и другими. На заседании подкомиссии 23 января 1958 г. генерал в отставке Л. Клей изложил основные тезисы «Доклада рокфеллеровской группы». Этот доклад, посвященный вопросам военной политики и стратегии США, американская печать опубликовала в январе 1958 г. Его авторы (группа капиталистов и военных экспертов под руководством Нельсона Рокфеллера) требовали увеличить ассигнования на военные нужды, подчинить всю военную стратегию США подготовке и ведению как «тотальной», так и «малых войн», в которых, говорилось в докладе, «ядерное оружие придется применить почти неизбежно»².

Американская печать не скрывала агрессивности «доктрины Рокфеллеров». Газета «Уолл-стрит Джорнэл» отмечала, что рокфеллеровская группа настаивает на принятии «смелой, если не авантюристической, политики», которая на практике приведет к тому, «что США предпримут войну против малых стран»³ и что «подготовка к тотальной войне должна быть первой задачей американской военной машины»⁴.

Деятельность возглавляемой Джонсоном сенатской подкомиссии преднамеренно раздувалась в печати. Ее материалы были использованы для поддержки требований о новом росте военных ассигнований, дальнейшей милитаризации экономики, ускоренном развертывании работ по совершенствованию и накоплению ядерного и ракетного оружия.

Военная истерия упорно разжигалась. Правительство Эйзенхауэра своей провокационной политикой по-

¹ Congressional Record, 86th Congress, 2nd Session. Committee on Military Preparedness, November 26, 1957, Washington.

² «New York Times», January 11, 1958.

³ «Правда», 12 января 1958 г.

⁴ «New York Times», January 6, 1958.

ставило мир на грань тотальной ядерной войны. Было установлено круглосуточное дежурство в воздухе бомбардировщиков, вооруженных атомными и водородными бомбами. Реакционная пресса пропагандировала авантюристическую идею превентивной войны против социалистических государств.

В декабре 1957 г. стало известно, что так называемый «сверхсекретный правительственный комитет» во главе с бывшим председателем фордовского фонда Р. Гэйтером, созданный еще весной 1957 г. Эйзенхауэром, рекомендовал Национальному совету безопасности США основывать военную политику на доктрине превентивной войны. В комитет входили представители крупного бизнеса, отставные генералы и адмиралы, ученые. Одна из его задач состояла в сопоставлении военных возможностей США и Советского Союза и обосновании «чрезвычайной программы» военных расходов.

Доклад этого комитета был представлен Эйзенхауэру вскоре после запуска первого советского спутника. Он содержал требование увеличить военные расходы на 8 млрд. долларов. Это мотивировалось тем, что в ином случае США могут превратиться во «второразрядную державу» и окажутся под угрозой «неминуемой катастрофы». 7 ноября доклад обсуждался на заседании Национального совета безопасности, а 10 декабря совещание группы капиталистов решило использовать его для «воспитания» американского общественного мнения¹, то есть для идеологической обработки населения в милитаристском духе.

Идеи доклада комитета Гэйтера были учтены при разработке платформы республиканской партии по военным вопросам на выборах в 1960 г. Республиканцы подчеркивали свою неизменную приверженность агрессивной военной политике, настаивали на усилении ядерной мощи США. Призывы к гонке вооружений аргументировались тем, что США должны быть готовыми как «к глобальной войне», так и к «более ограниченным видам вооруженного конфликта»².

Демократическая партия, также борющаяся за президентский пост, выступила с не менее воинственными

¹ См. «Правда», 26 декабря 1957 г.

² Decisions for a Better America. By the Republican Committee on Programm and Progress. New York, 1960, pp. 173, 174.

планами. В заявлении ее национального комитета говорилось, что «искусство балансирования на грани войны» было «полностью дискредитировано, когда спутник наглядно показал, что в области ракет советская наука идет впереди». Но, вместо того чтобы сделать вывод о необходимости разоружения и укрепления мира между народами, руководство демократической партии требовало увеличить расходы на военные цели и «поддерживать устрашающую военную мощь Соединенных Штатов», выступало за создание обычных вооруженных сил, способных вести так называемые периферийные (то есть локальные) войны¹.

Программные заявления республиканцев и демократов свидетельствовали об отсутствии у них каких-либо существенных расхождений по вопросам военной политики. Идентичными были и взгляды на проблему обеспечения моральной поддержки агрессивного военного курса со стороны народных масс.

Факты показывали, что попытки американских буржуазных идеологов найти «новые решения» задач современности, предложить «новые и лучшие идеи» ни к чему не привели. Выдвигались прежние по содержанию концепции, состоявшие из антикоммунистических измышлений и призывов к усилению военной мощи США.

В январе 1958 г. американский сенат обязал комиссию по иностранным делам под председательством сенатора Дж. Фулбрайта изучить сильные и слабые стороны американской внешней политики, принципы взаимоотношений США с иными государствами, прежде всего с Советским Союзом и другими социалистическими странами, раскрыть роль идеологии в международных отношениях. Комиссия привлекла к своей работе крупные научные силы, в том числе Гарвардский и Сиракузский университеты, корпорацию экономических и промышленных исследований, Массачузетский технологический институт, университет Джона Гопкинса, Стэнфордский исследовательский институт, институт Брукингса, Пенсильванский университет и ряд других. Помимо сенаторов Спаркмэна, Хикенлупера и Айкена в деятельности комиссии принимали участие Р. Боул (Гарвардский университет), бывший посол США в СССР Дж. Буллит,

¹ См. «New York Times», December 8, 1959.

Р. Колкинс (институт Брукингса), У. Диболт (Совет по международным отношениям), издатель Г. Люс, военный историк Уолтер Миллис (фонд республики) и Дин Раск (фонд Рокфеллера).

В результате был составлен ряд докладов, изданных в 1959—1960 гг. 6 декабря 1959 г. комиссия опубликовала доклад, подготовленный университетом Джона Гопкинса, на тему «Развитие военной техники и ее влияние на стратегию и внешнюю политику Соединенных Штатов». Основная цель американской государственной политики определялась в нем следующей формулой: «Создать и обеспечить такую структуру взаимоотношений в мире, которая была бы совместима с устоями Соединенных Штатов и свободного мира. Эта цель гораздо шире узких интересов обеспечения национальной безопасности или ведения борьбы против коммунистической экспансии. Соединенные Штаты взяли на себя главную долю ответственности в создании этой экономической, политической и военной структуры и в борьбе против стремлений Советского Союза создать новый международный порядок, принципы которого диаметрально противоположны нашим». Главный вопрос на международной арене «заключается не просто в обеспечении безопасности США; вопрос состоит в том, кто будет создавать новый международный порядок, соответствующий сегодняшнему миру, взамен того, который был поколеблен в двух мировых войнах?». Для его решения авторы доклада предложили «мобилизовать и бросить на чашу весов все средства влияния и мощи, вооруженные силы, а также экономические, идеологические и моральные силы как США, так и всех других стран мира, взгляды которых на эту проблему схожи с нашими», т. е. со взглядами агрессивных кругов США.

17 января 1960 г. комиссия предала гласности доклад центра по изучению международных отношений Гарвардского университета «Идеология и внешняя политика». Его целью был анализ роли идеологии в международных отношениях и ее влияния на внешнюю политику США. Авторы доклада, отмечая превращение идеологии в «значительный фактор международных отношений», обстоятельно изложили свою точку зрения на такие системы политических идей и убеждений, как «национализм», «коммунизм» и «конституционная демократия» (этим

термином обозначалась идеология современного империализма, берущая начало в «классическом гуманизме» и в «иудейско-христианском религиозном наследии»).

Национализм трактовался в докладе как идеология, которая «может дать многое» бывшим колониальным странам, хотя он и имеет такие «отрицательные стороны», как создание препятствий «к продвижению вперед», затруднение «доступа в страну иностранного капитала и иностранных специалистов», помехи «полезным международным контактам». Несмотря на это, отдельные виды национализма считались «совместимыми с западными принципами». Одновременно авторы доклада ополчились против национализма, так как его «могут использовать в своих целях и коммунисты и некоммунисты». Они выразили уверенность, что атлантические страны «достаточно хорошо осознали опасности и несовершенство национализма, стремятся скорее к большей региональной и межнациональной сплоченности и к сотрудничеству, чем к подчеркиванию своей национальной индивидуальности».

Подобное противопоставление буржуазному национализму американского империалистического космополитизма, как видно, вполне отвечает принятому правящими кругами США курсу. Он направлен на сплочение всех реакционных сил Запада для борьбы против социалистических государств и бывших колониальных стран.

На коммунистическую идеологию авторы доклада повели атаки осторожно, с учетом возросшего политического авторитета Советского Союза. Отметив убежденность коммунистов в том, что «военный конфликт между коммунизмом и капитализмом» уже не является необходимым для конечной победы коммунизма, они сделали вывод: «коммунистическая стратегия, по-видимому, оправдывает предположение, что коммунисты будут стремиться избежать тотального мирового конфликта с Западом».

Эти вынужденные признания истины потонули, однако, в клеветнических антисоветских вымыслах.

Охарактеризовав идеологию как «важную и всепроникающую силу», авторы доклада вместе с тем предостерегли от увлечения «политической войной» или «словесными средствами» во внешнеполитических отноше-

ниях. Они объявили «тяжелой ошибкой» предположение, что «слова могут заменить собой действия, основанные на силе и ресурсах», и в соответствии с этим рекомендовали следующий «широкий диапазон действий: сохранение динамичных обществ в развитых странах, обеспечение потока достаточного капитала в менее развитые страны, продвижение в ногу со временем в области науки и техники и поддержание надлежащей военной мощи»¹. Иными словами, речь шла о том, чтобы посредством усиленной экспансии американского капитала подчинить новые независимые страны, бороться за преобладание в научно-технической области и в военнотехническом отношении, развить бешеную гонку вооружений, обеспечивающую превосходящую военную мощь.

Многочисленные предложения, рекомендации и выводы, выдвигавшиеся в опубликованных сенатской комиссией докладах, представляли в совокупности развернутую программу «контрнаступления» американского империализма на идеологическом фронте и борьбы за военное превосходство над социалистическими странами. Эта агрессивная, милитаристская по своей сущности программа, разумеется, не содержала никаких принципиально новых идей. Однако сама публикация докладов комиссией сената являлась как бы официальным одобрением высказанных в них предложений. Широко популяризируя материалы различных исследований и расследований, проведенных комиссиями сената и палаты представителей, конгресс США открыто давал морально-политическую санкцию усиленному разжиганию военной и антикоммунистической истерии.

В докладах излагались важнейшие идейно-теоретические установки для развития политической и военной мысли, а также военного строительства. Наиболее полно они были сформулированы в докладе вашингтонского центра по изучению внешней политики университета Джона Гопкинса. По мнению его авторов, внешняя политика США должна базироваться на военной политике, цель которой — отразить «угрозы» Советского Союза против «свободных стран мира». И хотя «военную оборону» нужно дополнять экономической, психологиче-

¹ Ideology and Foreign Affairs. Washington, 1960, pp. 115, 120.

ской и другими видами политики, «обеспечение достаточной и необходимой военной силы является предпосылкой безопасности свободного мира».

В докладе содержится перечисление следующих важнейших целей и задач США:

1. Создание «мирового порядка», соответствующего «устоям и интересам» американского империализма. Для этого необходимы «длительные и творческие усилия», включающие «прямое ведение операций против коммунистического вторжения».

2. Сохранение любой ценой ядерного оружия в арсенале империализма в качестве главного средства осуществления внешнеполитических целей. Авторы доклада решительно выступили против рассмотрения тотальной ядерной войны как самоубийственной для США авантюры: «Предполагать, что степень возможного сейчас взаимного разрушения в результате тотальной ядерной войны или степень и интенсивность связанного с ней радиоактивного заражения будут настолько высокими, что это сделает ядерную войну «самоубийством» (и поэтому «невозможной»), значит фактически уходить от самой серьезной военной проблемы, когда-либо стоявшей перед США».

3. Достижение военно-технического превосходства над Советским Союзом. Признавая, что Советский Союз продемонстрировал свое «техническое умение», особенно в производстве новых видов оружия за короткий производственный цикл, и что его возросшие стратегические возможности «снижают ценность стратегической мощи Соединенных Штатов» как средства ведения войны, авторы доклада заговорили о «кризисе стратегического ядерного сдерживания» и о необходимости пересмотра «оборонных концепций» США. Они выдвинули в связи с этим требование поставить успех «американской национальной стратегии» в большую степень зависимости от «весомых достижений в области техники и от высокого качества стратегического мышления».

4. Выработка новой, более совершенной стратегической доктрины в связи с провалом стратегии «ядерного сдерживания» — главная задача американской политической и военной мысли.

5. Усиление гонки вооружений и темпов милитаризации экономики. Это аргументировалось ссылками на

Необходимость роста выпуска военной продукции ввиду невозможности использовать промышленный потенциал после начала ядерной войны, увеличения количества систем стратегического оружия, «глобального рассредоточения» площадок для запусков ракет, освоения космоса в военных целях и создания достаточных обычных вооруженных сил как «полноценной альтернативы стратегическому сдерживанию США», т. е. для ведения локальных или ограниченных войн.

6. Морально-политическая мобилизация народа на поддержку агрессивного внешнеполитического и военного курса. «Моральный дух нации, — говорилось в докладе, — может быть важнейшим фактором для ее военной мощи. Проявленный страной дух коллективизма и готовность подвергнуться лишениям могут явиться залогом победы».

7. Преодоление противоречий и «тенденций к расколу» внутри милитаристских блоков. Особенно тревожили авторов доклада «конфликты или открытая враждебность» между странами капиталистического мира, ведущие к их взаимному ослаблению и затрагивающие «военное положение» США, которое зависит от силы союзников¹.

Комиссия сената США, публикуя этот документ, официально солидаризировалась с явно агрессивным курсом внешней и военной политики, который отвечал интересам и замыслам американской финансовой олигархии, военно-промышленных корпораций и военщины. Монополистический капитал вполне устраивало «раскармливание» милитаризма и сохранение его на вечные времена в качестве главного орудия своего господства. На американский народ была обрушена ничем не сдерживаемая лавина милитаристской пропаганды. Трезвые голоса противников войны заглушались воинственными речами аггессоров.

Поддержка американским конгрессом милитаризма и военного курса внешней политики в 1957—1960 гг. была далеко не единственной формой проявления растущей реакционности монополистической буржуазии США, ее стремления к мировому господству. Намеченная в общих чертах сенатской комиссией программа «контрна-

¹ Washington Center of Foreign Research..., pp. 7, 24.

ступления» на военно-идеологическом фронте пропагандировалась полуофициальными и неофициальными группировками, тесно связанными с финансовой олигархией, госдепартаментом и Пентагоном, многими гражданскими и военными авторами. Их выводы, предложения и рекомендации имели ярко выраженный реакционный, агрессивный и авантюристический характер и нередко открыто одобряли фашистские тенденции в политической и военной мысли США.

Научно-техническая революция, открывшая новую область колоссальных военных возможностей, поставила империалистов перед реальной перспективой полного уничтожения их стран в случае развязывания агрессии. Страх перед результатами ядерной войны охватил многих американцев. Идеологов буржуазии пугали социально-политические последствия войны, к которым могло привести применение ракетно-ядерного оружия. «Мы можем ожидать революционного хаоса... если мир будет охвачен конвульсиями неограниченной войны»¹, — писал автор книги «Ограниченная война» Р. Осгуд. По его мнению, тщательное ограничение войны является «совершенно необходимым условием американской безопасности и, вероятно, спасения самой цивилизации». В военной печати широкое распространение получила теория «ограниченных войн». Высказывались суждения, что это «единственные войны, которые могут себе позволить США»².

Буржуазные военные идеологи и теоретики в своих обоснованиях необходимости империалистической войны не хотят учитывать ее объективные законы, соотношение классовых и национальных сил, опыт второй мировой войны. Они проповедуют социально-политический и военный авантюризм как единственный символ веры агрессивного милитаризма.

Для идеологической подготовки новой мировой войны упорно фальсифицировались история второй мировой войны, ее социальные последствия и военно-политические уроки. Особенно старательно затушевывались роль Советского Союза, его вклад в дело разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии.

¹ R. E. Osgood. Limited War..., p. 27.

² «Army», October, 1957.

Победа советского народа в вооруженной схватке с германским фашизмом показала всему миру, что империализм не в состоянии уничтожить первое в истории государство рабочих и крестьян. В то же время в ходе войны народы наглядно убедились в преступности и реакционности империализма, еще раз увидели, какую огромную опасность таят в себе капиталистические монополии, питающие мировую реакцию, фашизм и милитаризм.

Американские военные историки стремятся скрыть истинные причины второй мировой войны, во что бы то ни стало обелить те реакционные силы, которые сделали возможной фашистскую агрессию, равно как и подготовку к ней. Они извращают подлинный характер второй мировой войны, в которой Советский Союз, возглавивший сторонников демократии и прогресса, сыграл решающую роль в спасении цивилизации от гибели, а народов — от порабощения, пытаются поставить под сомнение или вовсе замолчать колоссальный вклад Советского Союза в эту войну.

Реакционная военно-историческая литература разжигает милитаристские тенденции, пропагандирует новые военные авантюры, оправдывает бешеную гонку вооружений. В освещении американской историографии США предстают как «последовательные поборники мира». «Решающая» роль во второй мировой войне безапелляционно отводится американской промышленности, англо-американской морской мощи и армии и особенно американской авиации. Игнорируется тот неоспоримый факт, что только героическая борьба советского народа и его Вооруженных Сил против гитлеровских оккупантов обеспечила переход стратегической инициативы от государств фашистского блока к странам антигитлеровской коалиции и в конечном счете привела к полному разгрому германского фашизма и японского милитаризма.

Уроки второй мировой войны служат грозным предупреждением новым претендентам на мировое господство. Не случайно поэтому фальсификаторы военной истории пытаются утаить подлинные причины и истинный характер тех коренных революционных изменений, которые произошли после войны в ряде стран Европы и Азии. Победу народно-демократических режимов они стараются

ся изобразить как результат некоего «коммунистического заговора», как «временное явление, случайность».

Вдохновители новой войны стремятся скрыть неоднократно подтвержденный историей факт, что в современной обстановке крупные империалистические военные авантюры чреватy огромной угрозой для капитализма. Им важно умолчать о том, что уже в ходе второй мировой войны Советский Союз смог сокрушить одного из сильнейших в то время в военном отношении претендентов на мировое господство — фашистскую Германию. Согласно с этим означало бы признание могущества и несокрушимой жизненной силы социалистического государства и так или иначе поставило бы под сомнение любые военные авантюры против Советской страны, позиции которой в современном мире стали еще более прочными вследствие образования мировой социалистической системы.

С другой стороны, одна из главных причин грубого искажения истории второй мировой войны кроется в желании запугать народы вооруженной мощью империалистов, подорвать волю прогрессивных сил в их борьбе против новой мировой бойни.

Большие усилия буржуазные фальсификаторы истории направляют на оправдание вермахта, пытаются снять ответственность с фашистской армии за разрушения и зверства, учиненные на временно оккупированных территориях. Поражение ее они объясняют ошибками военного и политического руководства и зашли так далеко, что перестали даже считаться со здравым смыслом. В журнале «Милитэри Ревью» была помещена рецензия на изданную в США книгу «Роковые решения»¹. В ней говорилось, что в книге содержится «не слишком тонкая попытка освободить германскую армию от ответственности за поражение»². Так называемые «ошибки», в результате которых, по их мнению, фашистская Германия потерпела поражение, авторы книги относят к верховному командованию, особенно к Гитлеру и его ближайшим советникам, но ни в какой мере не к германским войскам³.

¹ S' Freidin, W. Richardson. Ed., Fatal Decisions. New York, 1956.

² «Military Review», November, 1956.

³ Там же.

Американская историография второй мировой войны, за редким исключением, носит ничем не прикрытую, вполне определенную политическую окраску и направленность, обусловленную реакционным внешнеполитическим курсом монополий США. Такая оценка войны подавляющим большинством буржуазных авторов диктуется потребностями принятой реакционными кругами США политики, рассчитанной на подготовку военных авантюр против социалистических стран.

Благородная освободительная миссия Советского Союза в годы второй мировой войны получила горячую признательность народов всего мира. Даже органы американской печати, далекие от прогрессивных позиций, вынуждены были отдать должное роли Советского Союза в войне. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечала: «Красная Армия фактически оказалась армией-освободительницей Европы и половины мира в том смысле, что без этой армии и без тех безграничных жертв, благодаря которым русский народ поддержал ее, освобождение от жестокого ярма нацизма было бы просто невозможно... Все должны быть рады, что эта могучая и непоколебимая сила стоит на страже порядка и благополучия человечества»¹.

Подобные признания содержались и в некоторых официальных документах, в выступлениях видных военных деятелей США. В докладе военному министру о завершающих этапах войны в Европе и на Дальнем Востоке генерал Д. Маршалл признал, что, если бы Советская Армия не разгромила немецко-фашистские войска, Соединенные Штаты Америки нельзя было бы спасти от вторжения гитлеровцев. Для обороны же территории США не оставалось ни одной дивизии². Такие высказывания, однако, в скором времени были захлестнуты извращениями и клеветой на СССР со стороны инициаторов «холодной войны».

Подлинная история второй мировой войны свидетельствует отнюдь не в пользу новых военных авантюр против стран социализма. Поэтому фальсификаторы истории стремятся во что бы то ни стало поставить под со-

¹ «New York Herald Tribune», June 25, 1945.

² General Marshall's Report. The Winning of War in Europe and the Pacific. Washington, September 1, 1945.

мнение объективную закономерность победы Советского Союза в войне, любыми средствами подорвать его высокий морально-политический авторитет среди народов. Они пытаются доказать, что разгрому гитлеровской Германии способствовали «неблагоприятные климатические условия», «слишком растянутые коммуникации», «плохие дороги», стратегические и оперативные просчеты гитлеровского военного командования. Указывается также на «ошибки» в пропаганде и в обращении с населением захваченных территорий. Факторы социально-экономического и морально-политического превосходства Советского Союза над гитлеровской Германией, составившие основу нашей победы, фальсификаторы истории не признают. Таким образом сложилась своеобразная «теория упущенных возможностей», по которой поражение фашизма в войне объясняется не объективными, а преимущественно субъективными причинами.

Подлинно научный анализ опыта второй мировой войны обнажает полную бесперспективность любой военной авантюры против социалистических стран. Но апологеты новой войны стремятся доказать, будто «поход на Восток», если его хорошо подготовить и учесть «ошибки» прошлого, непременно окажется успешным. Американский военный историк, автор антисоветской книжки «Значение силы в международных отношениях» У. Пьюлстон (бывший официальный биограф А. Т. Мэхэна) взялся убедить читателей, что от Наполеона и Гитлера русских спасли «огромные пространства» и «сильные морозы».

Американские проповедники агрессии широко используют искажение уроков второй мировой войны для обоснования идеи объединения под эгидой США всех империалистических сил на борьбу против социалистических стран. Типичный образец фальсификации исторических фактов представляет получившая шумную рекламу на Западе книга американского публициста Шламма «Пределы чуда». На словах ее автор — противник фашизма, но на деле — его идейный наследник. Он клеветает на коммунистов, на Советский Союз в духе гитлеровской пропаганды; Западную Германию рассматривает как «надежный барьер», противостоящий «вторжению Советов» в Западную Европу. По мнению Шламма, в 1943 г. «даже немецкая армия... могла бы завоевать Советский

Союз», если бы Запад не оказал ему «решающей помощи поставками оружия». В 1945 г. «союзные армии были в состоянии вынудить Советы удовлетворить желание победителей и очистить Европу...». Но если для этого и в 1945 г. «требовались гигантские армии, то в будущем для победы над коммунизмом необходимо будет использовать всю современную военную машину Запада». И Шламм, как и его воинственные единомышленники, считает эту задачу вполне осуществимой.

Фальсификация истории второй мировой войны именно на то и рассчитана, чтобы изобразить разгром гитлеровской Германии «ошибкой западных держав», которую якобы необходимо и возможно «исправить» новым военным нашествием объединенных империалистических сил на страны социализма. «Ведь в 1941 г. одна Германия чуть было не победила Советский Союз, — восклицает идеолог американского милитаризма Киссингер, — ну а теперь-то Соединенные Штаты совместно с Западной Европой, вероятно, смогут сдержать его натиск»¹. Нетрудно догадаться, что подразумевает автор под термином «сдерживание»: речь идет о далеко идущих агрессивных планах, где германскому милитаризму снова отводится роль главной ударной силы против Советского Союза и других социалистических стран Европы.

Подобные выводы из итогов самой кровопролитной в истории войны достаточно красноречиво характеризуют резко возросшую агрессивность американского империализма. Провал замыслов германского фашизма поработить весь мир не послужил должным уроком для новых претендентов на «мировое руководство». Искажение истории второй мировой войны носит на себе клеймо фашистской идеологии. Разоблачая методы подтасовки фактов, которые используют американские реакционные социологи и историки при освещении минувшей войны, известный прогрессивный ученый Уильям Дюбуа писал: «Мы сознательно фальсифицируем историю — не только историю Соединенных Штатов — так, чтобы оправдать рабство негров и обожествлять рабовладельцев, восхвалять предателей... Мы особенно фальсифицируем и извращаем историю мировых войн и торжества

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 367.

социализма. Мы начали с пропаганды, в которой пере-гитлерили самого Гитлера»¹.

Искаженно излагая события второй мировой войны, фальсификаторы истории пытаются убедить массы, что всемирные истребительные войны неизбежны и в будущем, что военному насилию принадлежит «решающая роль» в историческом процессе и что в связи с этим бешеная гонка вооружений и лихорадочная подготовка агрессии вполне оправданы и даже обязательны. Создавая по образу и подобию орудий империалистического разбоя и грабежа «решающие» факторы развития истории, фальсификаторы тем самым стремятся поддержать миф о непобедимости империалистов-захватчиков. В официальных документах об итогах второй мировой войны подчеркивается необходимость «быть сильными в мирное время» в военном отношении для ведения новых империалистических войн.

Односторонняя трактовка истории минувшей войны характерна для официальных докладов о войне генералов Маршалла и Эйзенхауэра, адмирала Кинга, генерала Арнольда, а также для мемуаров Эйзенхауэра, Брэдли, Паттона, Леги и других.

Лживое освещение истории второй мировой войны широко используют агрессивные круги США для «обоснования» своих притязаний на неограниченное господство во всем мире. Извращенная оценка войны на правах «научной истины» заполняет страницы военно-исторической литературы Запада. Характерно, что военные теоретики армии, флота и авиации создают историю второй мировой войны в соответствии с интересами представляемых ими ведомств, а точнее, с позиций тех кругов монополистической буржуазии, которые более всего связывают получение прибылей с развитием определенного вида вооруженных сил и через свою агентуру активно вмешиваются в военную историографию. Эти круги финансируют военно-теоретические и военно-исторические исследования, в которых аргументируется «решающая роль» интересующего их вида вооруженных сил, как в прошлых, так и в будущих войнах.

Таким образом, конкурентная борьба между монополиями из-за военных заказов находит прямое отражение

¹ «Правда», 26 мая 1960 г.

в области военной историографии и создает питательную почву для безудержной фальсификации истории. Различные историки и военные идеологи одновременно доказывают «решающую роль» различных видов вооруженных сил. Представители армии, флота и авиации ведут бесконечные споры, обвиняя друг друга в недобросовестном подходе к оценке опыта войны, в подтасовке фактов и пристрастном истолковании военных событий.

Изложение истории второй мировой войны в выгодном милитаризму свете позволяет американской военной идеологии влиять на военную науку, выдвигать антинаучные военные теории, игнорировать объективные законы войны и усиливать авантюризм в стратегии.

Существенным признаком растущей реакционности и агрессивности военной идеологии США, наметившихся в ней фашистских тенденций явилась активизация пропаганды ядерной войны против Советского Союза и других социалистических стран.

Концепция «ограниченной» войны с точки зрения крайне агрессивных милитаристских элементов не соответствовала целям всемирной экспансии, не открывала перспектив для достижения тотальной победы, не давала достаточно веских аргументов для морально-политической мобилизации народных масс. В памяти американцев еще сохранилась военная авантюра США в Корее. В своем роде это была война за «ограниченные» цели, с ограничением применяемых средств. Но она не завоевала популярности в массах американского народа и отрицательно сказывалась на моральном духе участвовавших в ней войск США. Военные обозреватели объясняли неблагоприятное отношение американского народа к войне в Корее тем, что она не затрагивала его «жизненных интересов», не была войной за «выживание» США. Сторонники доктрины тотальной войны извлекли из этого обстоятельства довод против теории «ограниченных» военных конфликтов. Они доказывали, что «ограниченные» войны неподходящи для завоевания мирового господства американской финансовой олигархии, и свои доводы подкрепляли тем, что в случае официального признания теории «ограниченной» войны и принятия ее в качестве военной доктрины могла возникнуть «опасность» снижения темпов милитаризации и гонки вооружений.

К 1960 г., как отмечали сотрудники милитаристской «корпорации Рэнд» Хитч и Маккин, «первое потрясение, вызванное запуском советского спутника, почти развеялось». Шквал заявлений и расследований утих... Западная оборонная политика в основном вернулась к уровню активности, наблюдавшейся до спутника. Большинство критиков и защитников американской военной политики придерживалось общего мнения, что «всеобщая термоядерная война исключительно маловероятна»¹. Ратуя за резкое увеличение военных ассигнований, эти авторы (один из них — Хитч — вскоре получил назначение на пост помощника министра обороны США по финансовым вопросам) призывали не возвращаться к «доспутниковому сну», осуждали как «ужасно опасное» мнение, будто хорошо спланированное военное нападение на США «может быть парализовано почти без всяких усилий»².

Но подобные «опасения» оказались неосновательными и запоздалыми. Воинственно настроенные милитаристские круги при участии госдепартамента и министерства обороны успели к этому времени организовать новое агрессивное выступление на военно-идеологическом фронте. Исследовательскому институту внешней политики Пенсильванского университета поручалось подготовить по наиболее важным внешнеполитическим и военным проблемам материалы, отражавшие точку зрения ученых, специалистов, а также лиц, занимающих ответственные посты в дипломатическом и военном ведомствах и «влияющих как на политику, так и на стратегию». Были проведены многочисленные обсуждения, семинары, консультации с рядом других академических институтов и исследовательских организаций, с правительственными органами, а в июне 1960 г. — трехдневная конференция в дипломатическом институте госдепартамента США. Дискуссии по вопросам государственной стратегии состоялись на семинаре, созванном командованием 6-й армии совместно со Стэнфордским исследовательским институтом, а также на семинаре, проведенном комитетом начальников штабов в государственном колледже США.

¹ Ch. Hitch and R. Mackean. The Economics of Defense in Nuclear Age. Harvard University Press, Cambridge, 1960, pp. 333, 334, 357.

² Там же, стр. 357.

Основную работу по подготовке материалов и текста для широкой публикации проделали известные антисоветскими взглядами представители крайне реакционной части американской профессуры Р. Страуш-Хюпе и С. Поссоны и полковник У. Кинтнер. Они успели зарекомендовать себя непримиримыми врагами мира и прогресса, проповедниками агрессии и войны, клеветниками и фальсификаторами. В их сочинениях элементы фашистской идеологии не были редкостью. Короче говоря, эта троица многие годы подвизается в американской политической и военной мысли на поприще выразителей идеологии «бешеных», являющихся ультраправыми реакционерами. Страуш-Хюпе, в частности, в избирательной кампании 1964 г. выступал в качестве политического советника кандидата в президенты — лидера «бешеных» Б. Голдуотера.

Страуш-Хюпе, Кинтнер и Поссоны опубликовали книгу «Наступательная стратегия для Америки». В ней подробно рассмотрены основные направления «большой стратегии» американского империализма по линиям экономической, политической и морально-психологической подготовки тотальной войны против социалистических стран. Как это принято в США в аналогичных случаях, «вся ответственность» за мысли, высказанные в книге, возлагалась на ее авторов — частных лиц. Дипломатическое и военное ведомства оставались в тени, подписи не ставили, но и не отрицали своего «посильного участия» в создании работы, которую без преувеличения можно считать своего рода библией агрессивной военщины, исповедующей антикоммунизм. Как отмечалось впоследствии в американской печати, книга стала «настойной у каждого американского офицера».

Перед авторами «Наступательной стратегии...» была поставлена задача найти общие концепции стратегии, которая должна привести в конечном счете к победе капитализма над коммунизмом и к «мировому лидерству» США. В книге выражена твердая уверенность, что по материальным и духовным ресурсам Запад превосходит «коммунистический блок» и что если все эти ресурсы полностью будут мобилизованы, то «коммунисты не будут преобладать»¹. «Сущность этой книги, — гово-

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy for America. New York, 1961, p. IX.

рилось в издательской аннотации, — состоит в том, что победа все еще висит на весах, и если свободный мир не объединится вместе для более великого усилия, чем мы прилагали до этого, борьба будет проиграна. Наш век — это век тотальной борьбы, революционного конфликта. Или мы будем руководить миром, или коммунисты». Авторы выдвигали «план всеохватывающей стратегии», которая должна быть координированной как всеобщая стратегия империалистического лагеря.

К особо важным проблемам, рассмотренным в книге, относятся: военная стратегия, связанная с применением ядерного и обычного оружия; обоснование необходимости создания расширяющейся экономики; предложения об изменении в правительственной структуре и «более эффективных методах» деятельности госдепартамента; опасность отставания США в военно-техническом развитии; вопросы разоружения и контроля. Предлагались поправки к политике в отношении Азии, Африки и Латинской Америки.

В поисках наиболее действенных приемов обмана народных масс авторы «наступательной стратегии» выдвинули некоторые концепции и идеи, ранее не использовавшиеся буржуазными идеологами. Твердо придерживаясь определяющих принципов реакционной прагматистской философии, отрицающей объективные законы развития общества, они рекомендуют положить в основу идеологии, политики и стратегии империализма теорию так называемой «системной революции XX в.». Ценность ее для империализма состоит в том, что реакционную буржуазию она изображает как главную общественную силу современной эпохи, способную повести за собой человечество по пути социального прогресса.

Теория «системной революции» привлекла внимание американских военных идеологов, так как отвечала их агрессивным интересам. Страуш-Хюпе был приглашен в командно-штабной колледж армии США, где знакомил с новой концепцией высший офицерский состав. Одновременно эту теорию опубликовала военная печать. Страуш-Хюпе сообщил своим слушателям, что задолго до современной эпохи произошли три «системные революции»: первая — от упадка древней Греции с ее городами-государствами до возвышения Рима; вторая — после падения Рима и до установления феодального порядка

средних веков; третья — начиная с эпохи Возрождения до образования «системы» современных национальных государств. Эта, последняя система — «умирающая», она «раскалывается» в ходе всемирной революции. «Система суверенных национальных государств заменяется новыми типами международных организаций, и все наблюдающиеся тенденции направлены к универсальной системе. В этом действительный смысл революции нашего времени»¹. Отсюда — «великий, исключительный вопрос» американской внешней политики: по чьему образу и подобию будет создан «новый порядок»? По коммунистическому или по американскому? Разумеется, по американскому! И конечно же с помощью вооруженной силы. Но военный бюджет США «крайне низок» для «завершения системной революции всеобщей мировой системой с миром, законностью и свободой». Значит, надо увеличить военные расходы, чтобы США могли возглавить процесс создания более обширного союза свободных народов и в конечном счете всеобщей мировой системы. Поскольку же «ни одна из предыдущих системных революций не была совершена без войны, вероятно, что мы тоже должны вести войны для выполнения нашей исторической миссии»².

Насквозь фальшивая, антинаучная схема исторического развития понадобилась авторам теории «системной революции» для вполне определенных целей. Представляя в совершенно искаженном виде закономерности перехода от рабовладельческого строя к феодализму и от него к капитализму, Страуш-Хюпе полностью отбрасывает классовое содержание этих коренных переворотов в истории человечества, пытается замолчать наиболее существенное в естественноисторическом процессе развития общества и свести все к изменениям форм государственности. В таком извращенном освещении прогресс общества заключается не в последовательной смене социально-экономических формаций, в каждой из которых господствует определенный общественный класс, а всего-навсего в переходе от городов-государств к национальным государствам и, наконец, к «мировой системе», где все нации должны быть насильственно объеди-

¹ «Military Review», May, 1961.

² Там же.

нены под эгидой сильнейшей империалистической державы, завоевывающей и поддерживающей свое господство вооруженной силой.

В подмене борьбы классов борьбой между нациями идеологи империализма заинтересованы главным образом по следующим причинам. Этот прием дает им возможность уходить от научной характеристики исторического процесса, утаивать то важнейшее обстоятельство, что исторические эпохи принципиально отличны одна от другой по своим социальным целям, движущим классовым силам. Если согласиться с фальсификаторами (а их сочинения на Западе распространяются весьма большими тиражами, и многие читатели верят им как ученым), то окажется, что буржуазия призвана возглавить не одну, а две «системные революции», то есть ей надлежит играть ведущую роль не в одной, а в двух исторических эпохах. Так идеологи империализма пытаются замаскировать его историческую обреченность и реакционность, а агрессивные замыслы представить в виде «исторической миссии». Глубоко скрытым остается при этом тот существенный факт, что в развитии общества наступила новая эпоха, в центре которой стоит рабочий класс, единственный в истории человечества класс, способный покончить со всеми видами гнета и установить вечный мир между народами. Таким фальсификаторским приемом идеологи империализма стараются замолчать реакционную роль империалистической буржуазии в истории, наделяют ее «исторической миссией» в современных условиях.

Выдвигая идею необходимости войн для выполнения этой «миссии», ученые-фальсификаторы тем самым подтверждают агрессивный характер империализма. Одновременно они используют антинаучную аргументацию против марксистско-ленинского положения об отсутствии фатальной неизбежности войн в современную эпоху. В этом и кроется причина появления и распространения явно несостоятельной концепции общественного развития.

Антиисторическая теория Страуша-Хюпе ничем существенным не отличается от основных идейных установок американского госдепартамента и Национальной ассоциации промышленников США. Псевдонаучная и антинародная идеология войны не только разделяется правительствами империалистических государств, но и

воплощается в их военной политике. В годы первой мировой войны В. И. Ленин отмечал постоянные попытки капиталистической прессы «подставить под теперешнюю войну чуждое ей историческое содержание»¹. Речь шла о том, что буржуазная пропаганда стремилась войну несправедливую, империалистическую с обеих сторон изобразить как продолжение и подобие войн эпохи восходящего капитализма, когда буржуазия была прогрессивным классом. В наши дни идеологи американского империализма пользуются аналогичным методом, стараясь придать новой мировой войне совершенно несвойственное ей историческое содержание, представить ее как «всеобщую», «общечеловеческую» необходимость.

Реакционные теоретики, выдавая империализм за «спасителя» цивилизации и отводя ему роль «творца» современной истории, способного якобы «объединить» человечество с помощью вооруженного насилия, прославляют гонку вооружений, настаивают на неизбежности новой мировой войны и в то же время объявляют себя носителями прогресса. Но империализм никогда не был и по своей сущности не может быть выразителем идей мира и прогресса. Эпоха становления капитализма, когда буржуазия являлась прогрессивным классом, завершилась в 70-х годах прошлого столетия. К концу XIX и началу XX в. наступила последняя стадия развития капитализма — империализм с его крайней реакционностью во внутренней и внешней политике, с его ожесточенной борьбой за передел мира, за мировое господство. Действительная цель империализма заключается в том, чтобы утопить в крови всемирное революционное движение народов. Именно эти замыслы и эту «миссию» его идеологи хотят замаскировать лозунгом «урегулирования системной революции XX в.». Средством такого «урегулирования» может быть только вооруженная агрессия со стороны империалистических государств, а его истинным содержанием — экспорт контрреволюции, с помощью которого империалисты рассчитывают подавить исторически обусловленное и непобедимое движение рабочего класса к свободе, прогрессу и миру.

Буржуазия никогда не признавала и не признает исторической роли рабочего класса; она, разумеется, высту-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 81.

пает и против того бесспорного факта, что рабочий класс представляет собой главную движущую силу современности. Единственной силой, способной творить историю, капиталисты считают свой класс. Так, государственный секретарь США Д. Раск, выступая на конференции промышленников 13 февраля 1961 г., заявил: «Мы (т. е. американские правящие круги.— В. К.) несем ответственность, соответствующую нашей огромной способности формировать ход событий. Мы являемся творцами истории в период, когда будущее человека определяется на грядущие десятилетия»¹. Это было сказано вскоре после опубликования Заявления Совещания коммунистических и рабочих партий в 1960 г., где определялись содержание и движущие силы современной эпохи.

Методы и средства, с помощью которых империализм «творит историю», хорошо известны. Его история написана кровью десятков миллионов людей, погибших в истребительных войнах. Чтобы сохранить свое господство, агрессивные силы империализма готовы поставить человечество на грань полного уничтожения. При этом они пытаются выдать себя за поборников прогресса и мира, чуть ли не за «социалистов», прикрывая преступные, антинародные замыслы фальшивой вывеской передовых идей современности.

Старания авторов «Наступательной стратегии для Америки», как и бывшего государственного секретаря США, представить основные реакционные силы современности носителями общественного прогресса, «творцами истории» абсолютно несостоятельны. Они порождены углублением общего кризиса капитализма. Когда буржуазные идеологи присваивают империализму качества, идеи и цели, совершенно ему чуждые, прямо противоположные его истинной социально-экономической и политической природе, то тем самым лишний раз подтверждают реакционность и агрессивность империализма, несовместимость его идеологии и политики с объективными потребностями общественного развития.

Высказывание Раска затрагивало самую сокровенную цель политики и стратегии империализма — не дать

¹ «Department of State Bulletin» № 1132, March 6, 1961.

международному рабочему классу выполнить его освободительную миссию, любой ценой сохранить господство монополистического капитала. Эта идея вполне созвучна мыслям авторов «Наступательной стратегии для Америки». Еще больше общего у них со взглядами американской военщины.

Авторы книги предлагали Соединенным Штатам Америки использовать все доступные средства в борьбе против коммунизма. США при этом должны проводить «объединенную и тотальную стратегию», которая включала бы гонку вооружений для достижения технического превосходства или хотя бы поддержания «ядерного равновесия» и одновременно навязывала приемлемые для империализма преобразования в странах, находящихся «под коммунистическим влиянием». Обе задачи (в области технического развития и политики), как отмечали авторы, тесно связаны с «наказом системной революции» — объединением мира. «Коммунисты подготовлены к его выполнению, поскольку их доктрина говорит им, каков должен быть новый порядок и как его создать». Поэтому США обязаны «урегулирование системной революции XX в. сделать своей миссией», ибо только таким путем можно добиться «универсального порядка, который обеспечивает спасение американского общества»¹.

Взяв на себя подобного рода «миссию», США должны в первую очередь «сломить коммунистическую мощь», захватить инициативу и нанести поражение коммунистическому движению «вне железного занавеса». Главная цель при этом — втянуть в «зону» военных провокаций социалистические страны. Накануне Соединенным Штатам необходимо достичь «преимущественного военного положения», развернуть психологическое, идеологическое и политическое наступление и затем «устранить» коммунистические правительства².

Еще раньше американской военной мыслью высказывались советы широко использовать военные провокации, чтобы агрессию поддержали массы. В одной из статей журнала «Милитэри Аффэрс» говорилось: поскольку

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy..., pp. 6, 7.

² См. там же, стр. 29, 36, 110.

войны ведутся массовыми армиями, состоящими в основном из людей с правом голоса, и поскольку эти люди показали «мудрое нерасположение отваживаться на смерть и раны» по любому поводу, за исключением того, который они считают «соответствующим», то «предвоенная напряженность и провокации должны достигнуть такого уровня», когда станут «персонально нетерпимыми для большей части населения». Только тогда правительство может прибегнуть к войне¹.

Страуш-Хюпе, Поссоли, Кинтнер и их вдохновители предложили крайне агрессивную концепцию последовательного захвата решающих стратегических позиций, обеспечивающих мировое господство американского империализма. Она включает:

1. Обеспечение безопасности «Североамериканской базы» (т. е. США и Канады) и «спасение» ее народов.
2. Сохранение позиций «свободного мира» в районах, расположенных вдоль периферии «советского блока».
3. Преобладание на морских и воздушных путях и в космическом пространстве.

Авторы книги «Наступательная стратегия для Америки» отмечали: «Это наши минимальные цели. Мы должны стремиться достичь их даже с риском всеобщей ядерной войны».

«Большую стратегию» США эти идеологи формулировали так же, как в свое время гитлеровцы: «пушки вместо масла». Главной ее задачей является сохранение и усиление американского империализма. Все остальные цели (такие, «как возрастающее общественное благосостояние и продолжительный экономический прогресс») относятся к категории «второстепенной важности». Кардинальная задача «большой стратегии» США — «не сохранение мира любой ценой, а уничтожение наступательной мощи коммунизма». Поэтому она должна быть неотделимой «от готовности идти на риск», то есть иметь открыто авантюристический характер. Подобная стратегия, естественно, не может не базироваться на непрерывно растущей гонке вооружений, которая, по замыслам авторов книги, «сломит хребет советской экономике». Для достижения этой цели военные расходы США

¹ См. «Military Affairs», Spring, 1955.

необходимо систематически увеличивать и к 1970 г. довести их до 100 млрд. долларов¹.

Нужно сказать, что США стремятся выполнить эту программу, и уже в 1968/69 бюджетном году расходы на содержание вооруженных сил достигли астрономической суммы — более 80 млрд. долларов.

Такого рода предложения и планы наглядно свидетельствовали о стремлении «бешеных» к агрессивным военным авантюрам, об их готовности применить фашистские методы во внутренней и внешней политике. Выйти из кризиса, в котором оказался американский империализм, по их мнению, было можно «только путем усиления военной мощи США, а также путем более основательного использования дипломатией американских позиций силы»².

Милитаристская идеология определила вооруженное насилие как «решающий фактор» исторического процесса и рекомендовала направить его против всех прогрессивных сил современности. Одиночные призывы отказаться от достижения политических целей военными средствами и обратиться к «невоенным факторам» заглушались воинственной милитаристской пропагандой.

Комплекс политических и военных идей, выдвинутых реакционной профессурой при явном поощрении политического и военного руководства, отражал социально-политическое и военное содержание идеологии американского милитаризма. Военщина США в лице своих официальных представителей активно выступала против мирного урегулирования международных проблем, против идеи мирного сосуществования. «Нашей целью не может быть сосуществование, — заявлял тогдашний заместитель начальника штаба армии США генерал-лейтенант Трудо, — и ею не может быть сдерживание, поскольку сомнительно, что любой из этих политических курсов может быть успешным и оба они негативны по своей природе. Путь истории отмечен могильными камнями государств, которые пытались поддерживать статус-кво. Америка и свободный мир должны наступать»³.

¹ R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy..., pp. 339, 357, 402, 405.

² Там же, стр. 223.

³ «Military Review», January, 1961, p. 43.

Идеологи милитаризма настойчиво навязывали американскому народу идею ядерной войны против социалистических стран. Для этого они разжигали антикоммунистическую истерию, воспитывали ненависть в народе и в вооруженных силах к странам социализма, клеветали на новый общественный строй, будто бы угрожающий самому существованию народов капиталистических стран.

Росту агрессивности американского милитаризма в значительной степени способствовало изменение соотношения сил внутри финансовой олигархии США, в частности между группами Моргана и Рокфеллера. Начиная с 1885 г. большинство высших постов в правительствах демократической партии, как правило, занимали представители Морганов, что являлось следствием финансового превосходства этой группы. К концу 1960 г. вперед выдвинулись Рокфеллеры — крупнейшие финансовые воротилы и нефтяные «короли». В правительстве Кеннеди ставленники Рокфеллеров заняли ряд наиболее высоких и важных постов: председатель «фонда Рокфеллеров» Дин Раск стал государственным секретарем, бывший адвокат рокфеллеровской компании «Стандард Ойл» Аллен Даллес возглавил центральное разведывательное управление, министром финансов был назначен Дуглас Диллон — активный союзник Рокфеллеров на Уолл-стрите и в финансовых операциях за границей, эксплуатирующий вместе с ними африканские нефтяные источники. Вполне приемлемой для Рокфеллеров фигурой явился и новый министр военно-морского флота — Джон Коннэли, тесно связанный с техасской компанией «Стандард Ойл».

«Американский народ, — отмечал орган Коммунистической партии США «Уоркер», — не голосовал за агрессивные интересы Рокфеллеров, когда он отбросил рокфеллеровскую республиканскую партию в ноябре 1960 года. Но Рокфеллеры снова оказались в правительстве, и этот факт надо иметь в виду для того, чтобы победить в борьбе за выполнение наилучших предвыборных обещаний Кеннеди»¹.

Занявший президентский пост после убийства Джона Кеннеди Линдон Джонсон не только не выполнил обещаний покойного президента, но и повел ярко выражен-

¹ «Worker», January 8, 1961.

ную реакционную политику, отвергнутую американским народом. Не случайно на выборах был забаллотирован республиканский кандидат в президенты, лидер «бешеных» Голдуотер.

2. РЕАКЦИОННО-УТОПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ «ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ»

Для современного этапа общего кризиса капитализма характерна агрессивная империалистическая политика так называемого «ядерного сдерживания», которая является прямым выражением неутоленной жажды сильнейшей финансовой олигархии к установлению господства над миром. Эта политика отвечает социальной природе и политическим целям американского монополистического капитала. Она возникла не случайно, задолго до появления ядерного оружия. «Сдерживание» противника с помощью превосходящей военной силы представляет собой традиционный принцип американской внешней политики, перешедшей к США «по наследству» от Британской империи.

В истории США политика «сдерживания» не всегда была рассчитана на ведение войны. И в наши дни даже наиболее агрессивные элементы американского империализма отказались бы от применения военной силы, если бы угрозы пустить ее в ход было достаточно для достижения захватнических целей. Но с образованием мировой социалистической системы, которую империализм США рассматривает как первоочередной объект своих военных планов, политика «сдерживания» означает подготовку и ведение агрессивной войны против социалистических стран. Появление ядерного оружия трансформировало политику «сдерживания» в политику «ядерного сдерживания», которая стала официальной политической доктриной США, приобрела господствующее положение в политической и военной идеологии американского империализма. Сущность доктрины, хотя она и не секретна, широко не оглашается. Но время от времени «короли» американского бизнеса считают полезным напомнить о ее истинных целях. В конце 50-х годов поводом для этого оказалась волна критических выступлений в американской печати против политики «сдерживания» и официальной военной доктрины, вызванная военно-тех-

ническими успехами Советского Союза. В ответ «пессимистам», выразившим протест против войны и гонки вооружений, монополистическая буржуазия усилила военно-идеологическую активность.

В 1959 г. в вашингтонском центре исследования внешнеполитических проблем университета Джона Гопкинса (финансируется Морганом и другими крупнейшими корпорациями) происходила дискуссия по вопросам войны и политики, вызвавшая интерес у сотрудников «фонда Рокфеллеров». Одному из ее участников — научному сотруднику университета, бывшему консультанту госдепартамента и Белого дома Роберту Такеру «фонд Рокфеллеров» поручил за соответствующее вознаграждение написать работу на основе материалов дискуссии. В 1960 г. книга Р. Такера «Справедливая война. Исследование современной американской доктрины...» вышла в свет. В ней сущность «ядерного сдерживания» была раскрыта с достаточной полнотой и ясностью.

В подходе к проблеме войны Такер безусловно солидарен с большинством буржуазных идеологов. Он рассматривает империалистическую войну как дело, выражающее интересы всего народа, а не горстки монополий. Без каких-либо доказательств Такер заявлял, что американскому народу свойственна уверенность в возможности радикально «изменить историю к лучшему» с помощью «необузданного насилия». Эта уверенность выражена в «философии сдерживания», исходящей из «оптимистического предположения, что историю можно коренным образом преобразовать к лучшему, просто поставив возможных агрессоров перед несомненностью суровой кары в форме ядерного возмездия, если они попытаются осуществить свои намерения»¹.

К «философии сдерживания», которой якобы придерживается весь американский народ, сам автор относится весьма осторожно. Современная военная техника не снимает дилеммы — либо применить силу, либо поставить под угрозу успех политики, которая отражает «элементарные интересы национальной безопасности» США. Но поскольку американский народ, как и любой другой, отнюдь не проявляет единодушного желания

¹ R. W. Tucker. The Just War. A Study in Contemporary American Doctrine. The John Hopkins Press, Baltimore, 1960.

подвергнуться массовому уничтожению в войне, Такер третирует его миролюбивые настроения, называя их «моральным благодушием» по отношению к перспективе применения силы в ядерный век¹, и пропагандирует официальную точку зрения на превентивную войну. Идею превентивного использования вооруженной силы, по его словам, «внушительно поддерживают» сама новейшая военная техника. Поэтому, мол, в настоящее время в США и существует «общее согласие в мнении о том, что уступка первого удара стране, обладающей ракетно-ядерным оружием, означает предоставление потенциальному противнику преимущества, подобного которому нельзя найти в истории войн». Так объясняет Такер распространенную в политических и военных кругах США мысль, что «предваряющее нападение» на противника является необходимым «элементом сдерживания»². Следовательно, «стратегия сдерживания» истолковывалась как явно агрессивная концепция превентивной ядерной войны.

Изданием работы Такера «фонд Рокфеллеров» направил удар не только против растущих в США миролюбивых настроений. Перед автором ставилась и другая задача — поднять милитаристский дух в стране, подстегнуть несколько растерявшуюся военщину, оказать воинствующим кругам морально-политическую поддержку непосредственно от лица крупнейших финансовых магнатов. Рокфеллеры и Морганы принимали «свои меры», чтобы локализовать политически опасные для них последствия кризиса военной идеологии, агрессивной политики и стратегии. Для монополистического капитала отказ от войны как средства достижения захватнических целей совершенно неприемлем, так же как и оборонительная военная доктрина и стратегия. Не «сдерживание», а наступление, не «ответный», а превентивный ядерный удар — таковы стратегические принципы, соответствующие природе и устремлениям монополистической буржуазии.

Крупнейшие финансовые корпорации США считают полезным проповедовать от своего имени агрессивную ядерную войну, прикрываясь ее якобы общенародными

¹ См. R. W. Tucker. The Just War..., p. 97.

² Там же, стр. 138, 142.

целями. Для этого, собственно, и была пущена в ход идея «национального спасения» с помощью войны.

В 1959 г. «фонд Рокфеллеров» опубликовал доклад о проблемах внешней политики и войны. В нем говорилось, что «национальное спасение» представляет собой «основную, фундаментальную американскую цель». Подобное приравнивание вопроса об агрессивных планах США к духу всей нации, по признанию самих авторов доклада, удобно тем, что не требуется какого-то специального обоснования стремлению нации, как и отдельной личности, «спастись» или «выжить». Правда, они не отрицают, что такая постановка проблемы «спасения» ставит внешнюю политику перед «ужасающим решением прибегнуть к силе и, возможно, использовать оружие, опасное для самой цивилизации». В связи с этим перед гражданами и их руководителями возникает вопрос: «Какое у них есть основание считать их спасение как нации за благо, ради которого следует подвергнуть себя столь смертельной опасности?» И деятели «фонда Рокфеллеров» отвечают: «Для американцев ответ должен быть таков, что они представляют себе Соединенные Штаты, несмотря на их недостатки и изъяны, как защитника неизменных ценностей, глубоко укоренившихся в возвышенных стремлениях человека»¹.

Таким образом, с помощью типично субъективно-идеалистического подхода к политике и стратегии американскому народу предлагалось безоговорочно поддерживать опаснейшую авантюристическую политику, так как якобы любые агрессивные акции американского правительства есть «благо» для всех народов, поскольку именно США являются воплощением лучших «стремлений» и «ценностей». Не слишком ли самоуверенно выглядели США, предлагая сохранить имеющиеся у них «ценности» посредством тотального уничтожения человечества?

В 1960 г. «фонд Рокфеллеров» продолжает разрабатывать и конкретизировать идею «национального спасения» в том же духе. Высказывая мысль, что «спасение нации может быть оправдано в значительной степе-

¹ Rockefeller Brothers Fund, Special Studies Report. The Mid-Century Challenge to U. S. Foreign Policy. New York, 1959, pp. 10, 11.

ни с точки зрения абстрактных ценностей, воплощенных в нации», Такер отмечал, что «физическое спасение нации может само по себе рассматриваться как благо, оправдывающее принятие любых мер, безотносительно к тем возможным последствиям, которые эти меры могут иметь для всего мира». Если «высшая цель» на самом деле представляет собой «национальный интерес», то не существует ни моральных, ни иных подходящих оснований для отказа «от политики массового уничтожения при условии только, что эта политика в действительности рассчитана на достижение ее целей»¹. Эти рассуждения оплаченного «фондом Рокфеллеров» автора весьма знаменательны. Они означают собой открытое признание готовности американской финансовой олигархии применить самые бесчеловечные методы и средства для достижения своих антинародных целей. Более того, это доказывает, что монополистическая буржуазия США не считает себя связанной никакими внутривнутриполитическими факторами, способными удержать ее от самых худших и чреватых серьезнейшими последствиями форм международного разбоя.

Агрессивная военная политика, направленная против других стран, не может не учитывать и внешних обстоятельств. Одно дело проводить политику, не представляющую непосредственной опасности для ее инициаторов и нации в целом, и совсем другое, когда такая угроза становится вполне реальной, а уничтожение в случае войны — неотвратимым. Многие американцы понимают, что целей, ради которых необходимо пойти на колоссальные жертвы в тотальной войне, не существует. Знают об этом и люди Рокфеллера. Они прилагают отчаянные усилия, чтобы выйти из затруднительного положения и как-то оправдать в глазах народа воинственную политику. Но сделать это оказалось не просто. Такер не без сожаления констатировал, что на американский народ все меньше действует довод о спасении с помощью термоядерного оружия. Он был вынужден признать, что с появлением у СССР ракетно-ядерных средств у американского народа возникла не готовность следовать «стратегии ядерного сдерживания», а «чувствительность к моральной опасности»,

¹ R. W. Tucker. The Just War..., pp. 166, 167.

связанной с такой стратегией. Такер объяснял это просто: запоздалое осознание «моральной опасности, сопровождающей стратегию ядерного сдерживания... частично заложено в растущем осознании физической опасности, которую заключает в себе стратегия сдерживания»¹.

Следовательно, усиление оборонной мощи Советского Союза не только подтвердило несостоятельность политики «ядерного сдерживания», но и способствовало развитию миролюбивых настроений в США, росту общественного протеста против нее. И хотя проявления недовольства агрессивной политикой «ядерного сдерживания» и стратегией «массированного удара» не приняли широко организованного характера, многие американцы не пошли за «бешеными», не поддержали их милитаристскую пропаганду, которая ведется под лозунгом: «лучше быть мертвым, чем красным».

Повелительная необходимость отказаться от войны как средства решения международных споров в современную эпоху так или иначе проникла в сознание народных масс США. С этим не мог не считаться даже «фонд Рокфеллеров». Такер был вынужден делать вид, что и ему не чуждо стремление к миру. Подражая Уолтеру Миллису, он на словах выступил за «изгнание силы из истории».

Но все дело в том, какой мир имел в виду Такер, какую именно силу и какими средствами предлагал он «изгнать из истории». Такер ответил на эти вопросы. Прежде всего, по его мнению, для «изгнания силы из истории» также нужна **сила**, то есть ядерное оружие, применяемое в соответствии с концепцией «ядерного сдерживания». Поскольку для оправдания этой стратегии в современной обстановке нельзя найти сколь-нибудь убедительных аргументов, Такер обратился к источнику, испытанному социальной реакцией всех времен и народов (в том числе и «фондом Рокфеллеров»), — к субъективному идеализму.

Субъективно-идеалистическое направление в буржуазной социологии отрицает объективную закономерность исторического процесса и подменяет ее деятельностью «героев» или «лидеров». Такое объяснение

¹ R. W. Tucker. The Just War..., pp. 173, 174.

явлений общественной жизни — наиболее распространенная философская основа социально-политического и военного авантюризма монополистической буржуазии. Субъективно-идеалистическое объяснение общественной жизни, как известно, нашло свое отражение в идеологии германского фашизма.

Духом субъективистского произвола и безответственности проникнут и подход Такера к проблеме войны, затрагивающей судьбы всего человечества. По его мнению, стратегия «ядерного сдерживания» может быть определена как «дело веры». Поэтому она в конечном счете должна оказаться «независимой от продиктованного благоразумием расчета и разумных соображений». Отсюда и «высшая целесообразность» этой стратегии формируется соответственно как «вера в нас самих и в наши цели, вера, которая в конце концов необходима для того, чтобы решить задачу изгнания агрессивной силы из истории»¹.

Насколько эти идеи близки к идеологии современного фашизма, видно и из определения понятия агрессивной силы, подлежащей «изгнанию из истории». С позиций воинствующего субъективного идеализма агрессией следует считать «все формы поведения, которые мы (т. е. американские империалисты. — В. К.) можем предпочесть рассматривать как агрессию». Как известно, именно такова официальная американская точка зрения на ее сущность. Под агрессией правящие круги США подразумевают практически все революционные и освободительные движения нашего времени, а главным объектом «ядерного сдерживания» называют страны социалистического содружества. Согласно этим взглядам, только уничтожив Советский Союз и другие социалистические страны, а также подавив все прогрессивные движения, можно создать тот «лучший мир», о котором мечтают американские миллиардеры. А вот и его концепция: «Это может быть только мир, в котором наша воля действительно восторжествует, и, следовательно, мы должны признать... международное сообщество, которое основывается не на согласии, а на принуждении, на полнейшем принуждении»².

¹ R. W. Tucker. The Just War..., p. 188.

² Там же, стр. 191, 193.

Кто же способен управлять этим миром, в котором «наша воля останется навсегда торжествующей»? — спрашивал Такер и тут же отвечал: «Конечно, не те, кто может затаять сомнения в благородстве наших целей... Чтобы угроза уничтожения была полностью эффективной, она должна исходить от воли, которая не допускает сомнений в оправданности этой вечной угрозы».

Какие же качества обязательны для носителей «воли» к массовому уничтожению людей? Такер не скрывал, что «те, кто обладал бы качествами, необходимыми для осуществления такой доктрины, могут не обладать качествами политического руководства, которые мы привыкли рассматривать как желательные для демократического общества»¹.

Эти рассуждения показывают, как далека от интересов подлинной свободы, объективности и научности преступная «логика» агрессивной военной доктрины американских миллиардеров, стремящихся поработить весь мир, потопить в крови огромные массы людей, не согласных с их идеологией! В годы второй мировой войны носителями «воли» к массовому истреблению народов были так называемые «сильные личности». Речь идет о гитлеровских головорезах и убийцах. Они принесли страшные страдания и беды человечеству. Финал их жизни и деятельности известен. Он должен служить уроком и предостережением тем, кто следует по пути фашистских мракобесов.

Доктрина «справедливой войны», изложенная Такером, ничем существенным не отличается от принятой в США концепции «ядерного сдерживания». Не выдвинул он и никаких идей, чем-нибудь выделяющихся на фоне реакционной идеологии американского империализма. Теорию сохранения империалистического «мира и порядка» с помощью превентивного применения вооруженной силы проповедовали до него Страуш-Хюпе и Поссоли. «Искусство поддержания мира, — заявляли они, — представляет собой превентивное искоренение зародышей агрессии». Орудием его является «военная мощь, его техникой — применение силы». Поэтому не может быть и речи о разоружении США: «разоружен-

¹ R. W. Tucker. The Just War..., pp. 195, 196.

ная Америка не подаст примера, которому последуют или смогут последовать другие страны. Это создало бы непреодолимый соблазн для агрессоров». Вооруженная сила, необходимая для «поддержания мира», должна быть «намного превосходящей силу противника». Главная политическая проблема для США заключается в том, чтобы «выжить», а для этого нужно «становиться все сильнее»¹.

С «программой мира» в американском понимании выступил в феврале 1946 г. перед видными финансистами и промышленниками воинствующий реакционер, председатель влиятельного «Национального промышленного консультативного совета» Вирджил Джордан. Он безапелляционно настаивал на подчинении всего мира Соединенным Штатам Америки. «Давайте подвесим в принципе наши атомные бомбы, — призывал Джордан, — над каждым местом в мире, где мы имеем какой-либо повод подозревать попытку уклонения или заговора против США; и давайте сбросим их в действительности быстро и без сожаления туда, где бы ни проявилось открытое неповиновение»². Эту речь с энтузиазмом встретили 500 ведущих финансистов и промышленников США. Высказанные Джорданом мысли о военной политике оказались близкими к официальному внешнеполитическому и военному курсу ряда последующих американских правительств.

При рассмотрении социальной сущности американской военной доктрины Такер показал, что политика «ядерного сдерживания» имеет своей конечной целью установление открытой военно-террористической диктатуры монополистического капитала США во всем мире. Иного вывода нельзя сделать из приводимого в книге «Справедливая война...» положения о «мире абсолютного сдерживания», в котором «мир и порядок» поддерживаются угрозой полного уничтожения «недовольных», составляющих «значительную часть человечества». Согласно этим принципам, «ядерное сдерживание» не заключает и не может заключать в себе ниче-

¹ R. Strausz-Hupé, S. Possony. International Relations. pp. 595, 720, 721.

² «Political Affairs», June, 1962, pp. 19, 20.

го, кроме типично фашистских методов установлений и сохранения господства монополистической буржуазии внутри страны и на международной арене.

В американской военной литературе подлинная сущность «ядерного сдерживания» не освещается. Но подобное обстоятельство, разумеется, не скрывает крайне реакционного и агрессивного характера такой политики, как и вытекающей из нее стратегии «массированного удара». Американская военщина встретила эту концепцию с большим энтузиазмом. Но когда сторонники армии и военно-морского флота увидели, что главное внимание правительство уделяет военно-воздушным силам, они начали выражать недовольство и критиковать ее. Роль воинствующих проповедников политики «ядерного сдерживания» и стратегии «массированного удара» взяли на себя главным образом представители военно-воздушных сил.

В марте 1958 г. начальник штаба военно-воздушных сил США генерал Т. Уайт выступил со статьей, в которой развил идею установления «мира» с помощью «могущественной военной силы, находящейся в постоянной готовности к войне». Он пришел к выводу, что «основная философия воздушных сил Соединенных Штатов в отношении к воздушной мощи заключается в требовании никем не превзойденных гибких наступательных сил»¹. Не будучи философом, генерал Уайт не считал себя обязанным разъяснить, почему именно США «взяли на себя ответственность» за установление мира во всем мире. Однако в другой статье, напечатанной спустя несколько месяцев, Уайт восполнил этот пробел и свое требование поддерживать «никем не превзойденную мощь» США обосновал наличием «угрозы» со стороны советской воздушной силы, которая быстро вырастает «в аэрокосмическую мощь»².

В «философии» сторонников военно-воздушных сил США ничего нового не было. Она развивалась в духе теории Дуэ и сочинений Митчела. Войну против Советского Союза американский милитаризм готовил, рассчитывая главным образом на свои воздушные силы, вооруженные атомными и водородными бомбами.

¹ «Air Force», March, 1958, p. 40.

² «Air Force», August, 1958, p. 37.

В начале 1959 г. в речи на заседаниях комиссии сената США по вопросам военной готовности американский министр обороны заявил, что США располагают «силами в готовности, способными осуществить атомную атаку против России». На вопрос сенаторов о готовности наземных войск он ответил: «Если мы собираемся воевать против России, мы не хотим воевать против нее главным образом на земле... всеобщая война есть единственный вид войны, которую мы предусматриваем в борьбе против России»¹. Под всеобщей войной, как разъяснил затем начальник штаба армии США генерал Тэйлор, «обычно принято понимать тотальную борьбу между свободным миром и советским блоком, в которой на карту ставится национальное существование борющихся сторон»².

Официально и открыто высказанное нежелание американских милитаристов воевать в то время против Советского Союза и других социалистических стран «главным образом на земле» легко объяснимо. С одной стороны, основные надежды США возлагали тогда на свою воздушно-атомную мощь, с другой — очевидной была бесперспективность борьбы против вооруженных сил социалистического содружества на сухопутных театрах военных действий, где главная роль отводилась войскам союзников США.

В апреле 1959 г. министр обороны США Макелрой заявил: «Стратегическая концепция спасения нашей страны заключается в коллективной безопасности... В основе своей доктрина коллективной безопасности требует силы у наших союзников повсюду в мире»³. Речь Макелроя была посвящена программе «военной помощи», предоставляемой США ряду стран в милитаристских целях. Поэтому он намеренно подчеркивал значение «коллективной безопасности» в американской военной политике и стратегическом планировании. Но главное заключалось в том, что к этому времени обнаружилась несостоятельность стратегии «массированного удара». Коренное изменение соотношения сил на мировой арене привело к тому, что милитаризм США уже не

¹ «United States News and World Report», February, 1959, p. 75.

² «Army Information Digest», June, 1959.

³ «Army Information Digest», August, 1959.

мог безнаказанно выполнять свою внешнюю функцию в соответствии с интересами финансовой олигархии. Неограниченные внешнеполитические цели обуславливали подготовку к неограниченной мировой войне, которая несла с собой неотвратимую угрозу полного физического уничтожения агрессора. Попытки найти выход из этого положения путем серии «ограниченных» войн не дали желаемых результатов уже по той причине, что конечная цель оставалась неограниченной, агрессивной и реакционной. Остаются и тенденции к противоречиям в отношениях между США и их союзниками по НАТО по экономическим, политическим и стратегическим вопросам.

К 1960 г. возможности развязывания агрессии империалистическими государствами продолжали сужаться. Советский Союз и другие социалистические страны добились новых успехов в развитии народного хозяйства, науки и техники, повысилась их оборонная мощь. Ускорился распад колониальной системы империализма. Происходило дальнейшее ослабление позиций милитаризма, в то время как влияние миролюбивых сил на международную обстановку возрастало.

В ходе предвыборной кампании в США в 1960 г. руководители обеих партий — республиканской и демократической — выступили за усиление милитаризации и гонки вооружений. Эйзенхауэр в послании конгрессу 8 августа 1960 г. заявил, что политика США «по-прежнему должна основываться на военной и экономической силе»¹. Для осуществления экспансионистских замыслов американский империализм, как и раньше, стремился создать сильнейшую военную машину.

Все более опасной для дела мира становилась политика США, направленная на возрождение западногерманского империализма и японского милитаризма. «В центре Европы, — отмечает Программа КПСС, — воссоздается опасный очаг агрессии, угрожающий миру и безопасности всех народов. На Дальнем Востоке американские монополии возрождают находящийся в определенной зависимости от них японский милитаризм — другой опасный очаг войны, угрожающий наро-

¹ «New York Times», August 9, 1960.

дам Азии, в первую очередь социалистическим государствам»¹.

Правительство США во главе с Д. Кеннеди не отказалось от гонки вооружений и милитаризации. Еще будучи кандидатом в президенты, Кеннеди в интервью корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл отметил, что США «должны укрепить НАТО, восстановить свою способность вести ограниченные войны и сделать неуязвимыми силы для нанесения ответного удара, которые не уступали бы никаким силам в мире». Ссылаясь на несуществующую «коммунистическую угрозу», Кеннеди указал далее на недопустимость «помышлять о сокращении расходов на оборону» и признал, что «главной целью» США «должна быть неприступная оборона, а не сбалансированный бюджет»².

Агрессивность и авантюризм американской стратегии создавали одну из важнейших предпосылок роста противоречий между США и их союзниками. «Это ясно, — отмечал американский военно-морской теоретический журнал в апреле 1960 г., — что наши союзники не расположены воспринять нашу тотальную стратегию ведения войны. Они боятся, что могут стать полем битвы в термоядерном обмене»³.

Все более острой и широкой критике в США и Западной Европе подвергалась концепция «ядерного сдерживания», составляющая основу военной доктрины США и НАТО. Даже некоторые представители американских военно-воздушных сил начали опровергать ее. На годичной конференции ассоциации военно-воздушных сил США в 1960 г. бригадный генерал Пэрриш высказал серьезное сомнение в возможность предотвращения ракетно-ядерного нападения на США, поскольку исход войны «будет решен не количеством убитых граждан, а количеством сохранившихся систем оружия» после нанесения первоначального ядерного удара⁴.

В армейской и флотской печати все чаще звучали требования отказаться от принципа решающей роли

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 32.

² «За рубежом», 22 октября 1960 г.

³ «United States Naval Institute Proceedings», April, 1960.

⁴ См. «Times», October 21, 1960.

стратегической авиации в войне и выдвинуть на первый план армию, способную захватывать территорию противника, и военно-морской флот, обеспечивающий безопасность морских и океанских коммуникаций. Высказывались мысли о том, что само по себе разрушение, причиняемое ядерным оружием, не принесет победы в войне, в то время как ведение войны на суше и на море даст «более сильный, быстрый и более решающий эффект»¹. Серьезные опасения вызывали социальные последствия массированного применения ядерного оружия. Журнал военно-морского флота США отмечал, что вряд ли можно считать «разорение и нищету» в результате ядерных бомбардировок лучшим способом «установить более совершенный образ жизни и задержать распространение разъедающих идеологий». На этом основании делался вывод, что доктрина воздушной войны не может быть основой всей американской «военной политики и стратегии»².

Критиковала концепцию «ядерного сдерживания» и гражданская печать. Ошибочность этой теории, говорилось в журнале «Сатэрдэй Ревью», состоит в том, что она «предполагает неподвижный (статичный) мир». Она считает, что все будет удерживаться под крепким контролем, что назревающие в течение более чем столетия перевороты каким-то образом останутся в покое. Она не берет в расчет, что ядерное устрашение не предотвратит социальных и политических волнений и последующего нарушения мира³.

Некоторые западные военные авторитеты, ратующие за дальнейшее усиление гонки вооружений, вынуждены были все чаще признавать, что в связи с военно-техническим прогрессом в Советском Союзе стратегические теории империализма провалились. Известный английский военный теоретик Лиддел Гарт в книге «Сдерживание или оборона» писал: «С тех пор как русские спутники и их ракеты-носители начали вращаться вокруг Земли, их радиосигналы говорят народам мира, что не существует никакой обороны». Радиосигналы советских спутников «разрушили основы оборонительного планирования Запада».

¹ «United States Naval Institute Proceedings», May, 1960.

² Там же.

³ См. «Saturday Review», April 2, 1960.

Нарастание военно-политических противоречий внутри Североатлантического блока вызвало тревогу у его руководителей. Помощник генерального секретаря НАТО по политическим вопросам Э. Шакбарг заявил: «Мы все можем видеть, как приближение к ядерному паритету между Востоком и Западом и тот факт, что Соединенные Штаты сами оказались открыты для ядерного возмездия, расшевелили определенные сомнения насчет полной действенности американского стратегического средства устрашения как защиты для европейских союзников». Эти сомнения, отмечал далее Шакбарг, дали толчок идее о том, что единственным «сдерживающим средством», от которого государство может абсолютно зависеть в самом крайнем случае, является ядерное оружие, находящееся под его исключительным национальным контролем¹. Помощник генерального секретаря НАТО тут же окрестил эту идею «непосредственно подрывной для концепции НАТО, потому что оборона одного есть оборона всех», и утверждал, что если бы она была широко воспринята, то поставила бы Североатлантический союз перед серьезной опасностью².

Однако заключения такого рода не погасили у союзников США намерения обзавестись собственным атомным и водородным оружием. Особенно энергичную деятельность развили западногерманские милитаристы, стремившиеся получить ядерное оружие под свой «исключительный контроль».

В поисках подходящего ответа на возрастающее и «отчасти беспорядочное и противоречивое» желание союзников США добиться более широкого участия в контроле над ядерным оружием главнокомандующий вооруженными силами НАТО Норстэд рекомендовал передать НАТО «большую власть над атомным оружием и подчинить его использование более непосредственно коллективной воле...»³. Впоследствии эта идея получила свое развитие в плане превращения НАТО в «четвертую атомную державу».

¹ См. «NATO Letter», February, 1960.

² См. там же.

³ «NATO Letter», January, 1960.

В ноябре 1960 г. на очередной конференции парламентариев стран Североатлантического блока в Париже Норстэд доказывал необходимость участия всех членов НАТО в производстве, владении и «взаимном использовании» ядерного оружия. Он предложил проект создания «атомного пула», который по его мнению, «полностью удовлетворит стремления и желания некоторых членов НАТО». Было совершенно очевидно, что в числе «некоторых» имеется в виду и Западная Германия. Осуществление плана Норстэда привело бы к тому, что в руках западногерманской военщины, возглавляемой бывшими гитлеровскими генералами, оказалось стратегическое ядерное оружие¹.

Агрессивный «план Норстэда» был тесно связан с так называемой «стратегией переднего края», предопределявшей совместные действия войск США и НАТО.

По заявлению Норстэда, «истинная стратегия переднего края» становится возможной ввиду возрастающей эффективности оружия и основывается на сочетании обычного и ядерного оружия, которым оснащаются американские войска, дислоцированные за пределами США². Председатель объединенного комитета начальников штабов США генерал Лемнитцер охарактеризовал «стратегию переднего края», не заботясь о маскировке ее агрессивного содержания, как такое расположение американских вооруженных сил, когда США вместе со своими союзниками могли бы отразить «коммунистическую агрессию» на «периферии свободного мира», а также в любом месте, где бы она ни случилась. Подготовка к осуществлению этой стратегии включала, наряду с развертыванием вооруженных сил США на заморских плацдармах, «развитие способности выбрасывать вперед» американскую военную силу «в районы, находящиеся за границами» США, «когда это становится необходимым»³. «Основными и существенными элементами стратегии переднего края» должны быть сухопутные войска США и их союзников, так как она, по мнению Лемнитцера, рассчитана на ведение так называемых «ограниченных войн» с примене-

¹ См. «Правда», 26 ноября 1960 г.

² См. «NATO Letter», January, 1960.

³ «Vital Speeches of the Day», September 15, 1960.

нием обычного и ядерного оружия. Лемнитцер не скрывал, что размещение американских вооруженных сил в Европе и Азии диктуется и расчетами на тотальную мировую войну. Особенно важно, заявил он, «чтобы мы поддерживали совместно с нашими союзниками адекватные военные силы в Евразии... поскольку трудности усиления их во всеобщей войне будут бесспорно большие, чем в ограниченной войне»¹.

«Стратегия переднего края» широко пропагандировалась лидерами американской военщины с целью умирить протесты со стороны европейских участников НАТО против одностороннего толкования навязанной им старшим партнером концепции «массированного удара». Ведь первоначально эта стратегия предполагала, что ядерные силы, или «меч НАТО», находятся исключительно в руках США, а «щит НАТО» формируется преимущественно за счет войск европейских союзников. Теперь же вопрос ставился иначе. В «стратегию переднего края» включались в качестве ее основных элементов сухопутные войска США и их союзников.

Система агрессивных блоков, основанная США, ослабляется как борьбой между их участниками, так и движением народов против политики милитаризации и подготовки войны. Американские империалисты стремятся укрепить агрессивные милитаристские союзы, усиливают давление на своих партнеров, требуют ускоренных темпов милитаризации хозяйства. Это создает почву для активизации сопротивления народных масс военному курсу, для обострения противоречий между империалистическими государствами.

Среди внешних факторов, обусловивших необходимость пересмотра военной доктрины США, решающим был рост экономического и военного могущества Советского Союза и других социалистических стран.

Однако, как показали дальнейшие события, стратегия «массированного удара» не утратила значения и нашла отражение в новой стратегической концепции США. Это произошло по ряду причин, существо которых становится понятным из анализа американской военной доктрины в остро критический период ее разви-

¹ «Vital Speeches...», September 15, 1960.

тий, сделанного по инициативе «фонда Рокфеллеров». Выводы, полученные в результате анализа, по-своему знаменательны и дают материал для некоторых обобщений.

От непримиримого мракобеса Вирджила Джордана с его мечтой править миром с помощью атомных бомб, используемых для подавления революционных движений, до архиреакционного сенатора Барри Голдуотера, претендующего на роль американского диктатора; от разного рода «бешеных» и «ультра» с их проповедью необходимости фашистской диктатуры для «спасения» Америки от коммунизма до воинствующих групп в американских вооруженных силах, выступающих за «сильную военную власть» в стране, — все эти реакционные клики являются носителями фашистской идеи «мира абсолютного сдерживания».

«Мир абсолютного сдерживания» — реакционнейшая и опаснейшая утопия, основанная на социально-политическом и военном авантюризме. Она одобряется не только большим воображением отдельных мракобесов; охваченных манией величия, но и представляет собой идеологическое кредо агрессивных милитаристских и фашиствующих группировок, хотя и малочисленных, но пользующихся щедрой материальной и моральной поддержкой крупнейших финансовых и промышленных магнатов.

Автор книги «Справедливая война...» Такер не осудил ни идею «мира абсолютного сдерживания», ни ее проповедников. Правда, он сделал вид, будто отмежевался от экстремистской трактовки доктрины «ядерного сдерживания», мотивируя это тем, что даже «безоговорочный успех этой стратегии, по всей вероятности, исказил бы цели, которым она была предназначена служить... насилие продолжало бы играть решающую роль, и, вероятно, даже ббльшую, чем когда-либо прежде». Вместо общества, основанного на согласии, в ближайшем будущем должно было возникнуть «общество, покоящееся на постоянной угрозе уничтожения»¹. Но, разумеется, не в этом состоит главное препятствие к достижению «совершенного» империалистического мира. Надуманный, демагогический аргумент о стремле-

¹ R. Tucker. The Just War..., p. 196.

нии империализма создать общество «согласия» автор дополнил более существенным. Оказывается, экстремистский вариант «ядерного сдерживания» представляет собой стратегию, «налагающую чрезмерный моральный риск как раз потому, что ее эффективное осуществление включало бы в себя требование... монополии силы, к тому же монополии силы, осуществляемой над обществом, которое глубоко разделено».

Важно отметить, что требование «монополии военной силы» Такер не отделяет и от официальной версии политики «сдерживания»: США настаивают на «эффективном порядке сдерживания» с «вечно торжествующей» своей волей, исходя из того, что их цели воплощают в себе и «цели всего человечества». Но если это последнее предположение будет «поставлено под сомнение, а оно наверняка будет поставлено под сомнение, то моральные опасности монополии силы, установленной посредством стратегии ядерного сдерживания, станут очевидны».

Выводы, сделанные в отношении «монополии силы», затрагивают самую глубокую суть военной идеологии и стратегии американского империализма. Как уже говорилось, монополия на вооруженную силу является одним из основополагающих и главных принципов милитаризма, и ее нарушение в корне подрывает возможности выполнения его функций. Утрата монополии на ядерное оружие и потеря превосходства в военной силе составили важнейшую предпосылку кризиса американской военной идеологии. По этим причинам требование о восстановлении «монополии силы» и оказалось центральным в выводах проведенного по указанию «фонда Рокфеллеров» анализа военной доктрины США. Из их подтекста просматриваются весьма существенные последствия такого требования. Во-первых, эти выводы позволяют заключить, что достижение всемирной монополии силы невозможно без развязывания мировой ядерной войны. Иного пути для утверждения своей «вечно торжествующей воли» американский империализм не видит. Во-вторых, из тех же выводов читателю становится ясно, что существуют определенные «моральные опасности монополии силы, установленной посредством стратегии ядерного сдерживания».

Можно ли считать последнее отрицанием или призна-

нием несостоятельности или хотя бы неодобрением политики «ядерного сдерживания» и доктрины «ответного удара»? Видимо, нельзя. На кого в США рассчитаны туманные, искусно завуалированные рассуждения о «моральных опасностях» стратегии ядерной войны и террора? Многие американцы и без того осуждают самоубийственную ядерную стратегию, не хотят новой мировой войны. Что же касается реакционной военщины и «бешеных», то на них, конечно, не действуют никакие предостережения о «моральной опасности», которая может возникнуть в случае, если они попытаются достичь своих целей. Хорошо известно, что политике и стратегии агрессивных империалистических клик свойственны самые рискованные авантюры.

В выводах, следующих из анализа военной доктрины США, служебная роль рассуждений о «моральных опасностях» сводилась к тому, чтобы замаскировать основные причины несостоятельности стратегии «массированного удара», затушевать неразрешимое противоречие между военной доктриной, вполне соответствующей социальной природе и реакционным целям американского монополистического капитала, и сложившимся соотношением сил на мировой арене. Любая попытка игнорировать это противоречие неминуемо привела бы к решительному провалу планов агрессора, и о «моральных опасностях» не было бы и речи.

Такер связывал «моральную опасность» установления всемирной монополии силы с неизбежным раскрытием фальши официальной версии о совпадении целей американского империализма и всего человечества. Тем самым он сделал важное признание, суть которого заключается в следующем: политика «ядерного сдерживания» и вытекающая из нее стратегия «массированного удара» не могут рассчитывать на поддержку со стороны народных масс.

Однако Такер, показав в определенной мере социально-политическую сущность американской военной доктрины, не затронул корней ее несостоятельности. Но это и не входило в намерение финансирувавшего книгу «фонда Рокфеллеров». Задача состояла в том, чтобы в острый момент кризиса военной идеологии США напомнить об истинных целях господствующего в стране монополистического капитала и приемлемых

для него средства и методах их достижения. «Моральные опасности» применения агрессивной военной доктрины не должны были смутить тех, от кого зависит подготовка к войне. В сохранении любого варианта обанкротившейся стратегии «массированного удара» заинтересованы крупнейшие финансовые и военно-промышленные корпорации, что и отразилось в содержании выдвинутой генералом Тэйлором стратегической концепции «гибкого реагирования».

Происшедшие с конца 60-х годов некоторые изменения в военной доктрине и военном строительстве не коснулись основ теории и политики «ядерного сдерживания». Эта реакционнейшая концепция насильственного создания всемирной империи американских финансовых магнатов, объединяющая воинствующий антикоммунизм с фашистскими методами политического господства, по-прежнему остается концентрированным выражением идеологии монополистической буржуазии США в отношении к войне.

3. АНТИКОММУНИЗМ И ФАШИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ США

Антикоммунизм представляет собой основное ядро американской военной идеологии и открыто исповедуется руководящими политическими и военными деятелями США в качестве официального кредо.

«...Империализм стремится заменить демократию вообще олигархией»¹, — указывал Ленин. В установлении террористической диктатуры финансовой олигархии важнейшая роль принадлежит идеологии антикоммунизма. Программа КПСС подчеркивает, что в обстановке усиливающегося кризиса капитализма империалисты избирают антикоммунизм своим главным идейно-политическим оружием. Под этим черным знаменем объединились ныне враги социального прогресса — финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции. Антикоммунизм наиболее широко используется идеологами империализма для оправдания агрессии и войн

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 95.

против стран социалистической системы, против народов, сбросивших колониальный гнет, ведущих борьбу за свою независимость.

Американский империализм, говорится в проекте новой программы Коммунистической партии США, использует ширму «антикоммунизма», чтобы замаскировать свои агрессивные цели, обеспечить идеологическое прикрытие наглым атакам на независимость народов. Это средство служит созданию обстановки замешательства, разделения и подавления внутри страны, а за рубежом — приданию блеска священного крестового похода циничной захватнической политике¹.

Монополистический капитал порождает идеологию фашизма. Содержание и направленность военной доктрины американского империализма служат наглядным подтверждением этой истины, отмеченной в Программе КПСС. Стремление монополий опереться на неограниченное законом насилие для сохранения своего господства в первую очередь проявляется в их тесном союзе с военщиной и ее наиболее реакционными элементами. Вместе с тем, как отмечал Виктор Перло, «военно-промышленный комплекс» обеспечивает духовную базу и по крайней мере частично кадры и денежные средства для ультраправых элементов в американской политике. «Продолжая расширять масштабы своей деятельности, увеличивать старые и создавать новые организации, эта группировка является зловещим инициатором выступлений в отдельных местах против демократических прав и подстрекателем открытой пропаганды новой мировой войны»².

Антикоммунизм и фашистские тенденции в американской военной идеологии представляют собой прямое следствие агрессивного военного курса финансовой олигархии США.

Тенденция к авторитарной власти, присущая государственно-монополистическому капитализму, становится все более резко выраженной, подчеркивается в проекте программы КП США. «Агрессивная политика монополистического капитала США направлена на расширение

¹ См. New Programm of the Communist Party U. S. A.. New York, January, 1969, p. II—9.

² В. Перло. Милитаризм и промышленность. Перев. с франц. М., Изд-во иностр. лит., 1963, стр. 25.

войны и милитаризации, увеличение жертв со стороны трудящихся, усиление репрессий и расизма, короче говоря, в сторону некоей формы военно-фашистского господства»¹.

Подготовка войны, требующая укрепления «внутреннего фронта» и бешеной гонки вооружений, вызывает прежде всего наступление на демократические свободы с целью подавления классовой борьбы и движения негров за равные права. «Национальная стратегия, — отмечал военный обозреватель Х. Болдуин, — должна поддерживаться сильной внутренней базой. Наша внутренняя база раскалывается разногласиями и фракционностью, мы стали перед громадными и все еще не решенными воспитательными, расовыми, социальными и экономическими проблемами»².

В условиях сложившейся в наше время международной обстановки американский империализм не может открыто применить расизм для мобилизации масс на войну. «Расовая дискриминация, — признавал Д. Кеннеди, — затрудняет руководство США в мире, показывая, что то, к чему мы призываем за границей, не осуществляется дома»³. В официальном меморандуме президенту США от 26 июля 1963 г. тогдашний министр обороны Макнамара сообщал, что боеспособность вооруженных сил «несомненно снижается в результате гражданской расовой дискриминации против военнослужащих». Комментируя этот документ, Дж. Рэймонд отмечал, что «нельзя ожидать от негра, чтобы он воевал против коммунизма с патриотическим рвением, если он глубоко чувствует несправедливости против него в стране, которую он присягал защищать»⁴.

Хорошо известно, что американские империалисты не отказываются от идеологии и политики расизма. Компартия США оценивает его как «возможно наиболее мощное оружие, которым обладает правящий класс»⁵. Расизм — доктрина и практика опорочивания и угнетения одного народа другим — представляет собой главное

¹ New Programm of the Communist Party U. S. A., pp. II—9, III—1.

² «Ordnance», November — December, 1964.

³ «Известия», 2 марта 1963 г.

⁴ J. Raymond. Power at the Pentagon, p. 36.

⁵ New Programm of the Communist Party U. S. A., p. 9.

средство капиталистов для оправдания сверхэксплуатации и ограбления других народов. Как отмечается в проекте политической резолюции XIX съезда КП США, «Рокфеллер может делать общие заявления против расизма, но огромная рокфеллеровская империя продолжает его практиковать без ослаблений»¹.

Расизм, так же как мальтузианство и геополитика, в той или иной мере используется в пропаганде войны. Но в качестве основного метода идеологической мобилизации населения все шире поощряется и применяется антикоммунизм. Именно с его помощью подлинная цель монополий — установление мирового господства — прикрывается идеей «спасения» капитализма. Антикоммунизм призван дать «новую жизнь» обанкротившейся империалистической теории насилия, обеспечить моральное оправдание истребительной ядерной войны.

Исчерпывающие «наставления» в этом плане исходят от американских миллиардеров. В ноябре 1961 г. в интервью для печати Нельсон Рокфеллер поставил «спасение свободного мира» в непосредственную зависимость от «его ядерной мощи...». Рокфеллер высказал мнение, что «атомная бомба была дискредитирована и дискредитируется по моральным соображениям, хотя убить десять человеческих существ столь же аморально, как убить сто или сто тысяч...». Миллиардер выразил недовольство тем, что «правительство не разъясняло народу, что бомба не чудовище, к которому следует относиться с отвращением и ужасом, а скорее единственная надежда свободного мира на спасение от коммунистического господства...»². Полную солидарность с Рокфеллером выражают Морганы и другие крупнейшие финансовые тузы³.

Антикоммунизм является главным идейным источником «обоснования» агрессивности американского империализма. Злейшие враги прогресса, отвергая мирное сосуществование государств с различным общественным строем, бесстыдно фальсифицируют причины международной напряженности, лживо ссылаются на «угрозу коммунистической агрессии». Миф об этой несущ-

¹ New Programm of the Communist Party U. S. A., p. 46.

² «New York Herald Tribune», November 15, 1961. (Цит. по кн. В. Перло: «Милитаризм и промышленность», стр. 201).

³ См. там же, стр. 202, 208.

шествующей «угрозе» служит обязательным аргументом в защиту бешеной гонки вооружений. Правительство, монополии и военщина США прибегают к нему как к одному из важнейших средств милитаристской обработки народных масс, а также укрепления политического господства империализма. Этого обстоятельства не скрывают и буржуазные ученые. «Советские лидеры, — писал профессор Мичиганского университета А. Рапорт, — смогут продолжать руководить, даже если внешняя угроза будет отсутствовать... тогда как у нашего собственного военно-промышленного комплекса подобной надежды не останется»¹.

В борьбе против растущего классового самосознания трудящихся теоретики антикоммунизма особые усилия направляют на то, чтобы приукрасить капитализм, придать ему видимость «свободного», «демократического». Именно с этой целью была создана и пущена в ход пресловутая легенда о «народном капитализме» в США. Выдавая империалистическую войну за «освободительную», идеологи агрессии с неменьшим упорством стремятся присвоить капитализму, растлевающему народы, абсолютно чуждое его истинной природе социальное обличье «народности», представить его как «освободителя» народов.

Империализм бешено сопротивляется всем прогрессивным движениям. Его защитники стараются извратить характер современной эпохи, с помощью лжи и фальсификации убедить в исторической перспективе капитализма. С этой целью они идут на такие не свойственные в прошлом буржуазной идеологии приемы, как пропаганда «трансформации» капитализма, превращения США в государство «всеобщего благоденствия». Теория «трансформации» капитализма используется в качестве социально-политической подоплеки агрессивной военной идеологии. Авторы «Наступательной стратегии для Америки» сущность капитализма и социализма определяют следующим образом: «Мы должны подчеркнуть тот очевидный факт, что западный мир не есть «капиталистический»; не социалистическим является и коммунистический блок». Далее оказывается, что Запад уже не со-

¹ А. Рапорт. *Strategy and Conscience*. New York, 1964. p. 283.

стоит из капиталистических стран, а есть не что иное, как семья стран свободного предпринимательства, чьим главным интересом является обеспечение каждому приличного уровня жизни, в то время как Советский Союз будто бы представляет собой государственно-монополистическую страну, чьим главным интересом является снабжение государства ресурсами для проведения империалистической политики¹.

Вот что значит поставить современный мир с ног на голову!

Фашиствующие авторы этого неслыханного бреда и клеветы даже не пытаются подвести какую-либо научно-образную основу под свои заявления. Они, не задумываясь, «трансформируют» капитализм в социализм, на который и перекладывают все пороки, болезни, подлость и мерзость своего хваленного общества. Чтобы лучше подготовиться к вооруженной агрессии против стран социалистического содружества, идеологи американского империализма предлагают капиталистическому Западу прежде всего загримироваться под социалистические государства и таким образом постараться затушевать пороки и язвы отжившей свой век системы. Все это свидетельствует о беспредельной наглости и беспринципности американских псевдоученых, полном моральном банкротстве империализма, глубоком кризисе его идеологии. Стремясь прикрыть реакцию и агрессию священным знаменем прогресса и мира, обмануть бдительность народов, теоретики империализма хотят снабдить поджигателей новой мировой войны фальшивым идеологическим оружием, не гнушаясь при этом явно мошенническими приемами.

Программа КПСС указывает, что фашизм всегда и везде начинается с оголтелого антикоммунизма. Наличие фашистских тенденций в среде американской военщины наглядно подтверждает это положение. Большинство кадровых офицеров вооруженных сил США, по мнению американского социолога М. Яновица, являются «адвокатами доктрины абсолютизма и связаны с крайне правым крылом республиканской партии»². Союз военщины

¹ См. R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A. Forward Strategy..., pp. 267—268.

² M. Janowitz. Professional Solider..., p. 374.

с ультраправыми реакционерами быстро укреплялся после второй мировой войны.

В 1952 г. Роберт Маккормик, издатель газеты «Чикаго Трибюн», и бывший конгрессмен изоляционистского толка Гамильтон Фиш создали общество под названием «Ради Америки». Возглавили его бригадный генерал авиации Боннер Феллерс, генерал-лейтенант Джордж Стейтмейер, отставные генералы Джеймс Вэн Флит, Альберт Ведемейер и другие.

Эта милитаристская организация проповедовала ультраправые и расистские идеи, выступала за формирование крупнейших военно-воздушных сил, за выход США из ООН, против гражданского законодательства и рабочего движения. Генералы, объединившиеся «ради Америки», призывали к завоеванию мирового господства без каких-либо союзников, «своими средствами», т. е. с помощью воздушно-ядерной мощи, и поэтому были настроены против НАТО. Республиканскую и демократическую партии они обвинили в «зараженности международным социализмом»¹.

В тот же период сотни отставных офицеров влились в экстремистские группировки крайне правых, в которых собрались все черносотенцы американской реакции — от «старых изоляционистов», ратовавших в свое время за мир с гитлеровской Германией, до «профессиональных антикоммунистов» — платных провокаторов и шпииков, предателей и ренегатов.

Отставные офицеры, генералы и адмиралы, так называемые «старые солдаты», примкнувшие к ультраправым, активно участвуют в деятельности реакционнейших организаций и группировок. «Лига против клеветы» писала о них в 1961 г.: «Многие из крайне правых групп тесно связываются с военными деятелями или используют их. «Христианский антикоммунистический крестовый поход» использует отставного генерала Ведемейера на своих форумах. «Крестовый поход Вилли Харджеса» держит на службе отставного генерала Виллоуби в качестве «помощника по разведке». В число национальных советников «общества Джона Берча» входит множество отставных генералов и адмиралов»².

¹ T. Coffin. The Passion of the Hawks. Militarism in Modern America. New York, London, 1964, pp. 102, 104.

² Там же, стр. 105, 107.

Кадровые и отставные военные пропагандируют расистские и фашистские взгляды среди гражданского населения и в войсках. «Много офицеров, кадровых и отставных, — заявила «Нью-Йорк таймс» 18 июня 1961 г., — внушают своим подчиненным и гражданскому населению поблизости от их баз политические теории, схожие с теориями «общества Джона Берча». Они также подвергают критике и делают посмешищем официальную политику правительства США». В рождественском письме своим подчиненным адмирал Роберт Голдуэйт рекомендовал им посылать в «общество Берча» информацию, с тем чтобы «распознавать государственных служащих, проявляющих мягкость в отношении коммунизма; требовать более патриотической позиции... вступать в гражданские организации, посвятившие себя поддержке американских принципов и сопротивлению социализму — коммунизму... требовать, чтобы нация предприняла наступление в «холодной войне» с целью победы над коммунизмом».

Обобщая эти и подобные им факты, американский публицист Т. Коффин пришел к выводу, что «неизбежно такое военное общество должно было произвести Эдвина Уокера»¹. Фашиствующий генерал Э. Уокер приобрел широкую известность своей активностью на антикоммунистическом поприще. Весной 1961 г. появились сообщения о том, что он, будучи командиром 24-й американской дивизии в Германии, проповедует идеи «общества Джона Берча» среди подчиненных ему 750 офицеров, 12 000 солдат и 9000 членов их семей. И действительно, как потом выяснилось, генерал, недовольный официальными программами политической информации войск, разработал собственную, в которой огромное место отвел яростному антикоммунизму. Вот ее пункты:

1. Методы коммунизма и как против них бороться.
2. Ценность американского наследия и как его сохранить.
3. Наши обязанности в отношении НАТО.

Антикоммунистическая программа Уокера встретила полное одобрение Пентагона. Начальник управления информации министерства обороны генерал-майор

¹ T. Coffin. The Passion of the Hawks, pp. 107—108.

У. Куинн, ознакомившись с ней, уведомил Уокера, что «следит за прогрессом его программы с интересом и удовольствием». Получив такой отзыв начальства, Уокер открыто выступил против «проникновения коммунизма во все американские институты», начал распространять фашистскую книгу Уэлча «Жизнь Джона Берча», журнал «Америкэн Опинион», издаваемый берчистами¹, и другие реакционные издания.

После сенатского расследования Уокер был снят с поста, а затем подал в отставку. Однако, как отмечал Дж. Рэймонд, «дело Уокера» не вызвало всеобщего протеста против милитаристской пропаганды в вооруженных силах, и Пентагон не собирался от нее отказываться. Военнослужащих с помощью специальных фильмов продолжали знакомить с программами Р. Уэлча, Б. Голдуотера и других «бешеных». В одном из фильмов с антикоммунистической пропагандой выступали Р. Страуш-Хюпе, Г. Лодж и другие².

В «обществе Джона Берча» с восторгом были встречены многие генералы, адмиралы и офицеры вооруженных сил США. Вместе с крупными промышленниками и торговцами, с членами реакционнейшей «национальной ассоциации промышленников» в этом фашистском сборище на руководящих позициях оказались представители военщины. При формировании «общества Джона Берча» в Индианополисе в декабре 1958 г. полковник Л. Банкер, бывший адъютант генерала Макартира, «торжественно заявил, что верхние эшелоны всех видов вооруженных сил давно уже готовы объединить силы с гражданскими, чтобы образовать сильный фронт смелых борцов против заговоров коммунистов и либералов в США». Банкер информировал своих коллег, что «общество Джона Берча» может вступать в контакты с «Комитетом национальной стратегии» американского совета безопасности, созданным группой офицеров федерального бюро расследований и Пентагона. В числе членов комитета находились контр-адмирал Ч. Уорд, адмирал А. Рэдфорд, генерал-лейтенант Э. Олмонд, адмиралы Б. Моррилл и Ф. Стэмп, доктор социологии С. Поссопи, генерал А. Ведемейер, полков-

¹ См. J. Raymond. Power at the Pentagon. New York, Evanston, London, 1964, pp. 119, 112.

² См. там же, стр. 127, 134.

ник У. Кинтер, профессор Р. Страуш-Хюпе. «Комитет национальной стратегии» пользуется поддержкой крупнейших компаний, таких, как «Юнайтед Стэйтс Стил», «Дженерал Моторс», «Армко Стил», «Дженерал Электрик» и корпорации Стюарт-Уорнер. Полковник Банкер и генерал в отставке Ч. Стоун вошли в национальный совет «общества Джона Берча». Многие адмиралы и генералы начали активно сотрудничать в берчистском журнале «Америкэн Опинион»¹.

Деятельность берчистов привлекла внимание некоторых сенаторов. В июле 1961 г. сенатор С. Янг признал, что ультраправые в действительности стремятся «подорвать наши основные установления», чтобы легче «захватить власть и превратить Америку в фашистское государство»². Вскоре был опубликован меморандум сенатора Дж. Фулбрайта, в котором давались скандальные разоблачения связей военщины с ультраправыми группировками³.

В первых рядах воинствующих антикоммунистов находятся представители военно-воздушных сил. Милитаристская ассоциация военно-воздушных сил сформулировала «национальную цель» США совершенно недвусмысленно: «полное искоренение советской системы...»⁴. И хотя эта организация не является официальной, ее точка зрения на «национальную цель» США вполне соответствует взглядам Пентагона. Выступая в подкомиссии по ассигнованиям палаты представителей, бывший в то время министром обороны Р. Макнамара заявил: «Основной целью, конечно, является защита нашей национальной безопасности и наших жизненных интересов. Я думаю... это означает не допустить продвижение коммунистов к контролю над районами, которые они сейчас не контролируют». Затем, после паузы, добавил: «Я полагаю, что целью дальнего прицела является, конечно, распространение свободы на весь мир»⁵.

¹ См. Birch Putsch Plans for 1964, by John Smith as told to Stanhope McReady. Domino Publications, 1963, pp. 41, 68.

² Congressional Record. July 14, 1961, p. 12552.

³ См. Congressional Record. August 2, 1961, pp. 13436, 13443.

⁴ T. Coffin. The Passion of the Hawks, p. 13.

⁵ U. S. House Representatives Committee on Appropriations, Subcommittee, Department of Defense Appropriations for 1964. Hearings, 88 th Congress, 1st Session, part 1, 1963, pp. 330, 331.

Крайне агрессивные и откровенно фашистские позиции занял бывший командующий стратегической авиацией США генерал Томас Пауэр. В книге «План выживания» он высказал мысли, полностью совпадающие с идеями антикоммунизма и фашизма. Фашистский лозунг «лучше быть мертвым, чем красным»¹ — символ веры Пауэра. Превентивная (или «упреждающая») ядерная война, по его мнению, — «наименьшее зло». Для подготовки к ядерной войне за «национальное спасение» требуется воспринять «определенные ограничения правил», а также методы осуществления этих ограничений, хотя они и могут оказаться «противоположными принципам демократии, особенно в мирное время». Излагая фашистские идеи господства осторожно, намеками, Пауэр не скрывал, что их применение поведет к «дальнейшему неудержимому вырождению демократической системы», которую нельзя будет уже восстановить. Но такова «цена выживания», и американский народ должен согласиться с нею и допустить фашистскую диктатуру в своей стране. Следующим этапом борьбы за «выживание», по Пауэру, является всеобщая ядерная война, представляющая «наиболее угрожающий риск». «Если американский народ не пожелает воспринять этот риск», то США «не смогут выжить»².

Таким образом, Пауэр также проповедует теорию «ядерного сдерживания». Он считает такую агрессивную политику «единственным приемлемым решением проблемы национального спасения». Но «сдерживание», по его заявлению, «не является само по себе целью», поскольку оно «не может победить коммунистическую идеологию», что должно быть американской «конечной целью, если мы собираемся выжить как суверенная нация»³.

Раскрывая истинный характер идей, выдвигаемых в книге «План выживания», Герберт Аптекер писал в «Политикл Афферс»: «Генерал Пауэр одержим наиболее грубыми, фашистского толка взглядами на марк-

¹ General T. Power, USAF (Ret.) with A. Arnhem. Design for Survival. New York, 1965, p. 69.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 183, 184.

сизм и коммунизм; он утверждает, что все разговоры о разоружении — это вредная чепуха, что любая точка зрения, за исключением вооружения до зубов и неизбежности войны, является абсурдной, если не предательской»¹.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что антикоммунизм и фашистские тенденции в идеологии военщины, располагающей ядерным оружием, превращают американский милитаризм в самую опасную реакционную и агрессивную силу, когда-либо существовавшую в истории человечества.

Ядовитое острие антикоммунизма направляется империалистами не только против коммунизма и коммунистов. Его используют для борьбы против всех прогрессивных сил, против всех без исключения противников войны, к каким бы общественным классам они ни принадлежали. Не случайно поэтому в среде буржуазной интеллигенции, сознающей опасность этой политики для дела мира, нарастает протест против антикоммунистической истерии в США. В печати выступили некоторые прогрессивные ученые и журналисты. Профессор международного права, бывший военно-морской атташе США в Парагвае и Испании Дж. Моррей опубликовал книгу «Гордость государства», где защищает американских коммунистов. В 1961 г. вышла новая книга Моррея — «От Ялты до разоружения: дискуссия холодной войны». В ней разоблачается политика холодной войны, инициатором которой были Трумэн и Черчилль, дается острая критика антикоммунизма. Моррей документально доказал, что идеология и политика антикоммунизма имеют своей целью войну, что они направлены не только против демократии, но и против мира между народами. Отмечая, что в США распространено мнение, будто призывы коммунистов к миру являются фальшивыми, Моррей писал: «Необходимо напомнить, что пылкий антикоммунизм, сделав Гитлера уверенным в его деле как самонадеянного защитника цивилизации, помог развязать вторую мировую войну. Вследствие этого горького урока миллионы озабоченных людей подозрительно относятся к такого рода мнениям, высказываемым либо на немецком, либо на английском язы-

¹ «Political Affairs», December, 1965.

ке. Государство, которое с презрением отвергает существование и встраивает в здание своей идеологии антикоммунистический пыл, теряет доверие как гарант мира и делает себя уязвимым к обвинению в поджигательстве войны». «Гитлер доказал, — сообщал он далее, — что государство, которое отказывается принять советские предложения разоружиться, секретно намеревается совершить нападение, когда время покажется подходящим. Начало агрессивного курса Гитлера лежало в явном намерении вооружить его государство, несмотря на советские предложения о полном и всеобщем разоружении. Он также доказал, что такой курс приносит большие бедствия агрессору, чем жертве»¹.

Многие трезвомыслящие люди в США хорошо понимают, что тезис о военной «угрозе» со стороны социалистических стран и вытекающие из него призывы к «спасению цивилизации» и «национальному спасению Америки» представляют собой совершенно ложную, абсолютно фальшивую идейную основу для самоубийственной войны против государств социалистической системы. Компартия США ведет неустанную героическую борьбу против антикоммунизма, против милитаризации страны и военной идеологии.

Барабанный бой империалистической пропаганды не в силах заглушить смелых голосов борцов за мир и прогресс. Но нельзя не учитывать и реального соотношения сил в США. Следует иметь в виду, что идеология оголтелого антикоммунизма пользуется еще известным успехом. Об этом говорят хотя бы итоги президентских выборов 1964 г., когда крайне правые элементы сумели заполучить 29 миллионов голосов для своего кандидата Б. Голдуотера. В Соединенных Штатах Америки пока сравнительно мало людей, сознающих, что коммунизм — это не результат деятельности группы «заговорщиков», а величайшее народное движение современности, что путь к социализму и коммунизму — объективная закономерность развития всего человечества и что социализм никогда «не угрожал» и «не угрожает» цивилизации, ибо является самым справедливым общественным строем в истории.

¹ «Political Affairs», October, 1961.

Идеологи американского империализма клеветают на страны социализма, обвиняя их в «империалистической политике». Эта ложь опровергается всем содержанием научного коммунизма, историей социалистических государств, борьбой Советского Союза и других стран социализма за прочный мир между народами. Каждая страница истории социализма, каждый день пребывания рабочего класса у власти неопровержимо свидетельствуют о том, что идеалы социализма и мира нераздельны. И только те, кто маскируется под коммунистов, кто надеется достичь своих великодержавных националистических целей, пытается опорочить этот священный для подлинных марксистов-ленинцев принцип и тем самым способствовать империалистам в очернении и дискредитации идеалов социализма.

Завоевание политической власти рабочим классом в нашей стране явилось переломным моментом в истории движения трудящихся за мир, положило начало реальным возможностям устранения войн из жизни человечества. В результате социалистической революции в России на международной арене впервые возникло государство, которое, как отмечает Программа КПСС, «выдвинуло великий лозунг мира и стало осуществлять новые принципы в отношениях между народами и странами. Человечество обрело надежный оплот в своей борьбе против захватнических войн, за мир и безопасность народов»¹.

Социализм в нашей стране навсегда покончил с господством частной собственности на средства производства — источником раскола общества на враждующие классы и в конечном счете самой глубокой причиной войн между народами.

Свою всемирно-историческую освободительную миссию рабочий класс не связывает с войной. Главным содержанием его деятельности после взятия государственной власти является организация и быстрое совершенствование планируемой общественной экономики, глубоко мирной в своей основе, в неразрывном сочетании с вытекающей из нее миролюбивой внешней политикой.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 12.

Выполнение миссии рабочего класса, его историческое призвание неизбежно предполагают неуклонное развитие наиболее важных социально-экономических предпосылок прочного и в конечном счете вечного мира между народами. Они заключены в социалистическом общественном строе, в ликвидации классов, классового и национального гнета.

В социалистическом обществе не существует ни экономических, ни идеологических мотивов для агрессивных войн. Миротворительная политика социалистических государств имеет глубокие социально-экономические основы, заложенные в закономерном процессе исторического развития человечества от классового антагонистического строя к обществу без классов и социальных конфликтов. Социалистические страны противостоят реакционным устремлениям империализма. Они вынуждены поэтому уделять неослабевающее внимание укреплению своей обороноспособности.

Историческим призванием рабочего класса является освобождение народов от империалистического господства, от всякого угнетения человека человеком, что неизбежно должно привести к установлению вечного мира на земле. «...Наша цель, — учил В. И. Ленин, — достижение социалистического общественного устройства, которое, устранив деление человечества на классы, устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устраним всякую возможность войн вообще»¹. Решение этой задачи не имеет ничего общего с навязыванием социализма другим государствам военными средствами. С победой социалистической революции в нашей стране принципы мира и дружбы между народами впервые в истории становятся государственной идеологией и воплощаются во внешней политике Советского государства. И этот факт не может быть опровергнут никакой фальсификацией и клеветой на ленинскую миротворительную политику, никакими лживыми измышлениями об «агрессивности» Советского Союза. С первых дней существования Страны Советов вся реакционная печать, историография и прочая буржуазная так называемая «наука» о развитии общества распространяет небылицы и мифы о «крас-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 78.

ном империализме». Но ничем нельзя поколебать той бесспорной истины, что за всю свою историю Советский Союз, верный ленинским принципам мирного существования, не вел ни одной агрессивной войны.

Выдвигая и развивая идеи мирного сосуществования, непрерывного мирного социалистического строительства, Коммунистическая партия никогда не умаляла значения идеологической борьбы против империалистов, всегда призывала советский народ к высокой революционной и политической бдительности, заботилась об укреплении обороноспособности страны и Вооруженных Сил, их готовности к отпору агрессорам. Однако не было случая в жизни нашей партии, когда бы она делала ставку на военную силу как средство распространения социализма на весь мир. Главной и решающей областью соревнования с капитализмом после победы над белогвардейцами и интервентами В. И. Ленин считал экономику, хозяйственное развитие нашей страны.

Не сила оружия, а великая сила примера только и могла на практике раскрыть перед всем миром значение и сущность великой исторической миссии рабочего класса — освободителя человечества от всех форм социального и национального неравенства и угнетения.

Американская военщина, использующая антикоммунизм в качестве знамени военного похода против социалистических стран, не имеет реальных перспектив на успех. Однако в ее руках находятся новейшие боевые средства, могущие нанести колоссальный ущерб социалистическим странам в случае новой мировой войны. Поэтому нельзя недооценивать как материальные, так и моральные возможности нашего вероятного противника. Большой ошибкой была бы и недооценка способности империалистов идеологически влиять на массы трудящихся своих стран, вовлекать их в военные авантюры под черным знаменем антикоммунизма.

В распоряжении монополистической буржуазии немало идеологических средств, позволяющих ей превращать значительные массы людей в послушных исполнителей своих замыслов. Для моральной подготовки агрессии американские правящие круги, монополисты, лидеры военщины мобилизуют и широко применяют средства, методы и формы идейного, морального и пси-

хологического воздействия на сознание людей. Они пользуются и «богатым» наследием немецко-фашистской пропагандистской машины во второй мировой войне, с помощью которой гитлеровцам удалось путем духовного и физического насилия привлечь народные массы на свою сторону, толкнуть их на преступную войну против Советского Союза.

Вместе с тем нет необходимости и переоценивать моральные возможности современного агрессивного милитаризма. Его лидеры по собственному опыту знают, что в процессе развития и углубления общего кризиса капитализма внесение агрессивных военных идей в сознание народных масс становится все более сложным делом.

Объясняется это тем, что «прочный мир сегодня не утопия, это вполне достижимая цель. Ныне в мире существуют могучие общественные и политические силы, которые выступают против войны, за разрядку и широкое международное сотрудничество. Последовательная миролюбивая политика первой страны социализма — Советского Союза и других социалистических государств, усиление борьбы трудящихся в странах капитала, рост национально-освободительного движения, выступления широких кругов мировой демократической общественности, сторонников мира устраняют фатальную неизбежность новой мировой войны и создают реальную возможность для претворения в жизнь стремлений народов к миру»¹.

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 56—57.

Глава шестая

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ США

В конце 50-х — начале 60-х годов военная доктрина США заметно изменяется. Коренные экономические и социально-политические сдвиги, происходящие во всем мире, обусловившие наступление нового этапа общего кризиса капитализма, в сочетании с революцией в военном деле вызвали глубокий кризис так называемой «большой стратегии» американского империализма, рассчитанной на установление мирового господства. Революционные события современной эпохи выдвинули на международную арену могущественные прогрессивные силы, успешно противостоящие экспансионистскому, реакционному курсу монополистической буржуазии.

Стратегия «массированного удара», с помощью которой империалисты предполагали «сдержать» и «отбросить коммунизм», т. е. приостановить прогрессивные социальные изменения в мире, а затем, опираясь на мнимое превосходство в ядерном оружии и бомбардировочной авиации, заставить Советский Союз и другие социалистические страны капитулировать, либо путем внезапного ядерного удара по содружеству стран социализма выиграть войну против них, — эти авантюристические планы не принесли ожидаемых результатов. Колониальная система империализма продолжала разрушаться. От капитализма отпала еще одна страна — революционная Куба. Империализм оказался бессильным задержать победную поступь революционных сил.

Мировая система социализма все более превращалась в решающий фактор общественного развития. Особенно тяжелый, сокрушительный удар стратегия «массированного удара» получила в результате научно-тех-

нического прогресса в Советском Союзе. В этих условиях разработка военной доктрины США представляла исключительно сложную, а по ряду вопросов практически неразрешимую задачу.

1. ПРОБЛЕМА ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Военная доктрина государства должна отвечать требованиям современной войны, политическим целям и социальной природе господствующего в нем класса, соответствовать уровню экономического и научно-технического развития страны. Вместе с тем она обязана учитывать характер современной эпохи, соотношение действующих на международной арене классовых и национальных сил. Существуют определенные предпосылки и факторы, обуславливающие действенность военной доктрины любого государства. К ним относятся:

— соответствие военных целей государства его материальным и духовным ресурсам, его военным возможностям;

— соответствие способов решения военных задач требованию наиболее полного воплощения экономического, военного и морального потенциалов в морально-боевой мощи вооруженных сил. Иными словами, способы и формы ведения боевых действий должны обеспечивать максимально эффективное использование всех факторов достижения победы в современной войне, всей массы наступательных и оборонительных средств, которыми может располагать государство при полной мобилизации его наличных ресурсов для ведения войны;

— строгое согласование способов решения военных задач с принципами военной науки и военного искусства. Это требует тщательного учета объективных законов войны между государствами с различным общественным строем, преследующими в войне решительные цели, и законов ведения военных действий;

— обеспечение наиболее целесообразного, оптимального распределения всех, особенно людских, ресурсов государства для полного удовлетворения потребностей фронта и тыла;

— учет экономических, военных, моральных возможностей, политического, стратегического и географического положения вероятного противника и союзных ему государств;

— овладение всеми методами, формами и средствами ведения военных действий, которыми располагает противник;

— единство взглядов политического и военного руководства по всем проблемам подготовки и ведения войны и боевых действий. Это, естественно, связано с общностью интересов и целей, с единством и сплоченностью всех участников военной коалиции, а в пределах одного государства — народа, всех классов общества. Отсюда вытекает важнейшее требование полного соответствия целей войны жизненным интересам всех классов и народов, населяющих страны военной коалиции.

Помимо этих общих предпосылок действенности военной доктрины империалистические государства, в том числе и США, стоят перед необходимостью учитывать в стратегическом планировании и выборе способов решения военных задач неизбежное в случае агрессивной войны обострение классовой борьбы, всенародного антивоенного протеста, быстрое вызревание революционной ситуации.

Наряду с проблемой «внутренней безопасности», особенно актуальными в связи с развитием межконтинентальных ракетно-ядерных средств стали вопросы безопасности стратегического тыла. Их решение в ходе боевых действий, как оборонительных, так и наступательных, превратилось в одну из первоочередных и наиболее сложных военных задач.

Военная доктрина представляет собой воплощение научно обоснованных методов ведения войны и военных действий, указывает необходимые предпосылки для превращения объективных возможностей достижения победы в действительность. И если таких возможностей нет, то не может быть и речи о создании эффективной доктрины.

Победа в современной войне обуславливается материальными и духовными ресурсами, уровнем технического и культурного развития, экономической и военной мощью государства, соотношением сил между противниками. Эти возможности находятся в прямой зави-

симости от целей войны, которые в свою очередь определяются социальной природой господствующего в стране класса.

С наступлением третьего этапа общего кризиса капитализма в политической и военной мысли США все более отчетливо обнаруживается понимание несостоятельности официальной американской военной доктрины. Империализм США впервые в истории оказался в обстановке, когда начало новой мировой войны влечет за собой перспективу разгрома его военной машины, колоссальные человеческие жертвы и разрушения на его территории.

Во второй половине 50-х годов американские военные теоретики предпринимали лихорадочные усилия для разработки новых способов решения военных задач, настойчиво искали научно обоснованные доказательства возможности достижения победы в мировой войне. Под влиянием изменяющегося в пользу социалистических стран соотношения сил в американской военной мысли наблюдается более трезвый подход к определению и учету факторов, решающих исход войны. В 1958 г. начальник научно-исследовательского управления армии США генерал-лейтенант Гэйвин в статье «Космическая стратегия» писал: «В настоящее время решающее влияние на национальную стратегию оказывают такие факторы, как внутренняя обстановка в стране, природные богатства, развитие техники и быстрота, с которой мы можем создавать новые системы вооружения. Экономические, психологические и технические факторы теперь оказывают большее влияние на исход военных действий между государствами, чем применяемая физическая сила»¹.

До создания в Советском Союзе атомного, а затем ракетно-ядерного оружия техническое превосходство являлось важнейшим принципом в стратегическом планировании США. Но, утратив свои преимущества в области военной техники, американские милитаристы вынуждены были искать новые факторы, которые, по их мнению, также относятся к числу решающих исход войны. Наиболее полно в этом отношении высказались авторы доклада, опубликованного комиссией по иностранным делам сената США в 1959 г. В нем настоятельно реко-

¹ J. M. Gavin. Space Strategy. «Life», September 15, 1958.

Мендовало́сь учи́тывать «нетехни́ческие эле́менты́ си́лы, кото́рыми распо́лагают Со́ветский Сою́з и За́пад». При э́том отме́чалось, что «возросшие ради́ус дейст́вия и ско́рость стра́тегического ору́жия умень́шили два быв́ших аме́риканских преиму́щества: континента́льную безо́пасность США́ проти́в напа́дения и ва́жное во вре́мя вой́ны значе́ние их промышле́нного поте́нциала». Ав́торы докла́да предла́гали «помимо́ техни́ческих факто́ров, влия́ющих на стра́тегическую́ си́лу, иссле́довать также́ и нетехни́ческие факто́ры, обы́чно счита́ющиеся эле́ментами́ госуда́рственной мо́щи...». К ним они́ отно́сили те, кото́рые явля́ются «резу́льтатом исключа́тельных усло́вий, поро́ждаемых́ особенностью́ госуда́рственной систе́мы», геогра́фические факто́ры, в то́м числе́ пространст́венный — нали́чие террито́рии для ма́невриро́вания и рассу́доточе́ния во́енных объ́ектов, промышле́нности и насе́ления, есте́ственные ресу́рсы, коли́чество насе́ления, во́енные лю́дские ре́зервы и промышле́нные возмо́жности.

В докла́де подче́ркивало́сь, что те́перь «го́раздо бо́лее ва́жными ста́ли социа́льные, полити́ческие и эконо́мические до́стижения́», необходи́мые для э́ффективной мобили́зации как лю́дских ре́зервов на во́енные це́ли, так и рабо́чей си́лы на прои́зводство. В каче́стве «неприя́тного факто́ра» отме́чались «значи́тельно бо́лее высо́кие темпы́ роста́» ря́да отрасле́й тяжёло́й промышле́нности Со́ветского Сою́за. Ав́торы сове́товали́ также́ учи́тывать значе́ние техни́ческого масте́рства и факто́р време́ни в обла́сти нау́чных иссле́дований и прои́зводст́венных проце́ссах, ва́жность ро́ли мора́льно-психологи́ческого со́стояния́ наро́да. «Мора́льный ду́х на́ции, — говори́лось в докла́де, — мо́жет явля́ться ва́жнейшим факто́ром для её во́енной мо́щи. Про́явленный́ стра́ной ду́х коллективизма́ и гото́вность подве́ргнуться ли́шениям мо́гут явля́ться за́логом побе́ды»¹.

Та́ким обра́зом, аме́риканская полити́ческая и во́енная мы́сль распо́лагала́ значи́тельным ма́териалом для ана́лиза и уче́та факто́ров, опреде́ляющих исхо́д вой́ны. Но е́сли для вы́работки во́енной докт́рины необходи́мо

¹ Washington Center of Foreign Research, John Hopkins University. Developments in Military Technology and their Impact on United States Strategy and Foreign Policy. Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 86th Congress 1st Session, December 6, 1959.

только знать и учитывать их, то для победы в войне надо обязательно располагать превосходством над противником в этих факторах. Данное обстоятельство представляет собой объективно закономерное условие достижения победы и зависит, как известно, не от уровня развития военной мысли, а от характера общественного строя государства, от его материальных и духовных ресурсов.

Реакционная идеология и политика монополистической буржуазии, составляющие идейно-политическую основу американской военной доктрины, оказывают огромное влияние на характер строительства вооруженных сил и выработку способов решения военных задач. Отмечая этот факт, один из видных исследователей милитаризма, принявший американское подданство, немецкий военный писатель Альфред Вэгтс писал: «Представляется весьма сомнительной возможность и желательность военной мысли, освобожденной от всего навязываемого ей идеологией бремени и придерживающейся только так называемых велений техники»¹.

Монополии стремятся использовать все возможности для извлечения колоссальных прибылей из производства вооружений. Корпорациям, контролирующим различные отрасли промышленности и виды стратегического сырья, заинтересованным в сбыте определенных видов вооружения, выгодны связанное с их производством военное строительство, а следовательно, и соответствующим образом сформулированная военная доктрина.

Выбором способов решения военных задач определяется известное предпочтение тем или иным видам вооруженных сил и родам войск. Поэтому монополии активно вмешиваются в процесс выработки военной доктрины, что в значительной степени объясняет постоянную междуведомственную борьбу между командованиями видов вооруженных сил, весьма затрудняющую формирование единых взглядов на способы ведения боевых действий. Очень близкую к действительности характеристику этой борьбы дал английский вице-маршал авиации Кингстон-Макклори: «Распространенные в трех видах вооруженных сил мнения и взгляды весьма разно-

¹ «Yale Review». Summer, 1947, pp. 760—761.

образны: от согласия или почти согласия, через различные оттенки и точки зрения до острейших разногласий». Эти взгляды «слишком часто определяются интересами вкладчиков капитала». Американцы, по его мнению, более склонны, чем англичане, «позволять влиятельным кликам, делающим политику, и их приверженцам в вооруженных силах брать верх над интересами дела»¹.

Было бы, конечно, ошибочным считать, что в выработке американской военной доктрины соображения военно-технической целесообразности способов решения военных задач играют второстепенную роль. Правительство США и военное ведомство уделяют огромное внимание развитию и совершенствованию военно-теоретической мысли и военной доктрины. Они стремятся учесть и использовать все новое, что дают современная военная наука и военная техника, чтобы основательно подготовиться к максимально эффективному применению милитаристской военной машины.

Вместе с тем всегда существуют объективные и субъективные обстоятельства, связанные с характером общественно-политического строя государства и с последствиями военно-технического развития. Влияние их на военную доктрину весьма значительно и не может быть полностью нейтрализовано.

Уже отмечалось, что еще до ликвидации монополии США на атомное оружие и до того, как Советский Союз достиг больших успехов в совершенствовании ракетно-ядерного оружия, в США было опубликовано большое количество документов, книг и статей, предостерегающих об опасностях ядерной войны и тяжести ее социальных и военно-технических последствий. Известный американский ученый-атомник Р. Лэпп в книге «Новая сила», изданной в 1953 г.², высказывал надежду, что «Соединенные Штаты... в конце концов поймут, что водородная бомба в действительности ослабляет их позиции по отношению к СССР». В связи с этим он предлагал обеспечить сохранность следующих «трех жизненно важных элементов народного хозяйства»: 1) государственных учреждений — путем децентрализации; 2) про-

¹ E. Kingston-Maccloughry. Global Strategy. London, 1957, pp. 254—255.

² Ralph Lapp. The New Force. The Story of Atoms and People. New York, 1953.

мышленной базы, состоящей из тысяч предприятий, — путем их рассредоточения; 3) населения — путем эвакуации городов¹.

Влияние ядерного оружия на ведение войны предполагалось настолько значительным, что был серьезно поставлен вопрос о существенных изменениях в экономике и политике США. Подготовка к ядерной войне предъявляет повышенные требования ко всем областям общественной жизни. Такая война в условиях буржуазного строя подрывает наиболее глубокие экономические и социально-политические устои господства крупного капитала, важнейшими из которых являются концентрация производства и централизация политической власти. Рассредоточение промышленных предприятий, как действующих, так и вновь строящихся, крайне нерентабельно, и промышленные корпорации сознательно этому препятствуют. Как отмечал Лэпп, в США «концентрация промышленных предприятий, как это ни странно, фактически увеличилась после войны, и сейчас их уязвимость стала на 20 процентов больше, чем в конце войны»². «Странного» здесь ничего нет, поскольку прибыльный вклад капиталов (и соответствующее ему размещение промышленности) составляет основу капиталистического способа производства.

Ничего «странного» нет и в том, что некоторые основные требования ведения современной войны оказываются в противоречии с капиталистическим способом производства. Это положение иллюстрируется фактами, связанными с проблемой рассредоточения сил и ресурсов в современной войне. В ранний период военно-технического развития, когда огневая мощь была сравнительно невелика, задача рассредоточения затрагивала только вооруженные силы, собственно боевые порядки войск (так, например, в связи с совершенствованием огнестрельного оружия на смену колонному построению пришел рассыпной строй). С появлением ядерных средств поражения проблема рассредоточения выходит за пределы военного искусства и охватывает жизнь государства в целом. Естественно поэтому, что возможности ее решения

¹ См. Р. Лэпп. Новая сила. Об атомах и людях. Перев. с англ. Изд-во иностр. лит., 1954, стр. 111—112.

² Там же, стр. 112.

оказываются в полной зависимости от характера общественного строя. Для экономики капиталистических стран характерна беспорядочная концентрация промышленности, ведущая к огромным скоплениям населения, фабрик и заводов в городах и промышленных районах. Рассредоточение этой промышленности в соответствии с требованиями ядерной войны практически невозможно. Огромные затраты на проведение такого мероприятия подорвали бы экономику и финансы страны. Мешает этому и частная собственность на средства производства.

В еще меньшей степени империализм приспособлен к значительной децентрализации политической власти. Подобного рода децентрализация противоречит социальной природе монополистического капитала, стремящегося в политике, как и в экономике, к полной монополии, к концентрации экономической, политической и военной силы в своих руках.

С первых дней ведения ядерной войны могут оказаться жизненно необходимыми максимальная автономность местных политических и административных органов и их опора на инициативу и самодеятельность населения, так как контроль их деятельности со стороны центральной государственной власти будет усложнен и ослаблен. Так или иначе ядерная война лишила бы монополистическую буржуазию возможности управлять страной по-старому.

Если для социалистического государства инициатива и самодеятельность трудящихся являются одним из важнейших источников его могущества, жизнеспособности и непобедимости в войне, для стран империализма первое условие существования состоит в подавлении народной инициативы, в подчинении трудящихся масс воле буржуазии. «Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устой капитализма, устой наемного рабства, устой экономического господства богатых, — писал В. И. Ленин, — *боится* развить самодеятельность рабочих и вообще трудящихся...»¹. Широкая децентрализация политического руководства опасна для империализма. Она неизбежно ведет к подрыву свойственных ему отношений господства и подчинения,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 180.

которые сохраняются с помощью сильной централизованной власти. Главным орудием этой власти служит военщина.

Таким образом, ядерная война, обуславливая неизбежность широкой народной инициативы в области политического и административного руководства, бьет по самым глубоким основам господства финансовой олигархии.

Не менее значительно воздействие ракетно-ядерного оружия на военную организацию и военное искусство. В последние годы американская военная мысль особенно подчеркивает необходимость рассматривать рассредоточение сил как один из важнейших принципов стратегии и тактики. В частности, Г. Киссингер, разрабатывая теорию «ограниченных» войн с применением ядерного оружия, предлагал вести их с помощью высококомобильных боевых единиц. Эти единицы должны «быть способными заставить противника либо сосредоточить свои силы, превратив их таким образом в объект для атомного удара, либо **рассредоточить их настолько, чтобы они не могли обеспечить ему установление политического господства**»¹ (подчеркнуто мною. — В. К.).

Киссингер вполне закономерно ставил рассредоточение сил в непосредственную связь с обеспечением политического господства. Однако он необоснованно и, очевидно, умышленно считает противника (имея в виду социалистические государства) в определенных условиях, в частности при значительном рассредоточении его вооруженных сил, неспособным установить политическую власть на занятых территориях. Такая постановка вопроса в корне противоречит фактическому положению вещей.

В действительности в ходе войны проблема установления политического господства возникает лишь перед империалистическими государствами. Социалистические же страны никогда не ставили и не ставят задачу навязать свое политическое влияние другому народу, им не свойственны захватнические цели. На завершающем этапе второй мировой войны Вооруженные Силы Советского Союза на территории стран, откуда осуществ-

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 413.

лялась агрессия против СССР, уничтожали немецко-фашистские войска. Тем самым создавалась благоприятная обстановка для проявления политической инициативы народов этих стран, освобожденных от фашистских захватчиков.

Империалистические государства, стремясь подчинить и превратить в колонии другие страны, главную задачу видят в установлении в них своего политического господства. Данное обстоятельство является одной из причин рассредоточения и распыления сил агрессивной военщины в империалистической войне. Избежать этого не позволяет даже самая совершенная боевая техника. Полезно здесь напомнить одно из положений Клаузевица. При рассмотрении вопроса «о центре тяжести сил неприятеля во всем плане войны» он отмечал, что разделение вооруженных сил в ходе войны обуславливается двумя противоположными друг другу стремлениями: «одно — обладание страной — ведет... к разделению наших сил; другое — удар против центра тяжести неприятельских сил — снова собирает их до известной степени воедино»¹.

Во всякой захватнической войне агрессор неминуемо сталкивается с этим противоречием, что вынуждает его постоянно дробить свои силы. Хорошо известно, например, как много сил и средств пришлось тратить гитлеровским захватчикам для подавления сопротивления на оккупированных ими территориях. Да и жесточайшая война американских империалистов против свободолюбивого народа Вьетнама полностью подтверждает это положение.

В войнах между капиталистическими государствами подобное противоречие, выражающееся в необходимости распыления сил, присуще обеим воюющим сторонам, поскольку они преследуют агрессивные цели. В войнах же против социалистических стран империалисты вынуждены прибегать к дроблению своих вооруженных сил в гораздо большей степени, чем против своих империалистических соперников. Исторический опыт свидетельствует, что наибольшее сопротивление иноземным захватчикам оказывают народы стран социализма, объединенные под знаменем коммунистических партий. В попытках

¹ К. Клаузевиц. О войне. М., Воениздат, 1934, стр. 438—439.

поработить их империалисты сталкиваются с несгибаемой волей свободных народов, сопротивление которых агрессии неодолимо.

С появлением ядерного оружия противоречие между необходимостью держать силы сосредоточенными для борьбы против главных сил противника и стремлением установить политическое господство империализма в чужих странах резко углубляется. Имеющиеся в распоряжении Вооруженных Сил Советского Союза ядерные средства поражения дают возможность нанести сокрушительный удар по любому «центру тяжести» агрессивных империалистических сил, включая главные центры политического господства империализма.

Представляют интерес взгляды некоторых военных идеологов Запада на проблему децентрализации в войне. Французский генерал П. Галлуа отмечал: «Разрушения, производимые ядерным оружием, а также его радиологическое и психологическое воздействие могут оказаться такими, что придется перейти к партизанским методам в самом начале войны. Только максимальная децентрализация позволит успешно обороняться даже в течение короткого периода времени»¹. Но партизанские методы войны не свойственны милитаризму. Это народный способ борьбы с иноземными захватчиками. К тому же в обстановке ядерной войны неминуемо развернулись бы народные, в том числе и партизанские, действия против империалистических правительств.

Неизбежность «максимальной децентрализации» вооруженных сил диктуется наличием ядерного оружия. Но для военной машины империализма рассредоточение сил вызывается и необходимостью подавлять растущее сопротивление народа агрессивной политике монополий. Это является закономерным следствием социально-политического прогресса, ведущего к краху классового господства буржуазии.

Система империалистического гнета, опирающаяся на милитаризм, не может сохраняться при рассредоточении вооруженных сил дальше известного предела, за которым теряется контроль над населением захваченной страны. А современное оружие и растущая полити-

¹ «Interavia», September, 1957.

ческая активность народных масс в центре и на периферии капиталистического мира вынуждают рассредоточивать силы и средства ведения войны. Опасность утраты империалистами политического контроля может серьезно помешать рассредоточению их сил, соответствующему требованиям военной целесообразности.

Отсюда следует, что ядерное оружие в конечном счете не облегчает милитаризму выполнение его внутренних и внешних функций. Главные тенденции социально-политического развития и военно-технического прогресса вызывают усложнение политических и военных проблем империализма, в том числе выработки действенной военной доктрины.

Создание и совершенствование новейших средств поражения привело также к тому, что обеспечение безопасности стратегического тыла империалистических государств стало практически неразрешимой задачей. Интересно в связи с этим напомнить, как она формулировалась в США перед второй мировой войной. В своем послании конгрессу от 16 мая 1940 г. Ф. Рузвельт писал: «Наша оборона должна быть неуязвимой, наша безопасность — абсолютной»¹. После второй мировой войны проблема «абсолютной безопасности» США даже не ставится. На злобу дня выдвинут вопрос о том, чтобы обеспечить так называемую «относительную безопасность». Эта мысль содержится в докладе назначенной президентом США «Комиссии по вопросам авиационной политики» под председательством Т. Финлеттера, опубликованном 18 июля 1947 г. В нем говорилось, что если Соединенные Штаты собираются обладать «хотя бы относительной безопасностью, они должны быть готовы к войне...» Условием «относительной безопасности» США недвусмысленно была объявлена (а впоследствии и проведена в жизнь) постоянная готовность к войне на основе бешеной гонки вооружений. Однако это не решало проблему безопасности страны, ведущей агрессивную внешнюю политику. Как вынуждены были признать авторы опубликованного «Комиссией по иностранным делам» сената США в 1959 г. доклада, «высокая степень национальной безопасности от ядерного нападения, вероятно, остается целью, которой

¹ N. Werner. Battle for the World. New York, 1941, p. 353.

нельзя будет достигнуть с помощью военных средств в течение следующего десятилетия. Степень безопасности, которую можно достигнуть военными средствами, будет по-прежнему зависеть от способности удерживать противника от использования стратегического оружия или от способности уничтожить это оружие, прежде чем оно сможет быть использовано.

Не представляется также возможным обезопасить стратегические пункты, места нахождения которых известны противнику... Защита сил ответного удара должна по-прежнему полагаться главным образом на расщепление, увеличение и «мобилизацию» систем стратегического оружия».

С тех пор как Советский Союз имеет ядерное оружие, империалистические агрессоры лишены возможности обезопасить свою территорию в случае развязывания войны, поскольку, по их мнению, нет эффективной защиты от межконтинентальных баллистических ракет. Не решается эта проблема и принятой в начале 1969 г. президентом Р. Никсоном программой создания системы «разреженной противоракетной обороны» (т. н. «Сейфгард»).

Признавая отсутствие у США подходящей защиты от ракетно-ядерного оружия, Б. Броди писал, что он не считает ее создание «технически невозможным», а лишь хочет отметить, что «надо обладать необычайной верой в технику либо стоять перед безнадежными альтернативами, чтобы зависеть главным образом от активной обороны. Относящиеся к этому проблемы являются политическими и социальными, равно как и техническими»¹.

О тесной связи социально-политических проблем с военно-техническими американские военные идеологи повели речь не случайно. Современный прогресс, будучи результатом самого высокого для настоящего времени уровня развития производительных сил, находится в остром противоречии с общественным строем капитализма, основанным на антагонистических производственных отношениях. С появлением ядерного оружия это противоречие приобретает необычайную остроту. Война с применением современных средств поражения под-

¹ В. В. Brodie. Strategy in the Missile Age. Princeton, 1959, p. 221.

вергла бы капиталистический строй таким серьезным испытаниям, которые он не в состоянии выдержать.

Так называемая «мобилизация» систем стратегического оружия нашла свое выражение, в частности, в круглосуточных полетах американских бомбардировщиков с грузом ядерных бомб, что резко усилило опасность войны. Не случайно в книге «НАТО и американская безопасность» под редакцией К. Кнорра (профессор Принстонского университета, автор ряда работ по военно-экономическим проблемам) было сделано следующее признание: «Схемы внезапного нападения имеют в качестве своей непосредственной цели скорее безопасность оружия, чем безопасность народа»¹. Это положение официально подтвердил Эйзенхауэр в своем заявлении по поводу уничтожения американского разведывательного самолета над советской территорией. Пытаясь оправдать воздушный шпионаж против СССР, Эйзенхауэр утверждал, что «безопасность всего мира требует», чтобы «наше средство устрашения никогда не подвергалось опасности»².

Таким образом, считая провокационные полеты шпионских самолетов и стратегических бомбардировщиков с ядерными бомбами на борту методом обеспечения безопасности средств агрессии, американские империалисты подводили мир к последней грани войны, подвергали непосредственной опасности многие страны, в том числе и свою. Подобного авантюризма история еще не знала.

Для военной мысли США характерна постановка проблемы военной доктрины в теснейшей связи с судьбами капиталистической системы, с идеей «спасения» или «выживания» капитализма в обстановке коренных революционных изменений, охватывающих весь мир. Так, по мнению Г. Киссингера, для решения стоящих перед американским империализмом задач собственно военной доктрины недостаточно. Необходима такая «стратегическая доктрина», которая по значению «превосходит проблему выбора систем оружия», но пред-

¹ NATO and American Security. Edited by Klaus Knorr. Princeton, 1959, p. 179.

² «Правда», 17 мая 1960 г.

ставляет собой «способ выживания общества»¹. При этом он выступал за то, чтобы «расчетам на всеобщую войну» по-прежнему отдавалось предпочтение. «Наше спасение, — писал Киссинджер, — бесспорно будет зависеть от нашей способности преодолеть трудности, связанные с подготовкой к этой войне»².

Эйзенхауэр в послании конгрессу о положении страны в январе 1959 г. заявил, что «основной вопрос» — сохранение существующего образа жизни для США — более важен, чем спасение. В военной печати эта проблема ставилась еще более прямолинейно. Начальник научно-исследовательского управления армии США генерал-лейтенант Трудо подчеркивал «огромную важность сохранения и защиты одного из величайших американских достояний» — «системы частного капитала и свободно конкурирующего предпринимательства»³. Американский генерал, говоря о «сохранении и защите» капиталистической системы, изобразил ее в приукрашенном виде — без монополистического капитала, который сосредоточил в своих руках львиную долю богатств страны, подавляет свободную конкуренцию, не делит ни с кем политическую власть.

В. И. Ленин отмечал, что в США вся «внешняя» защита «государства» есть *защита монополий и прибылей* владык трестов⁴. В наши дни американский милитаризм открыто признает, что именно в этом заключается его важнейшая обязанность.

Защита монополий и прибылей финансовых магнатов США представляет лишь часть общей задачи американского милитаризма. Монополистическая буржуазия США (и этого не скрывают наиболее откровенные идеологи американского империализма), взявшая на себя роль «спасителя» капитализма и преследующая цель установления своего абсолютного господства над миром, поставила перед милитаризмом задачи «глобального», т. е. всемирного, масштаба.

«Глобальная миссия» американского милитаризма постоянно пропагандируется его лидерами и идеолога-

¹ Н. А. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957, p. 403.

² Там же, стр. 418.

³ «Military Review», January, 1961, p. 42.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 215.

ми. Министр армии США Элвис Стар, определяя главную цель и «современную роль» американской военщины, заявлял: «Нашей основной национальной целью является сохранение неприкосновенности государства и его фундаментальных ценностей и институтов... В соответствии с этой целью мы поддерживаем военную силу для того, чтобы сдерживать агрессию, останавливать распространение тирании, помогать ограничению военных столкновений, представляющих серьезную угрозу мировому порядку, и, конечно, если сдерживание не будет успешным, достичь быстрой и решающей победы в любом конфликте, в который мы будем вовлечены»¹.

Нетрудно заметить, что с помощью подобных демагогических формулировок делается попытка замаскировать истинные цели и подлинную роль американского милитаризма в современном мире. Новое соотношение международных сил заставляет милитаристов выбирать выражения. В 1956 г. американская военная печать в пропаганде целей и роли военщины была менее щепетильной. В то время нередко встречались такие высказывания: «История, логика и наша ведущая роль в мировых делах (!) ясно указывают на нашу ответственность в прекращении локальных конфликтов и постепенной агрессии. Могучее государство (т. е. США. — В. К.) должно выполнять в мире роль полицейских сил»².

По существу, формулировки 1956, 1961 и последующих годов ничем друг от друга не отличаются. Американский милитаризм по-прежнему осуществляет взятую на себя роль мирового жандарма, главная его функция состоит в подготовке войны против стран социалистической системы. Наиболее полно эти задачи были изложены в так называемой «национальной военной программе», разработанной начальником штаба армии США генералом М. Тэйлором и утвержденной министром армии У. Бракером в 1956 г.

В первом ее разделе говорилось, что основной целью программы является обеспечение безопасности Соединенных Штатов, их основных ценностей и фундамен-

¹ Secretary of the Army Elvis J. Stahr, jr., addressing Sigma Chi Fraternity, Miami Beach, Florida, 30 June 1961. «Army Information Digest», September, 1961.

² «United States Naval Institute Proceedings», June, 1956.

тальных институтов, а ее центральным пунктом — «сдерживание» коммунистической экспансии, в какой бы форме она ни проводилась¹.

Лицемерная формула «сдерживания коммунистической экспансии» с помощью вооруженной силы представляет собой основную политическую идею военной доктрины США — установление мирового господства американского империализма. В подготовленном Тэйлором документе указывалось на стремление США «довести коммунистическое движение до такого состояния, чтобы оно больше не представляло угрозы для национальной безопасности США»². Иными словами, международное коммунистическое и рабочее движение рассматривалось как главный и единственный политический и военный противник, который «представляет угрозу» для США и поэтому должен быть подавлен любыми средствами. На первый план при этом выдвигалось ядерное оружие. Напоминая историю возникновения стратегии «массированного» удара, генерал Тэйлор писал: «Атомная бомба усилила воздушную мощь новым оружием огромной разрушительной силы и вновь укрепила веру в то, что наши военно-воздушные силы обладают абсолютным оружием, которое позволит Соединенным Штатам навязать миру своего рода «Рах Америкапа»³. Это латинское выражение, означающее «американский мир», широко распространено в США как символ их устремления к мировому господству.

Таковы были основные политические цели и решающие военные средства, воплощенные в доктрине тотальной ядерной войны. Однако эта доктрина в обстановке углубляющегося общего кризиса капитализма оказалась порочной по причинам, от ее создателей не зависящим. В качестве одного из первых способов выхода из создавшегося тупика американские военные идеологи выдвинули теорию «ограниченной» войны. Краткое ее рассмотрение дает возможность составить более полное представление о характере и глубине кризиса американской военной идеологии.

¹ См. М. Тэйлор. Ненадежная стратегия. Перев. с англ. М., Воениздат, 1961, стр. 58.

² Там же.

³ Там же, стр. 42.

2. ПОПЫТКИ ОГРАНИЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Во второй половине 50-х годов в американской политической и военной печати в адрес официальной военной доктрины раздавалось много критических голосов. Генералы Тэйлор, Риджуэй, Гэйвин резко выступают против стратегии «массированного удара», предлагая ориентироваться на более «гибкие» стратегические концепции.

В 1954 г. так называемый «Совет по международным отношениям» — неправительственная организация, близко стоящая к госдепартаменту США, — создал специальную исследовательскую группу для изучения факторов и проблем внешней и военной политики. В нее вошли финансисты и промышленники, видные политические и военные деятели США — всего 35 человек, во главе с Гордоном Дином, бывшим председателем комиссии по атомной энергии. Работа этой группы оказала значительное влияние не только на американскую военную мысль, но и на военную политику. В течение почти двух лет группа изучала и обсуждала главным образом задачи военной политики, стратегии и военной идеологии. Г. Киссингеру поручили написать книгу, в которой были бы учтены мнения всех участников группы. В июне 1957 г. она появилась под названием «Ядерное оружие и внешняя политика»¹. В трех частях ее («Проблема выживания», «Техника и стратегия», «Стратегия и политика») рассматривались проблемы «безопасности Америки», «ограничения ядерной войны», создания общей военной доктрины и др.

Содержание книги показывало, что члены группы экспертов, занимая критические позиции по некоторым вопросам военной доктрины и военной политики США, оставались, однако, ярыми противниками мирного сосуществования. Они открыто призывали занимать агрессивные позиции на политическом, военном и идеологическом фронтах, рассчитывая таким путем, как говорилось в книге, одолеть «великое историческое движение, в котором сочетаются коммунизм и антиколониальная революция»².

¹ Н. А. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, Council on Foreign Relations, 1957.

² Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 425.

Группа экспертов высказалась за ускоренную подготовку к так называемым ограниченным войнам, но это не означало, что она выступала против мировой ядерной войны. К ограниченным эксперты отнесли такие войны, которые ведутся в пределах определенных географических районов, когда воюющие стороны не применяют ядерных средств поражения и используют все другие виды оружия против собственно военных объектов, не затрагивая стратегического тыла.

Теорию ограниченной войны породило прежде всего стремление найти способы сохранить от ракетно-ядерных ударов территорию США и таким образом сделать идею войны популярной у американского народа. При этом доктрина тотальной ядерной войны должна была, по мнению группы экспертов, оставаться в силе. «С самого начала следует сказать, — говорилось в книге, — что ограниченная ядерная война не должна быть нашей единственной возможностью ...наши ресурсы должны быть рассчитаны в первую очередь для ведения всеобщей войны...», «политика ограниченной ядерной войны также не должна мыслиться как средство, позволяющее нам ослабить свою готовность к всеобщей ядерной войне»¹.

Другой важной причиной появления и широкой пропаганды теории ограниченной войны послужило глубоко осознанное опасение за революционные социально-политические последствия агрессивной войны против социалистических стран. «Термоядерное нападение... — полагают эксперты, — может в корне расшатать веру народа в экономическую мощь страны, в ее правительство и в те идеи, которыми руководствовалась нация».

Немало говорилось и о социальном распаде обеих воюющих сторон в случае всеобщей войны. Но ложный тезис о способности империалистического лагеря уничтожить страны социализма не мог служить достаточным утешением для идеологов империализма. Они тщательно искали новые, наименее опасные в социальном отношении способы решения военных задач, настойчиво проповедуя при этом «неизбежность», «необходимость» и даже «выгодность» войн в современную эпоху, распространяя подлюю и опасную клевету об «агрессивности»

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 271, 63, 284.

Советского Союза, требовали наступательной военной стратегии «для уменьшения сферы советского влияния»¹.

Эксперты предлагали и другой, не менее коварный прием, чтобы снять с агрессора ответственность перед народами за нанесение первого внезапного ядерного удара. Они рекомендовали создать необходимую для этого обстановку в ходе ограниченной войны, исходя из следующих рассуждений: сторона, уступающая противнику право нанесения первого ядерного удара, «только усугубит традиционный минус, присущий обороне», а сторона, «сумевшая захватить инициативу, сможет рассредоточить свои войска прежде, чем прибегнуть к ядерному оружию»². Таким образом, ограниченная война вначале должна вестись обычными видами оружия, а в ходе ее одна из сторон (разумеется, США) выбирает подходящий момент и неожиданно наносит сокрушительный ядерный удар по войскам противника, предварительно рассредоточив свои силы.

Идеи исследовательской группы «Совета по международным отношениям» вскоре получили отражение в официальной военной политике США. Комментируя книгу «Ядерное оружие и внешняя политика», Лоу писал, что она послужила прикрытием для крупных перемен в американской военной политике. До появления советского спутника еще можно было делать предположения о «перманентном техническом превосходстве» США. Высказанные в книге идеи явились попыткой создать доктрину ограниченной атомной войны, последней попыткой утопистов «перед тем, как даже самые большие скептики были вынуждены признать, что по крайней мере в некоторых областях русская техника обогнала нашу»³.

В первой половине августа 1957 г. американская пресса развернула широкую, инспирированную официальными кругами кампанию пропаганды ограниченной ядерной войны. Агентство Ассошиэйтед Пресс из Вашингтона 10 августа передало, что высокопоставленные представители правительства пересматривают амери-

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 126, 134, 191.

² Там же, стр. 262.

³ G. E. Lowe. The Age of Deterrence, p. 150.

канскую военную стратегию с тем, чтобы приспособить ее к дальнейшему совершенствованию небольшого по размерам атомного оружия, и в официальных кругах убеждены в том, что атомная война в будущем будет ограниченной¹. В октябре Джон Фостер Даллес заявил о необходимости обладать способностью вести ограниченные войны, «не вызывая при этом своими действиями всеобщей ядерной войны»².

Правительство Эйзенхауэра с помощью прессы монополий пыталось навязать американскому народу идею атомной войны в «приемлемой», ограниченной форме и в то же время оправдать свой отказ от прекращения испытаний и запрещения ядерного оружия.

Теория ограниченной атомной войны отнюдь не отрицала доктрину тотальной ядерной, а лишь дополняла ее. Американские милитаристы, рассчитывая на превосходство в атомном оружии и средствах его доставки, уповали на возможность путем серии ограниченных войн против социалистических стран и новых независимых государств восстановить господство империализма во всем мире. При этом они хотели бы решать военные задачи без ущерба для власти монополий, не подвергая испытаниям новой мировой войны свой стратегический тыл и систему капитализма в целом. Но господствующей в военной доктрине оставалась стратегия «массированного удара». Для ее осуществления выделялась львиная доля военного бюджета. Идея «массированного ответного удара, — признавал Б. Броди в 1959 г., — с которой наша страна во многом продолжает связывать свою оборонительную политику, в некоторых своих аспектах довольно близко примыкает к принципу превентивной войны»³.

Буржуазные военные идеологи понимают, что ограниченная война с применением ядерного оружия легко может послужить прелюдией к войне мировой. Но и отвергнуть идею ограничения они не хотят, поскольку с каждым днем все уже становится круг сторонников ядерной войны.

¹ См. «Правда», 14 августа 1957 г.

² J. F. Dulles. Speech to Dallas World Council. October 27, 1957. J. Raymond. Power at the Pentagon, pp. 246, 147.

³ Б. Броди. Стратегия в век ракетного оружия. Перев. с англ. М., Воениздат, 1961, стр. 250.

Нельзя не отметить еще одно весьма важное обстоятельство, связанное с теорией ограниченной ядерной войны. В американском варианте эта теория предполагает, что главную тяжесть ведения такой войны должны взять на себя союзники, так как она якобы спасает мир от превращения его в «радиоактивные руины».

Подобная постановка вопроса, в основном отражающая официальную американскую точку зрения, неизбежно создает предпосылки для дальнейшего обострения противоречий между партнерами по Североатлантическому блоку и другим агрессивным союзам. Именно с этих позиций критиковала доктрину «массированного удара» группа экспертов. Союзники США либо решат, что никакие военные усилия с их стороны не нужны, либо у них сложится впечатление, что мир нужно предпочесть войне даже на условиях, близких к капитуляции. Было признано, что любые официальные декларации о единстве в Североатлантическом блоке оказываются бесплодными, так как отсутствует стратегическая доктрина, которую признавали бы все партнеры. За этим следовало предложение оснастить армии союзников США ядерным оружием, обучить пользоваться им и добиваться принятия для НАТО «стратегической доктрины, которая не ставит знака равенства между ядерной войной и всеобщей войной. Короче говоря, наш союз (т. е. НАТО. — В. К.) должен постараться избавиться от нынешних противоречий»¹.

Таким образом, «Совет по вопросам внешних отношений» рекомендовал избавиться от империалистических противоречий с помощью умело сформулированной военной доктрины. Но именно они и являются основным препятствием для выработки единой военной доктрины, приемлемой для всех участников милитаристского блока.

Сравнивая идеи, предложения и рекомендации группы этого совета, опубликованные в 1957 г., и комиссии сената, ставшие известными в 1960 г., нельзя не прийти к выводу, что в основе своей они идентичны. Весьма близкие к ним положения высказывали и другие авторы, военная (главным образом армейская и флотская) печать США. Во всех этих источниках проводилась одна

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 417.

и та же мысль: существует якобы возможность сформулировать «лучшую» военную доктрину и вывести тем самым военную политику и стратегию из тупика.

Р. Осгуд, отмечая, что американская стратегия «обанкротилась более из-за несовершенства американских концепций, чем из-за недостатка ума, технической компетенции или материальной мощи»¹, признавал доктрину ограниченной войны самой подходящей для США. Теория ограниченной войны получила в эти годы в США весьма широкое распространение и впоследствии нашла свое отражение в так называемой «стратегии гибкого реагирования».

Известный интерес представляют и некоторые мысли научного сотрудника «Гуверовского института войны, революции и мира» профессора А. Сокола. Его военно-теоретические позиции определяются принадлежностью к группе сторонников теории морской силы Мэхэна и выступлениями против «тотальной ядерной стратегии». А. Сокол характеризует эту стратегию как социально опасную для классового господства буржуазии. Война, по его мнению, должна приносить прямую выгоду агрессору, поэтому «благоразумный завоеватель воздерживается от ненужных разрушений, предпочитая извлекать пользу из богатства завоеванной страны». Мало того, слишком разрушительная война, оказывается, «помогает коммунизму», и если одна из главных целей США заключается в содействии «более совершенному образу жизни» и «сдерживании распространения разъедающих идеологий», то разрушение и нищета «вряд ли являются лучшим средством для достижения этой цели». «Лучшим средством», чем «разрушительная воздушная война», и не только лучшим, но и «более сильным, быстрым и более решающим» Сокол считает войну на суше и на море².

Эта концепция в сущности своей представляет идею ограничения войны по применяемым видам оружия, также выдвинутую с целью любой ценой сохранить войну как средство агрессии. Но главной задачей теории Сокола являлось доказательство «решающего» влияния морской силы на историю. Подвизаясь в Стэнфордском

¹ R. Osgood. Limited War, p. X.

² «United States Naval Institute Proceedings», May, 1960.

университете в роли профессора по «вопросам международной безопасности», он написал работу «Морская сила в ядерный век». Чтобы обосновать «необходимость» и «полезность» агрессивного военного курса западных держав, профессор «международной безопасности» использовал максимум своих мыслительных накоплений. Признавая, что ядерная стратегия есть, по сути дела, стратегия «посмертного возмездия», т. е. что она самоубийственна для США и их союзников, он сделал весьма неожиданное заключение: Западу следует еще больше укрепить свою «тотальную военную структуру». Война, несмотря на ее многие нежелательные особенности, должна быть полезной «для достижения социальной цели», удовлетворять человеческим запросам¹, — утверждал Сокол явно в противовес ранее выдвинутому У. Миллисом тезису об утрате войной ее «социальной функции».

Устранение войны из жизни общества, по мнению Сокола, есть «утопия». В то же время доктрину тотальной ядерной войны он считал «пагубной». Поэтому следует возвратиться к «классической концепции войны как борьбы между противостоящими вооруженными силами»².

В качестве исходного материала для идейно-теоретического обоснования военной доктрины Сокол использовал геополитическую концепцию Маккиндера, объединенную им с теорией «морской силы» Мэхэна³. Геополитическую формулу Маккиндера он несколько изменил: «Кто господствует над Северной Америкой, тот господствует на мировом океане; кто господствует на мировом океане, тот правит миром». Мировое влияние американского империализма должно быть установлено с помощью сильнейшего в мире военно-морского флота, который в отличие от мэхэновского представления обязан не только господствовать на морях, но и обеспечивать переброску войск для ведения войны за океанами⁴.

Псевдонаучные построения Сокола вполне соответствовали взглядам командования военно-морскими си-

¹ См. A. Sokol. *Sea Power in the Nuclear Age*. Washington, 1961, pp. 7, 13, 214.

² См. там же, стр. 34, 35.

³ См. вторую главу настоящей работы.

⁴ См. A. Sokol. *Sea Power...*, pp. 51, 54, 249.

лами США и получили поэтому его горячую поддержку. Реакционно-утопическая идея завоевания мирового господства главным образом с помощью военно-морских сил, выдвинутая в свое время Мэхэном, по-прежнему проповедуется идеологами агрессивного американского маринизма. Пропагандистский рупор министерства военно-морского флота журнал «Ауэр Нэйви» считает само собой разумеющимся, что США «должны использовать свою мощь и свое положение как руководителей свободного мира»¹, но этим не ограничиваться. Впоследствии, в связи с полетом американского космонавта Д. Гленна, в передовой статье журнала говорилось: «Блестящий успех, достигнутый Гленном, должен дать дополнительное воодушевление для тех интенсивных усилий, которые наше государство предпринимает для того, чтобы захватить мировое руководство»².

Военно-морские теоретики продолжали прилагать большие усилия, чтобы в агрессивной военной политике США флот снова занял первенствующее положение, принадлежавшее ему вплоть до второй мировой войны. Обстановка кризиса военной идеологии в известной мере способствовала этому. Военно-морские силы можно было применять в качестве одного из важнейших средств ведения «классических» и «ограниченных» войн. Это давало, если не на практике, то в теории, приемлемую, на первый взгляд, альтернативу зашедшей в тупик стратегии «массированного удара», а следовательно, и возможность использовать для решения внешнеполитических задач военные средства в «разумных», «контролируемых» пределах.

Но теория ограниченной войны не могла стать и не стала единственной основой американской военной доктрины. Попытки найти в ней безопасный стратегический эквивалент мировой ядерной войны были несостоятельны.

Идеологи американского империализма, выступая за ограниченное применение средств ведения войны, не предлагали умерить цели и захватнические аппетиты монополистической буржуазии. Идея ограничения разрушительной силы войны возникла под влиянием углубле-

¹ «Our Navy», December, 1961.

² «Our Navy», April, 1962.

ния общего кризиса капитализма как выражение осознанной опасности современной войны для господства империалистической буржуазии. Она явилась одной из первых попыток преодолеть кризис военной идеологии американского империализма. Эту теорию породило стремление по-прежнему пользоваться военными средствами в агрессивных и контрреволюционных целях, не подвергая, однако, капиталистическую систему проверке в огне современной войны. Но **испытание прочности социального строя воюющих государств есть объективный закон войны, и его действие может быть предотвращено лишь одним путем — устранением самой войны.**

С собственно военной точки зрения теория ограниченной войны, предполагавшая отказ от использования ядерного оружия против стратегического тыла, была рассчитана на достижение победы над количественно превосходящими вооруженными силами противника путем массированного применения ядерных средств на полях сражений. Об опасности, которую заключает в себе подобная война, можно судить по высказыванию одного из главных ее проповедников — Г. Киссингера: «Характер ограниченной войны между ведущими державами предполагает материальную возможность увеличения ставок любой стороной. Если оба противника будут готовы на это, не соглашаясь на частичное поражение, неполную победу или ничью, то результатом явится всеобщая ядерная война. Если же одна сторона будет готова пойти на больший риск или — что одно и то же — если она станет настойчивее добиваться развязывания всеобщей ядерной войны, эта сторона получит и решающее преимущество»¹ (подчеркнуто мною. — В. К.).

Но в чьих интересах и для чего может возникнуть война между «ведущими державами», в результате которой воюющие стороны должны «согласиться на «ничью»? «Частичное поражение», «неполная победа» или «ничья» — это наименее вероятные варианты исхода войны между двумя социально противоположными системами. Если она начнется, то будет вестись до победного конца. Значит, разговоры о каких-то «ограничениях» маскируют возможность для агрессора нанести первый

¹ Г. Киссингер. Ядерное оружие и внешняя политика, стр. 275—276.

ядерный удар, а всю ответственность за него возложить на противника. В этом — суть предлагаемой американскими идеологами стратегии.

На пропаганду теории ограниченной войны усилий было затрачено много. Для ведения ее американское правительство даже начало готовить специальные мобильные соединения. Но главный курс военных приготовлений США по-прежнему определялся доктриной тотальной войны, и правительство США упорно не шло навстречу миролюбивым предложениям Советского Союза. Более того, каждое из них вызывало у вашингтонских политических и военных деятелей новые приступы военной истерии, угрозы в адрес СССР, призывы к дальнейшей милитаризации США и их сателлитов.

Активно пропагандируемая теория ограниченной войны, однако, ничего существенного не давала для преодоления кризиса военной идеологии. В результате революции в военном деле стало невозможным удержать войну в сколько-нибудь приемлемых для ослабевшей системы капитализма «контролируемых» пределах. Никакие теории американских военных идеологов не в состоянии устранить объективную диалектику современной войны: будучи развязанной, она неуправляемо развивается по собственным законам, охватывая весь мир и приводя к гибели массы людей без различия, «имущие» они или «неимущие». Это свойство современной войны — результат военно-технического прогресса. Его нельзя избежать, не ликвидируя войну как средство решения международных споров.

Монополии экономически и политически заинтересованы в военной доктрине, которая открывала бы наиболее широкие возможности для гонки вооружений всех видов и включала все без исключения формы и способы применения насильственных средств для достижения реакционных целей.

Новый важный стимул стратегия ядерной войны получила в связи с созданием атомных подводных лодок, вооруженных ядерными ракетами. Журнал «Форин Аффэрс» поставил атомные лодки по их значению в один ряд с искусственными спутниками Земли и предрекал в связи с этим «революцию в стратегическом мышлении», для которой «необходим новый Мэхэн»¹.

¹ «Foreign Affairs», October, 1958.

Голоса сторонников тотальной ядерной войны звучали в США все громче и настойчивее. Особенно большую активность проявила «корпорация Рэнд». Она доказывала возможность при соответствующей подготовке «выжить» в ядерной войне, а затем восстановить экономику и общественный строй¹.

Нарастание противоречий в военной мысли нашло отражение в двухгодичном докладе начальника штаба армии генерала М. Тэйлора министру обороны в июле 1959 г. Тэйлор сообщал о наличии «нерешенных проблем, влияющих на внутреннее развитие армии и на ее роль в национальной обороне». Как важнейшую среди них он отмечал необходимость «достижения должным образом уравновешенной национальной военной стратегии». Армия, докладывал Тэйлор, «должна продолжать настаивать на изменении основной предпосылки нашей военной стратегии — от стратегической концепции массированного возмездия к гибкому реагированию, опирающемуся на широкий диапазон объединенной, уравновешенной военной мощи»².

Упорно требовали придать «гибкость» американской стратегии и руководители военно-морского флота³. Примерно с этих же позиций выступали против теории «массированного удара» представители армии. Наиболее активно критиковал американскую стратегию в своих книгах и статьях генерал Тэйлор. «...Массированный ответный удар как ведущая стратегическая концепция зашел в тупик», — писал он. В качестве примера «явного опровержения» эффективности стратегии «массированного удара» Тэйлор приводил войну в Корее и «другие ограниченные войны», происходившие после 1945 г. К причинам, вызвавшим необходимость «переоценки» военной стратегии США, Тэйлор относил: утрату атомной монополии, отставание от Советского Союза в производстве баллистических ракет, отсутствие у США противоракетных средств, которые «могли бы компенсировать превосходящую наступательную мощь Советского Союза», и реальных условий для обеспече-

¹ G. Lowe. The Age of Deterrence..., p. 189.

² Biennial Report of the Chief of Staff. U. S. Army. 1 July 1957 to 30 June 1959. «Army Information Digest», August, 1959.

³ См. «United States Naval Institute Proceedings», March, 1959.

ния «превосходства над коммунистами на суше», слабость военных блоков, созданных США¹. В заключение Тэйлор суммировал новые факторы, требующие «полного пересмотра военных потребностей» США:

первый — «утрата Соединенными Штатами технического превосходства над СССР во многих областях военной техники»;

второй — «отсутствие у Соединенных Штатов эффективной противоракетной обороны, в результате чего преобладание ракетной мощи русских будет иметь все возрастающее значение»;

третий, «вытекающий из первых двух», — упадок сдерживающей способности и возрастающая уязвимость США, необходимость обеспечить условия для того, «чтобы выжить в ядерной войне»².

Таким образом, Тэйлор указал только на военные и военно-технические причины несостоятельности американской стратегии и факторы, требующие ее пересмотра. Это был явно односторонний подход к анализу «ведущей стратегической концепции», которая опровергалась самой жизнью и резко критиковалась.

Оценка Тэйлором проблемы пересмотра военной доктрины представляет интерес не только потому, что она типична для буржуазного военного деятеля. Видный американский военный писатель Б. Броди в ряде статей и книге «Стратегия в век ракетного оружия»³ также подверг американскую военную доктрину основательному анализу, затронув при этом социальные и политические проблемы. Но взгляды и методы Тэйлора были наиболее близки по духу новому правительству демократической партии во главе с Д. Кеннеди. Они легли в основу нынешней официальной военной доктрины и военной политики США и поэтому заслуживают более подробного рассмотрения.

Тэйлор отмечал, что доктрина «массированного ответного удара» зашла в тупик в период 1959—1960 гг.⁴ Однако эта датировка не соответствовала действительности. Как уже говорилось выше, большинство политических и военных обозревателей связывали банкротст-

¹ См. М. Тэйлор. Ненадежная стратегия, стр. 35—36.

² Там же, стр. 139, 143.

³ В. Brodie. Strategy in the Missile Age. Princeton, 1959.

⁴ См. М. Тэйлор. Ненадежная стратегия, стр. 99.

во стратегии США с запуском первого искусственного спутника в Советском Союзе в 1957 г. Даже Д. Даллес, в январе 1954 г. уверенно провозгласивший стратегию «массированного удара», осенью 1957 г. высказывал сомнения в ее «универсальности». В статье, помещенной в журнале «Форин Аффэрс», он признавал, что Соединенные Штаты не могут удовлетворить мир, «который держится только на возможности уничтожения значительной части человечества. Такая концепция приемлема лишь как самая крайняя альтернатива»¹. Беспокойство Даллеса о «значительной части человечества», разумеется, не могло не возрасти в связи с тем, что военно-технические достижения Советского Союза лишили США их относительной неуязвимости и превращали ядерную войну в крайне опасную для них авантюру.

Но дело не в том, к какому времени относит Тэйлор возникновение «тупика» в американской стратегии. Сосредоточив основное внимание на чисто военных и военно-технических причинах несостоятельности военной доктрины США и не затрагивая при этом ее политической основы, он вообще не мог найти правильного решения стоявшей перед ним задачи. Конечно, военные факторы в доктрине играют огромную роль. Но рассмотрение только их никак не даст исчерпывающего ответа на вопрос о причинах, понуждающих к ее пересмотру. Именно потому, что Тэйлор ограничился анализом пригодности для существующей доктрины военных средств, не касаясь ее политических целей, он и обошел молчанием то более важное обстоятельство, что в «тупике» оказались не только военная доктрина и связанная с нею стратегия, а потерпела банкротство — и это важнее всего — политика «ядерного сдерживания», породившая в свое время стратегию «массированного удара».

Коренная причина несостоятельности американской военной доктрины заключалась в том, что агрессивная и реакционная политика «с позиции силы» ставила перед милитаризмом задачи, которые в обстановке углубляющегося общего кризиса капитализма он не в состоянии выполнить.

¹ «Foreign Affairs», October, 1957, p. 31.

3. ДОКТРИНА «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

Одним из основных источников появления стратегической концепции «гибкого реагирования» было стремление использовать военные средства для достижения контрреволюционных целей империалистической реакции. Отмечая, что программа «гибкого реагирования» позволит США дать отпор противнику «в любое время и в любом месте такими средствами и силами, которые будут соответствовать данной обстановке», генерал Тэйлор утверждал, что «таким образом мы вернем войне ее историческое оправдание, как средству обеспечения лучшего устройства мира после успешного завершения военных действий»¹.

Наиболее непосредственной и острее всего ощущаемой причиной несостоятельности стратегии «массированного удара» явились военно-технические достижения Советского Союза. Поэтому проблема пересмотра американской военной доктрины была с самого начала поставлена в теснейшую связь с задачей восстановления военно-технического превосходства США над Советским Союзом. «Наше основное положение в мировых делах зависит от военно-технического превосходства», — говорил Д. Кеннеди в 1959 г.².

Концепция «гибкого реагирования» складывалась также под влиянием критики стратегии «массированного удара» со стороны армейских и флотских органов печати. «Национальной политике, — утверждал военно-теоретический журнал флота в 1959 г., — нет необходимости больше оставаться в «смирительной рубашке» прямолинейной концепции массированного ответного удара по принципу «все или ничего». Возможность маневрирования будет заключаться в том, что наше правительство сможет действовать в международных делах с позиции контролируемой и гибкой силы»³.

«Национальная военная программа гибкого реагирования», предложенная Тэйлором, имела своей основной целью «поддержание военной мощи, обеспечивающей как ведение всеобщей войны», так и использование

¹ М. Тэйлор. Ненадежная стратегия, стр. 152.

² J. F. Kennedy. The Strategy of Peace. New York, 1960, p. 20.

³ «United States Naval Institute Proceedings», March, 1959.

всех других способов и форм военных действий. Она включала меры, которые гарантировали быстрое увеличение вооруженных сил, необходимых для успешного ведения всеобщей войны; достижение военно-технического превосходства над социалистическими странами; наличие «средств устрашения» в форме системы доставки ядерного оружия; размещение за границей крупных контингентов армии, флота и военно-воздушных сил; содержание вооруженных сил в готовности для быстрого военного вмешательства в тех районах, где может произойти «локальная агрессия» (в понятие которой включаются и гражданские войны); наличие резервных сил, отвечающих требованиям ведения всеобщей ядерной войны; развитие военного производства, создание мобилизационной и учебной базы для ведения всеобщей ядерной войны¹.

Концепция «гибкого реагирования» после прихода Д. Кеннеди в Белый дом становится теоретической основой военного строительства и стратегического планирования США. Новый президент сделал М. Тэйлора своим главным военным советником, а впоследствии предоставил ему важнейший военный пост в стране — председателя комитета начальников штабов.

Новая стратегия была задумана М. Тэйлором с целью открыть широкие возможности для агрессивной инициативы американского империализма и его союзников по милитаристским блокам, реставрировать мировую систему капитализма и установить господство американского империализма на всем земном шаре. Она рассчитана на ведение перманентной, непрекращающейся вооруженной борьбы против любой попытки любого народа вырваться из тисков национального или социального гнета, против стран, завоевавших национальную независимость. Главное острие этой стратегии направлено против системы социализма. Концепция «гибкого реагирования» предусматривала наряду с усиливающейся подготовкой к мировой ядерной войне, еще до ее развязывания или в том случае, если без нее можно будет обойтись, использовать все формы вооруженных конфликтов — от локальных войн с применением ядерного оружия до разного рода провокации-

¹ См. М. Тэйлор. Ненадежная стратегия, стр. 58, 64.

онных акций, осуществляемых небольшими военно-диверсионными группами.

В отличие от стратегии «массированного удара» концепция «гибкого реагирования» опирается на более широкую материально-техническую и военно-организационную базу. Именно это и должно обеспечить возможность «выбора» видов и способов агрессивных военных действий, пригодных для достижения реакционных социально-политических целей в различных условиях международной обстановки. Расширение материальной базы агрессивной стратегии Пентагона на основе этой концепции происходит как за счет роста обычных вооруженных сил и повышения их технической насыщенности, увеличения огневой мощи и мобильности, так и путем дальнейшего наращивания ядерного оружия, ракетных и авиационных средств его доставки. Кроме того, как известно, американские милитаристы уделяют значительное внимание разработке химических и бактериологических видов оружия.

Политическое и военное руководство США, одоблив концепцию «гибкого реагирования», провело ряд срочных мер для ускорения военных приготовлений. Трижды возрастал военный бюджет на 1962 г. Обосновывая причины этого, правительство раскрыло основное содержание нового стратегического курса США в своем запросе конгрессу от 28 марта 1961 г.: увеличение средств необходимо для ускоренного создания систем оружия, пригодных для всеобщей ядерной атаки, улучшения и модернизации обычных или неядерных возможностей. Средства, затребованные 26 мая, предназначались для «дальнейшего улучшения и модернизации неядерных возможностей» и для ускорения работ по исследованию космоса. Цель запроса средств 26 июня — существенно повысить мощь и готовность обычных вооруженных сил, подготовиться к дальнейшей мобилизации резервных сил, дополнительно увеличить стратегические силы, а также средства противовоздушной обороны. Все эти запросы были утверждены конгрессом в августе 1961 г. Бюджет на 1962 г. увеличился по сравнению с предыдущим на 6,5 млрд. долларов¹.

Уже само по себе резкое повышение бюджетных ас-

¹ «United States Naval Institute Proceedings», March, 1962.

сигнований явилось свидетельством возрастающей агрессивности военной политики, принятой по рецепту генерала Тэйлора. В президентском послании конгрессу «О положении страны» в январе 1962 г. говорилось: «Мы отказались от установки «все или ничего», которая не оставила бы никакого выбора, кроме бесславно-го отступления или неограниченных ответных действий». Однако новая концепция вовсе не означала отказа от «массированного удара». Правительство США расширило на 50 процентов число стратегических бомбардировщиков, готовых к взлету через 15 минут. На столько же было увеличено запроектированное первоначально количество подводных лодок, оснащенных ракетами «Поларис», удвоены мощности по производству межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен», интенсивнее стали исследования по использованию космоса в военных целях, принимались экстренные меры для ликвидации отставания от СССР в области ракетной техники.

Непрекращающиеся испытания Соединенными Штатами ядерного оружия, ракет различных типов, особенно стратегического назначения, поддержание в постоянной высокой боевой готовности ракетных средств и стратегической авиации (включая полеты самолетов с ядерными бомбами на борту) — все это неопровержимо свидетельствовало о том, что расчеты на ядерный «массированный удар» остаются в американской военной стратегии на первом плане.

В 1961 г. были опубликованы изыскания «корпорации Рэнд» по проблемам ведения тотальной ядерной войны. Сотрудник «корпорации» Герман Кан, в свое время исполнявший должности консультанта «комитета Гейтера», комиссии по атомной энергии и управления гражданской и военной мобилизации и поэтому хорошо знакомый с официальными взглядами на военные вопросы, выступил с серией лекций перед гражданами и военными слушателями. Эти лекции были изданы отдельной книгой «О термоядерной войне»¹, получившей крайне противоречивую оценку американской прессы. Прогрессивные и либеральные авторы справедливо оценили ее как крайне милитаристское произведе-

¹ H. K a h n. On Thermonuclear War. Princeton, 1961.

ние, «трактат по массовому убийству». Даже издательство признавало, что идеи книги могут показаться «бесчеловечными». Г. Кан проповедовал «допустимость» и «приемлемость» тотальной ядерной войны для США, настаивал на быстрой и всесторонней подготовке к ней ради «спасения мира». Если США выиграют такую войну (потеря нескольких десятков миллионов людей вовсе не беспокоила этого стратега), то самое малое, чего они могли достигнуть, заключалось в том, «что остальная часть мира помогала бы, а не мешала их реконструктивным усилиям и сотрудничала в организации мира»¹.

Не случайно мысли Г. Кана совпали с высказываниями Р. Такера в его книге «Справедливая война...». «Творческие усилия» обоих авторов финансировались «фондом Рокфеллеров» и, вполне естественно, были направлены на обоснование одной цели — завоевания мирового господства американского империализма с помощью ядерного оружия, не считаясь с колоссальными человеческими жертвами.

Поддержанный милитаристскими кругами, Г. Кан продолжал пропагандировать ядерную войну. Его авторитет в глазах монополистов так возрос, что они предоставили Кану трибуну в конгрессе США для пропаганды его взглядов.

Каннибальские проповеди Кана, поднятые на щит милитаристами, хотя и вызвали известный протест общественности, способствовали разжиганию военной истерии и оказали определенное влияние на эволюцию стратегии Пентагона, в частности на появление так называемой «стратегии контрсилы», сформулированной Макнамарой. Это обстоятельство отмечал Герберт Аптекер², комментируя нашумевшее выступление Макнамары в Анн-Арбор в июне 1962 г. «Соединенные Штаты, — объявил Макнамара в этой речи, — пришли к заключению, что в осуществимых пределах к основной стратегии в возможной всеобщей ядерной войне следует подходить в значительной степени так же, как к большинству обычных военных операций в прошлом. Это означает, что в случае ядерной войны... основной военной целью должно быть уничтожение вооруженных

¹ H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 646.

² «Political Affairs», September, 1962.

сил противника, а не гражданского населения его стран». Иными словами, продолжал Макнамара, «мы даем вероятному противнику сильнейший, какой только можно себе представить, побудительный мотив воздержаться от нападения на наши города»¹.

Стратегия «контрсилы», или, как ее еще называли, «ограниченной ядерной войны», свидетельствовала о дальнейшем росте агрессивности американского милитаризма. Это была новая попытка использовать войну как средство империалистической экспансии. Речь шла о подходе к всеобщей ядерной войне как к обычной, с той лишь разницей, что воюющие стороны должны воздерживаться от взаимного уничтожения городов и гражданского населения. Как этого можно достичь, применяя ядерное оружие, Макнамара, разумеется, не разъяснил. В то же время, по подсчетам экспертов Пентагона, в случае осуществления ядерных ударов только по военным объектам на территории США количество жертв могло составить от 30 до 150 миллионов человек, в зависимости от масштаба ударов².

Прямым следствием провозглашения стратегии «контрсилы» как составной части концепции «гибкого реагирования» явилась новая вспышка пропаганды превентивной войны. Институт американской стратегии, Институт внешней политики Пенсильванского университета, «фонд Ричардсона», так или иначе связанные с комитетом начальников штабов и национальным военным колледжем, пришли к выводу, что США «могут достичь удовлетворительной победы», если нанесут ядерный удар первыми. «Стратегия «контрсилы» почти неизбежно отдает преимущество той стороне, которая первой нанесет удар», — писал историк А. Уоскоу об этой агрессивной стратегической концепции³. Стратегия «контрсилы», указывал Лоу, подразумевала создание «массированной гражданской обороны», «неограниченную и ускоренную гонку термоядерных вооружений и сильно увеличившуюся опасность упреждающей войны»⁴. По его мнению, это означало, что Соединенные

¹ «Department of State Bulletin», July 9, 1962.

² См. «Political Affairs», September, 1962.

³ См. А. Уоскоу. Пределы обороны. Перев. с англ. М., Воениздат, 1964, стр. 48.

⁴ G. L o w e. The Age of Deterrence, p. 241.

Штаты «впервые в истории официально восприняли агрессивную стратегию первого удара».

Оценивая состояние американской военной мысли в конце 50-х и начале 60-х годов, Р. Лэпп отмечал, что в истории «никогда не возникало таких сомнений в правильности военной политики, и никогда в этой политике не было столько противоречий»¹.

Подобных свидетельств глубокого кризиса военной идеологии и стратегии США можно привести немало. Одним из наиболее ярких явилось само принятие теории «гибкого реагирования», в том числе и стратегической концепции «контрсилы», поскольку она предполагала весьма существенные изменения в способах решения военных задач. Прежде всего это выразилось в отказе от официально принятого и закрепленного в уставах положения об основной военной цели. Как уже отмечалось, такой целью согласно «Авиационной доктрине» и в соответствии с «Программой национальной безопасности» считался стратегический тыл неприятеля, то есть разрушение важнейших промышленных и административных центров и путей сообщения.

Стратегия «контрсилы» намечала новую основную военную цель — ликвидацию вооруженных сил противника. Достигнуть ее без разрушения городов и массового уничтожения населения практически невозможно. Поэтому сама по себе постановка новой основной цели означала признание несостоятельности стратегии, рассчитанной на «разрушение социальной структуры» социалистических стран. Теперь американские стратеги в страхе за свою собственную «социальную структуру» выдвигали «сильнейший побудительный мотив» для отказа от нападения на города США, хотя, как это выяснилось впоследствии, сами не верили в возможность «ограничить» ядерную войну таким путем².

¹ Р. Лэпп. Убийство и свехубийство. Перев. с англ. М., Воениздат, 1964, стр. 90.

² В Пентагоне, по свидетельству Лоу, проявляют большую активность сторонники идеи установления «господства в космосе» с помощью десятков тысяч пилотируемых орбитальных бомбардировщиков. Этим путем они хотели бы осуществить так называемую «стратегию контрсилы», которая маскируется как «стратегия сдерживания», но подразумевает агрессивную термоядерную стратегию, рассчитанную на выигрыш войны (J. Lowe. The Age of Deterrence..., p. 5).

Это была явно несостоятельная попытка изобразить современную войну в ложном свете, внести несвойственное военно-техническое содержание в ядерную войну, которая по своей природе не может быть ограниченной. Будущая война, говорил Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в июне 1962 г., «приведет к гибели сотен миллионов людей, превратит в развалины основные центры мировой цивилизации»¹. «Новая стратегия» Пентагона, — писал Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский по поводу речи Макнамары, — представляет собой не что иное, как подкрашенную старую концепцию «тотальной» ядерной войны»².

Существенное изменение в подходе к способам решения военных задач выразилось и в значительном увеличении сил и средств для ведения локальных войн, а также в принятии так называемой «партизанской тактики», под которой подразумевались необъявленные «партизанские» и контрпартизанские войны. Министр армии США Э. Стар в июле 1962 г. заявил, что американская армия посвящает много времени и энергии «развитию и расширению ее способностей к партизанским и противоповстанческим операциям»³. В это время уже началась ускоренная подготовка «специальных войск» для проникновения на территорию других стран. «Необъявленные войны» с помощью таких войск предполагают фактическое участие американских вооруженных сил в военных действиях против государств, с которыми США формально не находятся в состоянии войны, а также засылку в чужие страны диверсантов и провокаторов, убийства неугодных Соединенным Штатам руководителей, различные формы саботажа.

«Концепция партизанской тактики, — писала газета «Уолл-стрит Джорнэл», — заключается в том, что Соединенные Штаты должны шире вести тайную войну... Мысль о том, что США должны полагаться на партизанские методы ведения войны как на единственный способ остановить и обратить вспять наступление коммунистов, пустила сейчас еще более прочные корни в национальной политике, чем до недавнего позорного

¹ «Правда», 22 июня 1962 г.

² «Красная звезда», 19 июля 1962 г.

³ «Military Review», July, 1962.

провала вторжения на Кубу». Партизанская тактика «в основном сводится к совершению жестокостей исподтишка, и даже сейчас вполне почтенные высокопоставленные люди спокойно обсуждают такие вещи, как методические убийства коммунистических руководителей за границей». Газета ставила вопрос: «приспособится ли вся структура американского общества к идее применения партизанской тактики?»¹. Вопрос этот не был праздным, поскольку, как отмечалось далее в газете, связан с обязательствами «уважать демократию». Но о каком уважении к демократическим институтам можно говорить, когда для достижения политических целей государства рекомендуется применять самые гнусные, террористические методы и приемы, свойственные фашистским головорезам?!

Наращивая стратегическую ядерную мощь, США, как и раньше, планировали внезапное массированное применение ядерного оружия. Об этом сообщалось как в заявлении Д. Кеннеди, так и в докладе комиссии палаты представителей по ассигнованиям, одоббившей идею упреждающего ядерного удара. Чтобы «эффективно сдерживать возможного агрессора, — говорилось в докладе комиссии, — мы должны поддерживать наши вооруженные силы в таком состоянии и в таких условиях, что когда бы ни стала очевидной угроза атаки против нас или против наших союзников, мы сможем произвести атаку прежде, чем агрессор поразит нас или наших союзников. Это есть принцип сдерживания, от которого Соединенные Штаты не должны отказываться. Ни на какую иную форму сдерживания нельзя полагаться»².

В духе превентивной ядерной войны периодически высказывались военные деятели. Так, генерал К. Лимэй писал в одной из своих статей, что американские воздушные силы в состоянии вести ограниченную войну и в то же время «поддерживают стратегические силы, способные преобладать в любом конфликте с государством, могущим нанести прямой удар по Соединенным Штатам». Вооруженные силы США никогда не должны терять из виду эту «миссию номер один» — не прос-

¹ «Wall Street Journal», May 16, 1961.

² House Committee on Appropriations Report, Department of Defense Appropriation Bill, 1961, 86 th Congress, 2nd Session, p. 8.

то нанести ответный удар, но «определить местонахождение этих сил, проникнуть внутрь обороны противника и уничтожить оружие, которое может атаковать Соединенные Штаты»¹.

Все шире разворачивалась активность милитаризма США в рамках Североатлантического блока. В системе НАТО американская военщина делает главную ставку на боннских реваншистов, которых считает самыми надежными союзниками в борьбе против стран социализма, и всемерно способствует восстановлению военной мощи ФРГ, определив ей роль важнейшего военно-стратегического плацдарма для войны в Европе. Боннская военщина вынашивает провокационные планы, рассчитанные на то, чтобы столкнуть Советский Союз и США в неограниченном военном конфликте. «Теоретическое обоснование», подводимое под эти планы западногерманской военной мыслью, поразительно напоминает концепцию «гибкого реагирования». Журнал «Веркунде» писал по этому поводу: «Если стратегия сдерживания должна предотвратить начало вооруженного конфликта, то она, очевидно, должна быть приспособлена ко всем градусам шкалы, начиная от случайных военных инцидентов до географически ограниченной малой войны с обычным оружием, до географически ограниченной ядерной войны или до всеобщей войны, которая будет включать территории основных противников и весь военный потенциал Соединенных Штатов и СССР»².

Стратегия «гибкого реагирования» как выражение агрессивной внешней политики американского империализма получила свое дальнейшее развитие в так называемой теории «эскалации» конфликта между ядерными державами.

В 1961 г. самолетостроительная фирма «Мартин компани», контролируемая Меллонами и Рокфеллерами, поручила Гудзонскому институту провести исследование на тему «Национальные интересы и международные отношения». При этом рекомендовалось сосредоточить внимание прежде всего на проблемах, особо интересующих органы военного планирования США.

¹ «Army Information Digest», October, 1961.

² «Wehrkunde», August, 1961.

Итоги исследования были изложены в нескольких монографиях, в том числе в вышедшей в 1965 г. книге директора института Г. Кана «Об эскалации: метафоры и сценарии»¹. В ней подробно освещаются различные варианты политических и военных конфликтов между США и СССР, схематически представляемых по степени их напряженности в виде «лестницы эскалации». «Лестница» насчитывает 44 ступени, разделенные на 7 групп².

Первая группа — «Предкризисное маневрирование» в процессе «холодной войны», от первой ступени до третьей — соответствующих периоду официальных заявлений сторон о вступлении на путь эскалации конфликта.

Вторая группа — «Традиционный кризис» (четвертая — девятая ступени) начинается «волевой борьбой» и через демонстрацию силы и враждебные акты насилия подводит к «военному противостоянию» сторон без взаимной ядерной угрозы.

Третья группа — «Острый кризис» (десятая — двадцатая ступени) представляет собой «лестничный марш», поднимаясь по которому противники готовятся к применению ядерного оружия. В результате нагнетания напряженности в отношениях между сторонами путем серии провокационных мер на «12-й ступени» возникает большая обычная война; за ней следует новая эскалация — подготовка к ядерной войне, объявляются ядерные ультиматумы, производится ограниченная эвакуация населения, наносятся отдельные ядерные удары с целью запугать противника, а затем «оправданный» ядерный удар, рассчитанный на то, чтобы в решающей степени ослабить военные возможности, престиж или моральное состояние противника³.

Иными словами, «острый кризис» — это серия провокационных актов и агрессивных военных действий, в ходе которых абсолютно неизбежной становится всеобщая ядерная война.

Однако автор теории «эскалации», делая вид, что в его построении до ядерной катастрофы еще далеко,

¹ H. Kahn. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York, Washington, London, 1965.

² См. там же, стр. 39.

³ См. там же, стр. 40, 45.

оценивает стадию «острого кризиса» лишь как создающую условия для того, чтобы «немыслимая ядерная война стала вероятной»¹. Поэтому в четвертую группу (21-я и 25-я ступени) эскалации, характеризующуюся как «необычный кризис», он включает «локальную ядерную войну» с нанесением ударов только по военным объектам, разного рода провокационные акции, объявление «ограниченной ядерной войны», эвакуацию городов (около 70 процентов населения).

Пятая группа ступеней (26-я—31-я) составляет «дипломатию ядерного нажима». В нее входят так называемые «демонстративные» ядерные удары по городам, военным и промышленным объектам, полная эвакуация городов (95 процентов населения) и «взаимные встречные репрессалии».

«Дипломатия ядерного нажима», согласно схеме Кана, создает условия для дальнейшего подъема по «лестнице эскалации» к всеобщей ядерной войне с нанесением ударов «только» по военным и военно-промышленным объектам — 6-я группа (32-я—38-я ступени).

И, наконец, последняя, седьмая группа (39-я—44-я ступени) представляет собой всеобщую ядерную войну, удары по гражданским объектам с целью уничтожения городов, материальных ресурсов, «источников национальной мощи», населения враждебной страны.

Лестницу эскалации «венчает» так называемая «спазматическая или бессознательная война», в которой одна сторона отдает приказ «нажать все кнопки», а ответные действия другой стороны носят автоматический, бессознательный и бесконтрольный характер².

Автор теории эскалации — воинствующий милитарист. Как и все его коллеги по антикоммунизму, он клеветает на Советский Союз, обвиняя его в агрессивности, в создании «угрозы» миру, и в особенности безопасности США. Однако за всеми теоретическими построениями Кана, изобилующими модной милитаристской терминологией и туманными, нарочито путанными умозрительными выкладками, довольно ясно проглядывает крайне агрессивный характер выдвигаемых им политических и военных идей и концепций.

¹ Н. К а н н. On Escalation..., p. 43.

² См. там же, стр. 39, 50, 51, 194.

«Лестницу эскалации» Кан рассматривает в качестве «средства анализа» различных вариантов политических и военных конфликтов между ядерными державами. Но эта схема, как и сам метод анализа, имеет вполне определенный и весьма опасный «подтекст», выходящий далеко за пределы чисто теоретических абстракций.

Первое обстоятельство, на которое следует обратить внимание при оценке положений Кана, — ярко выраженный авантюристический характер подхода к анализу отношений между государствами, обладающими значительным количеством оружия массового поражения. Теория эскалации, будучи примененной к практике международных отношений (а именно для этой цели она и разработана по заказу военных промышленников), является, по существу, руководством по развязыванию международных конфликтов с помощью военных провокаций, которые ведут к мировой ядерной войне. Кан всячески стремится скрыть это обстоятельство, пытаясь доказать, что даже фактическое применение ядерного оружия противниками еще не означает ядерной войны. Так, продвижение по «лестнице эскалации» от «необычного кризиса» и «дипломатии ядерного нажима» к ядерной войне, когда, согласно схеме, ядерное оружие применялось уже дважды, он считает положением, при котором «до ядерной войны еще далеко». Вместе с тем Кан признает, что рассматриваемые им варианты развития событий и предпринимаемых противниками действий в ходе «необычного кризиса» и при «дипломатии ядерного нажима» представляются «более вероятными путями к большой войне». Тем не менее автор теории эскалации настаивает, чтобы США были готовы использовать эти варианты, потому что они будут «нуждаться в них» при остро кризисных обстоятельствах¹.

Одна из основных задач, преследующихся теорией эскалации, состоит в том, чтобы внести в сознание как можно большего числа людей идею о возможности успешного решения политических задач американского империализма с помощью ядерной войны и доказать таким образом «приемлемость» и «целесообразность» развязывания ее Соединенными Штатами Америки. Об

¹ См. Н. Кан. On Escalation..., pp. 134, 136.

обстрейших международных кризисах, связанных в схеме Кана с действительным применением ядерного оружия, автор ее рассуждает в стиле легковесных метафор и аналогий, будто речь идет не о жизни и смерти сотен миллионов людей. Так, эскалацию ядерной войны он считает возможным сравнить с лифтом, поднимающимся вверх: «Мы можем представить себе типичную ситуацию эскалации в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом в виде универсального магазина с семью этажами, на каждом из которых имеется определенный выбор вариантов действий различной интенсивности, соответствующих тому этапу, который может быть избран руководством той или иной страны»¹.

Эта аналогия насквозь фальшива, несостоятельна и далека от реальной действительности. Все дело в том, что каждая из сторон, противостоящих друг другу в весьма сложной и остро кризисной обстановке, будет стремиться выбрать вариант действий, наиболее выгодный для себя и неожиданный для противника. В этом случае они, естественно, окажутся на разных «этажах». Легко представить такое положение, когда один из противников в условиях «традиционного», «острого» или «необычного» кризисов (т. е. на 2, 3 или 4-м «этажах») сочтет необходимым нанести серию внезапных ядерных ударов с целью добиться решающих преимуществ, то есть развязать ядерную войну. Ведь кнопки «лифта», как это следует из слов Кана, может нажать любой из противников, когда ему вздумается. Если же обе стороны одновременно надавят на кнопки разных этажей, то «лифт» просто не работает. Очевидно, для того чтобы аналогия Кана была полной, нужно каждому противнику предоставить отдельный «лифт», то есть свободу выбора действий. Это тем более важно, что использование одного «лифта», когда противники будут стараться не отстать друг от друга, может привести к стремительному взлету на «седьмой этаж», что неизбежно вызовет всеобщую ядерную войну.

Придуманного Каном «лифта» в действительности нет и быть не может, поскольку дело касается не только США, но и СССР. Благодаря заботам Коммунистиче-

¹ Н. К а н н. On Escalation..., p. 72.

ской партии Советского Союза и Советского правительства Вооруженные Силы нашей страны обладают несокрушимой мощью, постоянно находятся в боевой готовности и являются грозной преградой на пути империалистических агрессоров. Подорвать их могущество любыми средствами — давняя мечта милитаристов. Изощряясь в поисках путей и способов одержания победы над Советскими Вооруженными Силами, идеологи и теоретики американского милитаризма предлагают множество рецептов. Один из них — теория эскалации войны между США и СССР. Ее автор — решительный сторонник ядерной войны, немало сделавший для того, чтобы поддержать гонку ядерных вооружений и доказать возможность достижения победы США в ядерной войне. Нельзя не отметить, что Кан преуспел в ее оправдании и пропаганде, чем и заслужил позорную известность. Добился он «признания» и рекомендациями о проведении авантюристических и провокационных акций, направленных на развязывание ограниченных и неограниченных войн. Можно сказать, что по сравнению с идеей Д. Ф. Даллеса о «балансировании на грани войны» Кан сделал «шаг вперед»: одну «грань» балансирования он предложил заменить многоступенчатой лестницей эскалации. Но на этой «лестнице» авантюризма не меньше, а больше, чем на «границе» Даллеса. Кан сам признал, что «полагаться даже на медленную, постепенную эскалацию в международных кризисах — опасная стратегия»¹.

Заведомый авантюризм Кана и его коллег не беспредметен, он имеет свои цели и основания. Сторонники и даже энтузиасты теории эскалации есть и в Белом доме, и в Пентагоне. Их объединяет центральная идея неожиданного захвата инициативы в ядерной войне. Это та же самая идея нанесения превентивного удара ядерными средствами, которая уже много лет вынашивается агрессивной военщиной США. Она представляет собой главный «подтекст» теории Кана, а точнее говоря, — ее сущность, весьма слабо завуалированную.

Рассуждениями о многоступенчатости подъема по лестнице эскалации, о существующей якобы возможности «спуска» по ней, даже после того, как было исполь-

¹ Н. Кан. On Escalation..., p. 14.

зовано ядерное оружие, пространными описаниями «порогов», которые якобы имеются между группами ступеней эскалации и замедляют подъем, всем содержанием книги Кан стремится искусственно создать видимость последовательного, размеренного втягивания в мировую ядерную войну. «Острый кризис» он рассматривает как начало постепенного перехода от ограниченной войны к мировой, в процессе которого противники не испытывают недостатка во времени и могут не торопясь выбирать подходящие способы действий. А между тем по его же схеме в содержание «острого кризиса» (3-я группа ступеней эскалации) входят такие варианты действий противников, как «большая обычная война», ультиматумы о применении ядерного оружия и действительное его использование в форме «сенсационной демонстрации силы» и «оправданного контрудара». И после этого, для пущей убедительности, Кан ставит между «острым» и «необычным» кризисами выдуманный им порог — «неприменение ядерного оружия»¹. Все его попытки «спроектировать» абстрактную лестницу эскалации с ее «маршами» и «порогами» на реальные отношения между противниками направлены, во-первых, на обоснование мер по дезинформации и дезориентации враждебной стороны и, во-вторых, на обеспечение для США возможности выбора удобного момента для внезапного массового применения ядерного оружия в намеренно создаваемой обстановке провокаций и ядерного шантажа. И нет ничего случайного в открытом выступлении автора теории эскалации за то, чтобы США стали инициаторами ядерной войны. В интервью корреспонденту западногерманского журнала «Шпигель» в апреле 1967 г. Г. Кан заявил: «По крайней мере в Европе современная ситуация такова, что если разразится война, то мы (то есть США. — В. К.) при определенных обстоятельствах первыми применим ядерное оружие»². В этой агрессивной авантюристической идее и заключена главная, плохо скрытая суть теории эскалации. Теория эта выдвинута не новичком, а сложившимся специалистом в области американской внешней и военной политики. Ее автор пользуется авто-

¹ H. Kahn. On Escalation..., p. 39.

² «Spiegel», April, 1967.

ритетом и поддержкой (в том числе и финансовой) в военно-промышленных кругах США, в среде агрессивной американской военщины, у так называемых «утопистов» — сторонников неограниченного применения ядерного оружия и в Белом доме.

Правительство Л. Джонсона, расширяя агрессию во Вьетнаме, стало на путь дальнейшего нагнетания международной напряженности и усиления гонки вооружений. «Американские вооруженные силы, — провозгласил Джонсон в послании конгрессу 21 января 1964 г., — предназначены для осуществления стратегии так называемого «гибкого реагирования», для того чтобы справиться с большими и малыми войнами». «Мы решили не уступать нашим противникам в конфликте любого типа, будь то ядерная война, обычная война или партизанский конфликт»¹. У Джонсона не возникло никаких принципиальных расхождений с Пентагоном.

Американские интервенты в войне против вьетнамского народа пытаются реализовать теорию «эскалации», то есть последовательного наращивания военных усилий в локальных конфликтах вплоть до применения ядерного оружия. Они стремятся обеспечить превосходство сил над противником, что, по мнению авторов этой теории, должно создать Соединенным Штатам возможность добиться победы, используя ядерное оружие «с минимальным риском» развязывания мировой ядерной войны². С этой целью в течение нескольких лет американские оккупанты увеличили численность своих войск в Южном Вьетнаме до 550 тыс. человек, ввели в прибрежные воды этой страны 7-й флот, направили в воздушное пространство Вьетнама стратегические бомбардировщики В-52 и т. д.

Агрессивная война США во Вьетнаме не принесет победы интервентам. Она вызывает во всем мире растущий протест против американского империализма, усиливает его морально-политическую изоляцию. Советский Союз вместе с миролюбивыми народами других стран требует прекращения агрессии США во Вьетнаме. В Призыве международного Совещания коммунистиче-

¹ J. Raymond. Power at the Pentagon. New York, Evanston, London, 1964, p. 6.

² См. R. Ginsburg. Colonel USAF. U. S. Military Strategy in the Sixties. New York, 1965, p. 134.

ских и рабочих партий «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!» говорится, что планы империализма США по ликвидации одного из социалистических форпостов в Азии, нанесению удара по революционно-освободительному движению в Азии, Африке и Латинской Америке обречены на провал. «При огромной поддержке стран социализма, в первую очередь Советского Союза, а также всех миролюбивых народов мира, вьетнамский народ показал США, этой наиболее мощной силе империализма, что их могущество не безгранично»¹.

Стратегия «гибкого реагирования», возникшая как результат поисков эффективных способов решения военных задач при невыгодном для лагеря империализма соотношении сил, не открыла и не могла открыть пути для достижения победы в войне против социалистических стран. Не имея превосходства в силах и преследуя реакционные цели, нельзя рассчитывать на военную победу, независимо от того, какими способами стремятся ее достигнуть — с помощью серии локальных войн либо путем всеобщей ядерной войны.

Опыт современной истории говорит о том, что локальные войны возможны. Но если такие войны начнутся между государствами, обладающими ядерным оружием, то они, чтобы избежать поражения, применяют его. Что касается мировой ядерной войны, то ее перспективы становятся все менее привлекательными для агрессоров. Макнамара, например, неоднократно выражал неуверенность в достижении победы в такой войне. В подкомиссии палаты представителей по ассигнованиям он заявил: «Если бы стратегические средства двух стран были пущены в ход, нашей стране был бы нанесен такой сильный ущерб, что наш образ жизни изменился бы, и изменился в нежелательном направлении... Мое личное мнение таково, что мы не можем победить в ядерной войне, в войне с применением стратегических ядерных средств, в обычном значении слова победить»². «Тотальная ядерная война между Соединенными Штатами и СССР, — писал Макнамара в ноябре 1964 г., — приведет к гибели в первый ее

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 50.

² Department of Defense Appropriations for 1964, House Subcommittee of the Committee on Appropriations, Part 1, pp. 340, 341.

час 100 миллионов американцев... Вряд ли разумный человек может назвать это победой»¹. Подобного рода высказываний политических и военных деятелей США можно было бы привести немало. Они достаточно определенно отражают осознанную опасность ядерной войны для капиталистического общественного строя и понимание невозможности достичь в ней победы. Вместе с тем такие суждения не означают отказа от планов использования ядерного оружия, и США продолжают его совершенствовать и накапливать. Они рассматривают средства массового поражения как главную материально-техническую основу стратегии «гибкого реагирования», которая не исключает, а предполагает всеобщую ядерную войну.

Американские политические и военные деятели часто говорят о том, что целью запасов ядерного оружия является «сдерживание коммунизма», а не война. Но факты опровергают их. Об этом писал Лоу, критикуя «утопистов»: «За фасадом респектабельной и традиционной позы сдерживания лежит искушение, которому многие утопические теоретики находят трудным сопротивляться, — угроза или использование термоядерной войны в качестве инструмента внешней политики»². Выступая перед комиссией конгресса с соображениями о том, как уменьшить разрушения на территории США в случае войны, Макнамара, по сути дела, ратовал за нанесение упреждающего ядерного удара Соединенными Штатами. Он заявил, что «стратегические наступательные силы могут способствовать ограничению ущерба, атакуя средства доставки оружия противника на базах или пусковых площадках при условии, что наши силы смогут настигнуть эти средства до того, как они запущены с их площадок»³. Фундаментальным требованием любой национальной стратегии, которую могут избрать Соединенные Штаты, по мнению военного обозревателя Хэнсона Болдуина, является «поддержание способности уничтожить любого врага с помощью ядерного нападения, не считаясь с тем, что этот противник может предпринять»⁴.

¹ «Saturday Evening Post», November 7, 1964.

² G. L o w e. The Age of Deterrence, p. 5.

³ «Army», April, 1965.

⁴ «Ordnance», November—December, 1964.

Таким образом, стратегия «гибкого реагирования» носит открыто агрессивный и реакционный характер. Она предполагает самые жестокие, бесчеловечные формы и способы ведения военных действий против народов, борющихся за свободу и независимость, и в то же время усиленную подготовку к всеобщей ядерной войне. Не «реагирование», а агрессивная милитаристская инициатива составляет сущность нынешней военной доктрины США.

«Гибкое реагирование» — это авантюристическая и бесперспективная стратегия как в социально-политическом, так и в военно-техническом отношении. Главная политическая цель, достижение которой должно быть обеспечено с помощью военных средств, — мировое господство американского империализма — представляет собой реакционнейшую утопию, несовместимую с характером современной эпохи, в корне противоречащую жизненным интересам всех народов. При существующем в современном мире соотношении сил военная победа империализма над социализмом признается невозможной даже многими политическими и военными деятелями Западной Европы и США.

Современное ракетно-ядерное оружие таит серьезную угрозу для воюющих сторон и всего человечества. Значительно опаснее оно для США, нежели для СССР, ибо США располагают меньшей территорией и большей концентрацией населения и промышленности. Перед лицом несокрушимой экономической и оборонной мощи социалистического лагеря попытки осуществления империалистических целей военными средствами обречены на неминуемое банкротство. Однако военные идеологи американского империализма в этом объективном следствии социально-политического и военно-технического развития не видят необходимости отказаться от войны как способа решения международных споров. Они ищут новую стратегическую теорию, в рамках которой внешняя политика, предусматривающая не только войну между государствами, но и подавление революционных движений, могла бы опереться на действенные формы и методы достижения успеха.

Испытанная в течение почти полувека традиционная схема стратегии империализма США нуждалась в коренном пересмотре. Основные ее принципы: опора

на превосходящую вооруженную силу в готовности, сконцентрированную в руках американского командования, и использование результатов боевых действий союзников — перестали соответствовать новому положению в мире, изменившемуся соотношению сил не только между вероятными противниками, но и между США и их союзниками. В 1957—1960 гг., когда полностью была осознана несостоятельность стратегии «массированного удара» и американская военная мысль лихорадочно искала выход из тупика, в который ее завела политика «ядерного сдерживания», назрела необходимость пересмотреть военную доктрину, принять меры для совершенствования агрессивной военной политики и стратегии.

Однако «новые решения» не принесли ожидаемых результатов. С середины 60-х годов в американских военных кругах все более широко осуждается военная доктрина, опирающаяся на ядерное оружие. «Контрсила», «ограниченное сдерживание», «градуированное сдерживание», «гибкое реагирование» — это все еще оспариваемые концепции, — отмечал американский военно-морской теоретический журнал. — Становится очевидным, что ядерная война не предлагает благоразумного пути к достижению политических целей. Об этом говорилось раньше. Теперь все больше людей начинают верить этому¹. «Тотальная война больше не имеет какой-либо социальной ценности, — писал Лоу в журнале «Арми», дословно повторяя идею У. Миллиса. — Соединенные Штаты не могут больше тайно стремиться к глобальной гегемонии, осуществляемой в просвещенном «Рах Американа», как не могут они рассчитывать на превосходство во вселенной, ни надеяться превратить всех на земле в говорящих по-английски демократических господ, руководствующихся иудейски-христианскими верованиями и англосаксонским неписаным законом»².

Нетрудно заметить, что подобного рода критика затрагивает не только способы решения военных задач и собственно военно-технические проблемы. Она обрушивается и на социально-политическое содержание военной идеологии, на план установления мирового господства империализма с помощью вооруженного насилия,

¹ United States Naval Institute Proceedings», March, 1964.

² «Army», April, 1965.

то есть главную, центральную мысль империалистической идеологии в отношении к войне.

Здесь уместно вспомнить тезис военного историка У. Миллиса, выдвинутый еще в 1956 г., об «утрате войной социальной функции», о том, что война перестала приносить «общественную пользу». В то время Миллис, хотя и был далек от подлинно научной оценки роли насилия в истории, очень близко подошел к пониманию бесперспективности и авантюризма доктрины тотальной ядерной войны, необходимости отказаться от использования военных средств в осуществлении империалистической политики¹. Зароненные им несовершенные «зерна истины» начинали теперь «прорасти» на страницах американской военной печати в виде предложений о совершенно новом подходе к проблеме использования вооруженной силы. В представлении Лоу тотальная война есть «взаимное самоубийство и поэтому больше не является разумным орудием политики». «В нынешнем веке... единственно разумное применение военных сил» заключается «скорее в поддержании порядка, в функциях ограничения и сдерживания насилия, чем в аспектах выигрыша войны, безоговорочной капитуляции и тотальной победы»².

В несколько иной, менее ярко выраженной форме проявляются элементы осторожности в оценке военных авантур в теоретических исследованиях, финансируемых фондами Рокфеллеров и Фордов. Автор работы «Ограниченная война в ядерный век» пришел к выводу, что «цели Америки, которыми определяются пределы ведения локальной войны, должны быть гибкими. В то время как Соединенные Штаты не должны исключать возможности успеха на поле боя, они не должны и рассчитывать на него. Правительство всегда должно будет пытаться уравнивать политическую ценность возросшего военного успеха с издержками и риском, которые он влечет за собой»³.

Как видно, эти рекомендации рассчитаны на примирение двух крайних точек зрения на войну. Они пред-

¹ См. главу четвертую настоящей работы.

² G. Lowe. The Six Lessons Deterrence. «Army», April, 1965.

³ M. Halperin. Limited War in Nuclear Age. New York — London, 1963, p. 131.

полагают достижение крупных политических целей посредством серии агрессивных локальных войн, большинство из которых должно быть выиграно. Вместе с тем в них содержится предостережение против ведения дорогостоящих локальных войн, не сулящих легкого успеха и в конечном счете бесперспективных.

С подобными советами выступил и крупный чиновник Пентагона, выходец из «корпорации Рэнд» А. Энтовин. У него возникла оригинальная идея подвести под политические и стратегические принципы религиозную базу. Энтовин, в соответствии с традиционной христианской доктриной, пытался оправдать использование силы для подавления зла в определенных условиях. Он считал, что, во-первых, применение силы должно иметь разумный шанс на успех. Во-вторых, в случае успеха оно должно обещать лучшее положение по сравнению с прежним. В-третьих, эта сила должна быть соразмерна преследуемым целям. И, в-четвертых, «сила должна использоваться с намерением щадить некомбатантов при сносных видах достичь этого на деле»¹.

Такой подход к проблеме войны объясняется прежде всего явно агрессивной позицией представителя Пентагона. Идея применения вооруженного насилия с целью «улучшить положение» свойственна агрессору — инициатору наступательной войны, а не обороняющейся стороне, которая отстаивает свою независимость и не стремится «улучшить положение» за счет других стран путем военной экспансии. Другой целью высказываний Энтовина явилась попытка ограничить ущерб для агрессора, который могут принести современные боевые средства. Но дело в том, что сама физическая природа ядерного оружия, когда оно используется для достижения решительных политических целей, обуславливает весьма малую вероятность подобного ограничения. Только отказ от применения ядерного оружия при соответствующем международном контроле может избавить человечество от опасности неограниченной ядерной войны. Концепция Энтовина пригодна для войны минувшей, а не будущей. «Улучшение положения» империализма посредством войны — заветная мечта крайне правых, фашиствующих милитаристских кругов. Взгляды Энтови-

¹ American Defense Policy. Baltimore, 1965, p. 309.

на выражают печаль поповствующего идеолога о недавнем прошлом, когда милитаристы еще могли питать надежды на военный успех, не боясь ответственности за свои авантюры. Нет никакой логики в разговорах об ограничении ядерной войны, которые ведутся на фоне бешеной гонки вооружений.

Упомянутые суждения некоторой части военных авторов США не дают оснований для заключения о том, будто идеология американской буржуазии в отношении к войне претерпевает важные изменения. Они представляют интерес с точки зрения уяснения тенденций, имеющих в военной мысли США. Следует помнить, что в свое время Макнамара также не верил в возможность достижения победы «путем вступления в стратегическую ядерную войну»¹, а в своей деятельности руководствовался совершенно иными принципами. Все это свидетельствует о том, что по ряду важных вопросов военной политики и стратегии в финансово-промышленных и военных кругах нет единых взглядов.

В первом проекте новой программы Коммунистической партии США указывалось на существование в среде американской монополистической буржуазии трех «непостоянных, меняющихся направлений», которые «вызываются различием тактических суждений», а также возникают «под влиянием специфических экономических интересов». Представители одного из этих направлений ищут какую-либо форму «приспособления к новому мировому соотношению сил», другие — рецепт для «ограниченной войны», то есть для «использования американской военной, экономической и дипломатической мощи в контрреволюционных целях, не исключая возможности ядерной войны как крайнего средства, но стремясь избежать ее». Сторонники третьего направления проповедуют неизбежность ядерной войны, «предлагая такие стратегемы, как превентивная война или ультиматумы, поддержанные ядерной силой». В настоящее время доминирующим является второе направление, пытающееся избежать ясного выбора между мирным сосуществованием и ядерной войной. Его срединная позиция, однако, «по существу, фальшива, потому что его логика

¹ Department of Defense Appropriations for 1964..., p. 340.

и метод, в сочетании с неизбежными провалами, постоянно усиливают направление всеобщей войны»¹.

Господствующие тенденции в американской военной идеологии определяются хотя и не самыми крайними, но весьма реакционными и угрожающе агрессивными политическими и военными взглядами, которые в основе своей наиболее полно выражены в официальной концепции «гибкого реагирования». В ней проявилось стремление империалистов США найти наиболее эффективные пути военного строительства, соответствующие «глобальным» задачам американского милитаризма.

4. УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИОННЫХ И АГРЕССИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Стратегия «гибкого реагирования» нашла свое применение в агрессивной локальной войне против вьетнамского народа. Во Вьетнаме, сказал Гэс Холл на внеочередном съезде КП США в июне 1968 г., американская политика империалистической агрессии столкнулась с реальностью нашей эпохи. Там она встретила с сектором сил национального освобождения и сектором сил мирового социализма... Наиболее острым выражением глубокого кризиса, который переживает американский империализм, является «кризис военной агрессии США»².

Неспособность полумиллионной американской армии, поддерживаемой крупными военно-воздушными и военно-морскими силами, действующей вместе с войсками марионеточного сайгонского режима, поставить на колени свободолюбивый народ Вьетнама явилась наглядным свидетельством несостоятельности стратегии «гибкого реагирования». Неоднократные поражения, нанесенные американским захватчикам народными освободительными силами Южного Вьетнама, основательно потрясли американско-сайгонскую военную систему. Натолкнувшись на героическое сопротивление южновьетнамских патриотов, американские душители свободы пытаются достичь своих грязных целей путем наращивания военных сил, расширения агрессии против вьет-

¹ New Programm of the Communist Party U. S. A. New York, 1966, pp. 32, 33.

² «Правда», 6 июня 1968 г.

намского народа и соседних с ним государств — Лаоса и Камбоджи.

Выход из тупика, в который их завела агрессивная стратегия «гибкого реагирования», вашингтонские «ястребы» пытаются найти на новых ступенях «лестницы эскалации», в том числе в применении ядерного оружия. «Безрассудные угрозы некоторых американских военных и политических деятелей применить ядерное оружие во Вьетнаме представляют собой новые проявления агрессивной политики шантажа и давления, вызов народам, стремящимся к миру»¹.

Неоднократные поражения армии интервентов во Вьетнаме вызвали в американской военной и политической мысли сомнения в действенности стратегии «гибкого реагирования», стремление найти более совершенные формы и способы достижения реакционных политических целей, расширить арсенал агрессивной политики за счет усиления как военных, так и невоенных средств борьбы.

В 1968 г. Р. Макнамара, уходя с поста министра обороны США, подписал в печать книгу «Сущность безопасности», в которой были изложены его взгляды по основным проблемам военной доктрины и стратегии. Наряду с типичной для военной печати США аргументацией в пользу милитаризма и усиления военной мощи США, сохранения и активизации агрессивных военных блоков в книге содержатся некоторые небезынтересные мысли. При любом соотношении ядерных средств между СССР и США Макнамара считает «ясным, неопровержимым тот факт, что Советский Союз, используя наличные силы и средства, даже после первого, сделанного в полную силу американского удара, может уничтожить США»². По его мнению, «ни одна из существующих в настоящее время или в обозримом будущем система противоракетной обороны не обеспечит создание непроницаемого щита над Соединенными Штатами»³. Любая такая система «несомненно может быть поражена с помощью простого увеличения противником числа наступ-

¹ Декларация об угрозе миру, создавшейся в результате расширения американской агрессии во Вьетнаме («Правда», 10 марта 1968 г.).

² R. MacNamara. The Essence of Security. New York, 1968, p. 59.

³ Там же, стр. 62.

пательных боеголовок или холостых боевых частей в таких размерах, которые превышают количество оборонительных ракет для их ликвидации»¹.

Сущностью стратегии «сдерживания» Макнамара считает так называемое «гарантированное уничтожение», т. е. нанесение неприемлемого для противника ущерба «на любом этапе взаимного обмена стратегическими ядерными средствами» даже после нанесения по США внезапного ядерного удара².

Хотя, как полагает сам Макнамара, Советский Союз не стремится к нанесению первого удара, США должны постоянно поддерживать возможность «гарантированного уничтожения». По его данным, США располагают следующими стратегическими наступательными силами: 1000 пусковых установок ракет «Минитмен», тщательно укрытых под землей; 41 подводная лодка, на борту которых размещены 536 ракет «Поларис», и около 600 бомбардировщиков дальнего действия, из которых примерно 40 процентов находятся в высокой боевой готовности³.

Макнамара твердо стоит на позициях стратегии «гибкого реагирования», делая упор на огромную военную мощь как ее «обязательный компонент» и на сохранение «ядерного арсенала», хотя и говорит о «полной бесполезности неограниченной войны»⁴. Вместе с тем он призывает к более широкому пониманию проблемы «безопасности», считая опасным находиться «в плену у концепции военно-технической мощи», доводить ее до абсурда. По его мнению, США оказались теперь в таком положении, что они уже больше не в состоянии обеспечивать рост своей безопасности лишь путем приобретения дополнительной военной техники. При этом он выдвигает проблему и «внутренней безопасности» США. «Для могущественной, уже достаточно хорошо вооруженной страны решающим фактором, способным обеспечить ее внутреннюю безопасность, является характер ее взаимоотношений и связей в мире». Отсюда он делает вывод о необходимости, во-первых, оказывать военную и экономическую помощь тем развивающимся странам,

¹ R. MacNamara. The Essence of Security, p. 63.

² См. там же, стр. 53.

³ См. там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 162, 185.

которые в ней нуждаются; во-вторых, поощрять и обеспечивать более эффективное партнерство с капиталистическими странами; в-третьих, сделать все реально возможное, чтобы уменьшить риск конфликта с вероятными противниками¹.

Макнамара считает, что «безопасность» должна обеспечиваться не только военной силой и использованием ее. «Безопасность есть развитие», под которым он понимает «экономический, социальный и политический прогресс». Без них нет безопасности. Все дело, однако, в том, что это развитие в представлении Макнамары выглядит весьма ограниченным. Оно не выходит за рамки буржуазного строя и сводится в основном к постепенному повышению жизненного уровня населения развивающихся стран и некоторым реформам, без которых неизбежно «болезненное революционное насилие».

Таким образом, речь идет о том, чтобы для предотвращения подлинного социального прогресса в развивающихся странах, наряду с военной силой, широко осуществлять политику буржуазных реформ и экономических подачек. Предлагая оказывать помощь этим странам в подготовке личного состава и в оснащении войск, Макнамара рекомендует также использовать эти войска для проведения «военно-гражданских акций», то есть для помощи населению в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства, строительства дорог и т. п.

Макнамара не скрывает беспокойства о судьбе богатых (империалистических) государств мира — они не смогут сохранить богатство и чувствовать себя в безопасности, если по-прежнему «будут закрывать глаза на эпидемию нищеты, распространившуюся во всем Южном полушарии земли». Он выразил надежду, что эти государства станут более реалистичными, когда поймут, что каждый доллар, израсходованный на увеличение военной мощи, обеспечит им меньшую безопасность, чем доллар, израсходованный на увеличение помощи бедным государствам².

Империалисты переродились бы, если бы вдруг начали оказывать постоянную, действенную и бескорыстную

¹ См. R. MacNamara. The Essence of Security, p. 165.

² См. там же, стр. 188.

экономическую помощь тем народам, путём ограбления которых нажили баснословные прибыли. Поэтому рекомендации Макнамары тратить на гонку вооружений не больше, если не меньше, чем на экономическую помощь развивающимся странам, не могли встретить и не встретили одобрения монополий и правительства США. Сам же характер его размышлений и рекомендаций свидетельствовал об осознании несостоятельности агрессивной военной доктрины и стратегии США.

Попытки найти эффективные средства и способы достижения победы во Вьетнаме и обеспечить действенность стратегии «гибкого реагирования» предпринимаются многими военными и гражданскими авторами. Группа сотрудников Гудзонского института, возглавляемого Г. Каном, опубликовала обширное исследование на тему «Можем ли мы победить во Вьетнаме?»¹. В нем выдвигается немало различных рецептов достижения победы. Один из авторов, признавая важность экономических и политических реформ, предлагает вести решительные военные действия против патриотов Южного Вьетнама; другой настаивает исключительно на максимальном вооруженном давлении; третий, признавая наличие военного тупика, предлагает закончить войну с помощью существенных уступок с обеих сторон. Любитель разного рода авантюристических «сценариев» и «лестниц» Г. Кан выдвигает 14-ступенчатую программу достижения победы. Она включает укрепление сайгонского режима, ведение заведомо бесплодных переговоров, проведение амнистии и различных административных реформ, в том числе в сайгонской армии, улучшение стратегии и тактики, инсценировку национального примирения и единства, демонстративный вывод части американских войск и, в случае необходимости, — «полную эскалацию войны против Северного Вьетнама». Кан настаивает также на проведении программы укрепления «законности» с помощью чрезвычайных мер, в том числе террора, расширение операций по «умиротворению» населения, на строительстве новых тюрем². В число рекомендуемых Каном мер входят и улучшение положения

¹ J. Armbuster, R. Gastill, H. Kahn, W. Pfaff, E. Stillman. Can We Win in Vietnam? New York, Washington, London, 1968.

² См. там же, стр. 107, 128, 167, 223, 319.

беженцев, сельского населения, расширение производства риса и других продуктов питания, проведение частичной земельной реформы, повышение налогов на население городов Южного Вьетнама¹.

Как видно, для агрессоров все средства хороши. Напалм и ядерные бомбы, террор и шантаж, обман и жалкие подачки, застенки и убийства. Но главным средством захватчиков по-прежнему остается ничем не прикрытое вооруженное насилие. Чем более серьезные поражения наносили войскам интервентов южновьетнамские патриоты, тем с большей настойчивостью американская военщина требовала усилить эскалацию войны. В печати появились критические выступления против Джонсона и Макнамары, которые пошли по пути постепенного наращивания сил вместо того, чтобы применить мощные силы в кратчайшие сроки. В журнале «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт» высказывалось мнение, что «постепенная эскалация— это все равно что бездонная бочка», очень дорого обходящаяся, ибо «позволяет противнику наращивать ответные усилия. При этом теряется внезапность удара, обеспечиваемая резкой эскалацией»².

Группа военных экспертов, в том числе Т. Гэйтс, А. Бэрк, А. Грюнтер, Н. Туайнинг, разработала для координационного комитета республиканской партии документ, в котором обвинила правительство Джонсона в неправильном применении концепции «гибкого реагирования»: в «постепенном» применении силы, в «осторожной дозировке» ее по фазам конфликта, что дает преимущества противнику³.

Вместе с тем неблагоприятный ход войны заставил американских стратегов серьезно задуматься над реальными перспективами и последствиями осуществления стратегии «гибкого реагирования». Некоторые из них начали понимать, что в случае развязывания не одной, а нескольких подобных войн американская военная машина может потерпеть полное фиаско. На вопрос о том, сколько же локальных войн одновременно и какими средствами могут США вести, попытался дать ответ

¹ См. J. Armbruster, R. Gastill, H. Kahn, W. Pfaff, E. Stillman. Can We Win in Vietnam?, pp. 325, 329.

² См. «Красная звезда», 15 марта 1968 г.

³ Choice for America. Report of the Republican Coordinatory Committee. Washington, July, 1968.

журнал армии США «Милитэри Ревью»¹. В статье, посвященной «региональным войнам 70-х годов», предсказывается усиление «борьбы за мировое господство» в следующем десятилетии. В этой борьбе угроза применения или использование силы будет главным фактором и, следовательно, сохранится постоянная опасность мировой войны и «региональных» войн. Как следует из статьи, «региональная» — это, по сути дела, то же, что и локальная, или ограниченная определенным районом, война. Отмечая, что «существует предел количеству региональных войн, которые США могут вести одновременно», автор статьи полагает, что тем не менее США, по-видимому, должны быть готовы вести одновременно по меньшей мере две ограниченные войны. Главная забота в региональной войне — эскалация. Необходимо стремиться до минимума ограничить интенсивность региональной войны, добываясь от противника максимальных уступок без чрезмерной эскалации, «не доводя противника до отчаяния». Стратегия региональной войны должна обеспечивать как «политику устрашения», так и ведение военных действий в данном районе. В свою очередь эффективное «региональное устрашение» невозможно без «глобального устрашения». По мнению автора, первоочередной должна быть готовность к глобальной войне, а стратегия региональной должна рассматриваться как важное дополнение к ней.

В этом заключается главный смысл рассуждений о взаимосвязи региональной и глобальной стратегий. Понимая опасность рассредоточения сил, возникающую при одновременном ведении нескольких локальных войн, автор рекомендует в таком случае усилить угрозу всеобщей ядерной войны и тем самым заставить противника ослабить сопротивление локальной (или региональной) агрессии: «Политика национальной безопасности, — говорится в статье, — ставит задачу выиграть любую войну, ведение которой оказывается необходимым». Однако, пока выдвигаются подобные рекомендации для выигрыша ведущихся одновременно **нескольких** войн, США не могут выиграть даже **одной** войны. На чем же тогда основана постановка задачи выиграть любую войну? Как следует из содержания статьи, победа должна

¹ «Military Review», January, 1969.

обеспечиваться постоянной угрозой использования или применением ядерного оружия как в региональном, так и в глобальном масштабе. Стратегия региональной войны «диктует необходимость иметь в наличии глобально-рассредоточенную силу, обладающую объединенными, подвижными, надежными средствами устрашения, которые могут быть использованы в другом районе или совокупности районов».

Таким образом, концепция «региональной стратегии» существенно не отличается от стратегии «гибкого реагирования». Однако ее успех ставится в значительно большую зависимость от применения ядерных средств. Поэтому она таит еще большую опасность превращения локальной агрессии во всеобщую ядерную войну.

Американская военная мысль продолжает вырабатывать все новые рецепты и рекомендации, способы выхода из военного тупика во Вьетнаме, совершенствования стратегии и тактики в агрессивных войнах. Обилие всевозможных рецептов в данном случае является не только признаком тяжелой болезни, но и результатом неспособности поставить правильный диагноз, открыто указав на причины кризиса стратегии. Агрессия США во Вьетнаме — бесперспективная империалистическая авантюра. Народам, стремящимся к свободе, захватчики несут террористическую диктатуру колонизаторов, пытаясь при этом выдать себя за носителей демократии и прогресса. На этом позорном пути их ждет неминуемое банкротство. Независимо от того, какую стратегию и тактику применяет и какими рецептами пользуется империализм, он остается злейшим врагом народов, социалистических и национально-освободительных революций. Никакое сочетание военных и невоенных средств не может избавить от кризиса его агрессивную стратегию, ибо этот кризис является не результатом несовершенства средств стратегии и способов их применения, а следствием порочности и бесперспективности империалистической политики. Чтобы избавиться от «болезни» стратегию, необходимо в корне изменить политику. Но как раз этот радикальный способ не предлагается военными идеологами американского империализма. Они ставят перед собой неразрешимую задачу — усовершенствовать и спасти от провалов стратегию, совершенно не затрагивая при этом политики.

Как раз эта «политика империалистической агрессии, угрожающая миру во всем мире, безопасности и национальной независимости народов, — указывается в Документе московского международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», — вызывает отпор со стороны рабочего класса, крестьянства, молодежи, студенчества, самых широких масс, независимо от их политических позиций и мировоззрения. Мощное движение протеста против агрессии США во Вьетнаме усиливает боевые выступления демократических сил против политики американского империализма в целом, против курса тех правительств, которые его поддерживают»¹.

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., Политиздат, 1969, стр. 293—294.

Глава седьмая

ВАЖНЕЙШИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БАНКРОТСТВА ИДЕОЛОГИИ ВОЕННОЙ АГРЕССИИ

1. РЕАКЦИОННОСТЬ И АВАНТЮРИЗМ ВОЕННОЙ ПРОГРАММЫ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ БУРЖУАЗИИ США

Коммунистическая партия Советского Союза последовательно разоблачает реакционную и авантюристическую политику империализма, указывает на возрастание военной опасности в связи с агрессивными действиями империалистов, прежде всего американских. «Углубление общего кризиса капитализма, — говорится в Резолюции XXIII съезда по Отчетному докладу ЦК КПСС, — обострение его противоречий усиливают авантюризм империализма, его опасность для народов, для дела мира и социального прогресса. Империализм все чаще пытается искать выход в военных провокациях и различного рода заговорах и прямых военных интервенциях»¹.

Американский империализм ведет разбойничью войну во Вьетнаме, где войска США применяют жестокие, бесчеловечные средства, напалм и отравляющие вещества, совершают злодеяния против мира и человечества. Эта преступная война представляет возрастающую угрозу всеобщей безопасности. Оккупационные войска в Южной Корее продолжают обострять положение на линии перемирия с КНДР. США не прекращают подрывных действий против Кубы, прогрессивных правительств в Африке, душат свободолюбивые силы в Южной Америке и Азии. Политика вооруженного разбоя нашла свое яркое выражение в наглой агрессии и военных провокациях Израиля против арабских государств. Бандитское нападение на соседние страны Израиль осуществил с

¹ Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 186.

одобрения и при поддержке США и их союзников по агрессивным блокам.

Однако войны и агрессивные провокации не дают империалистам ожидаемых результатов. Чем больше они воюют, тем чаще терпят поражения. Особенно наглядно военный авантюризм США проявляется во Вьетнаме, где против агрессоров сражается героический вьетнамский народ, получающий помощь от Советского Союза и других социалистических государств. Плачевное положение интервентов в этой стране дает возможность судить о том, куда могут завести американских империалистов их попытки вести агрессивные локальные войны не в одном, а в нескольких районах мира и тем более — развязать новую мировую войну.

Империалистическая война есть продолжение реакционной внутренней и внешней политики монополистической буржуазии. Точно так же и военные акции представляют собой прямое следствие авантюризма политического, обусловленного нынешним уровнем общественного развития.

Во всех исторически важных событиях и движениях нашей эпохи сталкиваются две главные противоборствующие общественные силы: сторонников прогресса, объединяющихся вокруг рабочего класса и мировой социалистической системы, и реакционеров, связывающих судьбу с отжившим свой век капитализмом. Победа прогрессивных сил в этой борьбе неизбежна и неотвратима, независимо от того, какие формы она примет — мирные или военные. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, политика и идеология агрессивной войны находятся в прямом противоречии с главными задачами современной эпохи, жизненными интересами народов. Во-вторых, они явно не соответствуют соотношению сил на международной арене. Достижение американским империализмом сокровенной цели — мирового господства — оказывается за пределами его реальных экономических, моральных и военных возможностей.

США проводят активную политику экспорта контрреволюции в социалистические государства, подавления рабочих выступлений в странах капитала, удушения национально-освободительных движений. Главную роль в этом призвана играть военщина США и их партнеров по «священному союзу» империалистов. Таким образом, ми-

литаристы США вместе со своими сообщниками оказываются одновременно перед тремя реально существующими фронтами политической и военной борьбы. На каждом из них американская военщина уже ведет вооруженные действия. Так, наряду с Вьетнамом, войска США используются на своей территории для ликвидации «внутренних беспорядков». Бывший министр обороны США Макнамара достаточно откровенно сказал об этом в книге «Сущность безопасности»: «Мы думаем о себе... как сравнительно стабильном и дисциплинированном обществе, как об обществе, уважающем закон, как об обществе, у которого нет патологической потребности прибегать к открытому насилию на улицах. И тем не менее после второй мировой войны губернаторы наших штатов были вынуждены более сотни раз обращаться за помощью к регулярным войскам и национальной гвардии для усмирения беспорядков, с которыми полиция оказалась не в состоянии справиться. В большинстве этих чрезвычайных инцидентов действовали факторы, имеющие прямое отношение к нищете»¹. К ним следует добавить также и «факторы, имеющие прямое отношение» к протестам общественности США против грязной войны во Вьетнаме и к борьбе негров против расовой дискриминации. Только по отрывочным данным американской печати, в 1967 г. на подавление негритянских выступлений было брошено около 100 тыс. солдат.

Если ведение одной локальной войны потребовало серьезного распыления сил американской военщины, то нетрудно сделать вывод, каким значительным оно может оказаться в случае дальнейшего расширения агрессивных акций США.

Военные авантюры, с помощью которых империалисты пытаются ослабить общий кризис капитализма, замыкают их в порочный круг. Непосильное бремя милитаристских расходов, рост нищеты населения, осуждение войны — все это обостряет внутренние противоречия капиталистической системы. Милитаризация народного хозяйства и гонка вооружений, подрывая экономику и финансы буржуазных государств, усиливают действие всеобщего закона капиталистического накопления, слу-

¹ R. MacNamara. The Essence of Security, p. 146.

жат дополнительной причиной ухудшения положения трудящихся, расширяют экономическую и политическую базу социального протеста против милитаристской политики.

На почве различного отношения к последствиям войны с наибольшей силой обнаруживаются разногласия между капиталистическими странами и внутри них во взглядах на то, какой характер должна носить будущая война с точки зрения масштабов и границ применения вооруженного насилия. Серьезным источником противоречий между империалистами США и других стран является также стремление американских правящих кругов удерживать за собой главенствующую роль с тем, чтобы в итоге захватить решающие экономические и политические позиции в ущерб своим партнерам. Эти конфликты находят отражение в военной идеологии и военной политике государств, в различных взглядах на «глобальную стратегию», на доктрину тотальной войны, на использование видов вооруженных сил. Они дают о себе знать при оценке важности стратегических объектов и театров военных действий. Американские милитаристы стараются лишить своих союзников по блокам стратегической самостоятельности, навязывают им такую военную политику и стратегию, которые не отвечают интересам западноевропейских государств. «При отсутствии общей внешней политики, — не случайно отмечал Г. Киссинджер, — или по меньшей мере согласованной степени расхождений — попытка выработать общую стратегию, вероятно, окажется безуспешной»¹.

Политика восстановления и использования милитаризма ФРГ в качестве важнейшей опоры США в Европе усиливает конфликты между западноевропейскими странами. Продолжают углубляться разногласия между главными империалистическими державами, особенно англо-американские, американо-французские, франко-западногерманские, японо-американские. Неприимимы противоречия между горсткой крупнейших империалистических государств и странами, завоевавшими национальную независимость, а также теми, которые ведут борьбу за свое освобождение от колониального гнета.

¹ «Foreign Affairs», July, 1964.

Активизируется борьба народов за мир. С явной тревогой американская военная печать отмечала «вызов сильного общественного мнения» в кампании за ядерное разоружение и в организации походов за мир в Англии, а также «подобные тенденции, нарастающие во всех других странах Атлантического сообщества». Все это, в том числе и твердая позиция нейтралистских стран, признавал журнал «Милитэри Ревью» в январе 1961 г., оказывает значительное внешнее давление «на выбор стратегии Соединенных Штатов».

Мировая империалистическая система раздирается глубокими противоречиями. В ней, — отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., — «не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»¹. Все это приводит к тому, что «происходит процесс расшатывания империалистических блоков... — указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии. — США уже не в состоянии в такой мере, как прежде, дирижировать политикой входящих в них государств»².

Североатлантический блок, как милитаристская форма «интеграции» капитализма, не устраняет империалистических конфликтов между его участниками. Выход Франции из военной организации НАТО — наглядное тому доказательство. Как сообщалось в Заявлении европейских коммунистических и рабочих партий — участниц конференции в Карловых Варах, этот атлантический

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 15.

² Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 10—11.

блок «вступил в фазу открытого кризиса. Правящие круги некоторых западных стран оспаривают ценность и целесообразность военного союза с США или участия в объединенных вооруженных силах НАТО, грозящую вовлечь их государства в войну, не имеющую ничего общего с их национальными интересами»¹.

Новое правительство США во главе с Р. Никсоном предпринимает меры к укреплению НАТО и своей главенствующей роли в нем. Западная Европа, подчеркивал влиятельный английский еженедельник «Экономист», «стала слишком слитной, чтобы безропотно мириться с американо-европейскими отношениями периода 50-х годов, которые были в основном отношениями между руководителем и руководимыми, но еще слишком слаба... чтобы предложить взамен этих отношений что-либо приемлемое... Единственно возможными взаимоотношениями по-прежнему будут отношения трений и периодических конфликтов»².

В декабре 1967 г. руководство НАТО утвердило концепцию «гибкого реагирования» в качестве стратегии всего блока. Она рассчитана на увеличение контингентов сухопутных войск НАТО за счет стран Западной Европы. Однако последние по-прежнему стремятся ограничивать свои «вклады» в Атлантический блок. «По мнению Западной Европы, — отмечал бывший специальный советник министра обороны США Адам Ярмолинский, — Соединенные Штаты проявляют большой авантюризм в области внешней политики, а Европа в представлении Соединенных Штатов не делает всего необходимого для ограждения общих интересов»³.

Углубляющаяся пропасть социального и экономического неравенства обостряет противоречия между трудом и капиталом. Рост милитаризма, военных расходов и, следовательно, колоссальная непроизводительная растрата материальных ресурсов означает неслыханное увеличение издержек сохранения классовой власти монополистической буржуазии, ведущей паразитический образ жизни. Ликвидация этого господства стала экономиче-

¹ «Правда», 12 мая 1968 г.

² «За рубежом», 1969, № 8.

³ Там же.

ской необходимостью, настоятельным требованием дальнейшего социального прогресса.

Тот факт, что современная война не может служить средством «спасения» капитализма, признают, а иногда и пропагандируют многие буржуазные идеологи. История войн нового и новейшего времени дает достаточно оснований для подтверждения этого обстоятельства.

Известно, что война представляет собой сложное общественно-историческое явление, которое не сводится к одним лишь боевым действиям сторон. Ленин указывал, что Маркс и Энгельс рассматривали *каждую* войну как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время¹. Война, таким образом, есть острейшая форма политической борьбы, охватывающая самые широкие массы народа, все классы общества.

В столкновениях между государствами, как и в гражданских войнах, наряду с законами вооруженной борьбы не только проявляются, но и играют определяющую роль закономерности социально-экономического и политического развития, классовой борьбы и находят прямое и полное отражение все основные социальные противоречия классовых общественно-экономических формаций. Поэтому **классовая борьба оказывается неизбежной, обязательной составной частью содержания войны.** Как свидетельствует опыт истории, мировые войны, развязываемые империалистами, сопровождались социальными революциями пролетариата в метрополиях и национально-освободительным движением народов в колониях.

В военной истории отчетливо прослеживается связь между войнами и их социальными революционными последствиями. Это важнейшее обстоятельство неоднократно отмечали Маркс, Энгельс и Ленин в своих трудах. Сама война не является коренной причиной революции, но вызывает политический кризис, который обостряет, а иногда и создает революционную ситуацию в воюющих, прежде всего в побежденных, странах. Маркс и Энгельс предсказывали революцию в России в предвидении мировой войны. Вместе с тем исторический опыт показывает, что по мере того, как в пучину военных столкновений втягиваются все большие массы трудящих-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224.

ся, социальные последствия войн становятся глубже и радикальнее, поскольку важнейшую роль в войнах начинает играть борьба классов внутри воюющих государств. Франко-прусская война и Парижская коммуна, первая мировая война и Великий Октябрь в России, вторая мировая война и социалистические революции в ряде стран Европы и Азии, а также национально-освободительные движения — все эти события с достаточной основательностью подтверждают существование объективно-закономерной тенденции углубления социально-политических последствий войн эпохи империализма. Эта тенденция обусловлена прежде всего прогрессом производительных сил. Он оказывает определяющее влияние не только на военно-техническое, но и на социально-политическое содержание войны. Последнее зависит от развития боевых средств и роста численности армий.

В. И. Ленин, глубоко исследуя и всесторонне раскрывая сущность и диалектику войн, их взаимосвязь с экономикой, политикой и идеологией капитализма, научно обосновал объективно закономерное свойство империалистической войны приближать неизбежную гибель капитализма. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» он писал: «Диалектика истории именно такая, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*¹.

В интересах наиболее полной мобилизации экономических ресурсов для ведения войны буржуазное государство усиливает практику «регулирования» хозяйства

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

страны, ускоряя тем самым развитие государственно-монополистического капитализма. Возникают более благоприятные условия для получения максимальных прибылей монополиями. Одновременно создаются все материальные предпосылки для перехода к новому общественному строю. В этом — одно из важнейших экономических последствий войны.

Социально-политические результаты мировых империалистических войн также известны, в том числе и самим их виновникам. В. И. Ленин, ссылаясь на пример английского журнала «Экономист», указал, что главной причиной стремления некоторой части английской буржуазии к ускоренному заключению мира во время первой мировой войны явилась боязнь революции. Ленин приводил следующие выдержки из этого журнала (от 13 февраля 1915 г.): «Филантропы выражают надежду, что мир принесет международное ограничение вооружений... Но те, кто знают, какие силы фактически направляют европейскую дипломатию, не увлекаются никакими утопиями. Перспектива, открываемая войной, есть перспектива кровавых революций, ожесточенных войн труда с капиталом, или народных масс с господствующими классами континентальной Европы»¹.

Перед тем как развязать вторую мировую войну, германские милитаристы знали, что она заключает в себе угрозу капиталистическому строю. Этим, в частности, объяснялись их усилия обеспечить «молниеносную победу» в войне. «Чем дольше длится война,—предупреждал германский военный журнал «Дойче вер», — тем больше приходится считаться с неожиданными политическими и социальными переворотами, которые могут создать совершенно новое положение. В конце концов в затяжной войне и победитель не знает никогда — не окажется ли его победа в дальнейшем пирровой победой»². Президент США Ф. Рузвельт накануне второй мировой войны в послании Бенешу и Гитлеру также выражал беспокойство по поводу возможного нарушения социальной системы капитализма в случае войны³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 192.

² См. Вооружения капиталистических стран. М., Воениздат, 1937, стр. 14.

³ См. Documents on American Foreign Relations. Vol. I, 1938—1939, p. 187.

Обе мировые войны подтвердили самые мрачные предположения буржуазных политиков и стратегов. Неизбежные последствия новой мировой войны, если ее удастся развязать империалистам, также не являются секретом для них. Так, например, летом 1965 г. американский президент Л. Джонсон высказал следующую «простую истину»: «Агрессия никогда не окупается, и идущего по пути завоеваний в конце ждет заслуженное возмездие — верная гибель»¹.

В процессе подготовки войны империалисты так или иначе согласовывают способы решения боевых задач с требованиями военной науки. Но от того что применяемые ими формы и методы ведения сражений будут отвечать объективным законам вооруженной борьбы, империалистическая война вовсе не утрачивает своей реакционной природы, несправедливого, антинародного характера, а следовательно, и своего основного социального свойства — она остается гигантским ускорителем гибели капитализма.

Марксисты-ленинцы всегда последовательно боролись и борются против империалистической войны и все не считают ее необходимым условием социалистической революции. Вместе с тем мы твердо уверены, что новая мировая война, если ее осмелятся спровоцировать агрессоры, явится кануном окончательного уничтожения капиталистической системы.

Победа в войне достигается неразрывным сочетанием максимума энергии народных масс во всех областях экономики, политики и идеологии с высочайшей активностью армии на фронте. Это главное объективное требование ведения победоносной войны, сформулированное в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, получило свое полное воплощение в стратегии и тактике КПСС в Великой Октябрьской социалистической революции, в гражданской и Великой Отечественной войнах. Исследуя причины нашего успеха в гражданской войне в целом, Ленин подчеркивал, что побеждает на войне тот, у кого больше сил, больше резервов, больше выдержки в народной толще². Эти ленинские положения, как результат глубокого логического и исторического анализа со-

¹ «Америка», № 107, 1965.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 237.

бытий и движущих сил войны, могут быть с полным основанием отнесены к категории объективных законов военной истории, которые сохраняют свое значение и для современной войны.

В военных столкновениях между государствами с различным общественным строем действие объективных законов ведения войны выразится прежде всего в необходимости полной и всесторонней мобилизации материальных и духовных ресурсов. В таком тяжелом испытании прочности социально-экономического строя, каким является современная война, важнейшие и решающие преимущества, безусловно, будут у страны, общественный строй которой в наибольшей степени удовлетворяет жизненные интересы и потребности народных масс, отвечает общей исторической тенденции развития человечества к высшему типу общественного устройства, т. е. у социалистического государства.

Революция в военном деле усложнила все без исключения проблемы обеспечения и ведения современной войны. В ядерной войне в первые же ее часы подвергнется жесточайшей проверке социально-экономическая система воюющих государств. Потребуются колоссальная выдержка всего народа, небывалое напряжение его морального духа, массовый героизм, способность идти на любые жертвы. Будет испытано все, что было в моральном отношении приобретено народом за предыдущие годы.

Авантюризм военной программы империализма США тем более очевиден, что для его осуществления избрано обоюдоострое оружие, до крайности увеличивающее разрушительные последствия войны. Стратеги из Пентагона сами прекрасно понимают несостоятельность концепции «контрсилы», то есть «ограниченной ядерной войны».

Военные средства, избранные американским империализмом для «спасения мира от коммунизма», оказались в прямом противоречии с этой целью, в действительности предполагающей завоевание мирового господства США. Раскрывая захватнический характер империалистических войн, В. И. Ленин писал: «В эпоху империализма не может быть иного спасения для большинства наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки нацио-

нальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию»¹.

Капитализм, порождающий войны, отживает век. Важнейшая задача современности заключается не в том, чтобы с помощью войн и насилий, как хотят империалисты, приостановить коренные социальные изменения в мире, а в том, чтобы посредством этих изменений навсегда устранить причины империалистических войн и установить прочный мир в интересах всех народов.

Ни пушками, ни ядерными бомбами милитаризм не в состоянии предотвратить окончательное освобождение народов от гнета и тирании финансового капитала. «Монополистическая буржуазия, — указывается в Программе КПСС, — не может отстреляться даже ядерным оружием от непреложного хода исторического развития»². Какие же могут быть перспективы «спасения цивилизации», то есть завоевания мирового господства, когда приходится признавать, как это сделал Макнамара, что США не способны «купить возможность снова превратить стратегические бомбардировки в одностороннюю перспективу»³.

Но именно по такому авантюристическому пути идет американский империализм, тщетно пытаясь прикрыть свою захватническую политику разглагольствованиями об «агрессивности коммунизма». Поэтому было бы заблуждением предполагать, что осознанная империалистами опасность современной войны и отсутствие реальных предпосылок для достижения победы в ней могут в решающей степени ослабить авантюристические тенденции реакционных сил. Природа монополистической буржуазии такова, что ее авантюризм резко усугубляется в связи с дальнейшим изменением соотношения сил в пользу социализма.

Нельзя также закрывать глаза и на некоторые обстоятельства, способствующие нагнетанию милитаристского угара в Соединенных Штатах Америки. Как отмечается в проекте программы Коммунистической партии США, идеологическая мобилизация американского об-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 281.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 35.

³ J. Raymond. Power at the Pentagon, p. 259.

щественного мнения в пользу «ограниченной войны» имеет определенный успех. «Чтобы оправдать жертвы наших собственных молодых людей и их использование в крупномасштабном избиении других народов, пропаганда должна изобразить ту или иную далекую страну как жизненно важный рубеж наших национальных интересов, на котором сдерживание или отбрасывание «коммунизма» является решающим для национальной безопасности. И раз дело изображается в подобном виде и пробуждаются шовинистические страсти, народ становится более подходящей добычей для военных хищников»¹. «Мы попали в ловушку военной экономики и культа оружия», — признает Р. Лэпп. Он приводит факты, когда некоторые конгрессмены, выступающие за разоружение, против увеличения военных ассигнований, впоследствии проваливаются на очередных выборах в конгресс². «Никто не хочет войны, — полагает Дж. Рэймонд. — Но почти каждый в стране желает процветания, которое проистекает из военных расходов»³.

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что чисто материальная заинтересованность немалой части американцев в сохранении военного производства в определенной мере вызывает разгул милитаризма.

Авантюризм и реакционность монополистической буржуазии США усиливаются по мере того, как их агрессивный курс встречает новые препятствия. «Новые проблемы, которые встали перед американским империализмом, — пишет Гэс Холл, — как внутри страны, так и за границей, послужили в то же время почвой для роста сил крайней реакции, способствуя возникновению новых ультраправых организаций, играющих на самых отсталых чувствах и предрассудках, на страхе, расизме и джингоизме, и превратно толкующих понятия патриотизма и национализма»⁴.

Американские империалисты вместе со своими союзниками бессильны вернуть утраченную ими историческую инициативу, повернуть вспять развитие современно-

¹ New Programm of the Communist Party U. S. A. 1966, p. 33

² Р. Лэпп. Убийство и свехубийство, стр. 136—137.

³ J. Raymond. Power at the Pentagon, p. 264.

⁴ «Правда», 21 июня 1966 г.

го мира. Они неспособны нанести военное поражение социалистическому содружеству. Но они имеют достаточно средств для того, чтобы причинить неисчислимые бедствия человечеству. Именно поэтому Вооруженные Силы СССР и других социалистических стран должны быть высоко бдительными, находиться в постоянной боевой готовности отразить провокации агрессоров.

2. ПРЕВОСХОДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАД ВОЕННОЙ МАШИНОЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

Основой превосходства социализма над капитализмом, его непобедимости является общественная собственность на средства производства и социалистическая система хозяйства. Социализм обеспечивает более высокие темпы развития производительных сил и более высокую производительность труда, что в последнем счете, как указывал В. И. Ленин, есть самое важное, самое главное для победы нового общественного строя¹.

В трудах В. И. Ленина, в его научных обобщениях исторического опыта мирового рабочего движения, Великой Октябрьской революции и гражданской войны глубоко раскрыты материальные и духовные предпосылки военных побед Советского государства, превосходства социалистической военной организации над буржуазной. Он показал, что они коренятся в народной толще нашей многонациональной страны, в руководстве Коммунистической партии, в социалистической экономике и политике, марксистско-ленинской идеологии, в соотношении социальных сил современной эпохи, постоянно изменяющемся в пользу прогресса. Ленин учил, что непобедимость социалистического государства и его армии — явление объективно закономерное.

В военной организации нашего государства воплощена ленинская идея об обязательном вооружении пролетариата против империалистической буржуазии, которая всегда и везде первой применяет военную силу в контрреволюционных целях. Ленин предвидел, что первое в мире социалистическое государство неизбежно окажется перед необходимостью защищаться с оружием в руках.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

Накануне Великой Октябрьской революции он назвал единственно реальные способы сделать нашу страну обороноспособной. Ленин подчеркивал, что решить такую задачу можно только путем ликвидации частной собственности на средства производства, устранения власти капиталистов и помещиков, передачи земли крестьянам, национализации банков и заводов, а также решительного разрыва с империализмом во внутренней и внешней политике.

Это был революционный путь коренных социально-экономических и политических преобразований, превращения войны империалистической в войну гражданскую, передачи всей власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. «Советы, — писал Ленин, — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим»¹. В революционном характере Советских Вооруженных Сил, в кровной связи их со своим народом заключается важнейший источник их могущества и непобедимости.

Из первой военной схватки с международной реакцией Советская республика вышла победительницей, уступая империализму в военном отношении, но имея морально-политическое и идейное превосходство над ним. Опыт гражданской войны показал, что нападение на социалистическое государство таит в себе реальную опасность не только для агрессивных армий, но и для социальных устоев капитализма, для политического господства монополистической буржуазии. Вооруженные силы страны социализма, отстаивающие благородные, гуманные идеи мира и прогресса, оказались непобедимыми.

В результате социалистической революции рабочий класс нашей страны не только ликвидировал монополию империалистической буржуазии на военную организацию. Он создал и вооруженные силы, способные надежно защищать Родину от происков агрессоров.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304.

Великая Октябрьская революция подняла нашу страну на более высокую ступень экономического, социального и политического развития по сравнению с любым буржуазным государством. Тем самым были обеспечены необходимые и решающие условия для достижения превосходства социалистической военной организации над военной организацией империалистических государств.

Социалистический способ производства создает возможности для строительства качественно более высоких и боеспособных вооруженных сил, для мобилизации наибольшей массы наступательных и оборонительных средств.

Оценивая факторы нашей победы в годы гражданской войны и иностранной интервенции, В. И. Ленин указывал, что мы жили в условиях такой бешеной, неслыханно тяжелой войны, когда ничего, кроме как действия по-военному, нам не оставалось и в области экономической. «Чудом было, — писал он, — что такую войну выдержала разоренная страна, и это чудо не с небес свалилось, а оно выросло из экономических интересов рабочего класса и крестьянства, которые создали это чудо своим массовым подъемом; этим чудом был создан отпор помещикам и капиталистам»¹.

В борьбе против контрреволюции народы нашей страны объединялись не посредством насилия, а на основе добровольного согласия, на почве классовой солидарности против эксплуататоров. Демократические, а не насильственные методы сплочения народных масс для ведения войны Ленин рассматривал как главное условие достижения победы. Ликвидировать сопротивление буржуазии и ее войск было бы невозможно без широких революционно-демократических мероприятий, без использования всех демократических учреждений и стремления трудящихся к избавлению от буржуазно-помещичьего гнета. Поэтому Коммунистическая партия наряду с руководством военными действиями осуществляла гигантские преобразования во всех сферах жизни и деятельности общества. Только осваивая и применяя многообразные формы революционной борьбы, рабочий класс смог привлечь на свою сторону подавляющую часть населения нашей страны и добиться победы. В способности

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 63—64.

пролетариата, возглавляемого Коммунистической партией, повести за собой народ в справедливой, освободительной войне — главный источник исторической непобедимости социалистического государства.

Преимущества военной организации социалистического типа отражают историческое превосходство социализма над капитализмом. Это является объективной закономерностью неизбежности победы нового, прогрессивного общественного строя, идущего на смену старому, реакционному. Социальная революция прогрессивного класса, порожденная экономической необходимостью создания новых производственных отношений, неизменно одерживает победу над вооруженным насилием, применяемым реакционными классами.

Рассматривая вопрос о поражении и победе революции, В. И. Ленин учил, что вооруженное насилие со стороны рабочего класса всегда будет в конечном счете справедливым и победоносным. Социалистическая революция побеждает, если она двигает вперед пролетариат, который наносит серьезные удары эксплуататорам, направляет усилия к устранению угнетающего класса, уничтожает экономические условия его существования и несет с собой более высокую социально-экономическую организацию. «Насилие можно применить, не имея экономических корней, но тогда оно историей обречено на гибель. Но можно применить насилие, опираясь на передовой класс, на более высокие принципы социалистического строя, порядка и организации. *И тогда оно может временно потерпеть неудачу, но оно непобедимо*»¹.

Несокрушимость социалистического государства перед лицом превосходящих военных сил империалистической реакции обусловлена как экономическими, так и политическими и моральными факторами. Ленин указывал, что революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата, его сознательность и дисциплинированность, готовность к самопожертвованию обеспечивают победу. В смертельных схватках с врагами наш рабочий класс доказал, «что мы погибнем скорее все до одного, чем отдадим свою территорию, чем сдадим свой принцип, принцип дисциплины и твердой политики, для

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 369—370.

которой мы все должны принести в жертву... Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг — «мы скорее погибнем, чем сдадимся» — является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим»¹.

Одна из самых глубоких основ превосходства военной организации социалистического государства заключается в том, что в конечной победе социализма и мира над империализмом и войной заинтересовано подавляющее большинство населения земли, в первую очередь огромные массы трудящихся. Они и составляют самую могущественную революционную силу, объединяющуюся в международном масштабе.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции впервые в истории военное дело служит господствующему классу, вооруженные силы которого отстаивают не только революционные завоевания в одной стране, но и интернациональные интересы трудящихся масс всего мира. Международный характер целей социалистического государства, в том числе и тех, которые оно достигает в войнах против империалистических агрессоров, — важнейший источник непобедимости его военной организации.

Война социалистического государства представляет собой продолжение политики социальной революции пролетариата. Поэтому, наряду с внутренним единством и сплоченностью, сила и непоколебимость социалистического общества определяются интернациональным характером его интересов и целей, международной солидарностью с революционными и прогрессивными силами всего мира, выступающими против империализма.

Самоотверженная, сознательная деятельность миллионов трудящихся, освобожденных от гнета капитала, лежит в основе несокрушимости социалистической военной организации. Она не только обуславливает более высокий уровень и масштаб военных возможностей социалистических государств по сравнению с буржуазными, но и создает особо благоприятные условия для их реализации в процессе войны.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 249.

Победоносный военный опыт Советского Союза показал, что социалистический общественный строй обеспечивает наилучшую обстановку для превращения экономического, морального и военного потенциалов в факторы достижения победы, в том числе в несокрушимую морально-боевую мощь вооруженных сил. В этом состоит неизмеримое превосходство военной организации социалистического типа по сравнению с военной организацией империалистических держав.

Социалистические государства глубоко миролюбивы по своей природе, но в случае военного нападения на них они становятся грозой для агрессоров. После Октябрьской революции перед буржуазными странами возникла совершенно новая проблема военной борьбы против социалистического государства и его вооруженных сил.

В ходе строительства социализма и подготовки к отражению империалистической агрессии в нашей стране были созданы такие материальные и духовные возможности для победы в войне, какими не располагало ни одно государство в истории человечества. В войнах, которые был вынужден вести Советский Союз, защищая свою свободу, честь и независимость, наши враги неоднократно убеждались, насколько эффективно экономический, моральный и военный потенциал социалистического государства превращался в несокрушимую морально-боевую мощь Советских Вооруженных Сил. Эта задача была бы неразрешима без непрерывной, творческой военной и идеологической работы Коммунистической партии, Советского правительства и военного руководства.

Реализация возможностей победы представляет собой сложный творческий процесс, где сознательной деятельности многомиллионных народных масс принадлежит решающая роль. Воспитание сознательного отношения к войне в защиту социалистического Отечества определяет превращение морального потенциала в высокий моральный дух народа и его армии, неиссякаемую трудовую и боевую энергию советских людей. «Во всякой войне, — учил В. И. Ленин, — победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев под-

нимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести...

Это осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу»¹.

Во всей истории лишь в войнах социалистических государств понимание трудящимися их целей и причин имеет столь огромное значение. Объясняется это тем, что характер этих войн всегда глубоко справедлив, народен и прогрессивен. Только в условиях социализма решающая роль народных масс во всех областях общественной жизни, в том числе и в области ведения войны, проявляется в полной мере, поскольку этому не препятствуют антагонистические противоречия между классами.

Сознательное отношение советского народа к защите Отечества основывается на научной идеологии марксизма-ленинизма. Опираясь на марксистско-ленинское учение о войне и армии, Коммунистическая партия Советского Союза добилась монолитного единства народа и его армии, подняла на современный уровень оборонную мощь нашего государства, с честью провела его через тяжчайшие военные испытания. В прочных связях с трудящимися, в героической поддержке народа заключен важнейший источник морально-боевой мощи и непобедимости Советских Вооруженных Сил.

Идеи Коммунистической партии по вопросам защиты социалистического Отечества представляют собой огромную мобилизующую силу. Будучи выражением линии КПСС в военных вопросах, они вдохновляют советских людей на самоотверженность в бою и труде и тем самым обеспечивают всестороннее развитие субъективных факторов достижения победы в войне. Партия создает возможность подготовить и в нужное время привести в движение людские ресурсы и, следовательно, все объективные материальные и духовные силы социалистического государства, всю его морально-политическую, экономическую и военную мощь. Военно-идеологическое воспитание народа позволяет своевременно превратить страну в единый военный лагерь, достигнуть прочного единства тыла и фронта в период войны.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.

Организаторская и воспитательная деятельность Коммунистической партии, как главный источник могущества Советской Армии и Военно-Морского Флота, находит свое выражение прежде всего в идейно-политическом руководстве Вооруженными Силами. Партийно-политическая и идеологическая работа составляет основу идейного и воинского воспитания, является гарантией высокого уровня политико-морального состояния войск. Руководство КПСС Вооруженными Силами, неуклонное проведение военных идей партии в практику военного строительства и подготовки страны к вооруженному отпору агрессорам создают нерушимую основу единства воли и действий командных и политических кадров армии и флота, обеспечивают совершенствование боевой готовности войск, их высокую бдительность, организованность и дисциплинированность.

Марксистско-ленинское учение раскрывает историческую несостоятельность военной идеологии империализма и объективную закономерность победы социалистической военной организации над буржуазной. Марксизм-ленинизм дает точное познание законов войны как социального явления и, таким образом, указывает научно обоснованные пути и объективно-закономерные перспективы достижения победы социализма в военной борьбе двух классово противоположных систем. Применение марксистско-ленинской теории к решению социально-политических и военно-технических проблем ведения войны, к выработке единой военной доктрины дает блестящие практические результаты.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне явилась событием огромного исторического значения. Она продемонстрировала всему миру, что империализм не в состоянии достичь военными средствами своей основной цели — ликвидации первого в истории государства рабочих и крестьян, что социалистическую страну невозможно победить. «Обреченный» крупнейшими стратегами Запада на быстрое поражение, заранее поверженный в прах хвастливой немецко-фашистской пропагандой и приговоренный в стратегических планах вермахта к полному уничтожению, Советский Союз не только с честью выстоял на арене истории как великая социалистическая держава, но и отстоял новую эру в истории человечества, решительно изменил ход событий в пользу

сил прогресса, ускорил поступательный ход исторического развития.

В годы войны наш народ испытал горечь отступления и тяжелых утрат. Победа над озверевшим врагом была достигнута ценой больших потерь и колоссальных усилий в тылу и на фронте.

Коммунистическая партия на всем протяжении войны вселяла в сознание нашего народа непоколебимую уверенность в свои силы, закаляла его волю к победе. Успехи на фронтах в сочетании с беспрецедентными достижениями советских людей в области хозяйственного строительства в довоенный и военный периоды являются наглядным свидетельством способности рабочего класса, возглавляемого Коммунистической партией, защитить свое Отечество с оружием в руках.

Советское социалистическое государство оказалось единственным из всех, подвергшихся нападению, кто выдержал натиск сильнейшей в то время германо-фашистской военной машины и сокрушил ее в героическом единоборстве. Сохранение свободы и независимости Советского Союза — важнейший итог Великой Отечественной войны. Но значение победы советского народа не ограничивается пределами одной нашей страны и даже рамками одной исторической эпохи.

Разгром фашистского блока при решающей роли СССР создал благоприятную обстановку для коренных социальных изменений в ряде государств Европы и Азии, активизировал подъем национально-освободительной борьбы, что привело к распаду колониальной системы империализма. Современное поколение людей стало очевидцем выдающихся достижений социализма и заката капитализма. Всеохватывающая цепь империалистических отношений господства и порабощения перестала существовать. Диктатура пролетариата вышла за границы одной страны и переросла в интернациональную силу. Грандиозные социально-политические последствия нашей победы находят отражение в становлении современной эпохи, в важнейших исторических событиях: перед человечеством возникла реальная перспектива торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Победа в Великой Отечественной войне явилась результатом нового соотношения сил на международной

арене, сложившегося между двумя мировыми войнами и под воздействием быстрого социально-экономического развития Советского Союза. За годы мирного сосуществования в капиталистических странах неуклонно ширилось рабочее движение, росли и крепились коммунистические и рабочие партии. Во время второй мировой войны коммунисты в оккупированных гитлеровскими захватчиками государствах возглавили народное сопротивление фашизму.

Полностью оправдала себя генеральная линия Коммунистической партии Советского Союза на индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства, осуществление культурной революции. Создав крупную промышленность, наша Родина упрочила победу Великой Октябрьской социалистической революции, обеспечила себе экономическую и политическую самостоятельность, мощную материально-техническую базу.

В ходе Великой Отечественной войны Коммунистическая партия, творчески применяя и развивая военные идеи Ленина, вооружила командный и политический состав Советской Армии и Военно-Морского Флота знаниями объективных законов и решающих факторов достижения победы в войне, умением бить врага с учетом его слабых и сильных сторон, в соответствии с требованиями современной военной науки. Партия своевременно предупредила армейские кадры о недопустимости увлечения успехами на фронте, благодушия, беспечности. Руководимые КПСС Советские Вооруженные Силы с честью справились со всеми возложенными на них задачами. На полях сражений они показали непревзойденные образцы храбрости, боевой доблести, воли к победе, проявили высокий моральный дух, боевую выучку и дисциплину. Под славным ленинским знаменем, воодушевленные великими ленинскими идеями, советский народ и его Вооруженные Силы выполнили свою историческую освободительную миссию.

Глубоко осознанное, патриотическое отношение всего советского народа к Великой Отечественной войне стало решающей духовной силой, которая привела к исторической победе нашего государства над фашистским блоком. Внесение в сознание народа военно-политических идей партии явилось важнейшим условием победоносного ведения войны. Коммунистическая партия в чрез-

вычайно сложной обстановке открывала и указывала наилучшие методы и формы использования внутренних ресурсов социалистического строя, современной науки и техники, экономической, морально-политической и военной мощи СССР для полного и решительного разгрома фашистского агрессора. В войне победили социалистическое государство, самый передовой общественно-экономический строй, подлинно народная политика партии и ее марксистско-ленинская идеология, наиболее боеспособная социалистическая военная организация.

Могущественные движущие силы советского общественного и государственного строя, нерушимые социально-экономические, политические и моральные устои Страны Советов определяют неодолимую для врагов мощь наших Вооруженных Сил и в настоящее время. Непобедимость военной организации социалистического государства воплощается в высоком морально-боевом духе армии и флота, в их боеспособности и готовности к решительному разгрому любого империалистического агрессора. Поэтому наше военное превосходство всегда зависит от того, насколько умело и эффективно военные кадры используют растущие возможности техники и оружия, от того, в какой мере обучение и воспитание, боевая и политическая подготовка личного состава соответствуют уровню современных требований, с какой полнотой новейшая боевая техника находит необходимое отражение в теории и практике военного искусства Вооруженных Сил. «Самое опасное в войне... — учил Ленин, — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее»¹.

«В нынешней обстановке усиления агрессивности империализма Советское правительство и весь народ считают своим священным долгом неустанно крепить оборонную мощь государства. Успехи развития экономики, науки и техники позволили нам создать мощную, качественно новую материально-техническую базу для оснащения армии и флота новейшим оружием, провести коренную реорганизацию Вооруженных Сил. Советская Армия обладает сейчас в достаточном количестве самой современной военной техникой и сохраняет пре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 144.

восходство над армиями империалистических государств»¹.

Неустанное совершенствование моральных и боевых качеств армии и флота — незыблемый закон жизни и деятельности руководящего состава Советских Вооруженных Сил. В Программе нашей партии подчеркивается необходимость того, чтобы командные кадры настойчиво овладевали марксистско-ленинской теорией, имели высокую военно-техническую подготовку, отвечали всем требованиям современной военной теории и практики, укрепляли воинскую дисциплину. Все советские воины должны воспитываться в духе беспредельной верности своему народу, делу коммунизма, быть готовыми отдать все силы, а если потребуется — и жизнь для защиты социалистической Родины. Последовательное, неуклонное выполнение этих положений Программы КПСС представляет собой обязательное условие превосходства и непобедимости нашей социалистической военной организации, что составляет главную предпосылку банкротства империалистической военной идеологии и стратегии.

3. ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ВОЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА

Достижению военного превосходства над социалистической системой идеологи американского милитаризма придают первостепенное значение. В предвыборных платформах республиканской и демократической партий неизменно выдвигается требование поддерживать преобладающую военную мощь на основе быстро развивающейся науки и техники. Восстановление утраченных военно-технических преимуществ США над Советским Союзом считается решающим условием победы в войне и соответствует концепции «гибкого реагирования».

Правительства империалистических государств напрягают все силы, чтобы догнать и перегнать Советский Союз и другие социалистические страны в области во-

¹ Л. И. Брежнев. Речь на приеме, посвященном выпуску слушателей академий Советских Вооруженных Сил. «Правда», 2 июля 1966 г.

енной техники и по уровню боеспособности армий. Во всем капиталистическом мире, отмечал начальник научно-исследовательского управления армии США генерал-лейтенант Трудо, ученые, инженеры, военные стратеги и государственные деятели «напряженно трудятся над программами исследований и усовершенствований, чтобы создать превосходящее оружие и оснащение» и тем самым добиться «качественного превосходства над русскими и их приверженцами»¹. Авторы книги «Передовая стратегия для Америки», отражающей взгляды наиболее воинствующих американских милитаристов, в поисках способов «поставить СССР на колени» пришли к выводу, что для достижения этой цели США должны обладать «фундаментальными военными компонентами». Главным из них является установление и поддержание Соединенными Штатами и их союзниками «военно-технического превосходства над коммунистическим блоком»². Для этого они рекомендуют усилить гонку вооружений³. По мнению С. Посони, «тот, кто выиграет техническое соревнование, победит и в мировой схватке»⁴.

Непрерывный рост военных ассигнований и усилия в области совершенствования новейшей боевой техники в крупнейших капиталистических странах свидетельствуют о том, что борьба за военно-техническое преобладание вступила в новую, еще более напряженную стадию. Качественный скачок в военно-техническом прогрессе, вызванный развитием ядерного и ракетного оружия, автоматике, телемеханики, кибернетики и другими достижениями науки и техники, привел к коренным изменениям в военном деле.

Революция в военном деле резко повысила роль огневой мощи в вооруженной борьбе. Но важнейшим, по сути дела, решающим элементом материальной основы революционных сдвигов в этом направлении явилось

¹ «Army Information Digest», January, 1962.

² R. Strausz-Hupé, W. Kintner, S. Possony. A Forward Strategy for America, p. 161.

³ См. там же, стр. 357.

⁴ National Security: Political, Military and Economic Strategies of the USA in the Decade Ahead. Georgetown University, Washington, 1963, p. 535.

ракетно-ядерное оружие, особенно межконтинентальные стратегические ракеты. Колоссальная поражающая сила, заключенная в ядерном заряде с тротильным эквивалентом в несколько десятков миллионов тонн, в сочетании со сверхдальней баллистической или глобальной ракетами представляет собой грозное оружие.

Ядерное оружие не было материальной базой революции в военном деле до тех пор, пока для доставки его к цели служили сравнительно легко уязвимые самолеты, атомные орудия. Полностью адекватным ему носителем стала ракета. С созданием ракетно-ядерного оружия произошли коренные изменения в стратегическом планировании, в подходе к решению боевых задач различного масштаба. В Советском Союзе Ракетные войска стратегического назначения являются главным видом Вооруженных Сил. Ракетное оружие получили Сухопутные войска, ВВС, Военно-Морской Флот и Войска ПВО страны. С завершением коренной организационной перестройки, переработки теории военного искусства неизмеримо возросли боевая мощь и боеготовность Советских Вооруженных Сил.

Современное оружие могло возникнуть только на очень высокой ступени развития науки и техники, всех производительных сил общества. При этом закономерно обнаружались неоспоримые преимущества социалистического способа производства по сравнению с капиталистическим. Советский Союз в предельно короткий срок не только ликвидировал монополию США на атомное оружие, создал атомную и водородную бомбы, но и достиг выдающихся успехов в развитии ракетной техники.

Быстрый военно-технический прогресс Советского Союза — выдающаяся победа нашей экономики, науки и техники. Наличие мощного современного оружия у социалистического государства поставило агрессивные милитаристские силы перед реальной перспективой оказаться стертными с лица земли в случае развязывания ими новой мировой войны.

Но преобладать над противником в военной технике — еще не значит лишить его возможности пойти на военную авантюру. Империализм располагает мощной милитаристской машиной, усиливает и совершенствует ее, готовясь к новой войне.

Коренные преобразования в военном деле потребовали соответствующих изменений в подходе к решению всех важнейших вопросов военного строительства, главным из которых в современных условиях является проблема обеспечения военно-технического превосходства над противником. Потенциал государства, его возможности ведения войны и достижения победы определяются теперь прежде всего способностью использовать ядерные заряды, сочетаемые с высокоэффективными средствами доставки в качестве основного источника огневой мощи.

Современная война немыслима без новейшей боевой техники. В результате научного и технического прогресса оснащение вооруженных сил непрерывно совершенствуется, становится все более эффективным и многообразным. При этом наряду с ядерной и ракетной техникой сохраняют свою роль и обычные виды оружия, которые также постоянно развиваются.

Но сама по себе военная техника представляет лишь один из компонентов военного превосходства. Это понятие включает также в качестве основного элемента и хорошо подготовленных в моральном и военно-техническом отношении людей, превосходящих противника в овладении боевой техникой и в применении ее во всех современных видах военных действий. Однако и этого еще недостаточно для достижения победы.

В. И. Ленин, исходя из опыта первой мировой войны, сделал вывод, что на войне «берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины...»¹. Преобладание над противником в области боевой техники может принести победу вооруженным силам, отличающимся величайшей дисциплиной и наилучшим образом организованным. Высшая боевая техника и качественно более квалифицированный личный состав служат органической основой военного превосходства над противником. Для того чтобы это теоретически общепризнанное единство обеспечивалось повседневной практикой военного строительства, военная наука должна своевременно выдвигать наибо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 116.

лее целесообразные формы, способы и принципы организации и использования вооруженных сил, соответствующие новейшей боевой технике. Они неизбежно преобразуются вместе с изменением природы боевых средств, с появлением новых технических возможностей решения военных задач и повышением требований к личному составу.

В сохранении постоянного военно-технического превосходства над противником и военного преобладания вообще чрезвычайно важную роль играет правильная и своевременно осуществленная структура вооруженных сил. Это в свою очередь требует научного подхода к вопросам развития существующих и создания новых видов вооруженных сил и родов войск, определения их места и роли в военной организации страны, соотношения и взаимодействия между ними. В процессе решения этих важнейших проблем определяются огневая мощь, количество и характер средств доставки для вооруженных сил в целом, распределяются боевые средства между видами сил и родами войск, удовлетворяются их потребности в людях, технике, транспорте, во всех видах боепитания и снабжения.

Многообразие военных задач обуславливает наличие различных видов вооруженных сил и родов войск, отличающихся друг от друга по среде, в которой они действуют, по своей огневой производительности, носителям огневой мощи, степени подвижности, маневренности и мобильности, по своему назначению, способам и последствиям боевых действий. Но существует общий признак качественной разницы между видами вооруженных сил и родами войск. Он заключается в свойственном каждому из них вполне определенном, специфическом соединении людей и техники. Поэтому в сущности своей процесс организации вооруженных сил представляет собой поиск и создание наиболее рациональных форм такого соединения.

В рамках любой единицы вооруженных сил — будь то стрелковая рота или ракетная часть, соединение кораблей или самолетов, мелкое подразделение или крупное воинское соединение — технические средства и управляющие ими люди так или иначе взаимодействуют для решения различных военных задач. При этом, естественно, между ними складывается и вполне определен-

ное качественное и количественное соотношение. Оно изменяется вместе с совершенствованием военного дела, в основном с появлением новых, более современных военно-технических средств.

Прогресс в области военной техники неизбежно вызывает рост энерговооруженности и технической насыщенности вооруженных сил, увеличивает тем самым их боевую мощь. Подобно тому как в результате индустриально-технической эволюции повышается производительность труда, военно-технический прогресс способствует тому, что больший боевой эффект достигается с меньшими затратами человеческой энергии. Таким образом, важнейшей закономерной тенденцией развития военного дела является постоянное изменение качественного и количественного соотношения между массой людей и техники, в котором, наряду с возрастанием роли человека, все больший удельный вес приобретает и техника.

Осуществление этой объективной закономерности на практике нередко зависит от субъективных решений, что может привести к ошибкам. Об одной из них сообщалось в американском журнале «Милитэри Ревью» за январь 1961 г. В статье журнала говорилось о чрезвычайно невыгодном соотношении имевшейся в то время численности натовской дивизии и числа людей, которые должны в тылу обслуживать ее боевые действия. Журнал объяснял это обстоятельство перегрузкой войск техникой, что вызывает «нарушение равновесия» между вспомогательными службами и строевыми частями¹.

На основании этого примера трудно оценить степень отмеченного журналом снижения боевой эффективности дивизий НАТО. Но вполне очевидно, что перегруженность техническими средствами привела к невыгодным пропорциям между людьми и техникой.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что такое соотношение в войсках оказывается в тесной зависимости не только от военно-технических, но и от социально-политических факторов, в частности от характера и целей войны. Весьма интересны в связи с

¹ «Military Review», January, 1961.

этим данные о боевом, обеспечивающем и обслуживающем составе войск интервентов США во Вьетнаме. Как писала газета «Нью-Йорк таймс», в июле 1967 г. военные руководители в Вашингтоне «в конфиденциальном порядке» выразили тревогу по поводу сообщения из Сайгона о том, что только 70 из 464 тысяч американских военнослужащих во Вьетнаме образуют боевые части, в то время как остальные находятся во втором эшелоне, решая задачи непосредственной поддержки военных действий (артиллерия, вертолеты, саперные батальоны) и обслуживая действующие войска (автотранспорт, склады, порты, штабы и ремонтные части)¹. Военные специалисты США считают, что столь высокий процент частей обслуживания является следствием неудовлетворительной организации материально-технического обеспечения. При этом они отмечают, что во Вьетнаме нет действительно безопасного тыла. Та же газета доводила до сведения, что из 70 тысяч пехотинцев значительное число солдат и офицеров необходимы для охраны американских объектов. В результате интервенты редко когда могут выделить для наступательных операций более 50 тысяч человек.

Конечно, нельзя исключать возможностей создания других соотношений боевого и обеспечивающего состава войск агрессоров во Вьетнаме. Но резко изменить сложившиеся пропорции невозможно, потому что не только высокая техническая насыщенность, но и отсутствие прочного тыла в захватнической войне препятствует этому. Смелые, решительные действия вьетнамских патриотов заставляют американских интервентов рассредоточивать свои силы по всему театру военных действий и содержать значительный процент боевого состава войск в тылу. В начале 1968 г. бывший тогда командующим войсками США во Вьетнаме генерал Уэстморлэнд, ссылаясь на большую разбросанность частей, потребовал отправки в Южный Вьетнам дополнительно по крайней мере 100 тысяч американских солдат².

В области производства, как правило, всегда выгодно, если одну и ту же операцию выполняет меньшее

¹ «New York Times», July 13, 1967.

² См. «Красная звезда», 3 марта 1968 г.

количество людей, управляющих более производительной техникой. В организации вооруженной борьбы такого рода замена не всегда осуществима и не всегда полезна в связи с специфическим характером боевых задач.

Но, как и в промышленности, в военном деле любое новое техническое средство прогрессивно лишь в том случае, если при большей (или равной) эффективности по сравнению с устаревшим оно требует меньше обслуживающего персонала. Поэтому и появляется возможность в мирное время, не снижая, а, наоборот, повышая огневую мощь, боеспособность и боеготовность вооруженных сил, высвобождать людские ресурсы для народного хозяйства и в случае необходимости формировать большее количество высококачественных войск.

Из сказанного можно сделать вывод, что достижения военно-технического прогресса, составляющие материальную основу развития военного дела, полностью используются лишь в том случае, если в вооруженных силах соотношение между людьми и техникой своевременно приводится в соответствие с резко возрастающими данными новейших видов оружия и всех технических средств, поступающих на вооружение. В области военного строительства это означает создание во всех видах вооруженных сил и родах войск таких организационных форм, в которых воплощены наиболее выгодные пропорции между людьми и техникой, обеспечивающие наивысшую боевую эффективность военной машины при максимально допустимом высвобождении людских ресурсов.

Поскольку боевая техника совершенствуется непрерывно, то так же должно изменяться и соотношение между нею и людьми в войсках. Но в развитии военного дела есть периоды, когда значительное время на вооружении армии находятся одни и те же боевые средства, хотя и непрерывно улучшаемые. Для каждого такого периода характерно вполне определенное, наиболее эффективное **оптимальное** соотношение между людьми и техникой в вооруженных силах. И если оно не выдерживается в рамках существующих организационных форм, то, следовательно, последние не соответствуют достигнутому военно-техническому уровню.

При этом возможны диспропорции двоякого рода: в войсках будет либо избыток, либо недостаток боевых и других технических средств. Причины этого такие:

— малочисленность людских ресурсов при наличии соответствующих индустриально-технических возможностей для обеспечения войск техникой;

— достаточное количество людских ресурсов при нехватке соответствующих индустриально-технических возможностей;

— нерационально выбранные организационные формы вооруженных сил, а также неправильно установленное соотношение между видами сил и родами войск.

Каждая из этих причин обуславливает те или иные диспропорции между людьми и техникой и, следовательно, служит препятствием для воплощения новейших военно-технических достижений в военном деле.

Только при оптимальном соотношении массы соответственно подготовленных людей и новейшей боевой техники во всех видах сил и родах войск открывается простор для полного использования результатов военно-технического прогресса. Лишь строгое соблюдение этого соотношения при возрастающей насыщенности войск все более совершенными техническими средствами создает основу для строительства максимально боеспособных вооруженных сил и в то же время для необходимой экономии людских и индустриально-технических ресурсов.

Таким образом, установление наиболее рациональных пропорций между количеством людей и массой техники в армии, соответствующих достигнутому уровню военно-технического прогресса, представляет собой *объективно закономерную потребность развития военного дела*. Это дает основание сделать вывод, что *в развитии военного дела действует объективный закон обязательного качественного и количественного соотношения между людьми и техникой в системе вооруженных сил*.

Нарушение данного закона в практике военного строительства препятствует созданию военной машины, отвечающей экономическим и военным возможностям государства. Поскольку каждому уровню военно-технического развития (зафиксированному на известный период времени имеющимися на вооружении видами оружия и техники) соответствует определенное оптималь-

ное соотношение между массой людей и техники в войсках, в рамках которого только и достижима максимальная мощь вооруженных сил, само это соотношение оказывается одним из важнейших факторов военного могущества. Следовательно, из двух государств с примерно равным уровнем военно-технического развития сильнейшей в военном отношении будет страна, способная создать более многочисленные вооруженные силы, организованные на основе оптимальных пропорций между людьми и техникой. Отступление от этого соотношения отрицательно сказывается на степени военной мощи, потому что нехватку людских ресурсов нельзя восполнить за счет повышенной насыщенности войск боевой техникой, так же как и недостаток технических средств (особенно ядерного оружия) не компенсируется увеличением численности вооруженных сил. В обоих случаях нарушается объективно обязательное соответствие между людьми и техникой.

Насыщенность войск техникой при современном военно-техническом уровне имеет естественный предел для каждого вида сил и рода войск, для каждого определенного способа вооруженной борьбы — от одиночного бойца, выполняющего свойственную ему боевую задачу, до ракетного комплекса, наносящего ядерные удары. И поскольку переход за эту грань не ведет к повышению боевой мощи вооруженных сил, то дальнейшее ее наращивание путем мобилизационного развертывания возможно лишь за счет увеличения количества войск, комплектуемых на основе оптимального соотношения между людьми и техникой.

В империалистических государствах, особенно в США, военно-организационные формы и способы вооруженной борьбы вырабатываются на основе высокой насыщенности войск боевой техникой. При нехватке людских ресурсов империалисты стремятся недостаток в личном составе восполнить количеством вооружения и техники. Основной упор при этом делается на повышение мобильности и огневой мощи войсковых соединений и частей.

Такой путь достижения военного превосходства оказался бы эффективным, если бы уровень военно-технического развития в социалистических странах был намного ниже, чем в капиталистических, а техническую

насыщенность войск можно было бы повышать беспредельно, не снижая при этом их боеспособности. Но, как известно, этих условий не существует. Страны социализма в военно-техническом отношении не отстают от империалистического лагеря, а по ряду важнейших видов вооружения Советский Союз уверенно идет впереди. Растущая промышленность и научно-технические достижения обеспечивают наши Вооруженные Силы современным оружием и техникой. Это обстоятельство было отмечено не раз и буржуазной военной печатью. У. Миллис в книге «Война и люди» писал, что, начиная с появления в Корее советских реактивных самолетов американцы «получили повторное доказательство мощи советской военной техники. Она представлялась во многих отношениях равной нашей собственной и в некоторых, возможно, превосходящей. Если Запад мог новым оружием заменять людей, то было бы благоразумно предположить, что Россия может сделать то же самое и что какое бы военное преимущество мы ни получили бы таким путем, оно было бы в лучшем случае только временным»¹.

Мысль о «замене людей оружием» весьма неточно отражает действительность. Новое оружие увеличивает боевые возможности людей, но не заменяет их. Революция в военном деле необычайно усилила роль техники. Это особенно проявилось в значительном росте огневой производительности вооруженных сил в целом и в расчете на каждого человека. Но вместе с тем неуклонно повышается и значение людей в вооруженной борьбе. Чем эффективнее боевые средства и выше техническая насыщенность войск, тем более сложной, ответственной и действенной становится роль человека, его способность влиять на ход и исход боя. Иными словами, неизбежным и объективно закономерным следствием военно-технического прогресса является возрастание роли каждого человека в военных действиях. Поэтому повышаются требования к духовным и физическим качествам воинов, к их боевой и политической подготовке, культурному и умственному развитию.

Высокие поражающие и маневренные свойства ракетно-ядерного оружия, большая степень механизации

¹ W. Millis. Arms and Men..., p. 303.

и автоматизации, насыщенность техническими средствами управления и связи позволяют осуществлять необходимые маневры силами, быстрое их рассредоточение, достаточную концентрацию огневой мощи и уверенную доставку ее к цели при значительно меньших усилиях. Но для победы над противником, располагающим обширной территорией, дающей возможность использовать пространство и время для организации активной и пассивной обороны, маневрировать силами и мобилизовывать резервы, одной только наступательной огневой мощи, заключенной в стратегическом ракетно-ядерном оружии, недостаточно. Поэтому во всех видах вооруженных сил и родах войск для выполнения многообразных задач стратегического, оперативного и тактического масштаба потребуются большие контингенты людей.

Возрастание численности армии представляет собой естественный и неотвратимый результат развития производительных сил: массовое производство оружия неизбежно придает массовый характер ведения войны. В мировой ядерной войне, решающей судьбы двух противоположных социально-экономических систем, каждая из воюющих сторон встала бы перед необходимостью мобилизовать все людские и материальные ресурсы, чтобы добиться превосходства не только в качестве, но и в количестве, и в массе наступательных и оборонительных средств. С превращением всей территории страны, по сути дела, в театр военных действий исключительно высокими будут требования к организаторским способностям руководящих партийно-политических и хозяйственных кадров страны. Огромная роль в достижении победы по-прежнему будет принадлежать умению командного и политического состава вооруженных сил воодушевлять и вести за собой людей на борьбу в невероятно тяжелых условиях.

Весьма существенная особенность современного оружия и техники состоит в том, что их создание и применение связаны с усилиями многих высококвалифицированных ученых, инженеров, техников и рабочих. Экономическое, научное и инженерно-техническое обеспечение военных действий теперь настолько значительно, что уровень подготовки и творческие способности научно-технических кадров и рабочих, занятых

в промышленности, становятся важнейшим условием достижения победы. Чем сложнее и совершеннее оружие и техническая оснащенность войск, тем выше и многообразнее требования, предъявляемые к личному составу вооруженных сил. Качества людей: их общий культурный уровень, политическая, физическая, боевая и военно-техническая подготовка, морально-боевой дух — должны отвечать высокому уровню современной войны, колоссальным боевым возможностям современной техники.

Революция в военном деле совершается людьми, и от них зависит использование ее результатов. Наряду с резко возросшим значением военно-технического момента решающая роль в войне будет по-прежнему принадлежать экономическим, социально-политическим и моральным факторам.

Таковы некоторые наиболее существенные последствия революции в военном деле.

Новейшие виды оружия и боевой техники и в совершенстве владеющие ими массы сознательных, инициативных людей составляют органически целую материальную основу ведения войны. Вне этого единства проблема военно-технического превосходства не может рассматриваться. Нельзя ее ставить и вне связи с экономическими и социально-политическими условиями, в которых протекает производственная и военная деятельность людей.

Морально-политические и боевые качества трудящихся социалистических государств, призываемых в вооруженные силы, несравненно выше, чем у солдат и матросов империалистических стран. Это неоднократно доказали Советские Вооруженные Силы. В достижении военного превосходства — важнейшей проблеме ведения современной войны, которая «так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника»¹, социалистические страны обладают решающими, неоспоримыми преимуществами перед империалистическими.

Военное превосходство берет свое начало в социально-экономическом строе, в системе хозяйства, развивающегося по своим, специфическим законам. В им-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

периалистических государствах, где средства производства находятся в частном владении, а научно-технический прогресс направлен на усиление эксплуатации трудящихся, создание вооружения и боевой техники для агрессивной войны неизменно связано с ростом налогов и цен, с инфляцией и широким наступлением на жизненные права народа. В странах социализма, где средства производства являются всенародным достоянием и научно-технический прогресс способствует дальнейшему улучшению благосостояния народа, проблема укрепления оборонной мощи решается в непосредственной связи с задачей удовлетворения материальных и духовных запросов трудящихся, облегчения условий их труда и сохранения прочного мира.

В современной обстановке, как никогда в прошлом военное превосходство государства может быть обеспечено не только высоким уровнем индустриально-технического развития и абсолютным объемом производства, но в решающей степени и характером его социально-экономического строя. Очевидно, что социалистическая система, основанная на общественной собственности на средства производства, располагает огромными преимуществами перед капитализмом.

Капиталистическая система хозяйства имеет целью извлечение наивысших прибылей для обогащения эксплуататорской верхушки общества. Основная задача социализма — максимальное удовлетворение потребностей всего народа. Прогресс производства, науки и техники при капитализме ведет к обострению классовых противоречий, при социализме — к укреплению морально-политического единства общества.

В армии, как и в обществе, социально-политическое развитие и технический прогресс взаимосвязаны, как две стороны единого исторического процесса, субъектом которого является человек, воин с его орудиями ратного труда. При этом люди в вооруженных силах и на войне выступают носителями не только оружия и боевой техники, но прежде всего политики и идей, проводимых государством. Естественно поэтому, что боевая мощь военной машины, складывающаяся из материальных и духовных сил, имеет двойственный характер, обусловленный не только и не столько существенным различием физических и духовных качеств чело-

века, а прежде всего социально-экономическими и политическими отношениями общества, создавшего армию. В вооруженных силах империалистических стран с их социально-реакционными и военно-агрессивными целями духовный мир людей, если только они способны трезво мыслить, наполняется сомнениями и идейными противоречиями, которые непременно в той или иной форме отражают реальный классовый антагонизм между трудом и капиталом. В империалистической войне он проявляется в коренной противоположности между ее характером и интересами масс трудящихся, призванных воевать за чуждые им цели господствующего класса. Наглядное тому доказательство — агрессия США во Вьетнаме. Американский сенатор Р. Кеннеди довольно трезво оценивал это противоречие: «Нельзя рассчитывать, что люди будут рисковать своей жизнью и безропотно терпеть лишения, если у них нет заинтересованности в сохранении своего собственного строя. Люди не станут воевать ради того, чтобы набить карманы генералов или увеличивать банковские счета богачей»¹.

В армиях социалистического типа для подобных несоответствий нет места. Вооруженные Силы СССР и других стран социализма при необходимости ведут лишь справедливые войны, цели которых отвечают самым насущным, жизненным интересам трудящихся.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, в исключительно короткие сроки добился величайших экономических и научных успехов, стал во главе мирового научно-технического прогресса. Теперь даже наши злейшие враги вынуждены признать, что у Советского Союза и других стран социализма имеются значительные экономические и военные достижения, что война против социалистического содружества не принесет победы агрессорам. Однако это обстоятельство не должно вселять самоуспокоенность и благодушие. В военном отношении лагерь империализма представляет собой сильного и коварного противника, располагающего новейшим оружием и техникой, постоянно увеличивающего вооружения и ведущего ожесточенную борьбу за военное преобладание.

¹ «Правда», 13 февраля 1968 г.

Благоприятные предпосылки, создаваемые социалистическим строем, сами по себе не дают автоматического решения проблемы военного превосходства. Они реализуются через постоянные напряженные усилия людей, производящих необходимую массу современной боевой техники, овладевающих ею и применяющих ее в вооруженной борьбе.

Достижение военных преимуществ составляет проблему не только для экономики, промышленности, науки и техники, но и для военного дела. Лучшее вооружение и техническая оснащенность армии не принесут победы, если их не использовать в полном соответствии с объективными законами военных действий, если способы и формы применения оружия не будут отвечать их боевым свойствам и возможностям, требованиям современной военной науки и военного искусства.

После того как на вооружение армии поступили боевые средства, превысившие по качеству технику противника, решающая роль в обеспечении и поддержании военного превосходства на всем протяжении войны, превращении его в действенный фактор достижения победы принадлежит военной организации государства, военной науке и искусству и зависит от боевой выучки и морально-боевого духа вооруженных сил. Отсюда проистекает настоятельная потребность своевременной выработки таких форм организации войск и способов ведения вооруженной борьбы, в которых гармонически сочетаются свойства современного высокоэффективного оружия и боевая энергия, инициатива, высокие моральные и боевые качества личного состава, вырабатывается объективно закономерное оптимальное соотношение между людьми и техникой.

Для Советского Союза, как и для всех социалистических стран, находящихся перед лицом военной угрозы со стороны империализма, чрезвычайно важно иметь максимально эффективные вооруженные силы, требующие минимальных затрат финансово-экономических средств и людских ресурсов. В связи с этим во весь рост встает проблема наиболее рациональных решений всех вопросов военного строительства, военного планирования и организации войск.

Успешное выполнение этих задач при современном уровне развития военного дела было бы крайне затруд-

нено без новейших методов и средств математического анализа и расчетов. Необходимость широкого применения в военном деле кибернетики, комплексно охватывающей весь процесс военного строительства и руководства вооруженными силами, очевидна.

Конечно, счетно-электронная техника сама по себе не в состоянии до конца осуществить создание оптимальной военной организации и оптимального военного планирования. Но она позволяет в кратчайшее время получить достаточное количество вариантов решения этой задачи и выбрать наиболее выгодные, оптимальные, обеспечивающие максимальную мощь вооруженных сил при минимальных затратах средств и ресурсов.

Для сохранения постоянного военного превосходства над противником необходимо тщательно учитывать общие тенденции развития науки и техники, внимательно изучать зарубежную военную технику и направления ее совершенствования.

Американцы стремятся обеспечить высокую насыщенность всех видов вооруженных сил и родов войск ядерным оружием путем значительного расширения диапазона тротилового эквивалента ядерных бомб и боеголовок. Планы и мероприятия Пентагона в этой области исключительно широки. Они охватывают все сферы и средства боевых действий — от вооруженной борьбы за «господство» в космосе до оснащения ядерным оружием первичных воинских подразделений. Командующий стратегической авиацией США генерал Пауэр по поводу планов в космосе заявлял: «Тот, кто первым утвердит свое место в космическом пространстве, будет его хозяином. И мы просто не можем позволить себе проиграть соревнование за господство в космическом пространстве»¹. Л. Джонсон в бытность сенатором вел «мощную политическую и законодательную кампанию за увеличение усилий в космосе». В связи с огромными ассигнованиями правительства на космические исследования он заявлял: «Я не вижу нашего спасения как свободной и первоклассной нации, если мы не будем лидировать в космосе»².

¹ «Правда», 17 июня 1962 г.

² J. Raymond. Power at the Pentagon, p. 233.

Не меньшее значение придает американское военное командование совершенствованию средств ведения боевых действий на суше и на море, разработке легких систем малогабаритного атомного оружия тактического назначения. Тенденция к широкому внедрению такого рода систем в войска представляет значительный интерес. Ядерное оружие обеспечивает крупный скачок в развитии огневой мощи подразделений сухопутных войск, что, несомненно, увеличивает их боевую эффективность.

Жизнь свидетельствует о том, что в борьбе за военно-техническое превосходство никогда нельзя останавливаться на достигнутом. Нужно постоянно двигаться вперед, мобилизуя новейшие достижения науки и техники на ускорение военно-технического прогресса. Нельзя ни на минуту забывать о том, что вероятные противники располагают немалыми производственными и научно-техническими возможностями для создания новых средств вооруженных действий. Следует всегда помнить слова В. И. Ленина, что неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у противника¹.

Военное могущество Советского Союза и всей социалистической системы является важнейшей предпосылкой банкротства военной идеологии и стратегии американского империализма. Страны социализма располагают всем необходимым, чтобы поддерживать на современном уровне военное дело. «В условиях, когда агрессивные силы империализма обостряют международную напряженность, создают очаги войны, — говорится в Резолюции XXIII съезда партии, — КПСС будет и впредь повышать бдительность советского народа, крепить оборонную мощь нашей Родины, чтобы Вооруженные Силы СССР были всегда готовы надежно защитить завоевания социализма и дать сокрушительный отпор любому империалистическому агрессору»².

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

² Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 188.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В развитии военной идеологии американского империализма после второй мировой войны отмечаются два периода. Первый — от окончания войны до последней трети 50-х годов — связан со вторым этапом общего кризиса капитализма, развернувшимся в ходе мировой войны и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Второй период начался в конце 50-х годов. Он обусловлен новым, третьим этапом общего кризиса капиталистической системы.

Краткое историко-теоретическое исследование эволюции американской военной идеологии показывает, что существенные изменения в ее социально-политическом и собственно военном содержании вызваны теми же явлениями и факторами, в которых находит свое выражение общий кризис капитализма. К ним относятся прежде всего отпадение от капитализма новых стран, ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом, распад колониальной системы и обострение внутренних противоречий империализма в связи с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма, нарастание борьбы между трудом и капиталом, небывалое усиление политической реакции по всем линиям, глубокий кризис буржуазной политики и идеологии.

В процессе углубления общего кризиса капитализма значительно изменяются условия развития милитаризма, возможности осуществления его основных военно-политических принципов. «Империализм, — отмечается в принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 16 июня 1969 года «Воззвании в защиту мира», — не может уже по своему произволу распоряжаться судьбами мира»¹.

¹ Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, стр. 57.

Империалистическая буржуазия по-прежнему сохраняет способность вооружаться против рабочего класса внутри страны, против мирового рабочего и национально-освободительного движения. В ее распоряжении находится военщина — главный аппарат буржуазной государственной машины. В США милитаризм, хотя и сталкивается с растущим протестом народных масс, больших препятствий в своем развитии не встречает. Военно-промышленные корпорации в союзе свлиательными военными деятелями добиваются постоянного увеличения вооружений. С полным основанием американский сенатор Д. Макговерн в декабре 1968 г. назвал военно-промышленный комплекс «наиболее серьезной внутренней угрозой, перед лицом которой стоят Соединенные Штаты». Бывший командующий морской пехотой генерал Д. Шоуп опубликовал в журнале «Атлантик» специальную статью, посвященную милитаризации США и разоблачению тесных связей между военной кастой и военной промышленностью. «Америка, — писал он, — стала милитаристской, агрессивной страной... Мы держим свыше 1 517 тысяч американцев в военной форме в 119 зарубежных странах. Мы имеем договоры об оказании помощи 48 странам, если они попросят нас об этом или если мы решим вмешаться в их внутренние дела. У нас создана невероятная по размерам и чрезмерно дорогостоящая военная машина, постоянно оснащаемая гигантской военной индустрией... Многие честолюбивые профессионалы-военные поистине мечтают о войнах и возможности прославиться, отличиться, что доступно лишь в сражении»¹.

Империализм утратил монополию на военную силу и ядерное оружие. В результате были ликвидированы возможности безнаказанных военных авантюр. Однако там, где империализм сохраняет политическое господство, в его руках остается и военное дело. Это позволяет реакции с помощью вооруженной силы подавлять рабочее движение внутри страны, готовить новую войну и осуществлять агрессивные провокации.

В определенной мере американский империализм может еще использовать в агрессивных целях людские и материальные ресурсы, а также территории отдельных

¹ «Правда», 7 мая 1969 г.

государств. В этом ему помогают антинародные режимы в некоторых странах мира. Правительства государств — участников агрессивного блока НАТО не принимают непосредственного участия в преступной вьетнамской интервенции США. Но это не означает, что их вооруженные силы не могут быть привлечены американскими империалистами для военных акций. Военный потенциал Англии и особенно ФРГ, других участниц НАТО представляет значительную величину в общем балансе военных возможностей империализма. К концу 1968 г. вооруженные силы НАТО в Европе (по данным западной печати) насчитывали 778,8 тыс. человек, в том числе американских войск — 210 тыс., ФРГ — 425 тыс., Великобритании — 57 тыс., Бельгии — 40 тыс., Голландии — 40 тыс., Канады — 6 тыс., Люксембурга — 0,8 тыс.

После того как в декабре 1967 г. на Брюссельской сессии НАТО стратегия «гибкого реагирования» была официально принята участниками блока, правительство США усилило давление на своих союзников. Оно стремилось выжать из них еще больше средств на гонку вооружений, увеличить численность сухопутных войск, находящихся под общим командованием НАТО.

«Гибкое реагирование», по расчетам Пентагона, требует гораздо более крупных контингентов личного состава, чем отвергнутая стратегия «массированного удара». Это значит, что США рассчитывают вести войну войсками своих союзников, которые могут быть втянуты в вооруженный конфликт даже помимо их воли.

Созданный по инициативе США милитаристский Североатлантический блок, в котором все более значительную роль играют реваншистские круги Западной Германии, представляет собой важнейшее политическое и военное орудие империалистического лагеря. В то же время он предназначен для удушения рабочего движения в странах Западной Европы.

Американский империализм стремится активизировать агрессивные действия милитаристских блоков. Он сформировал сильнейшие в своей истории армию и флот и продолжает наращивать их мощь. Располагая значительными экономическими и военными возможностями, США постоянно ищут удобного случая для использования своей огромной милитаристской машины.

Выход из тупика, в котором оказались агрессивная военная политика и идеология американского империализма, его лидеры пытаются найти на путях усиления гонки вооружений, ускоренной подготовки новой войны, опасного балансирования на грани всемирной ядерной катастрофы.

Американский милитаризм предпринимает максимальные усилия для обеспечения военно-технического превосходства над Советским Союзом, продолжает быстрыми темпами совершенствовать ракетно-ядерное оружие и наращивать его запасы, проводит мероприятия по широкому рассредоточению ракетно-ядерных средств на доступных ему территориальных и океанских пространствах. В США ведутся углубленные работы по созданию эффективных противоракетных средств, по использованию космоса в военных целях. Принятая президентом Р. Никсоном программа противоракетной обороны «Сейфгард» преследует далеко идущие агрессивные цели подготовки нападения на страны социализма. Превентивные ядерные удары по-прежнему рассматриваются американской военщиной как один из основных способов развязывания новой мировой войны.

Ради достижения своих реакционных целей империалисты пускают в ход все доступные им средства. Это, помимо чисто военных, различные методы подкупа, экономического и политического давления на правительства буржуазных стран; обильно финансируемая подрывная деятельность против социалистического лагеря, включающая подготовку и проведение контрреволюционных заговоров и мятежей против народной власти; «психологическая война», основное место в которой отводится клевете на страны социализма и коммунистическое движение и восхвалению прогнившего капиталистического строя. Сюда же относятся методы шпионажа, диверсий, террора, провокаций, шантажа и других преступных действий, предпринимаемых империалистами против народов.

Во всей так называемой «большой стратегии» империалистов на одном из первых мест стоит задача поколебать единство социалистических стран и мирового коммунистического движения. Основную ставку при этом они делают на разжигание национализма, с по-

мощью которого хотели бы противопоставить социалистические страны друг другу¹.

Ярким примером использования подрывных средств против социалистического содружества являются события 1968—1969 гг. в Чехословакии, в которых ярко проявилось существо провозглашенной бывшим президентом США Л. Джонсоном политики «наведения мостов».

Важнейшей составной частью политики империализма является фашизация режимов в буржуазных государствах и другие меры, направленные на подавление общественного протеста против войны и агрессии. Свидетельством этого является поддержка США фашистского режима в Португалии, франкистского режима в Испании, фашистского переворота в Греции.

Империализм США, сказал на XIX съезде КП США Гэс Холл, «не отказался от мечты о мировом господстве, об «американском веке», для осуществления которой ежегодно расходует сотню миллиардов долларов, взятых из карманов налогоплательщиков, планирует крупную систему противоракетной обороны, содержит в разных странах мира множество военных баз»².

Опасные проявления агрессивной природы американского империализма обуславливают настоятельную необходимость разоблачения его авантюристической военной идеологии. В распоряжении монополий, питающих милитаризм, находится немало средств пропаганды: пресса и литература, кино и театр, радио и телевидение, школа и высшие учебные заведения. Все формы массовой информации широко используются для насаждения культа насилия, проповеди реакционных военных теорий. Нельзя недооценивать далеко еще не исчерпанные возможности воинствующей буржуазии ставить под ружье с помощью обмана, фальсификации, подкупа и насилия массы людей, направлять их на достижение своих преступных целей. «Богатейший опыт» в этом отношении американские и иные империалисты и их идеологические оруженосцы щедро почерпнули у германских фашистов, которые в свое время обманом, фальсификацией, запугиванием сумели одурманить со-

¹ См. «Правда», 23 июля 1967 г.

² «Правда», 3 мая 1969 г.

знание большинства немецкого народа, толкнуть его на преступную войну против первой в истории человечества страны социализма. Надо отдать должное идейным прислужникам империализма США, что в послевоенный период и сами они сделали огромный вклад в это грязное, реакционное дело.

Политика и идеология агрессии обречены на провал, поскольку противоречат жизненным интересам всех народов, объективным потребностям общественного развития и являются прямым следствием социально-политического и военного авантюризма монополистической буржуазии. Боевой союз стран социализма и всех антиимпериалистических сил представляет собой важнейший фактор международной политики, надежный щит, способный сдерживать агрессоров. Грандиозные успехи Советского Союза и других социалистических стран — результат опережающих капитализм темпов экономического развития, научно-технического прогресса, улучшения материальной и духовной жизни трудящихся.

Если бы в середине XX столетия при достигнутом уровне производительных сил, успехах науки и техники на историческую арену не выдвинулся как главная сила современной эпохи международный рабочий класс с созданной им мировой социалистической системой, если бы Советский Союз и другие страны социализма не обеспечили мощный противовес невероятно разросшейся военной машине империализма, — величайшая военная катастрофа с ее губительными последствиями была бы неминуемой. Именно экономический и социально-политический прогресс, решительно изменивший облик современного мира, а также быстрое военно-техническое развитие привели к тому, что империализм оказался перед перспективой неизбежного банкротства своей агрессивной военной программы.

Испытанное средство установления, расширения и сохранения классового господства буржуазии — вооруженное насилие — в современных условиях не может быть успешно применено в борьбе против мировой системы социализма. Развязав войну, империалисты не избежали бы неотвратимого уничтожающего возмездия со стороны социалистических государств. Народы земли не стали бы больше терпеть социальный строй,

ввергающий их в опустошительные вооруженные схватки.

Однако угроза агрессивных нападений, обусловленная существованием империализма, остается. «Империалистическая реакция, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — пытаюсь справиться с экономическими и политическими потрясениями, выйти из тупика неразрешимых социальных противоречий, все больше становится на путь военных авантур и провокаций. Империализм ставит под угрозу гибели жизни миллионов людей, плоды цивилизации и культуры. Американский империализм, ставший главной угрозой миру и безопасности народов, усиливает свои преступные действия в различных районах мира. Силы реакции посягают на независимость и свободу народов. Как и в прошлом, все чаще и чаще империалистическая буржуазия прибегает к методам фашистской диктатуры. В этих условиях с особой силой звучит ленинский призыв к единению всех революционных, прогрессивных сил в борьбе против империалистической разбойничьей политики, за дело демократии, социализма и мира»¹. Именно поэтому Коммунистическая партия Советского Союза, Советское правительство, последовательно и настойчиво борясь за мир и международную безопасность, уделяет первостепенное внимание повышению своей оборонной мощи. «Социалистическая революция, как учили Маркс и Ленин, — подчеркивается в Тезисах ЦК КПСС о 50-летию Великого Октября, — обязана уметь защищать себя, должна противопоставить агрессивности классового противника несокрушимую военную мощь»². Никому не угрожая войной, Советский Союз и страны социалистического лагеря располагают средствами, вполне достаточными для отпора каким бы то ни было реакционным захватническим авантюристам. Высокая постоянная бдительность и боеготовность Советской Армии и Военно-Морского Флота, армий стран Варшавского Договора, их тесное бое-

¹ О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС. М., Политиздат, 1968, стр. 18.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 62.

вое содружество, крепнущее на основе пролетарского интернационализма и общности целей — главное условие разгрома любого агрессора или коалиции враждебных государств в случае, если они посмеют напасть на СССР или другие братские страны социализма.

Империалистическая буржуазия неоднократно пыталась уничтожить первое в истории социалистическое государство. Из жесточайших военных схваток с сильными и коварными врагами Советский Союз неизменно выходил победителем. Наши Вооруженные Силы, руководимые и вдохновляемые Коммунистической партией, показали в сражениях за Отечество чудеса героизма и доблести, стойкости и воинского искусства. Воспитанные в духе марксистско-ленинской идеологии, кровно связанные с народом, опираясь на передовую военную науку, они с честью выполняли свой патриотический и интернациональный долг перед трудящимися всей планеты.

Империалисты не смогли одолеть Советский Союз, когда он был единственным в мире. Тем более им не удастся нанести военное поражение социалистическому содружеству государств, обладающих огромной экономической и военной мощью, сплоченных узами непоколебимого интернационального братства. Странами социализма «в упорной борьбе с миром империализма коллективными усилиями выковывается могучее оружие обороны социалистических государств. Это вместе с тем оружие свободы для тех, кто ведет вооруженную борьбу с империализмом. Наша мощь — это оплот мира для всех, кто борется против угрозы новой мировой войны. Защищая социализм и мир, мы защищаем будущее человечества»¹.

Военно-исторический опыт современной эпохи наглядно показал, что, развязывая войны против социализма, империалисты ускоряют распад и гибель собственной системы. Поэтому как никогда актуально зву-

¹ Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 14—15.

чат сегодня предостерегающие агрессоров мудрые слова великого Ленина: «...всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получают в результате и после войны»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 131.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава первая. Монополии и милитаризм	14
1. Милитаризм — главное орудие классового господства монополистической буржуазии США	—
2. Милитаризм и общий кризис капитализма	33
Глава вторая. Идеология завоевания мирового господства	44
1. Американский империализм — главный центр реакции и агрессии	45
2. Идеино-теоретические источники американской военной идеологии	54
Глава третья. Доктрина тотальной ядерной войны	88
1. Трудности выработки единой военной доктрины	—
2. Стратегия „массированного удара“	99
3. Критика доктрины тотальной ядерной войны с позиций „традиционного“ милитаризма	117
Глава четвертая. Отражение нового этапа общего кризиса капитализма в американской военной идеологии	131
1. Признание банкротства империалистической теории насилия	132
2. Кризис военной идеологии американского империализма	149
3. Проблема идеологической подготовки агрессивной войны	161
Глава пятая. Возрастающая агрессивность американского милитаризма	184
1. Мобилизация военно-идеологических ресурсов	—
2. Реакционно-утопическая теория „ядерного сдерживания“	214
3. Антикommунизм и фашизация военной идеологии США	234
Глава шестая. Эволюция военной доктрины США	251
1. Проблема военной доктрины США на современном этапе общего кризиса капитализма	252
2. Попытки ограничения ядерной войны	269
3. Доктрина „гибкого реагирования“	282
4. Усиление реакционных и агрессивных тенденций в американской военной идеологии	306

	<i>Стр.</i>
Глава седьмая. Важнейшие предпосылки банкротства идеологии военной агрессии	315
1. Реакционность и авантюризм военной программы монополистической буржуазии США	—
2. Превосходство социалистической военной организации над военной машиной империализма	328
3. Военно-технический прогресс и проблема достижения военного превосходства	339
Заключение	357

Всеволод Михайлович Кулаков
ИДЕОЛОГИЯ АГРЕССИИ

●
 Редактор *Зарубин А. И.*
 Литературный редактор *Яковлева Г. П.*
 Технический редактор *Зудина М. П.*
 Обложка художника *Карпикова И. И.*
 Корректор *Жильцова Т. В.*

●
 Г-63796.
 Сдано в набор 10.6.69 г. Подписано к печати 16.4.70 г.
 Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 11¹/₂ печ. л. = 19,32 усл. печ. л.
 19,608 уч.-изд. л.
 Бумага типографская № 1. Тираж 15 000 экз.
 Цена 1 руб. 39 коп.
 Изд. № 1/7741. Зак. № 809.

●
 Ордена Трудового Красного Знамени
 Военное издательство Министерства обороны СССР.
 Москва, К-160
 1-я типография Воениздата
 Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Кулаков В. М.

К-90 Идеология агрессии. М., Воениздат, 1970.

368 с., 15 000 экз., 1 р. 39 к.

В книге раскрывается история возникновения и развитие идеологии американского империализма после второй мировой войны. На основе обширного фактического материала показывается процесс милитаризации экономики и духовной жизни США, реакционность и агрессивность их внутренней и внешней политики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

1р. 39к.

ИДЕОЛОГИЯ АГРЕССИИ

